

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскагó Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ I.

Fascicule I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

sous la Rédaction de la Ctesse Ouwaroff.

МОСКВА.

1888.

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ I

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5
1888

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1888 г.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Его Императорскому Величеству

Государю Императору

Александру Александровичу

съ чувствомъ безпредѣльной преданности

и глубочайшей благодарности

Московское Археологическое Общество.

les objets identiques à ceux de Tchegem et Balkar
~~les types des objets sont souvent~~ ont été souvent trouvés dans les nécropoles de la Digorie à Komounta et Kambylta.
~~ceux des objets~~ voir aussi T. XIX fig. 4. un anneau de bronze avec 7 têtes d'oiseaux d'~~un~~ un travail grossier. Dans la coll. Olchewski on trouve le même anneau avec 7 têtes d'oiseaux mais d'un meilleur travail (Chantre pl. XVII n° 9). Une pendeloque analogue mais avec 3 têtes de Tchegem table XXIV fig 24. la pendeloque fig. 21 avec 4 têtes d'oiseau est encore plus intéressante car au milieu de cette pendeloque il y avait une ~~un~~ plaque de verre bombée qui se trouvait aussi ~~à~~ la pendeloque 24. A Komounta une pendeloque analogue avec un grenat. (Chantre T. III pl. XIX n° 8.)

— France. childéric
— allemagne ?. voir Lindenschmidt.
— Hongrie — voir Hampel. nos travaux.
— Roumanie ?.
— Russie. crimée — Novi Kor. (argent) —
commission Imp. ~~Ermitage~~ (argent) avec fibule à rayons.
Ermitage décrit. or et pierreries —
Caucase — celle de Grempler —
celle figurée dans les Missions au Caucase* T. XXIV. fig. 34 et 35.
les objets 24 et 21 sont ornés de têtes d'oiseaux à bec crochu (analogues à ceux de Rothke [illegible])

nécropole de Tchegem (caucase du nord) arrondissement de Tersk †
ces objets doivent être au musée historique. Ils proviennent de la collection de Mme Ouvarov.

† cette contrée était habitée par les Ossètes avant l'invasion ~~turque~~ qui est récente. M. Miller la fixe vers le XIVe siècle.

* vol. I. arrondissement de Tersk. Excursion mission archéologique de Vsevolod Miller.

Отъ Редакціи.

Съ именемъ Кавказа соединено столько древнѣйшихъ преданій азіатскихъ и европейскихъ народовъ; его исторія на столько связана съ исторіей человѣчества, начиная съ эпохи Ассирійцевъ, древнихъ Персовъ, Грековъ, Византіи, Арабовъ, Армянскаго и Грузинскаго царства—и кончая новѣйшей исторіей Персіи, Турціи и Россіи; въ его предѣлахъ живетъ такъ много различныхъ племенъ, отчасти родственныхъ народностямъ Востока и ближайшихъ частей Европейской Россіи, отчасти совершенно отличныхъ по языку, типу и культурѣ,— что научное изученіе Кавказа, его археологіи, исторіи и этнографіи, должно еще долго привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и можетъ обѣщать богатые результаты для различныхъ областей исторіи и языкознанія.

Къ участію въ такомъ изученіи уже давно приступили европейскіе ученые: еще въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія Кавказскій край былъ предметомъ изслѣдованій Палласа, Гмелина, Гюльденштедта, Клапрота и другихъ, большей частью по порученію Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ. Многіе путешественники иностранцы: Дюбуа де Монперэ (Dubois de Montpéreux), Оммэръ (Hommaire de Hell), Гамба, Кохъ, М. Вагнеръ, Фавръ, Абихъ и друг. содѣйствовали не мало и въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ разъясненію геологіи, географіи, этнографіи и археологіи Кавказа. Тѣмъ не менѣе, что касается историко-археологическаго, лингвистическаго и этнографическаго изученія, то всѣ вышепомянутыя изслѣдованія были скорѣе развѣдками, намѣчавшими вопросы и задачи для дальнѣйшихъ розысканій. Лишь съ тѣхъ поръ какъ зами-

реніе Кавказа сдѣлало его болѣе доступнымъ изученію, и когда за это изученіе принялись мѣстные дѣятели изъ русскихъ или изъ поселившихся въ краѣ иностранцевъ — стала возможна болѣе обстоятельная и систематическая разработка научнаго матеріала, представляемаго этимъ краемъ.

Послѣдовательное созданіе такихъ учрежденій, какъ Военно-народное управленіе горскихъ народовъ, Кавказскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, Кавказскій Статистическій Комитетъ, Коммиссія по изданію древнихъ актовъ, касающихся Кавказа, Общество любителей кавказской Археологіи и друг., въ ряду которыхъ, въ послѣднее время, слѣдуетъ особенно отмѣтить дѣятельность управленія Кавказскимъ учебнымъ Округомъ,— было важнымъ шагомъ въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній о Кавказѣ, его народностяхъ и его исторіи.

Что касается спеціально археологіи края, то починъ въ ея научномъ изученіи принадлежитъ генералу Бартоломею (относительно нумизматики), Д. З. Бакрадзе (относително церковной археологіи), Ф. Байерну и Г. Д. Филимонову (относително доисторическихъ древностей).

Новое оживленіе было внесено въ разработку кавказской археологіи графомъ А. С. Уваровымъ по случаю бывшаго въ Тифлисѣ въ 1881 году V Археологическаго съѣзда. Избранный предсѣдателемъ подготовительнаго комитета съѣзда, графъ Уваровъ вступилъ въ сношенія со многими дѣятелями какъ въ Европейской Россіи, такъ и на Кавказѣ, организовалъ цѣлый рядъ систематическихъ раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края, предпринялъ лично нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ, пріобрѣлъ значительныя коллекціи древностей и вообще принялъ всѣ мѣры къ успѣшному осуществленію археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. На засѣданіяхъ съѣзда было сдѣлано множество сообщеній по различнымъ видамъ кавказскихъ древностей, возбуждено много новыхъ археологическихъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ должно было составить задачу будущихъ изслѣдованій. Графъ Уваровъ раздѣлялъ мысль, что Тифлисскій археологическій съѣздъ долженъ былъ начать новую эру въ изслѣдованіи Кавказскихъ древностей и въ этомъ убѣжденіи еще не задолго до преждевременной кончины заботился о снаряженіи на Кавказъ новыхъ экспедицій.

Императорское Московское Археологическое Общество, слѣдуя пути, намѣченному его покойнымъ основателемъ, считало своимъ долгомъ продолжать начатое систематическое изслѣдованіе кавказскихъ древностей. Признавая важное значеніе за изслѣдованіемъ доисторическихъ памятниковъ края, Общество вмѣстѣ съ тѣмъ обратило еще бóльшее вниманіе на тѣ памятники старины, которые относятся ко временамъ историческимъ и особенно на памятники древне-христіанской эпохи. Давно уже стало извѣстно, что на западномъ побережьи Кавказа, въ Абхазіи, а также въ Сванетіи, Арменіи, Грузіи и другихъ мѣстностяхъ, встрѣчаются развалины древнихъ Христіанскихъ храмовъ, древнія христіанскія гробницы и различные предметы византійскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ древнихъ храмовъ были описаны, но множество ихъ ждетъ еще изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что такіе же древніе памятники христіанства оказались и въ недавно пріобрѣтенной отъ Турціи Карской области. Изслѣдованіе этихъ древнихъ слѣдовъ христіанства на Кавказѣ обѣщало пролить новый свѣтъ какъ на одну изъ малоизвѣстныхъ эпохъ исторіи Кавказа, такъ, отчасти, и на одну изъ эпохъ христіанской церкви и Византійскаго искусства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждая вопросъ объ изслѣдованіи доисторической археологіи Кавказа, Московское Археологическое Общество пришло къ заключенію, что было бы желательно и полезно для дѣла связать это изслѣдованіе съ изученіемъ такъ называемыхъ Чудскихъ древностей восточной Россіи.

Эпоха преобладанія бронзовыхъ издѣлій въ кавказскихъ могильникахъ представляетъ нѣкоторыя аналогіи съ эпохой преобладанія мѣдныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ южной Сибири и Приуральскомъ краѣ, при чемъ возможно намѣтить даже сходство въ типахъ нѣкоторыхъ предметовъ кавказской и восточно-русской бронзовой культуры. Есть полное основаніе предполагать, что археологическое изслѣдованіе восточныхъ губерній Россіи можетъ, не менѣе чѣмъ изслѣдованіе Кавказа, сопровождаться важными результатами для уясненія культурныхъ теченій древнѣйшихъ временъ и спеціальнаго вліянія культуры Приуралья на европейскую Россію.

Поставленная такимъ образомъ задача требовала однако отъ Московскаго Археологическаго Общества затраты средствъ, далеко

превышавшихъ имѣвшіяся въ его распоряженіи. Поѣздка членовъ Общества и другихъ изслѣдователей на Кавказъ и на Уралъ съ учеными цѣлями въ сопровожденіи, по мѣрѣ надобности, фотографовъ и рисовальщиковъ, произведеніе раскопокъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, собираніе коллекцій и затѣмъ изданіе отчетовъ съ необходимыми рисунками и таблицами—все это вызывало весьма значительные расходы, для покрытія которыхъ Общество не могло располагать своими собственными средствами. Мало основаній было разсчитывать и на частныя пожертвованія.

Эти матеріальныя затрудненія, по всей вѣроятности, заставили бы общество отказаться отъ большей части задуманныхъ имъ предпріятій, если бы Его Величеству Государю Императору не было благоугодно, въ отвѣтъ на ходатайство предсѣдателя Общества, милостиво осчастливить Общество дарованіемъ двадцати пяти тысячъ рублей на изученіе древностей Кавказа и восточныхъ губерній и на изданіе результатовъ такого изученія.

Столь милостивое вниманіе Августѣйшаго Покровителя Московскаго Археологическаго Общества дало послѣднему возможность направить къ осуществленію намѣченныхъ цѣлей не только трудъ его ближайшихъ членовъ, но и привлечь къ тому же дѣлу нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, особенно членовъ Казанскаго Общества Исторіи и Археологіи, которые, работая уже много лѣтъ надъ древностями своего края, успѣли собрать многіе важные матеріалы, остающіеся неописанными за недостаткомъ средствъ. Явилась вмѣстѣ съ тѣмъ возможность организовать одновременно рядъ экспедицій, отчасти по заранѣе намѣченному плану, отчасти сообразуясь съ обстоятельствами и наличнымъ числомъ изслѣдователей. Такія экспедиціи начались лѣтомъ 1886 года, продолжались въ лѣтнія каникулы слѣдующихъ двухъ годовъ и, вѣроятно, будутъ организованы въ слѣдующіе года, при чемъ отдѣльныя экспедиціи послѣдовательно продолжаютъ дѣло предшествующихъ, расширяя мало по малу затронутый ими районъ. Благодаря этимъ экспедиціямъ собраны Обществомъ уже значительные матеріалы какъ по христіанскимъ и первобытнымъ памятникамъ Кавказа, такъ и по доисторической археологіи Восточныхъ губерній. Не имѣя притязаній свести въ одно цѣлое всѣ археологическія данныя, собранныя до сихъ поръ въ подвергавшихся изслѣдованію

областяхъ, Московское Археологическое Общество намѣрено ограничиться только изданіемъ результатовъ трудовъ своихъ членовъ и лицъ, привлеченныхъ къ содѣйствію его цѣлямъ. Эти результаты имѣютъ, такимъ образомъ, характеръ матеріаловъ, но болѣе или менѣе освѣщенныхъ научнымъ ихъ изученіемъ и могущихъ послужить необходимымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ разысканій въ обширной области археологіи нашего отечества.

Первый выпускъ „Матеріаловъ“ содержитъ археологическія экскурсіи В. Ѳ. Миллера въ Терской области.

Въ дальнѣйшихъ, изготовляемыхъ къ печати, выпускахъ будутъ помѣщены отчеты о поѣздкахъ другихъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества въ Кубанскую область, Черноморскій округъ и разныя мѣстности Кутаисской губерніи и Карской области.

Представляя Императорскому Археологическому Обществу отчетъ о поѣздкѣ съ археологической цѣлью, предпринятой нами въ Терскую область лѣтомъ 1886 года, считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ для поясненія характера нашей работы.

Въ инструкціи, данной намъ Обществомъ, было поставлено на первый планъ собираніе свѣдѣній о монументальныхъ остаткахъ древняго христіанства въ посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ Терской области. То немногое, что въ этомъ отношеніи представляютъ Чечня, Осетія и горныя части Кабарды, должно было примкнуть къ изученію несравненно болѣе богатаго матеріала по древне-христіанскимъ сооруженіямъ, представляемаго восточнымъ побережьемъ Чернаго моря, куда въ томъ же году была отправлена главная экспедиція Общества.

Въ виду этого, при распредѣленіи по мѣстностямъ собраннаго нами археологическаго матеріала, мы сочли нужнымъ въ каждой главѣ поставить на первое мѣсто свѣдѣнія о монументальныхъ остаткахъ древняго христіанства, какъ бы послѣдніе ни были скудны.

Далѣе, согласно инструкціи, мы должны были посѣщать древніе могильники, предпринимать въ нихъ пробныя раскопки, на сколько позволяло время, для опредѣленія характера погребенія, отмѣчать и зарисовывать все интересное въ археологическомъ отношеніи, встрѣчавшееся на пути, записывать мѣстныя преданія, связанныя съ тѣмъ или другимъ памятникомъ, и вообще собирать всякія свѣдѣнія, имѣющія значеніе для уясненія прошлаго посѣщенныхъ нами частей сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что время, которымъ мы могли располагать, ограничивалось лишь двумя мѣсяцами — іюнемъ и іюлемъ — мы должны были, чтобы употребить его съ наибольшей пользой, подробно обдумать свой маршрутъ, принявъ во вниманіе все уже ранѣе извѣстное по археологіи Терской области, а также мѣстныя условія — разстоянія, средства для переѣздовъ, состояніе дорогъ и т. п.

При обсужденіи маршрута согласно съ этими условіями, мы составили планъ 3-хъ экскурсій изъ Владикавказа, которыя могли быть совершены въ предѣлахъ 6-ти недѣль. Цѣлью первой экскурсіи выбрана была горная Чечня, какъ всего менѣе извѣстная въ археологическомъ отношеніи часть Терской

области. Вторая экскурсія была направлена въ ту часть Осетіи, — ущелья Фіагдона и Гизельдона, — въ которой прежними путешественниками были отмѣчены, но не описаны, нѣкоторыя древне-христіанскія святыни. Наконецъ, 3-я экскурсія была предпринята въ горныя части Кабарды, въ мѣста, нѣкогда населенныя Осетинами, а въ настоящее время горскими обществами тюркскаго происхожденія.

Такимъ образомъ, часть Терской области, посѣщенная нами въ 1886 году, доходитъ, какъ видно изъ приложенной карты, на востокѣ до рѣки Аргуна, на западѣ до рѣки Черека. Впрочемъ, въ виду того, что ущелье Черека населяетъ та-же тюркская народность, которая живетъ далѣе на западѣ въ ущельяхъ Чегема и Баксана, мы сочли удобнымъ, при описаніи экскурсіи 1886 года, воспользоваться въ видѣ дополненія археологическими замѣтками изъ нашей поѣздки въ оба послѣднія ущелья, предпринятой лѣтомъ 1883 года.

Конечно, этими тремя экскурсіями далеко не исчерпанъ археологическій интересъ посѣщенныхъ нами мѣстностей. Въ какіе-нибудь 40 дней, изъ которыхъ притомъ нѣкоторые, вслѣдствіе дождей, лишившихъ насъ возможности предпринимать раскопки и совершать переѣзды по горнымъ тропинкамъ, прошли безъ пользы, безъ сомнѣнія, нельзя во всѣхъ деталяхъ изучить то значительное пространство, которое намъ пришлось объѣхать. Но мы надѣемся, что все наиболѣе интересное въ археологическомъ отношеніи, встрѣчавшееся по нашему пути, было нами отмѣчено, и позволяемъ себѣ смотрѣть на наши экскурсіи, какъ на *развѣдочныя,* которыя знакомятъ въ главныхъ чертахъ съ археологическими памятниками посѣщенныхъ нами частей Чечни, Осетіи и горной Кабарды и содержатъ указанія для дальнѣйшаго болѣе подробнаго изученія названныхъ областей сѣвернаго Кавказа.

Рисунки, иллюстрирующіе наше описаніе памятниковъ, были сдѣланы на мѣстахъ покойнымъ студентомъ Института инженеровъ-строителей З. П. Тулинцевымъ, приглашеннымъ нами въ Владикавказѣ къ участію въ нашихъ экскурсіяхъ въ горы. Рисунки съ вещей, представленныхъ на таблицахъ, изготовлены художникомъ В. Д. Суховымъ; фототипіи—заведеніемъ гг. Шерера и Набгольца. Въ теченіе всѣхъ экскурсій нашимъ помощникомъ былъ студентъ Московскаго университета Н. Н. Харузинъ, которому мы обязаны искренней признательностью за его усердные труды.

Считаемъ также пріятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность членамъ Кавказской администраціи—г. бывшему начальнику Терской области, генералу Е. К. Юрковскому, г. вице-губернатору Г. Х. Якобсону и гг. начальникамъ округовъ Владикавказскаго, Грозненскаго, Аргунскаго и Пятигорскаго за любезное содѣйствіе, оказанное ими экспедиціи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Всев. Миллеръ.

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ

д. ч. Всев. Миллера.

I.

Археологическія наблюденія въ области Чеченцевъ.

Цѣль экспедиціи. Слѣды древняго христіанства въ Чечнѣ. Религіозные обряды чеченцевъ. Святыни. Амгали. Тушоли. Галіерды. Албіерды. Аушаселъ. Кресты. Развалины храма Тхаба-ерды. Народное повѣрье объ исполинской кости. Народные обряды, справлявшіеся въ Тхаба-ерды. Развалины близъ аула Галанчоджъ. Преданіе о Фиренгахъ и монастырѣ. Мизръ-богу. Священная роща. Преданіе о происхожденіи озера Галанчоджъ. Чеченскіе могильники. Надземныя усыпальницы. Предметы въ нихъ находимые. Различные виды *кашей*. Могильные склепы. Устройство ихъ и предметы въ нихъ находимые. Памятные столбы. Памятникъ близь аула Воуги. Башни близъ Шатоевскаго укрѣпленія. Развалины замка близъ аула Туркали. Башня въ аулѣ Хайбахѣ. Курганы.

Населеніе Чеченскаго племени, распадающееся на множество мелкихъ обществъ, занимаетъ обширное пространство въ Терской области въ округахъ: Владикавказскомъ, Аргунскомъ, Веденскомъ, Хасавъ-юртовскомъ и Грозненскомъ. Археологическому изслѣдованію, предпринятому нами въ іюнѣ 1886 г., подверглась не вся обширная территорія, населенная Чеченцами, а западная и южная часть ея, именно пространство между Сунжей на *сѣверѣ*, Аргуномъ и его притокомъ Чанты-Аргуномъ на *востокѣ* и *югѣ*, и Терекомъ на *западѣ*. Главное вниманіе было обращено на южную, горную часть этого пространства, въ виду того, что она особенно богата памятниками старины *).

*) Маршрутъ, которымъ слѣдовала экспедиція, былъ слѣдующій: Изъ Владикавказа чрезъ станицы Назрановскую, Карабулакскую, Слѣпцовскую, Михайловскую, Самашкинскую, Заканъ-юртовскую, Алханъ-юртовскую въ крѣпость Грозную; отсюда на югъ чрезъ укрѣпленія Воздвиженское и Аргунское въ укрѣпленіе Шатоевское; отсюда на югозападъ чрезъ аулы Нихалой, Барзой, Мазарой въ общество Нашхой, въ аулъ Хайбахъ; отсюда на югозападъ въ аулъ Галанчоджъ и далѣе на югъ въ аулъ Воуги; отсюда на югозападъ южнѣе хребта Царойламъ въ аулы Цоринскаго общества; отсюда чрезъ аулы Ніюй, Пеленгъ въ аулъ Хайрыхъ въ Галгаѣ; отсюда чрезъ аулы Хамхи, Таргинъ, Картъ, Хули, Агенты, Арзи въ аулъ Койрахъ; отсюда на сѣверо-западъ чрезъ Мецхали въ аулъ Фортоугъ и за-

Главной цѣлью экспедиціи было изысканіе слѣдовъ древняго христіанства, которое нѣкогда, подъ вліяніемъ Грузіи, было распространено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чечни и затѣмъ, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, мало по малу заглохло, уступивъ мѣсто мусульманству, распространившемуся среди Чеченцевъ лѣтъ полтораста тому назадъ. Преслѣдуя эту главную цѣль, экспедиція однако обращала вниманіе и на другіе памятники старины, разсѣянные въ изобиліи особенно въ горной части изслѣдуемаго края. Вообще, памятники старины, обращавшіе на себя наше вниманіе, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Остатки древнихъ христіанскихъ церквей. 2) Башни, встрѣчающіяся въ значительномъ числѣ почти во всѣхъ горныхъ чеченскихъ аулахъ. 3) Могильники съ могильными памятниками разныхъ типовъ, и 4) памятные столбы, сооруженные при дорогахъ. Мы начнемъ наше описаніе съ памятниковъ древняго христіанства, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о слѣдахъ христіанскаго культа, сохраняющихся кое гдѣ до сихъ поръ въ обрядахъ и повѣрьяхъ Чеченцевъ и Ингушей *).

О внесеніи христіанства изъ Грузіи свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, нѣкоторыя данныя въ чеченскомъ языкѣ; такъ по чечеңски *недѣля* называется *кирэ* (груз. квирэ), а воскресенье *кириндэ*—т. е. недѣльнымъ днемъ; *пятницу* Чеченцы называютъ *пéреска* (Ингуши), груз. параскéви, словомъ, въ которомъ нетрудно узнать греч. παρασκευή; *постъ* они называютъ именемъ, заимствованнымъ съ грузинскаго, *марха* (груз. мархва), субботу — словомъ шуатта (груз. шапати), восходящимъ къ еврейскому названію этого дня; чеченское названіе креста *джаркъ*, вѣроятно, восходитъ къ грузинскому *джвари* и др. Что касается христіанскихъ обрядовъ, то и они сохранились еще кое-гдѣ въ захолустныхъ мѣстахъ въ видѣ глухихъ и искаженныхъ отголосковъ, исчезающихъ все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ мусульманскаго духовенства. Такъ мѣста, нѣкогда освященныя христіанствомъ, еще до сихъ поръ пользуются суевѣрнымъ уваженіемъ, особенно среди стариковъ и женщинъ. Культъ, совершаемый въ подобныхъ мѣстахъ, заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Въ извѣстное время, преимущественно лѣ-

---

тѣмъ на сѣверъ по правому берегу Терека мимо Джераховскаго укрѣпленія и станціи Балты во Владикавказъ.

*) Предки Ингушей выселились изъ горъ, изъ Галгаевскаго общества въ Тарскую долину и поселились на р. Ангишъ, впадающей въ р. Камбилеевку. Получивъ названіе отъ рѣки, они въ 1830 году переселились изъ Тарской долины къ р. Назрань, впадающей въ Сунжу и получили названіе Назрановцевъ. Языкъ Ингушей представляетъ только говоръ чеченскаго языка.

томъ, семьи, составляющія одно общество, варятъ пиво, приготовляютъ въ большомъ количествѣ треугольныя небольшія лепешки, выбираютъ барановъ и отправляются справлять праздникъ къ своей родной святынѣ, обыкновенно къ развалинамъ христіанской церкви или часовни. Во главѣ процессіи идетъ старикъ, одѣтый обязательно въ бѣлую одежду. Въ рукахъ онъ держитъ шестъ съ колокольчиками и бѣлымъ знаменемъ. За нимъ идутъ женщины, которыя поютъ особый припѣвъ *уоллай*. Процессія обходитъ святыню, при чемъ нѣкоторые ставятъ въ извѣстномъ мѣстѣ зажженныя восковыя свѣчи. Кланяясь святому мѣсту, чеченцы обязательно снимаютъ съ головы папаху. Передъ началомъ пиршества старики произносятъ молитвы, въ которыхъ просятъ Бога объ урожаѣ полей, приплодѣ скота и всякомъ благоденствіи. Торжество кончается пирушкой, продолжающейся до поздней ночи.

Священныя мѣста, около которыхъ совершался, а иногда и теперь совершается, описанный культъ, встрѣчаются весьма часто близъ посѣщенныхъ нами ауловъ. Такъ, близъ аула Арзи, Мецхальскаго общества, 4-го участка Владикавказскаго округа, на горѣ, на полянкѣ среди лѣса, есть мѣсто, называемое Амгали, куда лѣтомъ отправляются съ приношеніемъ женщины, подъ предводительствомъ одѣтаго въ бѣломъ старика. Недалеко оттуда близъ аула Мохде находятся остатки небольшаго каменнаго зданія, называемаго Тушоли, длиною въ 11 и шириною въ 6 шаговъ.

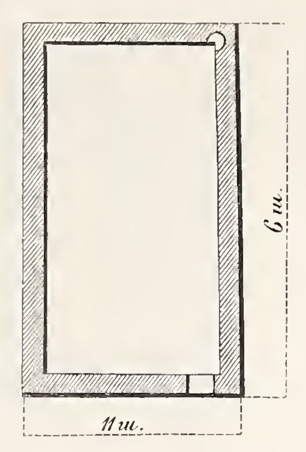

Рис. 1. Планъ святилища Тушоли.

Сюда приводятъ мѣстные жители лѣтомъ барановъ для жертвоприношенія. Самымъ священнымъ мѣстомъ въ развалинахъ считается уголъ на восточной сторонѣ. Сюда кладутъ пули, ставятъ восковыя свѣчи, сосуды съ пивомъ и т. п. Названіе Тушоли прилагается и ко многимъ другимъ священнымъ мѣстамъ близъ ауловъ: каждое общество, повидимому, имѣло свой *тушоли*.

Одно изъ наиболѣе интересныхъ зданій священнаго характера стоитъ въ развалинахъ близъ хутора (юрта) Агенты. Эта небольшая постройка, сложенная изъ камней на глинѣ, вымазанная снаружи и внутри известью съ низкой односкатной шиферной крышей. Длина не превышаетъ $5^1/_2$, ширина $3^1/_2$ метровъ. Внутренность домика раздѣлена двумя арками на 3 равныя части, представляющія какъ-бы алтарь, храмъ и притворъ христіанской церкви. У стѣны отдѣленія,

соотвѣтствующаго алтарю, стоитъ своеобразнаго вида каменная плита съ двумя небольшими нишами одна надъ другой, наводящими своей формой на мысль, что въ нихъ стояли нѣкогда иконы, такъ что плита представляла миніатюрный иконостасъ или точнѣе кивотъ. Близъ зда-

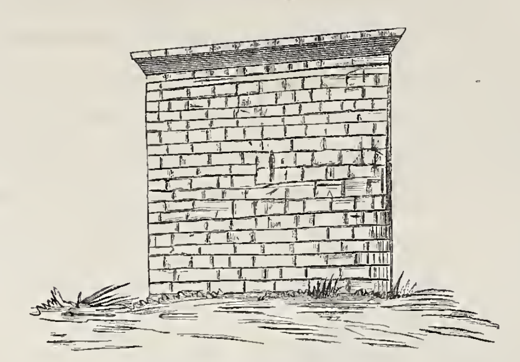

Рис. 2. Наружный видъ святилища Галіерды.

Рис. 3. Внутренній видъ святилища Галіерды.

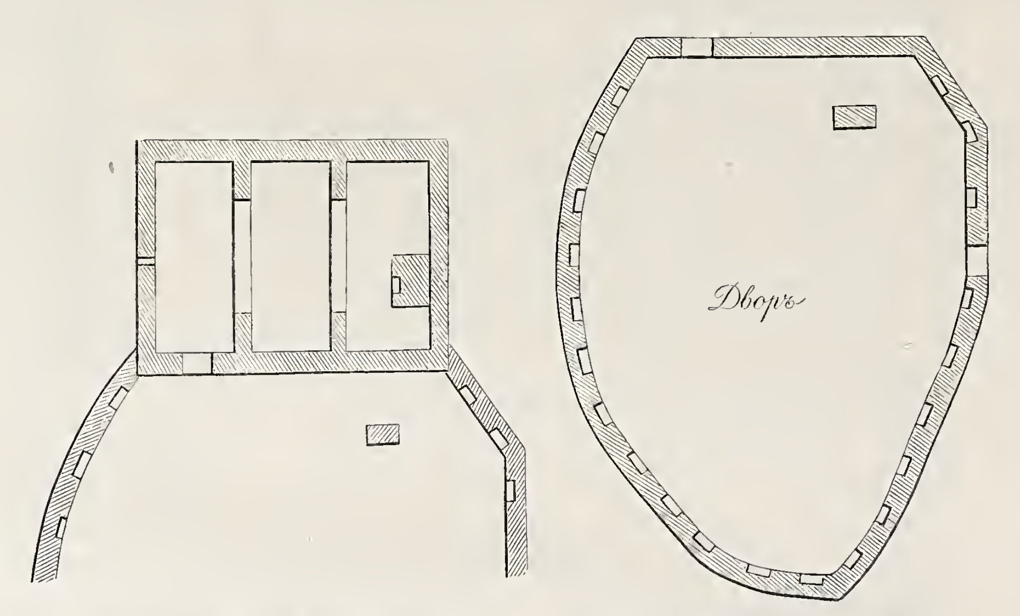

Рис. 4. Планъ святилища Галіерды.

Рис. 5. Дворъ святилища Галіерды.

нія на стѣнѣ сложены приношенія охотниковъ—оленьи рога въ огромномъ количествѣ. Зданіе окружено каменной оградой, аршина въ 2 вышины, образующей неправильный овалъ. По всей внутренней сторонѣ ограды устроены небольшія ниши, отдѣленныя одна отъ другой промежуткомъ въ $^1/_2$ аршина; внизу у стѣны, подъ каждой нишей, лежитъ удобный для сидѣнья плоскій камень.

По сообщенію мѣстныхъ жителей, лѣтомъ въ опредѣленный день,

когда ходятъ къ Галіерды (такъ называется это святилище), каждый отецъ семейства садится на камнѣ близъ своей ниши, въ которую кладутъ жертвоприношенія. Такимъ образомъ вокругъ всей ограды размѣщаются справляющіе праздникъ домохозяева, при чемъ каждый знаетъ свое мѣсто. Какъ слѣды справляемыхъ въ Галіердѣ жертвенныхъ пирушекъ сохраняются въ зданіи *шомпоры* (вертелы для изготовленія шашлыковъ) и черепки стеклянной и глиняной посуды.

Несомнѣнные остатки христіанскаго храма представляетъ также зданіе, извѣстное подъ именемъ *Албіерды* и находящееся противъ аула Таргинъ на другой сторонѣ р. Асси. Это небольшое сооруженіе въ

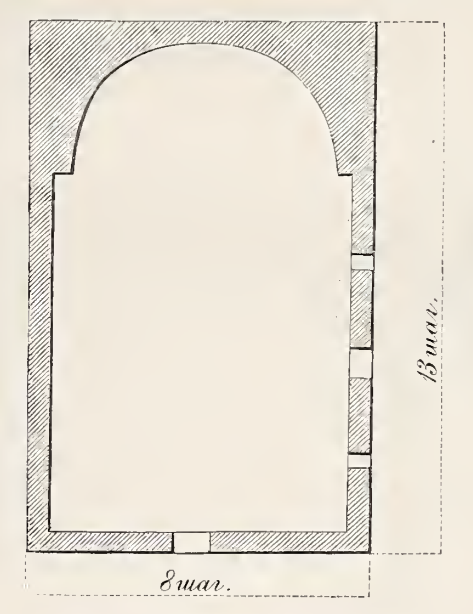

Рис. 6. Планъ святилища Албіерды.

Рис. 7. Окно святилища Албіерды.

видѣ прямоугольника, котораго длина не превышаетъ 13, а ширина 8 шаговъ. Крыша давно провалилась и засыпала внутренность зданія. На восточной сторонѣ внутри видны слѣды алтарнаго абсида и окно съ полукруглымъ сводомъ; въ южной стѣнѣ продѣланы 2 окна и между ними низкая и широкая дверь; на западной сторонѣ высоко виднѣется окно, сѣверная стѣна глухая. По свидѣтельству туземцевъ, въ этомъ зданіи справляли прежде *тушоль*, т. е. туда собирались окрестные жители, приносили жертвы и пировали.

Отъ Албіерды поклонники шли затѣмъ къ другому небольшому каменному сооруженію, напоминающему по формѣ обыкновенный чеченскій могильный памятникъ (кашъ), но украшенному оленьими рогами и имѣющему въ одной изъ стѣнокъ небольшую нишу, какъ бы вмѣсти-

лище иконы. Этотъ памятнпкъ называется у туземцевъ Аушаселъ. Съ боку онъ представляетъ видъ небольшаго домика съ двускатной шиферной крышей, длиною въ $4^1/_2$ и шириною въ 2 шага.

Мѣста сосѣднія съ двумя описанными памятниками освящены вообще преданіями христіанства. Такъ отъ Тушоли мѣстные жители ходили на гору Делите (*Дели* = Богъ — *те* = верхъ), на которой было нѣсколько священныхъ мѣстъ, а главное, самое святое,—на самомъ верху, гдѣ, по словамъ туземцевъ, еще на памяти стариковъ стояли желѣзные кресты. Слѣдуетъ отмѣтить, что близъ развалинъ святилища Тушоли замѣтны слѣды стариннаго, вѣроятно, современнаго ему, могильника.

Кресты, стоявшіе на вершинѣ Делите, не сохранились, но немалое

Рис. 8. Каменный крестъ близъ Нихалоя.

число крестовъ, встрѣченныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ Аргунскаго округа, служатъ до сихъ поръ нѣмыми свидѣтелями нѣкогда процвѣтавшаго здѣсь христіанства. Такъ, близъ аула Нихалоя, верстахъ въ 4 отъ Шатоевскаго укрѣпленія, близъ горы на полѣ, засѣянномъ кукурузой, стоитъ каменный грубой работы крестъ, вышиной около сажени.

Съ этимъ памятникомъ связано у туземцевъ суевѣрное убѣжденіе, что для произведенія перемѣны погоды его слѣдуетъ опрокинуть. Однако,

повидимому, такое убѣжденіе, судя по положенію креста, никогда не приводилось въ исполненіе. На многихъ древнихъ башняхъ въ Галгаѣ (напримѣръ, въ аулахъ Нюй, Пеленгъ, Таргинъ, Муручъ и др.) виднѣются высоко, нѣсколько ниже пирамидальныхъ крышъ, фигуры крестовъ, высѣченныхъ въ стѣнахъ. Въ башнѣ аула Хайбахъ (Нашхойскаго общества, Аргунскаго округа) мы замѣтили плиты съ крестами въ двухъ мѣстахъ. Одна плита своеобразной формы, образующая косякъ надъ дверью, теперь заложенной, представляетъ на верху грубо начертанную фигуру креста, а подъ ней орнаментъ, кончающійся по обѣимъ сторонамъ спиралями; другая плита, вдѣланная въ уголъ башни, на высотѣ приблизительно 3-хъ саженей отъ земли, покрыта грубыми изображеніями трехъ крестовъ, большого въ серединѣ и двухъ небольшихъ по бокамъ. Положеніе описанной плиты показываетъ, что она была, вѣроятно, взята съ христіанскаго могильника и употреблена какъ простой камень при построеніи башни *). Выше на сѣверѣ въ Большой Чечнѣ, по достовѣрному свидѣтельству, при входѣ въ Аргунское ущелье, близъ ауловъ Атага и Чахкери, на томъ мѣстѣ, гдѣ построена крѣпость Воздвиженская, найденъ былъ большой каменный крестъ, похожій формою на древній грузинскій, съ углубленіемъ для иконы. Отъ этой находки крѣпость и получила свое названіе.—Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда мусульманство еще не вытѣснило въ нѣкоторыхъ обществахъ Чечни древнихъ вѣрованій, путешественники отмѣчали тамъ и сямъ каменные и чугунные кресты, пользовавшіеся уваженіемъ у окрестнаго населенія. Такъ, Клапротъ, путешествовавшій по Кавказу между 1807 и 1809 годомъ, занесъ въ свой дневникъ замѣтку, что въ Галгаѣ на западѣ, при въѣздѣ въ ущелье недалеко отъ р. Асси, онъ видѣлъ въ крутомъ утесѣ пещеру *съ желѣзнымъ крестомъ*, къ которому населеніе ходило въ іюнѣ мѣсяцѣ **). Къ сожалѣнію, путешественникъ не даетъ точныхъ топографическихъ указаній и свѣдѣній о формѣ креста.

Другое упоминаніе о крестѣ, въ настоящее время уже не существующемъ, находимъ въ статьѣ „Десять лѣтъ на Кавказѣ" ***). Анонимный авторъ, проѣзжавшій близъ аула Цори въ 1851 году, сообщаетъ слѣдующее: „Невдалекѣ отъ деревни (Цори) на холмѣ стоялъ покрытый мхомъ большой крестъ, высѣченный изъ цѣльнаго камня. Цоринецъ (спутникъ автора) говорилъ, что предки ихъ были христіане,

---

*) См. далѣе, рис. 54 и 55.

**) Voyage au Caucase et en Géorgie. T. I. p. 403.

***) См. Современникъ 1854 г. т. XLVII, отд. V, стр. 41.

и крестъ этотъ поставленъ будто однимъ изъ предводителей послѣ побѣды надъ мусульманами".

Отмѣтимъ также, что въ запискахъ П. И. Головинскаго *) мы находимъ указаніе на три желѣзные креста, хранившіеся на горѣ Будуръ-Ламъ близъ аула Хули. Празднество въ честь крестовъ происходило между 10 и 14 іюня и было связано съ памятью о Тимичъ-ерды (св. Тимофеѣ). Послѣ молитвы жрецы предсказывали народу символически, каковъ для него будетъ годъ, именно: если жрецы вынимали изъ каменнаго хранилища всѣ три креста разомъ и показывали ихъ народу, то это означало, что годъ будетъ хорошій; если показывали два креста,—годъ посредственный; если только одинъ,—то народу будетъ плохо.

Отъ этихъ скудныхъ и одиночно стоящихъ памятниковъ христіан-

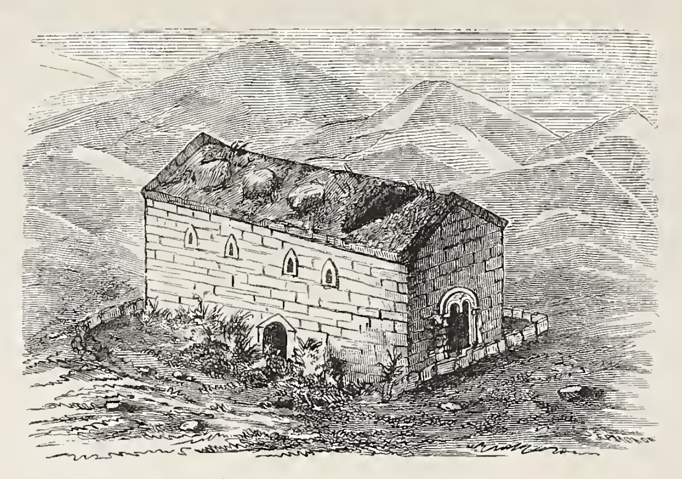

Рис. 9. Развалины церкви Тхаба-ерды.

ской старины перейдемъ къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ христіанскихъ сооруженій, къ древнему храму, извѣстному у Ингушей подъ именемъ Тхаба-ерды, т. е. *2 тысячи святыхъ*. Мѣстность для построенія этого храма была выбрана чрезвычайно удачно. Это небольшая равнина, въ которой сходятся нѣсколько горныхъ долинъ, образуемыхъ рѣкою Асси и ея мелкими притоками. Съ одной стороны равнины возвышаются горы, покрытыя до низу густымъ лѣсомъ, съ другой — ее замыкаютъ высокіе утесы причудливой формы. Съ пригорка, на которомъ расположена церковь и окружающій ее могильникъ, открывается чудный видъ во всѣ стороны и виднѣются башни ауловъ Хамхи

*) См. Сборн. Свѣд. о Терской области. Вып. I, стр. 353.

и Таргина, стоящихъ при рѣкѣ Ассѣ. Въ 300 шагахъ отъ храма, по ту сторону небольшаго ручья, лежитъ аулъ Хайрыхъ, Хамхинскаго общества, состоящій въ настоящее время не болѣе какъ изъ двухъ-трехъ саклей. Вся мѣстность эта представляется густо заселенной, и многочисленные слѣды могильниковъ показываютъ, что и въ отдаленныя времена въ этихъ мѣстахъ были значительныя поселенія. Объ этомъ же говоритъ и мѣстное преданіе, утверждающее, что въ Таргинѣ жили лучшія узденскія чеченскія фамиліи. Въ отдаленныя времена, по народной легендѣ, жило трое братьевъ въ аулѣ Эги-калэ. Когда родъ ихъ размножился, они раздѣлились и одинъ остался въ родовомъ аулѣ,

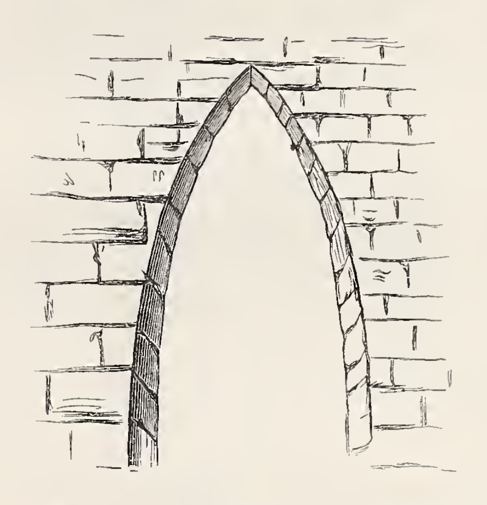

Рис. 10. Арка въ церкви Тхаба-іерды.

а два другихъ—Таргинъ и Хамхи—ушли и основали оба аула, носящіе ихъ имена.

Древній храмъ — Тхаба-ерды — представляетъ прямоугольное продолговатое зданіе небольшихъ размѣровъ, въ 17 метровъ длины и $7^1/_2$ ширины. Стѣны, сложенныя изъ тесаныхъ камней, отличаются отличной кладкой на извести и достигаютъ толщины 0,80 метр. Внутренность зданія раздѣлена тремя высокими остроконечно сведенными арками на 4 части.

Первая арка отдѣляетъ алтарь; двѣ арки приходятся на храмъ и трапезу, пространство между 3-й аркой и западной стѣной—соотвѣтствуетъ внутреннему притвору. Длина алтаря 4 м., 15 с. корабля и трапезы 8 м. 17 с., внутр. притвора—2 м. 10 с., такъ что длина всего храма внутри стѣнъ равняется 14 м. 42 с. Проходы между арками въ 2 м. 75 с.; толщина арокъ 65 с. Алтарный абсидъ представляетъ дугу въ 9 ме-

тровъ; алтарь лежалъ на 1 аршинъ выше храма, какъ замѣтно по насыпи и слѣдамъ ведшихъ въ алтарь ступеней; въ абсидѣ алтаря находится полукруглое сложенное изъ камней сопрестоліе, возвышающееся

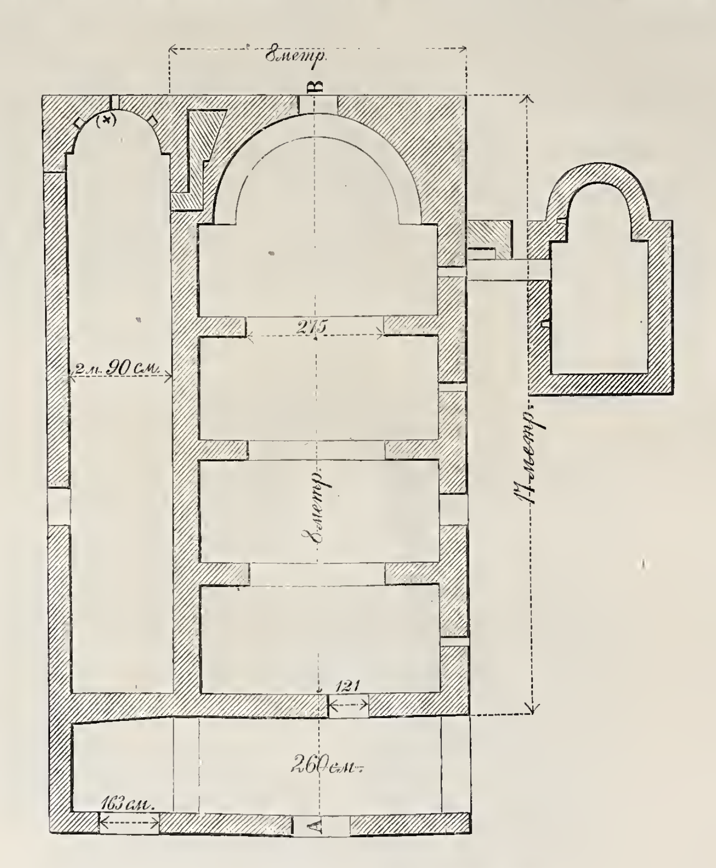

Рис. 11. Планъ церкви Тхаба-ерды.

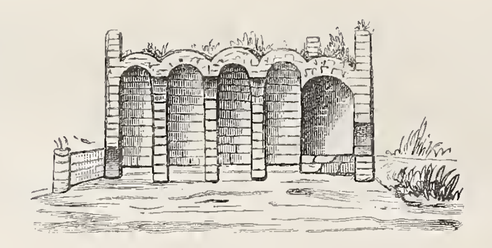

Рис. 12. Продольный разрѣзъ церкви Тхаба-ерды.

на аршинъ надъ алтарнымъ поломъ. Въ настоящее время полъ церкви засыпанъ землею на $^1/_2$ аршина слишкомъ и заваленъ камнями, упавшими сверху, но раскопка обнаружила, что церковь была выстлана плитами небольшихъ размѣровъ.

Обѣ двери, ведшія въ церковь, западная и южная, небольшихъ размѣровъ *), украшены плитами съ разнообразными орнаментами.

Рис. 13. Южная дверь церкви Тхаба-ерды.

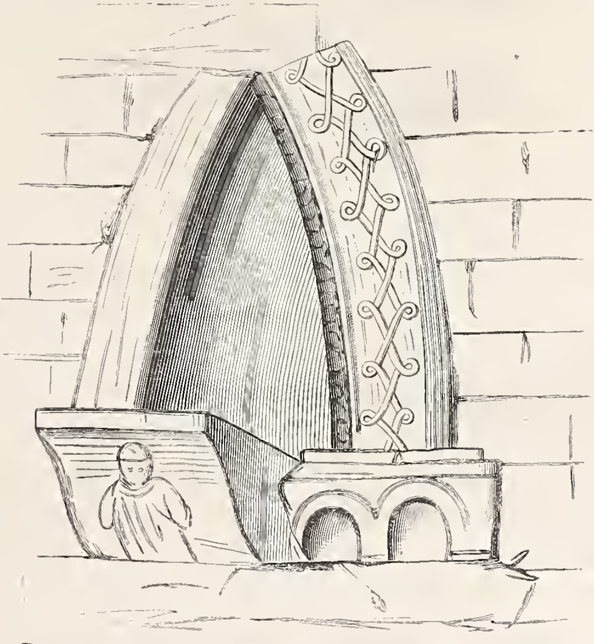

Рис. 14. Окно въ южной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

*) Ширина западной двери=1,21, вышина=2 м., ширина южной двери=82 с. высота=1,20 с.

На южной стѣнѣ, на высотѣ $2^{1}/_{2}$ саженей, виднѣются узкія окна въ видѣ продольныхъ съуживающихся кверху щелей, не болѣе $^{1}/_{4}$ аршина шириной.

Окно въ восточной стѣнѣ (алтарной) значительно шире и украшено плохо сохранившимися барельефами, на которыхъ можно различить изображеніе человѣка, борющагося со львомъ (Самсонъ?) и еще двѣ неопредѣлимыя фигуры.

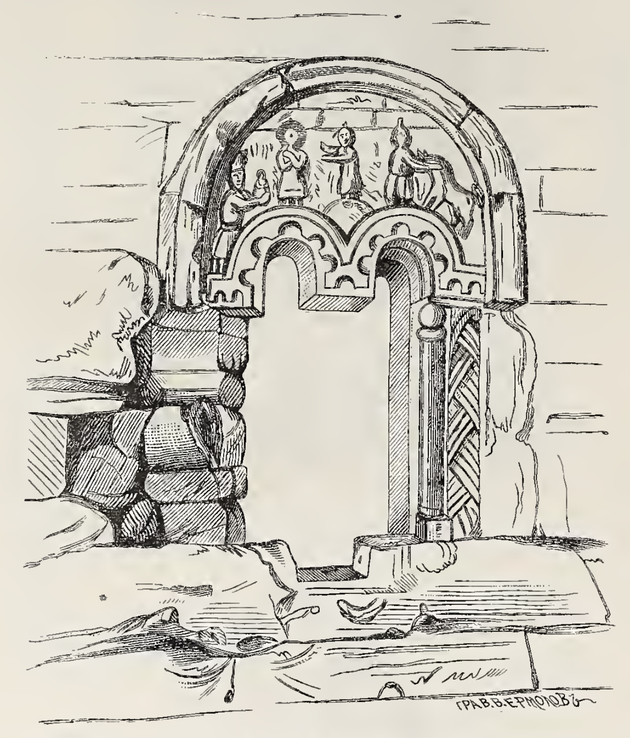

Рис. 15. Окно въ восточной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

Самый любопытный барельефъ сохранился на западной стѣнѣ надъ входной дверью. Въ пространномъ сферическомъ треугольникѣ, окруженномъ какъ бы выпуклою рамою (валикомъ) представлены въ серединѣ человѣкъ повидимому, сидящій на сѣдалищѣ, съ моделью церкви на головѣ; по бокамъ его двѣ стоящія фигуры—правая (отъ зрителя) держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ, а правую положила на рукоять меча; лѣвая фигура въ епитрахили и съ кистями винограда на плечахъ; около изображенія модели храма сбоку на плитѣ высѣчена рука, держащая наугольникъ; надъ правой фигурой съ крестомъ вдѣлана плита съ плохо сохранившейся грузинской надписью, и такая же надпись помѣщается съ лѣвой стороны, нѣсколько выше первой. Въ той же западной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ средняго барельефа, вдѣланы плиты съ изобра-

женіями двухъ ангеловъ; надъ барельефомъ—подъ конькомъ—еще плита съ неявственной человѣческой фигурою, съ рукою на рукояти меча *).

Всѣ барельефы чрезвычайно грубаго стиля, высѣчены очень глубоко (болѣе вершка) на мягкомъ камнѣ и сильно пострадали отъ времени. Плиты съ изображеніями человѣческихъ фигуръ и съ орнамен-

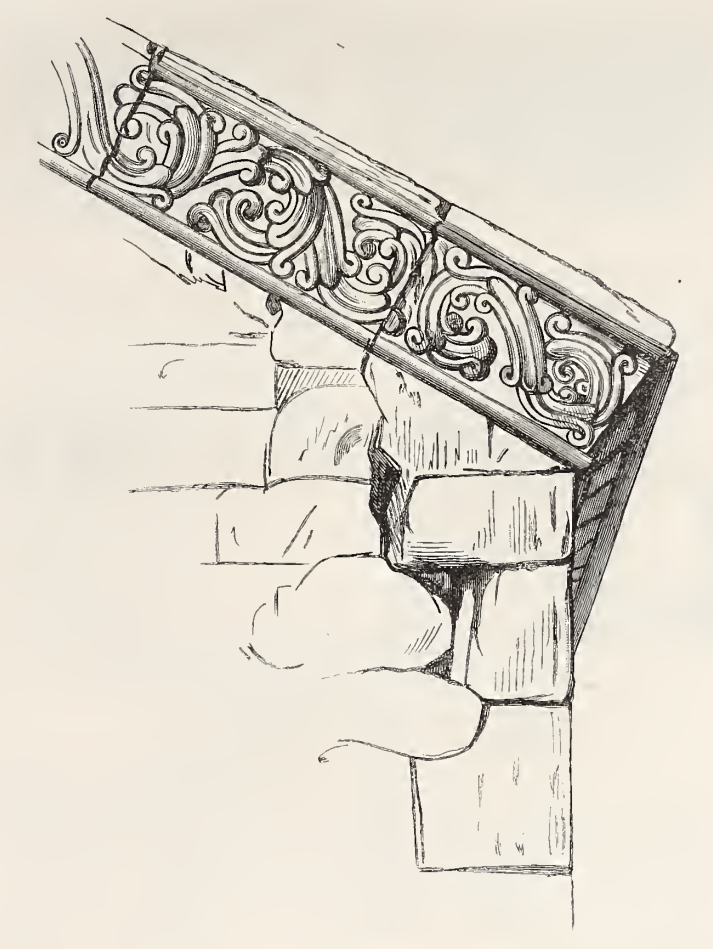

Рис. 16. Откосъ церкви Тхаба-ерды.

тами были, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, привезены изъ Грузіи готовыми, такъ какъ такого матеріала нѣтъ въ окрестностяхъ храма. Стѣны вѣнчаются откосомъ, покрытымъ изящными орнаментами, которые въ настоящее время представляются въ полномъ безпорядкѣ. Нужно замѣтить, что, по всей вѣроятности, храмъ въ верхнихъ своихъ частяхъ пришелъ въ разрушеніе въ теченіе времени, и мѣстные жители старались по мѣрѣ силъ поддерживать его, складывая упадавшіе камни

*) См. Табл. I.

и плиты, какъ попало. Такимъ образомъ, въ откосѣ помѣщались рядомъ двѣ плиты разнаго рисунка и нѣкоторые барельефы, безъ всякаго вниманія къ изображенію, очутились вдѣланными, какъ простые камни, въ верхнія части обрушившихся стѣнъ храма.

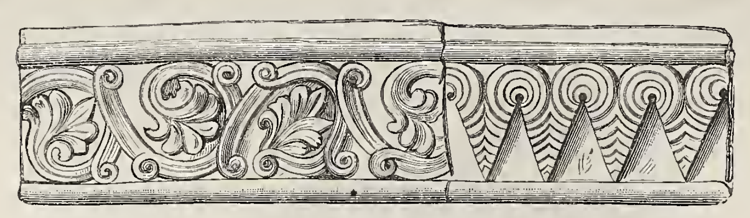

Рис. 17. Плиты съ барельефами въ откосѣ церкви Тхаба-ерды.

Такъ, на южной стѣнѣ, выше и ниже оконныхъ расщелинъ (также позднѣйшей формаціи), вдѣланы иногда вверхъ ногами плиты съ человѣческими и звѣриными фигурами.

Рис. 18, 19, 20, 21. Плиты съ рельефными изображеніями людей и животныхъ, вдѣланныя въ стѣны церкви Тхаба-ерды.

Вся ближайшая окрестность церкви усѣяна камнями и плитами, между которыми встрѣчаются барельефы.

Что касается покрытія церкви, то, судя по остаткамъ, видно, что оно состояло изъ трехъ сводовъ (1 надъ притворомъ, два — надъ храмомъ) и правильнаго полукруглаго свода надъ алтарнымъ полукружіемъ. Эти своды, частью обрушившіеся, поддерживали двускатную

крышу, вѣроятно покрытую черепицей, какъ можно заключить по множеству отдѣльныхъ кусковъ, попадающихся внутри церкви и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ. Барабанъ и куполъ не уцѣлѣли, но о ихъ существованіи можно заключить изъ модели храма, представляющей

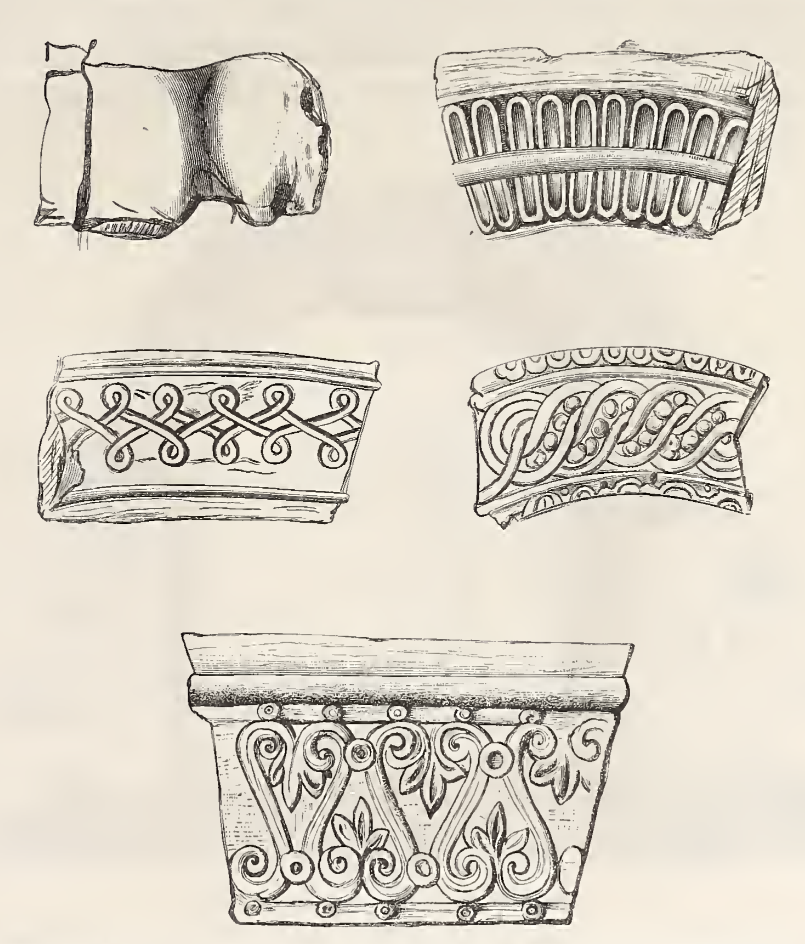

Рис. 22, 23, 24, 25, 26. Плиты съ орнаментами, лежащія въ окрестностяхъ церкви Тхаба-ерды.

обычный типъ грузинскихъ церквей. Съ западной стороны, параллельно съ храмомъ, тянется каменная невысокая (аршина въ 2) ограда, частью обрушившаяся, но представляющая еще остатки двухъ воротъ *), покрытыхъ полукруглой аркой изъ плитъ, украшенныхъ рельефными орнаментами.

На сѣверной сторонѣ храма былъ придѣлъ, отъ котораго сохранилось алтарное полукружіе, съ діаметромъ въ $2^1/_2$ метра (см. планъ). Шп-

*) Ширина пролетовъ 1 м. 63 с., разстояніе между воротами 3 м., длина ограды западн. стороны 12 м., разстояніе ограды отъ стѣны церкви 2,43 с.

рина лѣвой пристройки не превышаетъ 3-хъ метровъ; въ алтарномъ полукружіи расположены 3 небольшія ниши. Пристройка примыкаетъ непосредственно къ сѣверной стѣнѣ церкви; далѣе, въ грудѣ камней, наваленныхъ вдоль сѣверной стѣны церкви, можно различить слѣды еще небольшой двери (высотой въ 1 м. 10 с., шириной въ 1 м.). Можно отмѣтить еще, что въ сѣверной стѣнѣ недалеко отъ алтаря есть узкій ходъ, ведущій внутрь стѣны параллельно съ алтаремъ; цѣль

Рис. 27. Ворота въ оградѣ церкви Тхаба-ерды.

этого тайника, заваленнаго внутри камнями, была, вѣроятно, служить помѣщеніемъ для сохраненія священныхъ предметовъ. Южная стѣна церкви соединяется перепендикулярной къ ней стѣнкой (въ 2, 50 с.) съ другой пристройкой, которой назначеніе остается неизвѣстнымъ (см. планъ). Пристройка, судя по сохранившемуся фундаменту, идетъ въ глубь горы, и когда-то была покрыта землею; на восточной сторонѣ она замыкается абсидомъ, съ дугой въ 440 с., длина продольныхъ стѣнъ не превышаетъ 7 шаговъ; изъ нихъ правая стѣна глухая, а въ лѣвой, близъ абсида, сохранились слѣды двери и небольшая ниша.

Въ пространствѣ между южной стѣной церкви и стѣной пристройки видны остатки свода и заваленный камнями входъ въ склепъ, содержа-

щій человѣческія кости. Народное повѣрье утверждало, что въ этомъ склепѣ лежитъ берцовая кость необыкновенной величины, чуть-ли не въ 2 аршина, и что въ прежнія времена, когда урожаю угрожала засуха, окрестные жители открывали склепъ, выносили кость, погружали ее въ воду, и засуха смѣнялась обильнымъ дождемъ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей съ готовностью указалъ намъ закрытое отверстіе склепа и былъ не мало удивленъ, когда въ склепѣ оказались кости са-

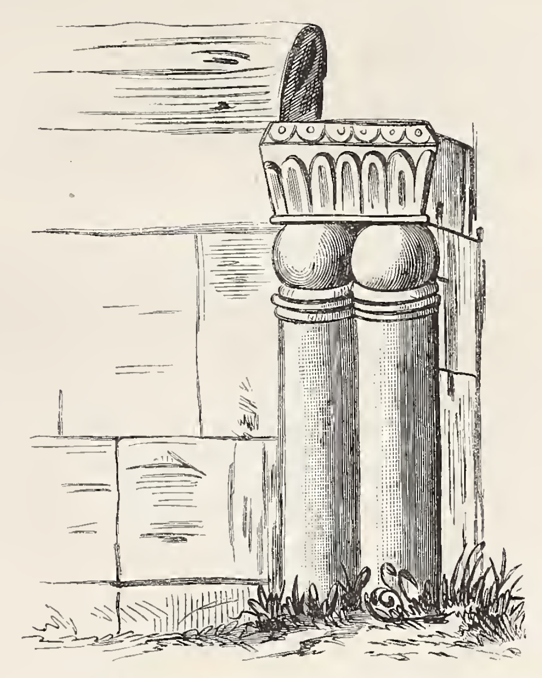

Рис. 28. Часть ограды и воротъ церкви Тхаба-ерды.

мыхъ обыкновенныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, наслѣдованное отъ предковъ убѣжденіе въ существованіи исполинской, чудотворной кости было разсѣяно нѣсколькими ударами кирки.

По словамъ стариковъ, къ развалинамъ церкви собирались съ приношеніями жители окрестныхъ ауловъ одинъ разъ въ годъ, именно на красную горку. Этотъ культъ святыни не что иное, какъ глухое воспоминаніе тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Тхаба-ерды была приходскою церковью окрестныхъ ауловъ. Любопытно, что четырьмя, образуемыми арками, отдѣленіями церкви мѣстные жители воспользовались оригинальнымъ образомъ, подѣливъ ихъ между четырьмя аулами: въ 1-мъ отдѣленіи справляли праздникъ Яулинцы, во 2-мъ—Акальцы, въ 3-мъ—Хамхинцы, въ 4-мъ—Таргинцы. Во время торжества жители

каждаго изъ этихъ ауловъ варили пиво въ своемъ отдѣленіи, рѣзали барановъ и быковъ. Передъ приступленіемъ къ пирушкѣ старики произносили молитвы объ урожаѣ, причемъ, по традиціи, снимали папахи и держали ихъ подъ мышкою. Вотъ въ какихъ глухихъ отголоскахъ сохранялся до послѣдняго времени культъ древней христіанской святыни. Въ настоящее же время молодое поколѣніе смотритъ на прежніе обряды, какъ на идолопоклонство; древняя церковь съ каждымъ годомъ разрушается и, быть можетъ, грозящіе паденіемъ своды скоро рухнутъ, такъ что отъ этого сооруженія первыхъ временъ христіанства среди горцевъ останется лишь груда камней.

Для опредѣленія времени построенія этой грузинской церкви близъ р. Ассы могутъ служить до нѣкоторой степени вышеупомянутыя надписи, находящіяся на западной сторонѣ надъ барельефами. Въ настоящее время такихъ надписей мы замѣтили двѣ, изъ которыхъ одна вдѣлана рядомъ съ моделью церкви немного выше человѣческой фигуры, держащей крестъ въ лѣвой рукѣ, другая значительно выше рядомъ съ крышей модели церкви, причемъ плита съ этой надписью вложена неправильно, такъ что буквы идутъ не слѣва направо, а сверху внизъ. Обѣ надписи значительно пострадали отъ времени, такъ что отъ нѣкоторыхъ буквъ остаются лишь скудные слѣды. Первая надпись содержитъ четыре строки, изъ которыхъ отъ нижней осталась только начальная буква. Представляемъ сохранившіяся очертанія буквъ:

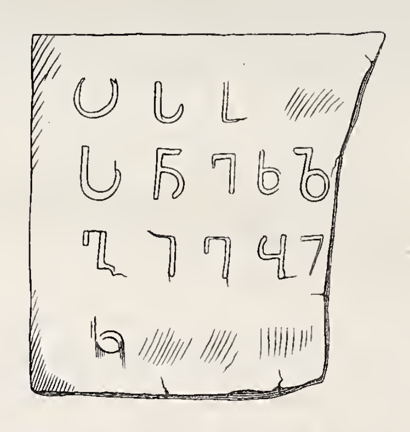

Рис. 29. Надпись № 1, на западной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

Во второй надписи, въ настоящее время, можно различить только три строки, хотя длина плиты заставляетъ думать, что нѣкогда было,

вѣроятно, 5 строкъ. Повернутая согласно съ направленіемъ буквъ эта надпись представляетъ слѣдующій видъ:

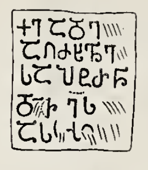

Рис. 30. Надпись № 2, на западной стѣнѣ церкви Тхаба-ерды.

Для прочтенія надписей мы обратились въ Тифлисъ къ извѣстному знатоку грузинской эпиграфики Д. З. Бакрадзе и получили отъ него слѣдующій отвѣтъ на наше письмо.

„Лѣтъ 15 тому назадъ, состоя инспекторомъ школъ „Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ", я, по осмотрѣ ихъ въ горной Хевсуретіи, случайно попалъ изъ Шатиля, по теченію р. Ассы, черезъ Амгу, въ Галгай, гдѣ мнѣ удалось видѣть ту самую церковь, съ которой грузинскія надписи сняты археологической экспедиціей 1886 года. Къ счастью, я нашелъ въ своемъ дневникѣ тѣже самыя надписи, но еще болѣе полныя. Не скажу, чтобы онѣ были сняты мною съ тою точностью, съ какою бы я ихъ снялъ, если бы пришлось мнѣ ихъ видѣть теперь. Къ тому же я списалъ ихъ, разсматривая ихъ чрезъ бинокль и не слѣзая съ лошади. Вотъ почему снимокъ мой едва ли можетъ быть вполнѣ вѣрнымъ. Въ одномъ не сомнѣваюсь, что церковь построена какимъ-то Давидомъ, *патрономъ*-владѣтелемъ, вѣрнѣе царемъ, ибо „патронъ", въ особенности же слово „прославь" относится во всѣхъ почти встрѣчающихся грузинскихъ надписяхъ къ царствующимъ лицамъ, и что наконецъ округомъ, въ которомъ была построена церковь, завѣдывалъ епископъ Георгій. Не знаю, вѣрно ли я воспроизвожу годъ основанія церкви 830, хотя характеръ письма и въ спискѣ, сдѣланномъ археологической экспедиціей, и въ моемъ указываетъ на глубокую древность.... Къ сожалѣнію, не могу дать никакого свѣдѣнія о построеніи грузинами Тхаба-ердинской церкви, такъ какъ не нахожу никакихъ указаній на нее въ доселѣ извѣстныхъ письменныхъ памятникахъ Грузіи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ присланнаго Д. З. Бакрадзе схематическаго изображенія западной стороны церкви оказывается, что во время его посѣщенія на ней было не двѣ, а четыре надписи. Наша надпись № 2, въ настоящее время перевернутая и вставленная въ рамку барельефа, находилась прежде внѣ его, на лѣвой сторонѣ (отъ зрителя). Д. З Бакрадзе представляетъ слѣдующій списокъ съ нея и переводъ:

„Христе, прослави строителя (хра)ма сего) патрона Давида (Эристова? Асскаго?)"

Рис. 31. Надпись № 2.

Вмѣсто надписи № 2 надъ фигурой въ епитрахили прежде находилась, по словамъ Д. З. Бакрадзе, слѣдующая теперь не существующая надпись:

„Господи, благослови Георгія епископа".

Рис. 32. Надпись № 3.

Наша надпись № 1 представлена въ письмѣ Д. З. Бакрадзе въ слѣдующемъ видѣ:

„Господь Саваоѳъ? Помяни епископа Георгія".

Рис. 33. Надпись № 1.

Наконецъ во время посѣщенія Тхаба-ерды г. Бакрадзе, въ параллель къ надписи № 3, была еще небольшая надпись № 4, содержавшая годъ построенія церкви:

Короникони 50=830 г.?..

Рис. 34. Надпись № 4.

Предоставляя знатокамъ грузинской эпиграфики окончательное рѣшеніе вопроса о древности описанной церкви, отмѣтимъ въ заключеніе, что въ нишѣ, во внутренней лѣвой стѣнѣ, мы нашли красную глиняную плиту, шириною въ 6, длиною въ 7 вершковъ, съ двумя стро-

ками грузинскихъ буквъ, изъ которыхъ въ верхней строкѣ отчетливо сохранилось 5 буквъ, а въ нижней части отъ 4-хъ. Д. З. Бакрадзе слѣдующимъ образомъ переводитъ сдѣланный нами списокъ:

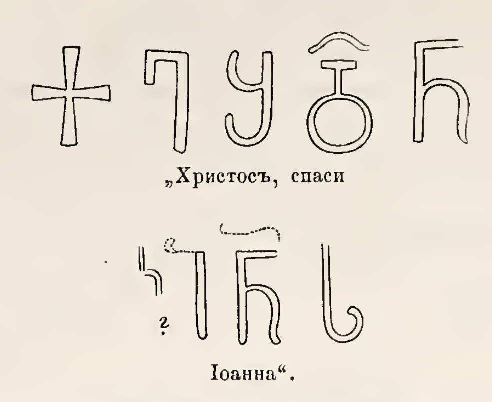

Рис. 35. Надпись на плитѣ въ церкви Тхаба-ерды.

Очевидно эта плита была нѣкогда вдѣлана въ гробницу, но гдѣ послѣдняя находилась, остается неизвѣстнымъ.

При посѣщеніи аула Галанчоджъ, расположеннаго близъ озера того-же имени, нами руководила мысль отыскать и изслѣдовать остатки монастыря, о которомъ встрѣчаются свѣдѣнія въ литературѣ. Такъ, въ статьѣ г. Ипполитова *) помѣщено слѣдующее извѣстіе: „Въ Акинскомъ обществѣ близъ аула Галанчоджъ, на горѣ у озера, находятся развалины, о которыхъ ходитъ слѣдующее преданіе: лѣтъ за 400 или 500 какіе-то вооруженные фиренги (т. е. европейцы) пришли къ озеру и построили на горѣ монастырь, который окружили каменной стѣною. Фиренги эти жили долго въ ладу съ туземцами, которыхъ они приглашали въ монастырь и учили христіанской религіи; но фиренги же первые подали поводъ къ ссорѣ: похищая и насилуя туземокъ, они возстановили противъ себя туземцевъ, которые послѣ упорной борьбы прогнали фиренговъ и монастырь ихъ разрушили“. Заинтересованные этимъ извѣстіемъ, мы, подъѣзжая къ озеру Галанчоджу, съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣли на развалины, виднѣющіяся высоко на вершинѣ почти остроконечной горы. Однако ближайшія изслѣдованія не оправдали нашихъ ожиданій. Въѣхавъ на вершину горы, мы увидали небольшое прямоугольное полуразрушенное зданіе, въ 8 метровъ длины и $2^1/_2$ м. ширины; стѣны возвышаются на $3^1/_2$ метра, крыша провалилась и внутренность засыпана камнями почти на высотѣ метра. Ближайшій осмотръ развалинъ

*) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ I, стр. 48.

убѣдилъ насъ, что это сооруженіе не носило никакихъ признаковъ христіанской церкви а тѣмъ менѣе монастыря. На восточной сторонѣ на высотѣ $1^1/_2$ метра отъ земли виднѣется окно, высотою въ 1 м. 7 с., шириною въ 78 с. Западная стѣна, лучше другихъ сохранившаяся, была глухая. Входъ можно предположить либо въ сѣверной, либо въ южной стѣнѣ, которая рухнула, такъ что представляетъ лишь кучу камней. Зданіе окружено каменной оградой, въ которой замѣтны двое воротъ съ арками, одни на сѣверозападѣ, другія на юговостокѣ.

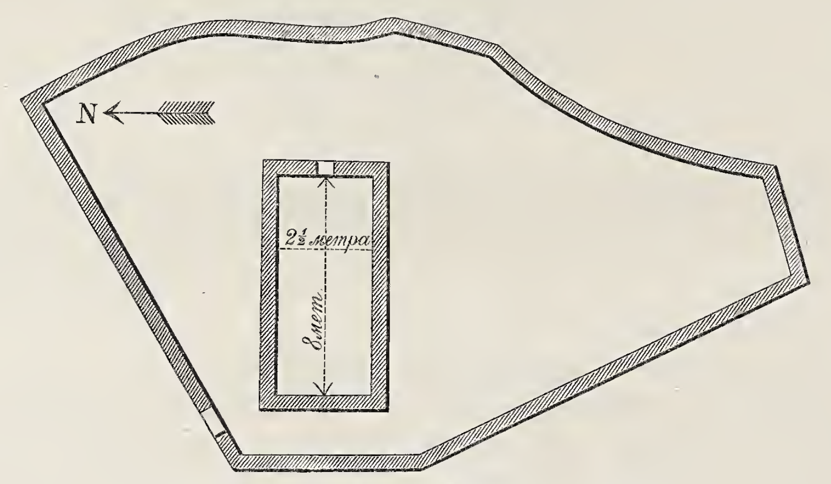

Рис. 36. Планъ святилища Мизръ-богу́ и ограды.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что описанное зданіе носило священный характеръ; высокое положеніе на горѣ, ограда, народная традиція, которая утверждаетъ, что предки нынѣшняго населенія ходили къ Мизръ-богу́ (такъ называется эта руина) на поклоненіе и рѣзали барановъ, принося ихъ въ жертву будто-бы стоявшему тамъ „идолу"—все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что передъ нами древнее святилище. Но, съ другой стороны, къ описанной развалинѣ не можетъ быть пріурочено сообщаемое г. Ипполитовымъ преданіе о монастырѣ, будто бы построенномъ фиренгами. На горѣ, гдѣ возвышается руина, нѣтъ воды — перваго условія для жилья, да и размѣры постройки не соотвѣтствуютъ понятію о монастырѣ. Разспросы въ аулѣ Галанчоджъ вообще не подтвердили легенды о фиренгахъ; о монастырѣ, будто-бы ими основанномъ, ничего не знали мѣстные жители. Кромѣ Мизръ-богу́, нѣтъ близъ озера никакихъ развалинъ, въ которыхъ можно было-бы признать остатки христіанской церкви или монастыря, такъ что мы пришли къ убѣжденію, что всякіе слѣды такого зданія (если оно вообще существовало) стерты съ лица земли. Туземцы говорили намъ, что около

озера было нѣкогда небольшое святилище, гдѣ въ извѣстное время года рѣзали барановъ. Затѣмъ на слѣды культуры, нѣкогда окружавшей озеро, нынѣ совсѣмъ заброшенное, указываетъ небольшая роща, сохранившаяся на его пустынномъ берегу. Такъ какъ нигдѣ въ окрестностяхъ не видно деревьевъ, вслѣдствіе высокаго положенія Галанчоджа и характера горъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что роща была посажена рукою человѣка. Говорятъ, что прежде она окружала все небольшое озеро, не превышающее $^1/_4$ версты въ діаметрѣ. На деревья рощи смотрятъ до сихъ поръ какъ на священныя и боятся ихъ истреблять, несмотря на крайнюю скудость въ топливѣ, за которымъ ходятъ верстъ за 5 отъ аула на вершину почти отвѣсной скалы.

Рис. 37. Окно въ святилищѣ Мизръ-богу.

Заключая этимъ нашъ отчетъ о христіанскихъ древностяхъ изслѣдуемой нами области, считаемъ не лишнимъ привести любопытную, записанную нами на мѣстѣ, народную легенду, которая объясняетъ появленіе озера Галанчоджа

Близъ аула Ялхарой, въ мѣстѣ, называемомъ Амка, было прежде озеро. Однажды одна мать съ дочерью отправились на берегъ озера и по неразумію стали мыть грязныя пеленки въ его хрустальной водѣ. Духъ озера, за это оскверненіе, обратилъ обѣихъ женщинъ въ камни, которые и теперь еще виднѣются у Амка. Но и озеро не хотѣло больше оставаться въ оскверненномъ ложѣ. Оно обратилось въ чуднаго рослаго быка, который перешелъ скалистый кряжъ, оставивъ громадную выемку какъ слѣдъ своего хода *), и спустилось внизъ почти съ отвѣсной вы-

*) Эту выемку въ скалѣ намъ показывали изъ аула.

соты. Затѣмъ быкъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь лежитъ озеро и гдѣ прежде были расположены пахотные участки. Толпа людей, занятыхъ полевой работой, увидѣвъ быка, подошла къ нему; всѣ дивились его росту и заспорили между собою; одни говорили: давайте, впряжемъ быка въ плугъ; другіе говорили: нѣтъ, не трогайте его, это божій быкъ. Однако голоса тѣхъ, которые хотѣли запрячь быка, пересилили, и божій быкъ былъ подведенъ подъ армо. Когда онъ велъ первую борозду,—въ ней выступила грязь; при второй бороздѣ стало еще мокрѣе; при третьей—изъ земли выступила уже вода, а при четвертой—вода хлынула стремительно, затопила поле и всѣхъ людей, запрягшихъ чуднаго быка, который затѣмъ исчезъ въ водахъ озера. Съ тѣхъ поръ появившееся внезапно озеро продолжаетъ внушать суевѣрный страхъ туземцамъ: они считаютъ его бездоннымъ, не пьютъ его воду и призывали его въ клятвахъ до появленія мусульманства въ этихъ мѣстахъ. Видъ озера Галанчоджъ представленъ на таблицѣ II.

Могилы.

Выдающееся мѣсто среди археологическихъ памятниковъ Чечни занимаютъ памятники могильные. Около каждаго горскаго аула на видномъ мѣстѣ взору путешественника представляется какъ-бы другой аулъ изъ домиковъ меньшаго размѣра—мѣстный некрополь. Нѣкоторые могильные памятники такъ массивны и грандіозны, что по размѣрамъ легко могли-бы служить жилищемъ для живыхъ людей. Видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ во времена язычества или одичавшаго христіанства культъ мертвыхъ былъ сильно развитъ. Сдѣлаемъ характеристику главныхъ типовъ могильныхъ памятниковъ, причемъ ихъ можно раздѣлить для удобства обзора на 2 главные отдѣла: памятники надземные и памятники подземные.

Между *кашами* (такъ вообще называются у Чеченцевъ могилы) перваго рода обращаютъ на себя вниманіе каменные домики, покрытые пирамидальной крышей изъ шиферныхъ плитъ. Они бываютъ отъ 2-хъ до 5 метровъ высоты, отъ 2-хъ до 3-хъ метровъ ширины и вмѣщаютъ въ себѣ иногда до полусотни труповъ, положенныхъ туда съ предметами домашней обстановки. Каши большихъ размѣровъ раздѣляются на два и болѣе этажей: одно окно (съ восточной стороны) небольшихъ размѣровъ, съ полукруглымъ косякомъ изъ цѣльной плиты, ведетъ въ нижній этажъ каша; по стѣнамъ усыпальницы тянутся шиферныя нары, на которыхъ лежатъ костяки. Потолокъ нижней камеры выведенъ сво-

домъ; надъ нею верхняя камера такого-же устройства, въ которую даетъ доступъ окно, продѣланное въ сѣверной сторонѣ каша. Нерѣдко полки по стѣнамъ идутъ въ два ряда, а иногда трупы нагромождены кучею до самого потолка гробницы. Крыша каша представляетъ пирамиду, причемъ пластъ шиферныхъ плитъ чередуются съ пластомъ камней. На гребнѣ крыши помѣщается коническая шишка. Вся постройка выведена чрезвычайно прочно на глинѣ или извести и снаружи выбѣлена.

Рис. 38. Наружный видъ чеченской усыпальницы съ пирамидальнымъ покрытiемъ.

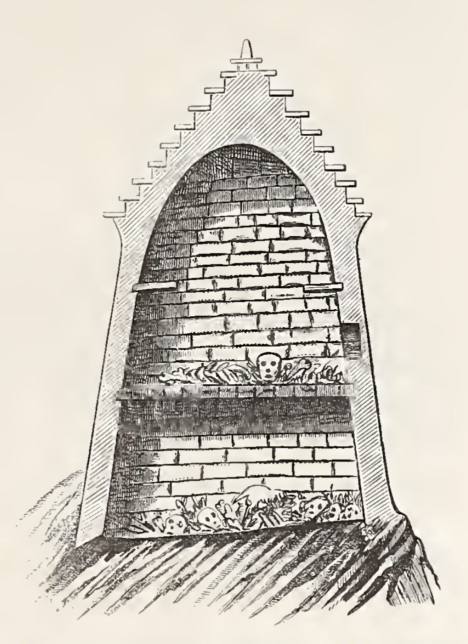

Рис. 39. Продольный разрѣзъ той же усыпальницы.

Въ такихъ погребальныхъ домахъ трупы клались въ обычной одеждѣ и съ разными предметами, необходимыми покойнику въ загробной жизни, согласно съ существовавшимъ вѣрованiемъ. Такимъ образомъ *каши* представляютъ какъ бы археологическiя коллекцiи, изъ которыхъ можно извлекать предметы домашняго быта отдаленныхъ временъ. При обозрѣнiи кашей мы находили при покойникахъ слѣдующiе предметы: желѣзныя стрѣлы съ оперенными древками, желѣзные дротики, ножи въ деревянныхъ ножнахъ, кожаные колчаны, луки съ тетивами изъ жилъ, пандырны (балалайки трехструнныя), деревянныя чашки для питья, серебряныя бляхи, истлѣвшiя части костюмовъ (рубахъ, штановъ), ногавицы, чевяки, клинки отъ шашекъ, ножницы для стрижки овецъ, простыя ножницы, и т. п.

Судя по присутствію стрѣлъ и луковъ, время построенія кашей должно быть отнесено къ тому періоду, когда огнестрѣльное оружіе еще не было въ повсемѣстномъ употребленіи въ Чечнѣ. Нужно отмѣтить, что построеніе этихъ надземныхъ гробницъ было несомнѣнно связано съ представленіемъ о загробной жизни покойниковъ и вѣрованіемъ, не допускавшимъ погребенія труповъ въ землѣ.

По словамъ Чаха Ахріева, „Ингуши, до введенія у нихъ исламизма, имѣли о загробной жизни такія же понятія, какъ о настоящей земной, т. е. они думали, что тамъ, какъ и на землѣ, человѣкъ подвергается житейскимъ тревогамъ и заботамъ, также работаетъ періодически, напримѣръ: осенью жнетъ по ночамъ солому на загонѣ своихъ родственниковъ, до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не сдѣлаютъ, по окончаніи жатвы, „марсъ-порръ“, т. е. жатвеннаго ужина. На этомъ основаніи, каждое семейство въ горахъ, по окончаніи жатвы, устраивало этотъ ужинъ, съ соблюденіемъ слѣдующей церемоніи: поставивъ возлѣ очага кушанье, приготовленное для ужина, самая старшая женщина въ семействѣ брала щипцы въ руки и дотрогивалась ими до каждаго кушанья, говоря: „да будешь пищей такому-то покойнику“. Обойдя такимъ образомъ всѣ яства, она выливала изъ чашки, находившейся у нея въ рукахъ, брагу около очага; затѣмъ уже всѣ члены семейства принимались за кушанья“. Согласно съ такими понятіями о загробной жизни, на *каши* смотрѣли Ингуши и Чеченцы какъ на *жилища* покойниковъ. Всякая семья старалась имѣть такое семейное жилище для своихъ покойниковъ, боясь осужденія отъ другихъ за то, что ея „покойники бѣдствуютъ, не имѣя жилища“. На фамильные усыпальницы смотрѣли какъ на святыни и упоминали ихъ въ клятвахъ.

Въ такихъ кашахъ трупъ предоставлялся дѣйствію времени, и доступъ къ трупу былъ всегда возможенъ чрезъ открытыя окна. Вслѣдствіе сухости воздуха трупы не разлагались быстро, но высыхали и обращались какъ бы въ муміи. У многихъ покойниковъ можно легко различать черты лица и ногти на пальцахъ рукъ и ногъ *).

Второй видъ надземныхъ кашей напоминаетъ издали коническія пушечныя ядра или, пожалуй, киргизскія кибитки. Они также сложены изъ камней на извести и имѣютъ окна.

---

*) Въ настоящее время, по свидѣтельству Чаха Ахріева, большинство Ингушей смотрятъ на обычай своихъ предковъ хоронить покойниковъ въ кашахъ съ насмѣшкой: „для чего, говорятъ они, наши предки сушили трупы и портили воздухъ?!“ См. Сборникъ свѣдѣній о Терской области, вып. I стр. 290.

Такіе каши были нами замѣчены, напримѣръ, на горѣ близъ ауловъ Койраха и Джераха. Размѣры приблизительно тѣ же, что въ кашахъ 1-го типа: діаметръ круглаго каша отъ $2^1/_2$ до 3-хъ и болѣе аршинъ; высота достигаетъ сажени $1^1/_2$ и болѣе.

Третья форма каша представляетъ какъ бы избу съ двухскатной, выгнутой крышей, сложенной изъ камней и шиферныхъ плитъ и увѣнчанной гребнемъ.

Иногда такой кашъ настолько высокъ, что издали представляется какъ бы башней. Высота такихъ кашей близъ аула Цори достигаетъ

Рис. 40. Чеченскій кашъ въ видѣ ядра.

Рис. 41. Чеченскій кашъ въ видѣ ядра, украшенный гуртами.

отъ $1^1/_2$ до 2-хъ саженъ; ширина — 1 сажени и болѣе. Любопытное видоизмѣненіе этого типа представляетъ *кашъ*, осмотрѣнный нами на могильникѣ древняго аула Таргина. Онъ также напоминаетъ избу съ двухскатной, выгнутой кровлей, но передняя стѣна вынута на половинѣ высоты, такъ что en face виднѣется довольно просторная комната. Могила помѣщается въ нижней части каша, представляющей прямоугольный ящикъ; въ верхней же комнатѣ, по словамъ туземцевъ, въ прежнія времена сидѣли при поминкахъ родственники покойныхъ. Для входа въ поминальную камеру служили, какъ можно судить по остаткамъ двѣ ступени, выступавшія на передней сторонѣ каша изъ стѣны въ видѣ концевъ каменныхъ брусьевъ. На правой стѣнѣ *каша*, какъ и на многихъ другихъ *кашахъ*, выступали двѣ каменныя развилки, образовавшія какъ бы кольцо для привязыванія коней. Длина описываемаго каша 2 сажени, ширина — 1 сажень, высота до гребня кровли около 3-хъ саженей.

Замѣтимъ, что около аула Воуги лежитъ въ развалинахъ *кашъ* еще болѣе грандіозныхъ размѣровъ, съ открытой поминальной камерой, съ отдѣленіями, раздѣленными правильными арками, но жители частью разобрали его, пользуясь его плитами для постройки мечети, такъ что о первоначальномъ видѣ этого могильнаго памятника нельзя себѣ составить яснаго понятія. Вообще современные Ингуши и Чеченцы, какъ ревностные мусульмане, не дорожатъ могилами своихъ языческихъ предковъ, хотя и относятся къ этимъ сооруженіямъ съ суевѣрнымъ стра-

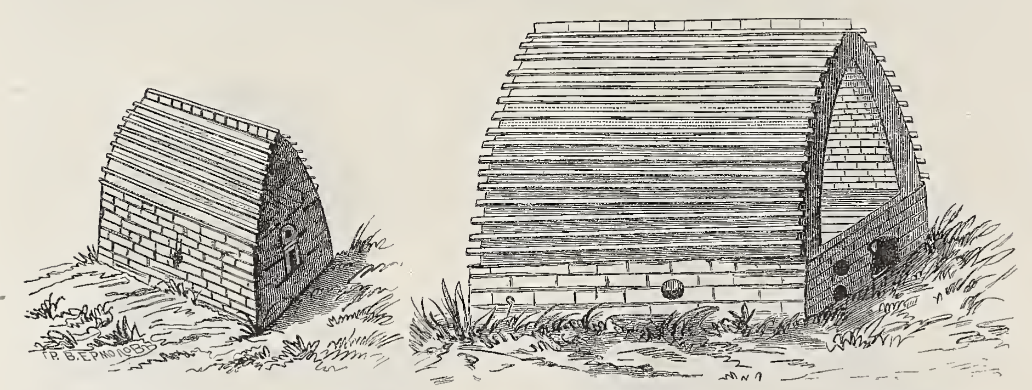

Рис. 42. Чеченскій кашъ въ видѣ избы.

Рис. 43. Чеченскій кашъ съ поминальной камерой.

хомъ. Мы не встрѣчали сопротивленія, когда ворошили въ кашахъ костяки и вынимали вещи, до которыхъ туземцы изъ стариковъ боялись дотрогиваться руками.

От надземныхъ могильныхъ сооруженій переходимъ къ подземнымъ. По пути слѣдованія экспедиціей были разрыты такія могилы въ двухъ мѣстахъ. Одинъ могильникъ тянется по горѣ близъ церкви Тхаба-ерды, другой — близъ святилища, недалеко отъ аула Мохде. Нѣкоторыя могилы 1-го могильника представляютъ явственный входъ, выдаваясь передней стороною изъ ската горы, другія могилы не представляютъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, будучи засыпаны землею. Входъ въ склепы перваго рода, нѣкогда задѣланный, въ настоящее время открытъ: кости лежатъ въ безпорядкѣ, а вещи унесены или разрушились отъ сырости. Поэтому мы искали нетронутыхъ подземныхъ могилъ и для отысканія ихъ дѣлали пробныя раскопки. Въ нѣсколькихъ раскопанныхъ нами могилахъ потолокъ склепа обрушился и нельзя было составить себѣ понятія о состояніи костей и вещахъ, положен-

ныхъ съ покойниками. Но въ двухъ могилахъ можно было сдѣлать слѣдующія наблюденія. По снятіи слоя земли, на глубинѣ 1/2 аршина, оказалась плита, замыкавшая дверь, ведущую въ склепъ. Склепъ, сложенный изъ камней на извести достигалъ длины 316 с., ширины 141 и высоты 1-го метра. Покрытіемъ склепу служатъ каменныя плиты, лежащія на каменныхъ балкахъ, изъ которыхъ одна образуетъ косякъ входа. Внутри склепа на полу покоились костяки; въ головахъ было найдено 14 глиняныхъ сосудовъ (чашекъ и кувшиновъ). Въ правой стѣнкѣ склепа двѣ ниши, съ лѣвой—одна; въ одной нишѣ былъ найденъ серебряный проволочный браслетъ, обвитый бронзовой спиралью. Костяки лежали головами на востокъ. Кромѣ глиняныхъ сосудовъ, были найдены: деревянная чашка для питья, деревянныя днища отъ 3-хъ другихъ чашекъ и ручка отъ уполовника. Нѣкоторые кувшины наполнены бараньими и птичьими костями. Въ другомъ склепѣ (раньше открытомъ), достигавшемъ длиною 3 м. 57 с., шириной 1 м. 90 с. и высотой 1 м. 60 с., костяки лежали на шиферныхъ нарахъ. Склепъ покрытъ огромными плитами, лежащими на четырехъ поперечныхъ каменныхъ, отлично отесанныхъ, балкахъ. Въ лѣвомъ углу оказалась небольшая ниша. Изъ этого склепа внутренняя дверь ведетъ въ другой, также раньше опустошенный, который значительно меньше перваго.—Есть основаніе думать, что могилы близъ церкви Тхаба-ерды по времени сооруженія не уступаютъ ей въ древности.

Склепы подобнаго же типа, но съ небольшими видоизмѣненіями, были раскопаны нами на могильникѣ близъ аула Мохде и развалинъ описаннаго выше (см. стр. 3) святилища. Могильникъ занимаетъ пространство около 1/2 десятины. Многіе склепы провалились отъ дѣйствія времени, другіе были, повидимому, раньше разрыты. Строились склепы слѣдующимъ образомъ: къ скалѣ, образующей заднюю стѣну, прикрѣплялись 2 параллельныя стѣнки, сложенныя изъ неправильныхъ камней на глинѣ. На высотѣ 1 1/2 аршинъ и болѣе стѣнки послѣдовательно сближались, наклоняясь другъ къ другу и образуя какъ бы сводъ, верхнее отверстіе котораго покрывалось шиферными плитами.

Склепы достигаютъ внутри въ длину отъ 1 1/2 до 2-хъ саженей, въ ширину—2-хъ и 3-хъ аршинъ, въ высоту 1 сажени и меньше. По бокамъ склепа идутъ иногда шиферныя или деревянныя нары, па которыхъ находятся костяки. Въ стѣнкахъ продѣланы пиши небольшихъ размѣровъ (1/2 арш. ширины, 1 арш. вышины, 1/2 арш. глубины). Въ могилахъ описаннаго типа, разрытыхъ нами или обрушившихся прежде и нами осмотрѣнныхъ, были найдены при костякахъ слѣдующіе предметы:

деревянные чашки и кубки, глиняные кувшины и чашки, желѣзные ножи, желѣзныя ножницы для стрижки овецъ, желѣзные наконечники отъ дротиковъ и стрѣлъ, деревянные гребни, деревянныя балалайки, желѣзные крючки (застежки), деревянныя колодки для чистки ремней,

Рис. 44. Склепъ близъ аула Мохде въ поперечномъ разрѣзѣ.

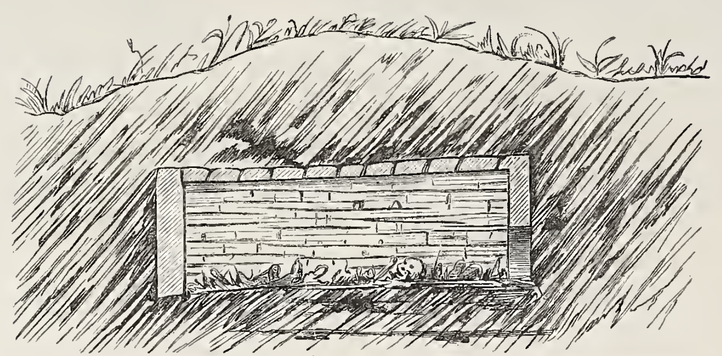

Рис. 45. Склепъ близъ аула Мохде въ продольномъ разрѣзѣ.

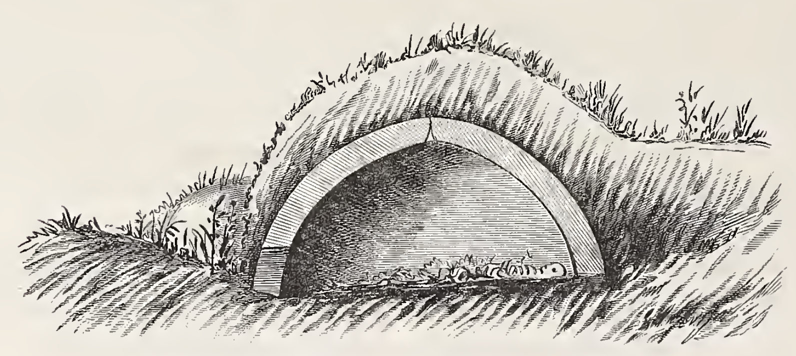

Рис. 46. Внутренность склепа близъ аула Мохде.

серебряныя вызолоченныя пуговицы, серебряныя серьги изящной работы, бронзовыя нагрудныя бляхи въ видѣ колесъ и колецъ отъ женскихъ костюмовъ, бусы стеклянныя, бусы съ глазками изъ пасты, желѣзные шестоперы и другіе бытовые предметы. Нельзя не замѣтить,

что устройство склеповъ обоихъ описанныхъ могильниковъ обнаруживаетъ въ ихъ строителяхъ значительное искусство въ возведенiи каменныхъ построекъ. См. таблицы III, IV и V.

Для полноты очерка чеченскихъ могилъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь тѣ извѣстiя, которыя имѣются въ литературѣ о случайныхъ открытiяхъ могильныхъ склеповъ въ разныхъ мѣстахъ.

„Въ нижнемъ Галгаѣ и въ верховьяхъ Бумутскаго ущелья, въ покрытыхъ кустарникомъ мѣстахъ попадаются склепы подъ землею, значительныхъ размѣровъ, сложенные изъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ плитъ. Для входа сдѣланы въ нихъ отверстiя, въ которыя можетъ пролѣзть человѣкъ. Въ склепахъ этихъ, называемыхъ туземцами *Тинды амрижъ*—могилы Тиндовъ,—по разсказамъ, не находили никакихъ вещей, а только кости"....

„Послѣ вырубки вѣковаго лѣса на высокомъ хребтѣ, примыкающемъ къ Бумутскому укрѣпленiю, когда начали копать ровъ вокругъ башни, съ боку образовался провалъ, на глубинѣ около двухъ саженей. Внутрь провала вела полуобрушившаяся смазанная глиной галлерея, въ которой были найдены обгорѣвшiя человѣческiя и лошадиныя кости и разбитые, поросшiе мхомъ глиняные кувшины....

„При постройкѣ Бердыкельскаго укрѣпленiя на лѣвомъ берегу Аргуна, на отрогѣ, отдѣленномъ отъ Хапъ-Кальской горы оврагомъ, при рытьѣ канавы вокругъ бруствера, отрыли такую-же довольно длинную, хорошо сохранившуюся галлерею, вымазанную внутри красной глиной, такъ что она казалась обожженною огнемъ. Въ этой галлереѣ, достигавшей высоты 2-хъ аршинъ, найдено много простыхъ глиняныхъ кувшиновъ, изъ нихъ нѣкоторые съ пепломъ, другiе съ обгорѣлыми человѣческими костями, также разныя мѣдныя вещицы (курильницы), золотая круглая, тонкая, величиной съ полтинникъ, грубой работы бляха въ родѣ медальона, прицѣпленная къ золотой, грубой-же работы, виноградной вѣтви, и сердоликовыя, довольно крупныя бусы, изъ которыхъ на одной вырѣзанъ заяцъ"....

Отмѣтимъ любопытный фактъ, что описанныя Бердыкельскiя и Бумутскiя погребальныя галлереи указываютъ на существованiе въ глубокой древности обычая сожженiя покойниковъ въ этихъ мѣстахъ.

„Въ 1853 году, на верховьяхъ р. Валерика, обрушилась прибрежная часть горы и открыла отверстiе, ведущее въ склепъ значительныхъ размѣровъ, вымазанный глиною, смѣшанною съ пескомъ, и съ поломъ, устланнымъ мелкимъ камнемъ. Въ склепѣ этомъ лежалъ полуразрушившiйся скелетъ, судя по сохранившимся частямъ убора, женскiй, на

рукахъ котораго были два золотые браслета, дутые, съ чешуйчатою поверхностью; на шеѣ было ожерелье изъ дутаго золота въ перемежку съ бусами. На пальцахъ два золотые, дутые-же, перстня съ камнями, которые вывѣтрились и превратились въ песокъ. Тамъ же найдены три плоскіе слитка серебра, изъ которыхъ одинъ вдвое больше, такъ что вѣсъ его равняется вѣсу двухъ маленькихъ кусковъ. Кромѣ того, въ склепѣ этомъ были и небольшіе глиняные, съ рельефными изображеніями, кувшинчики“ *)...

Кромѣ могильныхъ склеповъ, въ осмотрѣнномъ нами могильникѣ близъ аула Мохде встрѣчаются и обычные на Кавказѣ каменные ящики, покрытые шиферными плитами. Въ ящикахъ покоится по одному костяку. Въ головахъ помѣщается глиняный сосудъ; вещей въ могилѣ, разрытой нами, не было найдено.

Послѣ могильныхъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ обращаютъ на себя вниманіе такъ называемые *памятные столбы* или искусственныя груды камней, встрѣчающіяся безпрестанно при дорогахъ и горныхъ тропинкахъ. Всего чаще, независимо отъ могилы, для увѣковѣченія памяти какого нибудь значительнаго человѣка, горцы воздвигали памятный столбъ на посѣщаемомъ мѣстѣ, для того, чтобъ мимоидущіе могли вспомнить покойника и помолиться о его душѣ. Памятники такого рода представляютъ нѣсколько типовъ: всего чаще встрѣчаются высокія и узкія каменныя плиты, врытыя стоймя и не имѣющія никакихъ надписей. Такіе столбы путешествующій по Аргунскому округу почти не теряетъ изъ виду. Иногда верхняя часть столба представляетъ какъ бы шею и голову, иногда со слабой попыткой обозначить черты лица. Такой столбъ замѣчается, напримѣръ, близъ аула Джераха.

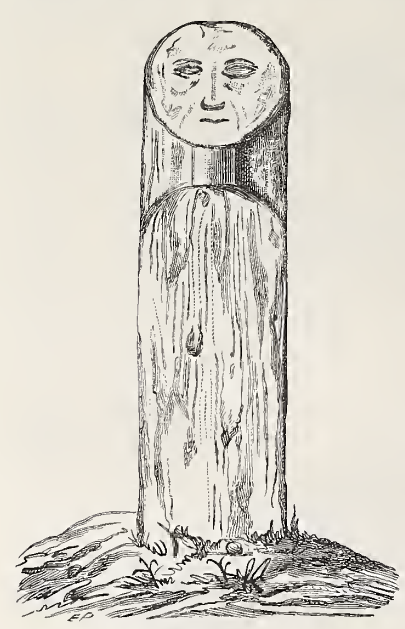

Рис. 47. Памятникъ близъ аула Джераха.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ памятникъ, сооруженный недалеко отъ аула Воуги по дорогѣ, ведущей въ аулъ Туркали. Это

---

*) Вышеприведенныя извѣстія заимствованы нами изъ 1-го выпуска Сборника Свѣдѣній о Терской области, стр. 249 и слѣд.

двухсаженная узкая каменная плита, которой обращенная къ дорогѣ сторона покрыта разными высѣченными изображеніями. На верху вид-

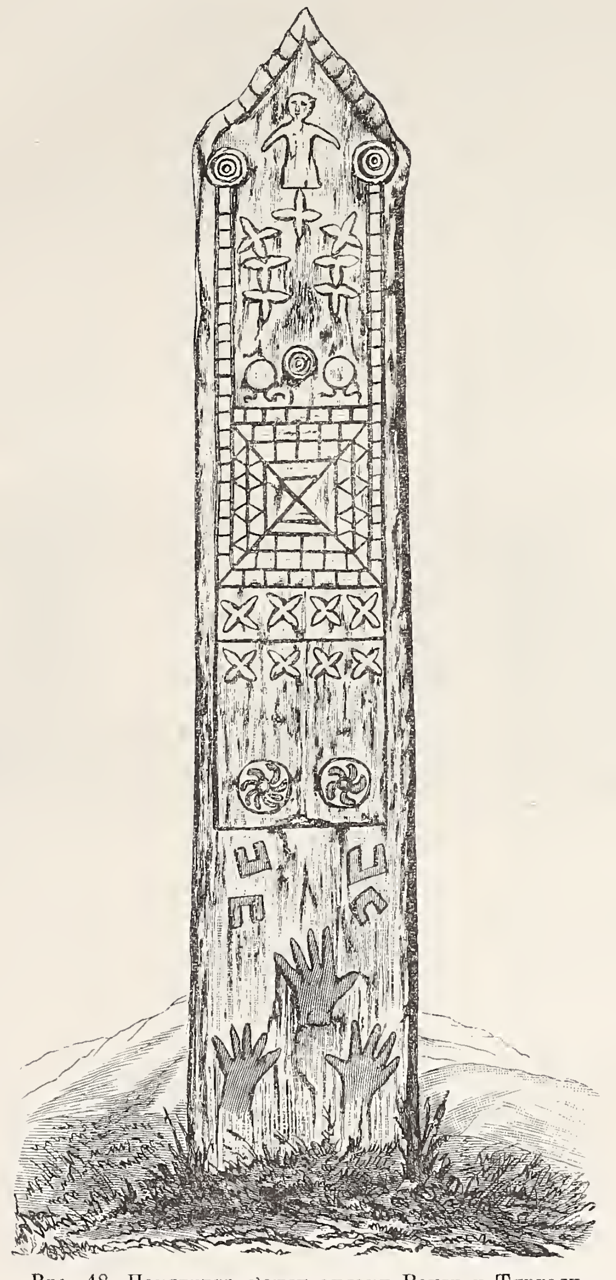

Рис. 48. Памятникъ между аулами Воуги и Туркали.

нѣется небольшая человѣческая фигурка безъ ногъ, подъ нею 7 крестовъ, составленныхъ изъ лепестковъ, еще ниже кружокъ съ двумя концентрическими кружками и по бокамъ его другіе два кружка съ лап-

ками внизу; еще ниже фигура, подобная шахматной доскѣ, пересѣченная діагоналями; подъ нею два ряда лепестковыхъ крестиковъ, по 4 въ каждомъ ряду; еще ниже два круга въ видѣ колесъ съ изогнутыми спицами (въ одномъ 8, въ другомъ 5 спицъ), подъ ними четыре подковообразныя, но прямоугольныя фигуры и, наконецъ, у самого основанія 3 руки съ растопыренными пальцами.

Не менѣе любопытенъ памятникъ, стоящій по дорогѣ изъ аула Цори въ аулъ Нюй, не доѣзжая послѣдняго аула, внизу на берегу небольшой рѣчки. Онъ напоминаетъ собою *кашъ,* но значительно у́же

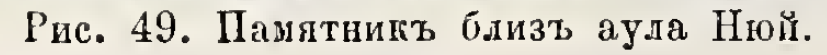

Рис. 49. Памятникъ близъ аула Нюй.

Рис. 50. Памятникъ близъ аула Джерахъ.

въ основаніи: высота его около сажени, ширина около $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ нижней части этого кубическаго сооруженія, увѣнчаннаго пирамидой съ тремя ступенями по бокамъ, продѣлана небольшая и неглубокая ниша. Выше ниши вдѣлана паралелльно съ основаніемъ въ стѣнку памятника довольно узкая плита съ выступающими концами. На плитѣ можно различить рядъ изображеній: кругъ съ четырьмя лучами внутри, четыре квадрата съ открытой одной стороной, еще два круга въ видѣ тавра и рисунокъ пера, лежащаго вдоль плиты. Еще выше плиты въ верхней суживающейся части памятника виднѣется грубо сдѣланной барельефъ человѣческаго лица. Верхняя шиферная плитка, покрывающая пирамиду, увѣнчена каменной шишкой. Съ обѣихъ сторонъ въ стѣнки памятника вдѣланы каменныя развилки для привязыванія коней. Памятникъ отличается изяществомъ и прочностью постройки и выбѣленъ известью, кое-гдѣ отвалившеюся.

Подобный-же памятникъ, но болѣе простой, стоитъ близъ аула Джераха.

Наконецъ, самый простой способъ увѣковѣчиванія какихъ-нибудь лицъ и событій состоитъ въ томъ, что на видномъ мѣстѣ складываютъ небольшую пирамидку изъ камней. Всякій мимоидущій или ѣдущій прибавляетъ отъ себя одинъ камень и такимъ образомъ въ теченіе времени образуется порядочная куча въ видѣ кургана. Намъ пришлось видѣть такое сооруженіе по дорогѣ близъ аула Хайбаха, и на наши вопросы мы получили слѣдующее объясненіе: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-то укралъ изъ мечети коверъ. Не зная имени вора, жители аула предали его заочно проклятію, и чтобъ увѣковѣчить этотъ позорный случай сложили пирамидку изъ камней. Съ тѣхъ поръ прохожіе прибавляютъ отъ себя по камню и при этомъ проклинаютъ похитителя ковра.

Переходимъ къ послѣднему разряду археологическихъ памятниковъ горной Чечни, къ высокимъ каменнымъ башнямъ, которыя, какъ молчаливые свидѣтели прежнихъ бурныхъ временъ, возвышаются почти въ каждомъ древнемъ аулѣ. Эти массивныя сооруженія, живо напоминающія средневѣковые рыцарскіе замки береговъ Рейна, встрѣчались намъ безпрестанно на пути отъ Шатоя на западъ до Джераха. На табл. VI представленъ видъ древняго аула Цори.

Между этими башнями можно отмѣтить два типа: однѣ имѣютъ плоскую крышу, какъ крыша сакли, обнесенную парапетомъ; другія увѣнчаны пирамидальной крышей, сложенной изъ рядовъ камней, чередующихся съ рядами шиферныхъ плитъ. Къ первому типу принадлежатъ, напримѣръ, двѣ стоящія близко одна отъ другой, отлично сохранившіяся башни, которыя виднѣются на полугорѣ, на правой сторонѣ, при приближеніи къ Шатоевскому укрѣпленію по шоссе изъ Воздвиженскаго. Преданіе, вѣроятно, не имѣющее никакого основанія, разсказываетъ, что башни были построены двумя братьями—соперниками въ любви. Старшій женился на дѣвушкѣ, которую также любилъ младшій; затѣмъ, когда старшій выстроилъ для себя башню, то младшій воздвигнулъ такую-же, но нѣсколько выше, такъ что могъ изъ своей башни всегда видѣть, что дѣлается во дворѣ у брата и любоваться на его красавицу-жену.

Въ настоящее время доступъ къ башнямъ затруднителенъ вслѣдствіе крутизны горы, поросшей притомъ лѣсомъ. Онѣ сложены изъ грубо отесанныхъ камней на извести и снаружи были нѣкогда выбѣлены.

Какъ всѣ вообще чеченскія башни, онѣ значительно суживаются кверху. Полы, раздѣлявшіе этажи внутри, обвалились, но судя по угловымъ каменнымъ полкамъ, служившимъ опорой для балокъ потолковъ, въ одной было 4, въ другой 6 этажей. Въ основаніи онѣ представляютъ правильный квадратъ въ 4 метра внутри стѣнъ; стѣны внизу толщиной въ 60 сант. Высота одной башни около 7 саженей, другая—нѣсколько ниже.

Разстояніе между башнями (18 шаговъ) представляетъ какъ-бы помостъ (можетъ быть, остатокъ осыпавшейся стѣны), шириною въ 1 м. 20 с. и въ 5 камней высотой. Шатоевскія башни представлены на таблицѣ VII.

Любопытно, что строители замковъ нерѣдко пользовались горными пещерами, къ которымъ прилѣпляли свои постройки на значительной высотѣ, укрѣпляя ихъ стѣнами и башнями. Остатки такой постройки мы видѣли, напримѣръ, верстахъ въ пяти отъ Шатоя, на правомъ берегу Чанты-Аргуна, на отвѣсной стѣнѣ скалы, на высотѣ приблизительно 40 саженъ отъ ея основанія. Между естественными углубленіями скалы можно съ трудомъ различить стѣну, часть башни и слѣды копоти, покрывающей эти углубленія. Къ башнѣ ведетъ карнизомъ узенькая тропинка, по которой на гору нѣтъ возможности пройти. Преданіе разсказываетъ, что въ этой и другихъ башняхъ жилъ въ глубокой древности народъ Джай, который запиралъ въ пещеры и башни свои семьи, когда угрожала опасность. Такимъ образомъ, населеніе Шатойскаго ущелья не считаетъ строителей башенъ своими предками *).

Другой прикрѣпленный къ естественнымъ углубленіямъ скалы замокъ осматривали мы близъ аула Туркали на высокомъ, почти отвѣсномъ, берегу рѣчки Гехи, въ мѣстѣ, называемомъ Коуси. Къ замку ведетъ узкая, частью высѣченная въ скалѣ карнизомъ, тропа, кое-гдѣ обрывающаяся и замѣненная деревянными мостками. Тропа ведетъ къ низкимъ, скорѣе похожимъ на окно, воротамъ, находящимся въ остаткахъ стѣны. Ворота ведутъ въ небольшой дворъ, расположенный на естественномъ выступѣ, образуемомъ утесомъ. Дворъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ стѣною, частью обрушившейся. На лѣво, параллельно съ отвѣснымъ утесомъ, внутри двора тянется стѣна, образующая жилище, которому лѣвой стѣной служила скала. Выше виднѣются остатки двухъ башенъ, прилѣпленныхъ къ навѣсу, образуемому утесомъ. На значительномъ пространствѣ скала по-

*) Н. И. Головинскій въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что, по преданію Галгаевцевъ, башни построены Джилатами или Джилинами (греками). См. Сборникъ Свѣдѣній о Терской области, вып. I, стр. 247.

крыта копотью, свидѣтельствующею о томъ, что нѣкогда въ этой ужасной твердынѣ жили люди. Но поразительное впечатлѣніе производитъ небольшой балконъ, сохранившійся какимъ-то чудомъ на страшной высотѣ. Нѣкогда, когда замокъ возвышался во всемъ своемъ суровомъ величіи, къ балкону вела лѣстница, которая обрушилась съ крутизны внизъ, какъ и стѣны башенъ. Въ настоящее же время балконъ виситъ одинокимъ свидѣтелемъ прошлаго и нѣтъ къ нему никакого доступа. Чтобъ дать понятіе о высотѣ балкона, упомянемъ, что собравшіеся около насъ туземцы стали пускать въ него камни и рѣдкій камень долеталъ до пола, сплетеннаго изъ прутьевъ. Балконъ держится на массивныхъ деревянныхъ брусьяхъ, выступающихъ на сажень изъ скалы. Мѣстная легенда связываетъ съ удивительнымъ сооруженіемъ трагическое воспоминаніе. Въ замкѣ въ отдаленныя времена жилъ съ женою нѣкто Гарчъ, извѣстный своею удалью, т. е.

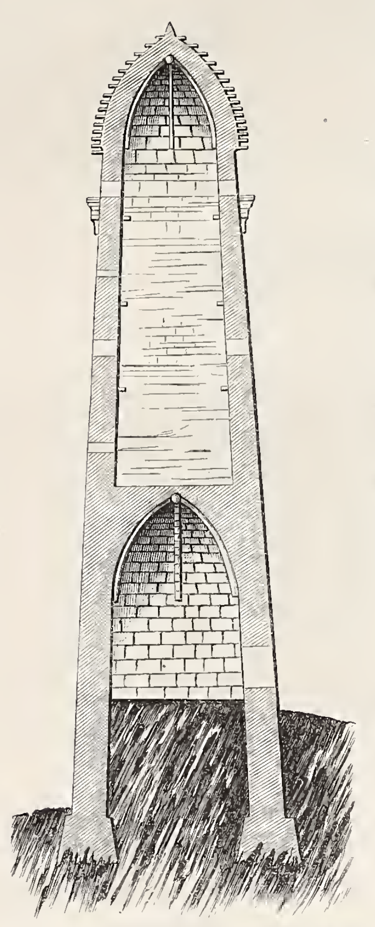

Рис. 51. Разрѣзъ башни въ Хайбахѣ.

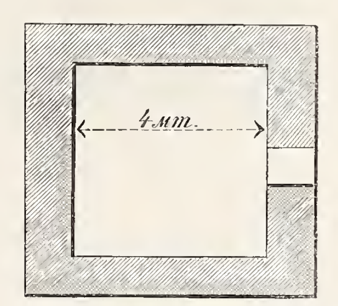

Рис. 52. Планъ башни въ Хайбахѣ.

умѣньемъ воровать въ сосѣднихъ аулахъ. Однажды онъ отправился за добычей ночью въ другой аулъ, но свалился съ башни и разбился до смерти. Жена ждала съ нетерпѣніемъ его возвращенія. Но вотъ она увидала, что внизу толпа народа несетъ на носилкахъ трупъ ея мужа. Тогда она быстро достала для мужа и для себя саваны и, держа ихъ въ рукахъ, бросилась съ балкона внизъ на носилки мужа. Такимъ образомъ оба погибли вмѣстѣ, а замокъ ихъ обратился съ теченіемъ времени въ груду развалинъ. Сохранился лишь балконъ, какъ свидѣтель трагической смерти преданной жены.

Башни, крытыя шиферными пирамидальными крышами, встрѣчаются въ аулахъ: Хайбахъ, Галанчоджъ, Нюй, Пеленгъ (Полинкъ), Ирбите и мног. другихъ. Болѣе подробно разсмотрѣна была нами башня въ аулѣ Хайбахѣ, представленная на таб. II-ой.

Нижняя часть башни, какъ и многихъ другихъ, до сихъ поръ обитаема; верхніе этажи стоятъ пустыми. Башня окружена рядомъ пристроекъ, частью стараго времени, частью болѣе новыми. Въ основаніи она представляетъ квадратъ въ 4 м. внутри стѣнъ. Надъ нижнимъ помѣщеніемъ сводъ, украшенный четырьмя гуртами, сходящимися въ замыкающемъ камнѣ. Въ одномъ углу квадратное въ аршинъ отверстіе, ко-

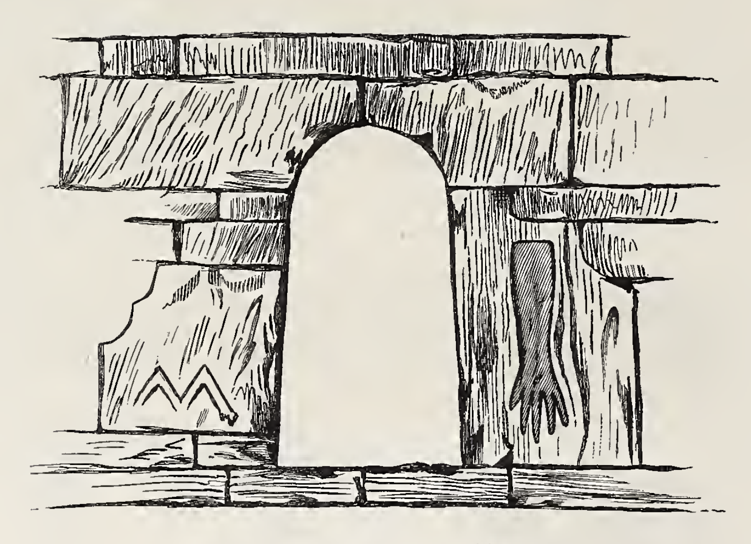

Рис. 53. Дверь башни въ Хайбахѣ.

торому соотвѣтствуютъ такія-же отверстія въ другихъ этажахъ. Очевидно лѣстница, нѣкогда соединявшая этажи, судя по величинѣ отверстія, была просто бревномъ съ поперечными перекладинами.

Входная дверь не выше 2-хъ аршинъ, сведена полукруглой аркой. Правая сторона двери образуется плитою съ явственнымъ рельефнымъ изображеніемъ руки съ растопыренными пальцами.

Между плитами, образующими углы башни, замѣтны 2, покрытыя орнаментами: на одной изображенъ кружекъ въ рамкѣ, на другой большой крестъ и нѣсколько крестовъ меньшихъ размѣровъ, подъ которыми виднѣется кружокъ съ лучами.

Въ виду того, что камень съ крестомъ положенъ такъ, что крестъ представляется лежащимъ на боку и притомъ вставленъ высоко (сажени на 2) отъ земли, слѣдуетъ думать, что эта плита была утилизована

строителями башни какъ матеріалъ, и была взята отъ какого-нибудь христіанскаго памятника. Другая плита съ изображеніемъ креста и орнаментомъ изъ спиралей составляетъ косякъ нынѣ заложенной двери въ одной изъ боковыхъ пристроекъ башни. См. рис. 55.

Верхъ башни покрытъ сводомъ, направляющія котораго имѣютъ стрѣльчатый видъ. Кладка свода представляетъ ту особенность, что послѣ каждаго ряда камней положены шиферныя плиты, которыхъ концы

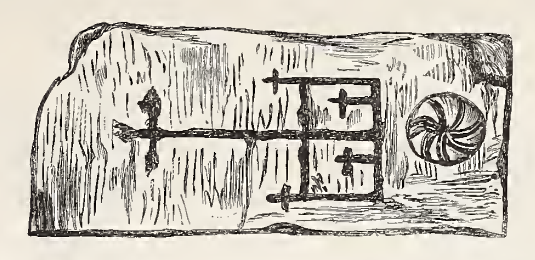

Рис. 54. Плита съ крестами въ башнѣ аула Хайбахъ.

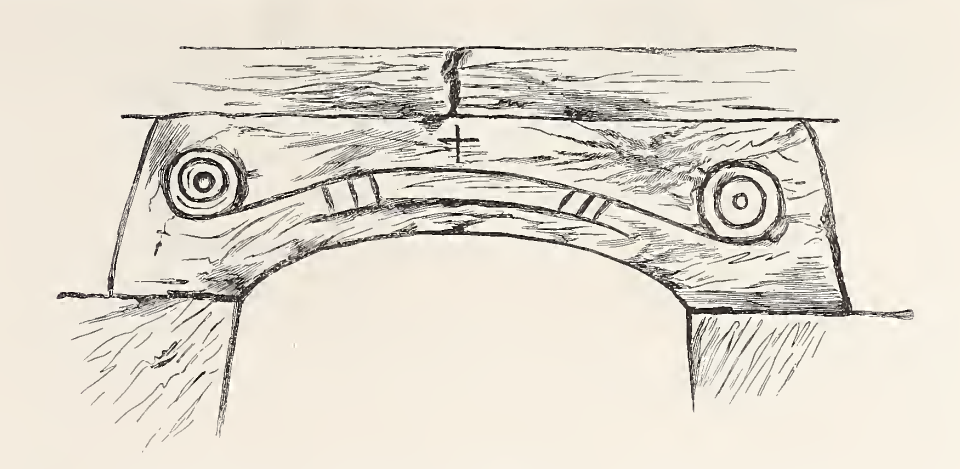

Рис. 55. Плита съ крестомъ и орнаментами въ башнѣ аула Хайбахъ.

сильно выступаютъ или, лучше сказать, свѣшиваются съ наружной стороны и такимъ образомъ получается видъ кривой лѣстницы.

Слѣдовательно, расположеніемъ шиферныхъ плитъ достигалась разумная цѣль: такъ какъ, по всей вѣроятности, сводъ клали безъ помощи кружалъ, то шиферныя плиты, положенныя на рядъ камней, придавливая ихъ, удерживали ихъ въ то же время отъ паденія внутрь. Сводъ замыкается большимъ камнемъ, представляющимъ съ наружной стороны видъ шпица.

На верху, въ верхнемъ этажѣ башни виднѣются узкія окна съ подоконниками, выступающими наружу въ видѣ ящиковъ.

Небольшія окна находятся и въ другихъ этажахъ.

По словамъ мѣстнаго старшины, живущаго въ строеніяхъ окружающихъ башню, она была построена однимъ изъ его предковъ лѣтъ 150 тому назадъ. Приблизительная высота башни 8 или 9 саженъ. Другія, видѣнныя нами башни съ крышами, во всемъ подобны описанной: только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на значительной высотѣ видны изображенія крестовъ, высѣченныхъ въ камнѣ, или сквозныхъ, напр., въ аулахъ: Нюй, Пеленгъ и друг. На таб. VIII представлены башни съ крышами въ аулѣ Нюй.

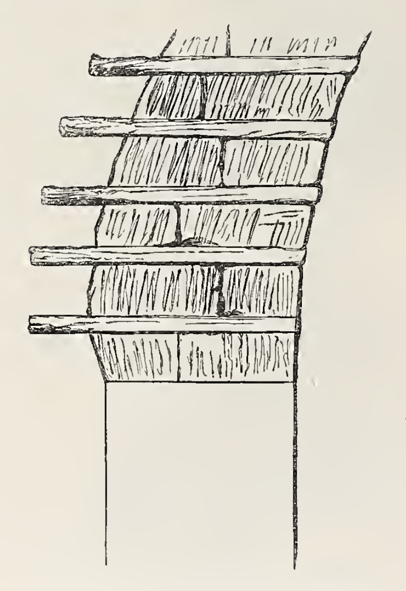

Рис. 56. Часть крыши башни въ Хайбахѣ.

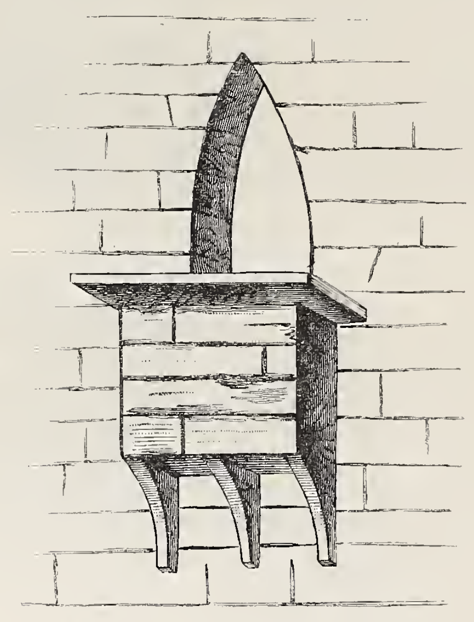

Рис. 57. Окно въ башнѣ Хайбаха.

Что касается первоначальныхъ строителей башенъ, то есть основаніе думать, что искусство сооруженія этихъ укрѣпленій было внесено въ горную Чечню Грузинами, оказывавшими нѣкогда несомнѣнно культурное вліяніе на Чеченцевъ, которые отчасти подчинялись имъ въ политическомъ отношеніи. Мѣстоположенье башенъ указываетъ на ихъ стратегическое значеніе: онѣ обыкновенно были воздвигаемы въ такихъ мѣстахъ, откуда удобно наблюдать за мѣстностью. Притомъ изображеніе крестовъ и плиты съ крестами указываютъ на строителей-христіанъ, которыми всего скорѣе могли быть Грузины. Научившись отъ нихъ, и сами Чеченцы могли впослѣдствіи возводить подобныя же сооруженія и поддерживать старыя грузинскія. Замѣтимъ кстати, что многія чеченскія фамиліи приписываютъ себѣ грузинское происхожденіе и что

до сихъ поръ въ Чечнѣ сохранились названія грузинскихъ монетъ: сомъ, абазъ, шауръ или шей *).

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о *курганахъ*, встрѣчающихся въ огромномъ количествѣ въ плоскостной Чечнѣ. Изъ нихъ можно отмѣтить одинъ, связанный преданіемъ съ именемъ Калмыковъ. Онъ находится по дорогѣ изъ Грознаго въ Воздвиженскую, верстахъ въ 9 отъ Грознаго на лѣвой сторонѣ и носитъ названіе Галмукъ-барцъ, т. е. Калмыцкій верхъ. Преданіе говоритъ, что на горѣ была ставка калмыцкаго хана и

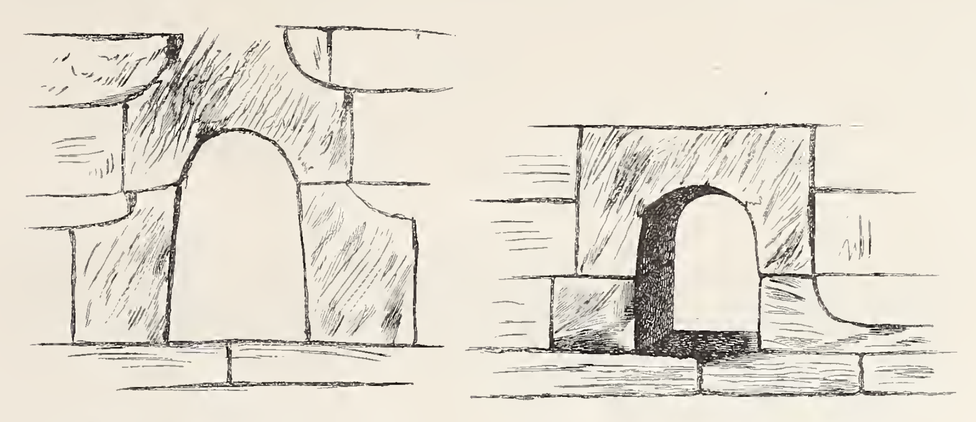

Рис. 58. Окно въ той же башнѣ. Рис. 59. Окно въ той же башнѣ.

въ курганѣ погребены Калмыки. Повидимому, въ курганѣ нѣсколько могилъ: мѣстные жители разрыли двѣ изъ нихъ и нашли мѣдное блюдо, желѣзный ножъ и нѣкоторыя другія вещи. Подъ курганомъ близъ дороги слѣды построекъ, выведенныхъ на извести. Еще ниже колодезь, который нѣкогда былъ обнесенъ каменной оградой, и слѣды построекъ вокругъ котловины, представляющей какъ-бы высохшее ложе пруда или бассейна. Преданіе о Калмыкахъ имѣетъ историческое основаніе. „Поселившись въ Ичкеріи, пришедшіе съ юга Чеченцы пришли въ столкновеніе съ Калмыками, жившими разбросанно по укрѣпленнымъ деревнямъ на всемъ пространствѣ по сосѣдству Ичкеріи до праваго берега Терека. Между ними происходили неоднократно столкновенія, о которыхъ свидѣтельствуютъ курганы, встрѣчаемые на земляхъ, занятыхъ въ то время Калмыками“ **). Извѣстно также, что Петръ Великій, чтобъ наказать Че-

*) См. Статью г. Лаудаева — Чеченское племя, въ Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, Вып. VI, Отд. 1, стр. 43.

Совершенно такого-же типа башни съ крышей существуютъ въ странѣ Хевсуровъ. См. изображеніе въ книгѣ г. Радде — Chewsuren, повторенное въ сочиненіи г. Шантра — Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. IV, p. 46.

**) А. П. Берже—Чечня и Чеченцы, стр. 131.

ченцевъ и Кумыковъ за пораженіе, нанесенное ими нѣкоторымъ русскимъ отрядамъ, проходившимъ по ихъ владѣніямъ во время Дербентскаго похода, пригласилъ калмыцкаго хана вторгнуться за Терекъ съ своими ордами. Рядъ кургановъ обозначаетъ путь, по которому слѣдовали полчища Аюки, а въ двухъ верстахъ отъ старой *Внезапной* крѣпости показываютъ большой насыпной холмъ, гдѣ стояла ставка калмыцкаго хана“ *).

Другіе видѣнные нами курганы не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

---

*) Тамъ-же, стр. 137. Чеченскія преданія о Калмыкахъ, см. въ статьѣ г. Лаудаева, въ Сбор. Свѣд. о Кавказ. Горцахъ, Вып. VI, Отд. 1, стр. 33 и слѣд.

II.

Археологическая экскурсія въ Осетію.

Цѣль экскурсіи. Маршрутъ. Очеркъ религіозныхъ вѣрованій Осетинъ. Священныя мѣста (дзуары). Религіозные обряды, совершаемые при дзуарахъ. Дзуары въ Куртатинскомъ ущельи. Старинная церковь въ аулѣ Дзивгисѣ. Церковь въ аулѣ Гули. Хцау-дзуаръ въ аулѣ Ладзъ. Дзуаръ близъ аула Харискина. Дзуары Майрамъ. Дзуаръ въ аулѣ Барзикау.— Могильники Куртатинскаго ущелья. Могильники аула Дзивгиса. Предметы изъ пещернаго могильника. Могильникъ близъ аула Ладза. Предметы изъ склеповъ. Могильникъ на р. Фридонѣ близъ аула Саниба. Описаніе 6-ти раскопанныхъ могилъ.— Усыпальницы. Виды ихъ. Усыпальница Сослана. Усыпальницы Куртата и Тагаура въ аулѣ Далагкау. Преданія о родоначальникахъ Куртатинцевъ и Тагаурцевъ.—Погребальная пещера близъ аула Ганала.— Памятники. — Башни. Свѣдѣнія объ осетинскихъ дзуарахъ за предѣлами Куртатинскаго ущелья. Святилище Рекомъ. Нузальская церковь. Дигорскіе дзуары.

Какъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи территорія, населенная Осетинами, представляетъ наиболѣе изслѣдованную область Кавказа. Древніе могильники Осетіи, уже привлекавшіе къ себѣ вниманіе въ 60-тыхъ годахъ, были посѣщаемы и изслѣдуемы русскими и иностранными археологами преимущественно между 1877—83 гг. Самый богатый изъ этихъ могильниковъ Кобанскій получилъ даже европейскую извѣстность и вызвалъ рядъ монографій. Начало научному описанію и изученію богатой бронзовой культуры, обнаруженной раскопками въ Кобани, было положено Г. Д. Филимоновымъ, который, разсмотрѣвъ въ 1877 году предметы изъ Кобанскаго могильника въ Тифлисскомъ музеѣ, первый предпринялъ обстоятельную раскопку названнаго могильника и сообщилъ результаты своего изслѣдованія въ статьѣ „О доисторической культурѣ въ Осетіи“ *). Дальнѣйшія раскопки въ Кобани были произведены В. Б.

*) См. Протоколы засѣданій Комитета по устройству Антропологической выставки Императорскаго Общества Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи № 20. М. 1878.

Антоновичемъ въ 1879 г., проф. Р. Вирховымъ и г. Долбежевымъ въ 1881 и французскимъ археологомъ г. Шантромъ въ томъ же году. Богатыя коллекціи добытыхъ раскопками предметовъ хранятся въ настоящее время въ Тифлисѣ, Владикавказѣ, Москвѣ, Порѣчьѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Ліонѣ, вызвали цѣлую литературу *) и, можно сказать, что Кобанскій могильникъ въ Осетіи извѣстенъ европейскимъ ученымъ, занимающимся первобытной археологіей, не менѣе знаменитаго Гальштадскаго.

Изъ другихъ могильниковъ Осетіи подвергались научному изслѣдованію: могильники дигорскіе,— Камунтскій и Галіатскій, въ которыхъ производили раскопки: В. Б. Антоновичъ въ 1879 г. и К. И. Ольшевскій въ 1882 г.; могильникъ въ аулѣ Камбылтѣ (раскопки К. И. Ольшевскаго въ 1882 г.), могильники въ Куртатинскомъ ущеліи: Ладзскій и Дзивгисскій, изслѣдованные В. Б. Антоновичемъ и г. Беренштаммомъ въ 1879 г. и Ольшевскимъ въ 1882 г., могильникъ близъ аула Чми (раскопки Д. Самоквасова въ 1882 г.), могильникъ Лизгорскій (раскопки К. И. Ольшевскаго въ 1882 г.), могильники близъ ауловъ Эльхотова, Христіанскаго, Галфандага и нѣк. др., изслѣдованные В. Б. Антоновичемъ въ 1879 году.

Сравнительно меньше свѣдѣній было до сихъ поръ собрано объ остаткахъ древнихъ христіанскихъ сооруженій въ Осетіи. Болѣе подробно были описаны только два главныя святилища этой страны: церкви Нузальская, въ Касарскомъ ущельи, и Рекомская, близъ Цейскаго ледника. Имѣя главнымъ образомъ въ виду описаніе христіанскихъ памятниковъ Осетіи, археологическая экспедиція 1886 года выбрала для изслѣдованія Куртатинское ущелье, образуемое русломъ рѣки Фіагдона, такъ какъ прежніе путешественники, посѣщавшіе эти мѣста, упоминали о видѣнныхъ ими христіанскихъ святыняхъ. Преслѣдуя эту глав-

*) Кромѣ вышепомянутой статьи г. Филимонова, могутъ быть названы изслѣдованія: *Chantre*—Recherches paléoethniques dans la Russie méridionale et specialement au Caucase et en Crimée, Lyon. 1881. *Его же*: La nécropole de Koban en Ossèthie (Materiaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme 2-e série, t. XII), Toulouse. 1882. *Его же*: La nécropole de Koban (Bulletin de la société d'anthropologie de Lyon, tome II fasc. I. 1883). *Его же*: Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II, texte et Atlas. 1886. *В. Б. Антоновича*—Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ въ 1879 г. См. Протоколы подготовительнаго комитета V-го Археологическаго Съѣзда. М. 1882. Стр. 242—245. *Rudolf Virchow*—Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Berlin. 1883. *Bayern*—Contribution à l'archéologie du Caucase, Lyon. 1882. *Д. Н. Анучинъ*—Доисторическая археологія Кавказа, Журн. Мин. Народн. Просв. Часть CCXXXI, Отд. 2. *В. Долбежевъ*—Объ орнаментахъ и формахъ бронзъ, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ близъ селенія Уолла-Кобанъ, см. Сборникъ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI. 1888.

ную цѣль, мы тѣмъ не менѣе изслѣдовали по пути все, что могло представить археологическій интересъ, и производили раскопки въ могильникахъ, гдѣ представлялась для этого возможность. Сообразуясь съ временемъ и средствами, которыми могла располагать экспедиція, были предприняты двѣ экскурсіи изъ Владикавказа: первая для изслѣдованія Куртатинскаго ущелья, вторая—ущелья рѣки Гизель-дона *).

Въ посѣщенныхъ нами мѣстахъ въ археологическомъ отношеніи останавливаютъ на себѣ вниманіе: 1) Древнія христіанскія церкви, обратившіяся у Осетинъ въ языческія капища (дзуары), 2) древніе могильники, напримѣръ, въ Ладзѣ, Дзивгисѣ, Санибѣ, 3) могильныя наружныя усыпальницы, такъ называемые *зäппадзы*, 4) башни, встрѣчаемыя въ значительномъ числѣ почти во всѣхъ горныхъ аулахъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію памятниковъ религіознаго характера, скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ ранняго христіанства въ Осетіи.

Сооруженія всѣхъ древнихъ христіанскихъ церквей туземное населеніе приписываетъ царицѣ Тамарѣ. Въ основаніи этого народнаго мнѣнія лежитъ тотъ историческій фактъ, что христіанство было распространяемо среди предковъ нынѣшнихъ Осетинъ грузинскими миссіонерами въ періодѣ процвѣтанія Грузіи, къ которому относится и вѣкъ царицы Тамары (1184—1212). Нѣтъ сомнѣнія, что при ней христіанская пропаганда была особенно успѣшна въ горахъ Осетіи, хотя, конечно, многія изъ церквей могли быть построены и раньше и значительно позже царствованія этой популярной грузинской царицы.

Однако внесенное изъ Грузіи христіанство, вслѣдствіе слабой связи Осетинъ, жившихъ по эту сторону хребта, съ Грузіей, мало по малу заглохло среди туземнаго населенія, смѣшалось съ прежними языческими вѣрованіями, которыя не могли быть вытѣснены усиліями грузинскихъ миссіонеровъ, и изъ этой смѣси христіанства съ язычествомъ образовался характерный типъ двоевѣрія, который и до сихъ поръ сохраняется въ народѣ, туго поддаваясь просвѣтительнымъ усиліямъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Нужно сознаться, что христіанство до сихъ поръ коснулось Осетинъ самымъ поверхно-

---

*) Маршрутъ 1-й экскурсіи: Изъ Владикавказа чрезъ аулъ Новый Кадгаронъ по ущелью Фіагдона въ аулъ Дзивгисъ; отсюда чрезъ аулы Далакау, Цимити и Ладзъ въ аулъ Харискинъ; отсюда обратно чрезъ Далакау въ аулы Джизи и Кобанъ; изъ Кобана на Военно-грузинскую дорогу къ станціи Балтѣ и затѣмъ во Владикавказъ.

Маршрутъ 2-й экскурсіи (Н. Н. Харузина и З. Н. Тулинцева): Изъ Владикавказа на аулъ Гизель; далѣе вверхъ по Кубанкѣ мимо Ганала въ аулъ Саниба. Отсюда тѣмъ же путемъ обратно во Владикавказъ.

стнымъ образомъ и притомъ не своей внутренней, нравственной стороной, а только внѣшней обрядностью. Нравственный складъ Осетина, называетъ ли онъ себя христіаниномъ или мусульманиномъ, сложился изъ понятій, выработавшихся вѣками въ родовомъ быту, и въ этотъ плотно замкнутый кругъ христіанство еще не успѣло пробить себѣ входа. Христіанская мораль мало извѣстна Осетину, противорѣчитъ во многомъ его, сложившимся вѣками, понятіямъ, а христіанская догматика ему совершенно непонятна. Принимая христіанство, Осетинъ исполняетъ нѣкоторые обряды, крестится, соблюдаетъ посты и праздники, иногда ходитъ въ церковь, упоминаетъ имя Христа и нѣкоторыхъ святыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справляетъ и прежніе языческіе обряды, совершаетъ *кувды* святымъ мѣстамъ (дзуарамъ), приноситъ жертвы — барановъ, козловъ, быковъ — по извѣстнымъ днямъ и при этомъ не думаетъ, чтобы его прежніе обряды были несогласимы съ новыми, которые ему указываетъ духовенство *).

Священныя мѣста, на которыхъ совершается въ извѣстное время года *моленіе* (кувдъ), носятъ у Осетинъ общее названіе *дзуаровъ;* слово дзуаръ—ничто иное, какъ грузинское названіе *креста* (джвари). Многіе изъ дзуаровъ, какъ было выше сказано, представляютъ развалины древнихъ христіанскихъ церквей и часовень, но большинство восходитъ къ другимъ источникамъ: *дзуаромъ* называется мѣсто и даже предметъ, которые носятъ, по мнѣнію туземцевъ, чудесный характеръ. Суевѣрное воображеніе Осетина склонно всюду, въ окружающей природѣ, видѣть чудесное: все, выходящее изъ ряда, все чѣмъ нибудь подѣйствовавшее на его воображеніе, можетъ стать для него предметомъ кувда — дзуаромъ. Роща, связанная съ древнимъ преданіемъ, отдѣльно стоящее раскидистое дерево, пещера, оригинальнаго вида камень, древняя могила, приписываемая какому-нибудь нарту (богатырю), минеральный ключъ — все это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ принять священный характеръ. Не мудрено поэтому, что въ каждомъ осетинскомъ селеніи встрѣчаются самые разнообразные дзуары. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Рекомъ (въ Цейскомъ ущеліи), Мыкалы-габыртэ, Татаръ-тупъ и друг. извѣстны во всей Осетіи и посѣщаются тысячами поклонниковъ; другіе— извѣстны только одному аулу; но есть и такіе, которые составляютъ предметъ поклоненія одной семьи или одного рода.

Обряды, сопровождающіе празднество въ честь того или другаго

---

*) Всев. Миллеръ—Осетинскіе этюды, часть II, стр. 237

дзуара, почти тождественны во всей Осетіи. Назначенному дню предшествуетъ заготовленіе пищи для жертвоприношенія и пирушки. Необходимое приношеніе составляютъ такъ называемые чирп — лепешки изъ пшеничной муки, начиненныя сыромъ или высушеннымъ саломъ; эти лепешки обязательны даже въ томъ случаѣ, когда приносится животная жертва. Изъ питій должны быть заготовлены для празднества: брага, пиво или аракъ. Съ этими припасами и со скотомъ, обрекаемымъ на жертвоприношеніе, жители аула отправляются къ священному мѣсту. Если дзуаръ—развалина древней церкви, то молельщики располагаются около ограды, каждый съ своими приношеніями. Входить внутрь въ церковь имѣетъ право только одинъ старикъ, такъ называемый *дзуарлагъ*, который и хранитъ ключи отъ святилища. Его обязанность состоитъ въ томъ, что онъ вноситъ въ церковь приношенія и ставитъ ихъ внутри на извѣстномъ мѣстѣ. Эти приношенія въ какой-нибудь древней святынѣ накапливаются вѣками и даютъ внутренности дзуара видъ склада самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, въ посѣщенномъ мною въ 1880 году святилищѣ Рекомѣ я замѣтилъ на широкой шиферной доскѣ, вдѣланной въ стѣнѣ на мѣстѣ алтаря, глиняныя чашки разной величины, нѣкогда наполненныя пивомъ, фигуры барашковъ изъ глины — приношенія ex voto женщинъ, желающихъ имѣть дѣтей, бусы, куски ваты, нити серебряной канители, галуны, остатки матерій, двѣ, три иконы, древній шлемъ, приписываемый Оси-багатару, а въ притворѣ святилища огромную кучу стрѣлъ съ древками и безъ древковъ, достигающую почти потолка зданія *).

Культъ, совершаемый около дзуара, состоитъ изъ закланія жертвы и обрядовой пирушки. Закланіе жертвы сопровождается извѣстными обрядами. Молодой человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ рѣзаніе барашка, подводитъ животное къ представителю семьи—ея старѣйшему члену, и притомъ такъ, чтобы голова жертвеннаго животнаго была обращена къ святилищу. Старикъ беретъ животное за лѣвый рогъ и произноситъ молитву Богу и святому, которому посвящается жертва. По окончаніи молитвы онъ дѣлаетъ барану горящимъ полѣномъ крестообразную мѣтку на шеѣ за правымъ ухомъ и на мордѣ, причемъ, когда кверху идетъ дымъ отъ опаляемой шерсти, говоритъ: да пойдетъ наше приношеніе къ Богу. Затѣмъ старику подносятъ въ стаканѣ араку: онъ плескаетъ часть его въ огонь, даетъ отпить мальчику и остальное выпиваетъ самъ. Когда роль старика кончена, молодой

---

*) См. ниже описаніе Рекома.

человѣкъ съ помощникомъ кладутъ барана на землю такъ, чтобъ горло было обращено къ востоку, и по произнесеніи словъ — Хцау, дӓуӓн табу — «Боже, тебѣ слава» — барану перерѣзывается горло. Пока кровь стекаетъ въ тазъ, рѣзникъ долженъ хранить молчаніе. Затѣмъ онъ отрѣзаетъ голову, снова приставляетъ ее на минуту къ шеѣ и подаетъ старику, который тщательно опаляетъ шерсть и бросаетъ голову въ котелъ. Когда мясо сварено и разрѣзано на куски, прислуживающій молодой человѣкъ кладетъ передъ главой семьи 3 жертвенныя лепешки, голову и лучшія части животнаго и ставитъ передъ нимъ стаканъ съ аракомъ. Старикъ, спявъ папаху, беретъ въ руки кусокъ мяса и произноситъ молитву, въ которой проситъ всякаго благополучія спачала у Бога, затѣмъ у святаго, чествуемаго въ этотъ день. Послѣ каждаго пожеланія длинной молитвы присутствующіе говорятъ: аминъ (аминь). По окончаніи молитвы старикъ бросаетъ одинъ кусокъ легкаго, обернутый въ брюшной жиръ, въ огонь и тоже дѣлаетъ съ одной изъ жертвенныхъ лепешекъ (чири). Сидящій рядомъ съ главой семьи, первый послѣ него по старшинству, произноситъ болѣе краткую молитву, держа въ рукѣ чашку арака, плескаетъ нѣсколько капель въ огонь, даетъ отвѣдать одному изъ присутствующихъ и выпиваетъ остальное самъ. Этими обрядами освящены пища и питье, и затѣмъ начинается пирушка, продолжающаяся до глубокой ночи.—Во время пиршества поются пѣсни, въ которыхъ поминается имя чествуемаго святаго. Отмѣтимъ, что между христіанскими святыми, получившими у Осетинъ значеніе языческихъ боговъ, пользуются особымъ уваженіемъ: Св. Георгій (Уастырджи, по дигорски Уаскерги), Св. Илья (Уацилла, Эліа), Св. Николай (Никкола), Св. Ѳеодоръ Тиронъ (Тутыръ) и нѣк. другіе.

Переходимъ къ описанію *дзуаровъ,* осмотрѣнныхъ нами въ Куртатинскомъ ущеліи.

Въ древнемъ аулѣ Дзивгисѣ, па лѣвомъ берегу Фіагдона, сохранилась небольшая церковь, нѣкогда построенная въ память Св. Георгія и затѣмъ обратившаяся въ дзуаръ. У мѣстныхъ жителей она носитъ названіе Уастырджи Кувӓндонъ т. е. молельня Уастырджи (Георгія). Это небольшое зданіе, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, сложенное изъ массивныхъ камней па извести и выбѣленное снаружи. Длина зданія — 4 сажени, ширина 2 саж. 2 аршина. Оно покрыто на высотѣ 8 аршинъ двускатной крышей изъ двухъ рядовъ шиферныхъ плитъ, положенныхъ на деревянныя доски. Зданіе прислонено западной стороной къ горѣ, такъ что эта сторона почти вдвое ниже

восточной. На восточной сторонѣ алтарный выступъ, представляющій полукругъ въ 8 аршинъ и покрытый полукуполомъ изъ восьми рядовъ шиферныхъ плитъ, чередующихся съ камнями (см. таблицу IX).

Церковь освѣщена небольшими похожими на щели и суживающимися кверху окнами, изъ которыхъ одно продѣлано въ западной стѣнѣ, два въ южной и два въ восточной (одно на верху, другое въ стѣнѣ абсида). Доступъ въ церковь даетъ съ южной стороны дверь, покрытая полукруглой аркой. Съ той же стороны церкви пристройка въ видѣ сарая, котораго крыша держится на 13 деревянныхъ столбахъ. Вдоль стѣнъ сарая тянутся деревянныя скамьи, на которыхъ

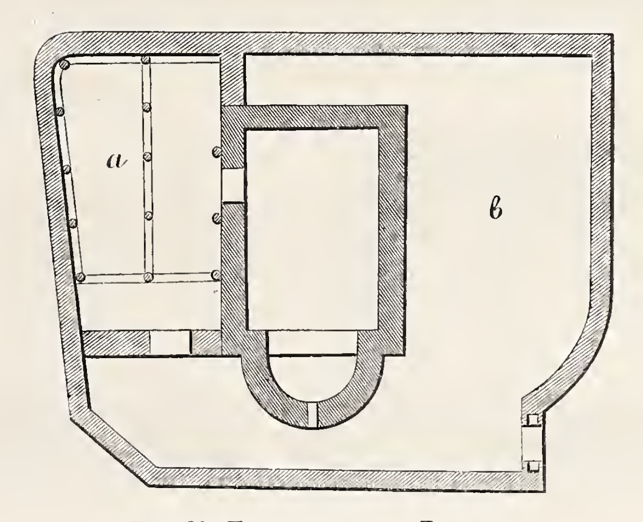

Рис. 60. Планъ дзуара въ Дзивгисѣ.

сидятъ молельщики во время *кувда,* совершаемаго разъ въ годъ въ ноябрѣ. Въ сараѣ хранятся всѣ необходимые атрибуты кувда: котлы для пива, желѣзныя цѣпи отъ котловъ, деревянныя и глиняныя чашки и т. п. Церковь обнесена невысокой каменной оградой, внутри которой, близъ южной стѣны, находится деревянная звонница, состоящая изъ двухъ столбовъ съ перекладиной, покрытыхъ двускатной крышей. Два небольшіе колокола имѣютъ грузинскія надписи *). На стѣнѣ надъ воротами, ведущими во дворъ, сложена масса оленьихъ, турьихъ, бычьихъ и козьихъ роговъ,—приношеній многихъ поколѣній. Внутрен-

*) Г. Пфафу во время его пребыванія въ Дзивгисѣ жители показали обломокъ колокола съ слѣдующей грузинской надписью: «Я, царь Карталинскій, патронъ Георгій, въ году хроникона 301 пожертвовалъ колоколъ сей тебѣ, Святому Георгію Дзгвійскому, дабы дарована была намъ побѣда. «301» годъ хроникона есть 1613 годъ нашего лѣтосчисленія, но невидно, чтобы въ это время царствовалъ Георгій въ Грузіи или въ Кахетіи. По словамъ Пфафа, И. А. Бартоломей высказалъ предположеніе, что Георгій можетъ быть какой нибудь

ность церкви не представляетъ ничего замѣчательнаго. Два столба отдѣляютъ корабль отъ алтаря, въ которомъ помѣщается престолъ. Къ сожалѣнію, жители затеряли, по ихъ словамъ, ключъ отъ дзуара, такъ что мы должны были ограничиться тѣмъ что осмотрѣли внутренность изъ оконъ.

Только что описанный типъ дзуаровъ повторяется и въ другихъ аулахъ Куртатинскаго ущелья. Таковъ, напримѣръ, ближайшій къ Дзивгисскому дзуаръ въ аулѣ Гули на лѣвой сторонѣ Фіагдона. Только размѣры этого зданія уступаютъ значительно размѣрамъ Дзивгисской церкви (см. таблицу IX). Длина 2 саж. 2 арш., ширина 2 саж. 1 арш. съ четвертью, вышина 1 саж. Дверь съ южной стороны за-

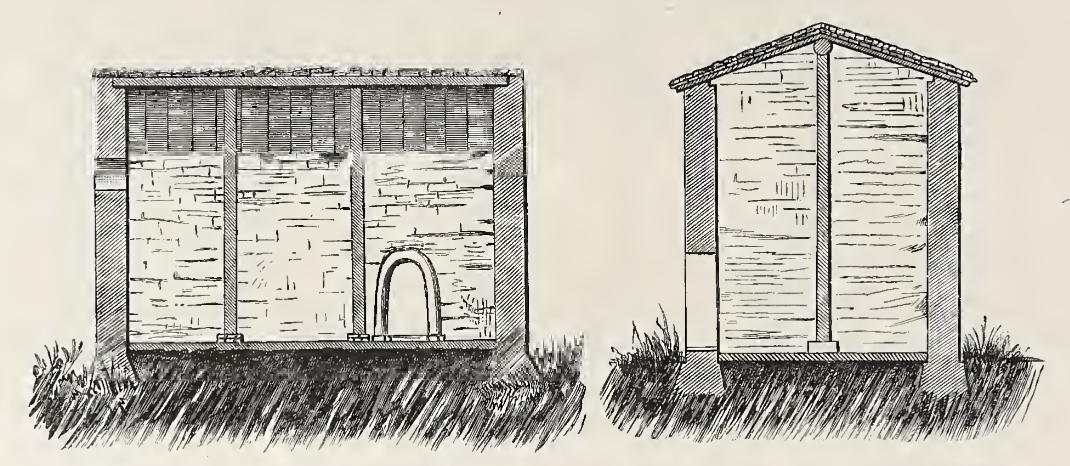

Рис. 61. Дзуаръ въ Гули въ продольномъ разрѣзѣ.

Рис. 62. Дзуаръ въ Гули въ поперечномъ разрѣзѣ.

мыкается полукруглой аркой. На восточной сторонѣ нѣтъ алтарнаго абсида и только какимъ нибудь усердствующимъ молельщикомъ вдѣланъ огромный олений рогъ. Къ стѣнамъ часовни прилегаютъ два крытые дворика, одинъ съ южной, другой—съ западной стороны.

Весь дзуаръ обнесенъ низкой каменной оградой. Неизвѣстно, какому христіанскому святому была посвящена эта церковь; но, судя потому, что жители совершаютъ въ ней *кувдъ* въ ноябрѣ, можно думать, что она была посвящена тому-же Уастырджи (св. Георгію),

претендентъ на грузинскій престолъ, бѣжавшій въ Осетію и молившій о дарованіи ему побѣды надъ соперникомъ, за принесеніе мѣднаго колокола. На другомъ колоколѣ, хранящемся при церкви, слѣдующая надпись безъ хронологическаго указанія: «Я Махмедъ, Арнальдека сынъ, сей колоколъ (пожертвовалъ) Дзгвійскому святому мѣсту. Дай богъ, чтобы на звукъ его приходили на поклоненіе тебѣ и прославленіе». См. Пфафъ — путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи,— въ Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказѣ т. I стр. 160.

какъ и Дзивгисская церковь. — Прилагаемые рисунки 61 и 62 представляютъ церковь въ аулѣ Гули въ продольномъ и поперечномъ разрѣзѣ, чтобъ пояснить устройство крыши. На двухъ столбахъ и обѣихъ стѣнахъ покоится переводина, на которой лежатъ одни концы досокъ, между тѣмъ какъ другіе упираются въ продольныя стѣны. Сверхъ досокъ положены въ два ряда шиферныя плиты.

Церковь такого-же типа, составляющая дзуаръ древняго аула Ладза, носитъ у Осетинъ названіе Хцау-дзуаръ—т. е. *божій дзуаръ*. Размѣры зданія весьма незначительны: длина около 3 саж., ширина—2 саж. Небольшая дверь съ полукруглой аркою продѣлана въ западной стѣнѣ; по бокамъ двери двѣ небольшія ниши; выше ея развѣшаны по стѣнѣ куски холста, такъ называемые *нысайнагʼ* и, т. е. знаки того, что такой-то молельщикъ совершалъ кувдъ и желаетъ напомнить объ этомъ дзуару. Двускатная крыша на высотѣ 2 арш. 14 верш. покрываетъ зданіе. На гребнѣ крыши, надъ алтарной частью, стоитъ простой деревянный крестъ. Часовня освѣщается тремя небольшими, затянутыми проволочной сѣткой окнами, двумя съ южной и однимъ съ восточной стороны. Алтарь отдѣленъ тонкой деревянной перегородкой на подобіе рамы, не забранной досками. Въ алтарѣ на каменномъ престолѣ стоятъ: небольшой металлическій подсвѣчникъ, нѣсколько чашекъ, кружекъ и стакановъ, наполненныхъ пивомъ, и нѣсколько совсѣмъ новыхъ небольшихъ иконъ. Въ лѣвомъ углу алтаря хранится желѣзная цѣпь, которой приписываютъ цѣлебную силу. Часовня имѣетъ пристройку, гдѣ совершается *кувдъ*, и обнесена невысокой оградой. 21 іюля при Хцаудзуарѣ совершается Атинагъ, праздникъ, предшествующій началу сѣнокоса и жатвы. Изображеніе описаннаго дзуара см. на табл. X-ой.

Недалеко отъ аула Харискина, на лѣвомъ берегу Фіагдона, при впаденіи въ него рѣчки Цаззіу, стоитъ полуразрушенная башня, называемая Уӑлӑ-мӑсыгъ, т. е. *верхняя башня*. На южной сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ башни, виднѣются развалины небольшой часовни, называемой *дзуарамъ верхней башни* (Уӑлӑ мӑсыджи дзуаръ). Длина этого каменнаго зданія 2 саж. $1^1/_2$ арш., ширина 1 саж. 1 арш. 10 в. Крыша частью обрушилась; окна представляютъ видъ щелей, — одно на восточной, другое—па западной сторонѣ; входная дверь—въ южной стѣнѣ. Зданіе окружено невысокой оградой. Внутри ея лежитъ камень, на которомъ имѣла право рѣзать барановъ фамилія Гутіевыхъ въ аулѣ Харискинѣ; другія фамиліи приносили жертвы въ другомъ мѣстѣ, болѣе отдаленномъ отъ церкви. Названіе дзуара *Майрӑмъ* заставляетъ ду-

мать, что часовня была посвящена Богоматери Маріи. По словамъ туземцевъ, въ этомъ дзуарѣ совершается кувдъ въ Духовъ день. См. таб. X.

Другой типъ дзуаровъ, часто встрѣчающійся въ Осетіи, представляетъ видъ невысокихъ, но широкихъ четыреугольныхъ столбовъ, сложенныхъ изъ камней и поставленныхъ на какомъ-нибудь громадномъ отдѣльномъ камнѣ или бугрѣ. Эти памятники носятъ названіе Мадымайрӓмъ, т. е. Матери Маріи, и имѣютъ особое значеніе для женщинъ, желающихъ имѣть дѣтей. Къ Мадымайрӓмъ водятъ молодую при брачномъ обрядѣ. Приближаясь къ святилищу, мальчики бросаютъ въ

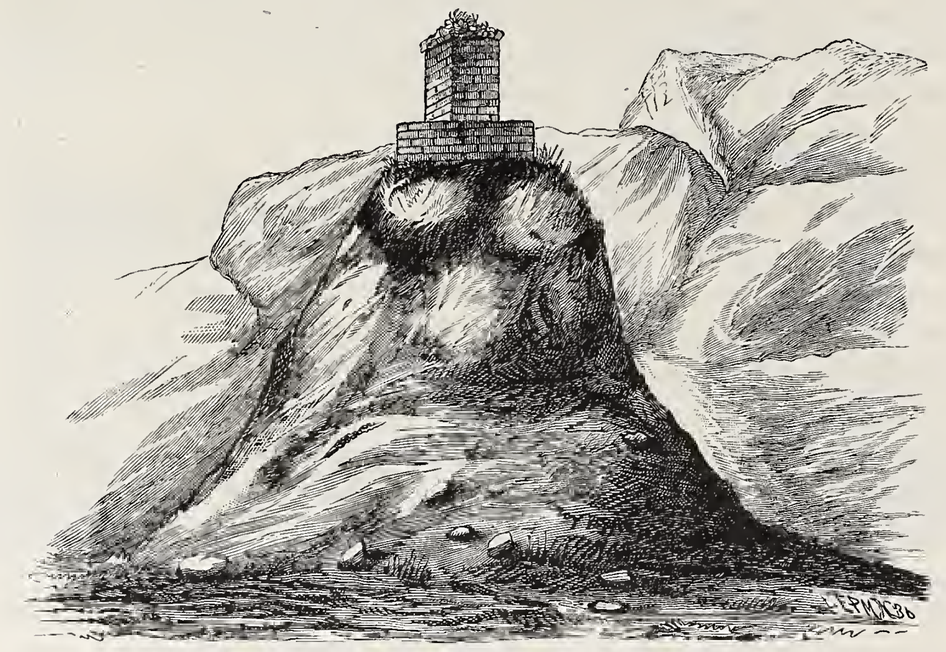

Рис. 63. Дзуаръ (Майрамъ) въ аулѣ Барзикау.

него каменьями и пулями, восклицая при этомъ: „вотъ столько мальчиковъ (сколько камней и пуль) и одну синеокую дѣвочку подай, Майрӓмъ, нашей доброй невѣсткѣ!“ Подобную же молитву произноситъ затѣмъ шаферъ. Памятникъ Мадымайрӓмъ находится, напримѣръ, противъ аула Дзивгиса, на правой сторонѣ Фіагдона.

Въ аулѣ Барзикӓу, почти въ серединѣ аула на бугрѣ, виднѣется небольшой дзуаръ, сходный съ дзивгисскимъ Майрӓмомъ, но отличающійся отъ него тѣмъ, что каменный столбъ утвержденъ на круглой платформѣ. Посвященъ ли этотъ дзуаръ Мадымайрӓмъ, намъ не удалось узнать. Называютъ его просто Барзикауи дзуаръ, т. е. дзуаръ деревни Барзи. См. рис. 63.

Переходимъ къ описанію осмотрѣнныхъ нами могильниковъ.

Въ аулѣ Дзивгисѣ, кромѣ такъ называемыхъ зäппадз'овъ (см. ниже). можно отмѣтить два древнихъ могильника: одинъ близъ церкви (описанной выше, стр. 48), другой на верху,—*пещерный*.

Наружными признаками могилъ перваго могильника служатъ невысокіе каменные столбы изъ шиферныхъ плитъ. На незначительной глубинѣ (12—16 вершковъ) въ землѣ находятся гробы въ видѣ каменныхъ ящиковъ, сложенныхъ изъ шиферныхъ плитъ. Длина гробовъ 2 арш. 14 верш., ширина въ ногахъ 9, въ головахъ $10\frac{1}{2}$ вершковъ, глубина 9 верш. Въ разрытыхъ нами 2-хъ могилахъ было пайдено: *просо*, каменное точило и желѣзный небольшой ножъ съ слѣдами деревянной ручки. Ящики засыпаны до крышки землей. Лицо покойниковъ обращено къ востоку.

Другой могильникъ находится въ скалѣ, на лѣвомъ берегу Фіагдона. Здѣсь естественные гроты посредствомъ пристроенныхъ стѣнокъ были обращены въ усыпальницы. Стѣнки выведены изъ камней на извести. Внутри усыпальницы были находимы остатки отъ деревянныхъ гробовъ, сколоченныхъ въ видѣ невысокихъ плоскихъ прямоугольныхъ ящиковъ изъ досокъ. Размѣры гробовъ: длина 2 арш. 9 верш., ширина 12 верш., глубина 10 верш. Встрѣчаются также дѣтскіе гробы въ видѣ двухъ корытъ, положенныхъ одно па другое. Костяки въ гробахъ покрыты землею и плохо сохранились. Въ нѣсколькихъ гробахъ кости оказались въ полномъ безпорядкѣ. Въ почвѣ 1-го грота, образовавшейся отъ перегнившихъ гробовъ и костей, были найдены слѣдующія вещи: небольшіе кувшинчики изъ желтой глины съ геометрическими, сдѣланными краской, орнаментами, черными и красными, съ одной и двумя ручками; кувшипы бо̀льшихъ размѣровъ изъ красной глины съ ручкой и срѣзаннымъ носикомъ, грубой работы и безъ орнаментовъ; большія бронзовыя дутыя ушныя кольца, въ вершокъ въ діаметрѣ; кольца изъ бронзовой проволоки и перстни; бронзовыя части узды въ видѣ *дельты* съ кружечками по угламъ; бронзовые бубенчики на подвѣскахъ; бронзовыя бляхи со сквознымъ изображеніемъ геральдической птицы и тремя ушками; бронзовыя пряжки отъ поясовъ съ изображеніями человѣческихъ лицъ монгольскаго типа и собакъ (львовъ?) и съ геометрическими орнаментами; бронзовое небольшое зеркальце; такое же зеркало болѣе двухъ вершковъ въ діаметрѣ съ изображеніями (выпуклыми) на внѣшней сторонѣ крестовъ и Соломоновой печати; двѣ круглыя бронзовыя пластинки, составляющія чехолъ отъ зеркала, изъ которыхъ одна съ выпуклымъ изображеніемъ двухъ сходящихся головами грифоновъ;

между ними вытисненный кружокъ; бронзовыя цѣпочки изъ перевитыхъ колецъ тонкой работы; серьга изъ серебряной проволоки; серебряная дутая серьга съ шариками внизу и на верху; черепки отъ сосудовъ изъ красной глины съ голубой поливой; черепки отъ стекляннаго сосуда зеленоватаго цвѣта; желѣзные ножи и молоточекъ; кабаньи клыки, употреблявшіеся женщинами для чистки ремней; множество бусъ изъ пасты съ глазками, черточками, изъ разноцвѣтнаго стекла, горнаго хрусталя, золоченаго стекла, сердолика, янтаря и т. п. См. таб. XI.

Второй осмотрѣнный нами могильникъ тянется на значительномъ пространствѣ близъ аула Ладза, на берегу Фіагдона, и называется могильникомъ Нартовъ (богатырей). Мы отмѣтимъ здѣсь 2 типа подземныхъ могилъ: *каменные ящики* и *склепы*. Первые сложены насухо изъ сланцевыхъ плитъ и камней и покрыты обыкновенно тремя плитами. Размѣры ящиковъ разрытыхъ нами: длина 2 арш. 13 или 14 вершковъ, ширина—1 арш. 9—10 верш., глубина—1 арш. 8 верш. Костякъ лежитъ лицомъ на востокъ и засыпанъ внутри ящика желтой глиной. Въ 1-й могилѣ найденъ былъ только желѣзный ножъ, въ другой нѣсколько бусъ. Наружные признаки могилъ—камни, образующіе иногда прямоугольную или овальную фигуру на поверхности земли. Ящики зарыты не глубже $^1/_2$ или $^3/_4$ аршина.

Склепы сложены насухо изъ булыжника и шиферныхъ плитъ и помѣщаются неглубоко подъ землей; входъ заваленъ плитой и засыпанъ; наружныхъ признаковъ, кромѣ нѣсколькихъ валуновъ, на поверхности нѣтъ. Длина склеповъ достигаетъ 1 сажени и болѣе, ширина 1 арш. 12—14 вершковъ, высота 8—10 вершковъ. Кости лежатъ на почвѣ и засыпаны землею. Въ разрытыхъ нами 2-хъ склепахъ были найдены: серьга изъ бронзовой проволоки въ видѣ большаго кольца, нѣсколько бусъ изъ пасты съ глазками, изъ стекла, сердолика и т. п., застежки (пряжки) отъ поясовъ съ изображеніями человѣческихъ лицъ и т. п. предметы, повторяющіе перечисленные выше типы предметовъ изъ Дзивгисскихъ могилъ, что вполнѣ естественно, въ виду того, что Ладзскій могильникъ удаленъ отъ Дзивгисскаго лишь на одинъ часъ пути. Въ обоихъ склепахъ костяки оказались совершенно истлѣвшими.

Рис. 64. Могильный склепъ въ Ладзѣ въ поперечномъ разрѣзѣ.

Замѣтимъ, что, по словамъ туземцевъ, года четыре тому назадъ въ Ладзскомъ могильникѣ (неизвѣстно въ склепѣ или каменномъ ящикѣ) былъ найденъ металлическій крестъ, который нашедшіе снова зарыли въ землю, считая грѣхомъ его взять. См. таб. XII.

Третій изслѣдованный экспедиціей могильникъ расположенъ на сѣверъ отъ селенья Саниба, на лѣвомъ берегу рѣчки Фридона, на холмѣ, и тянется на значительное пространство. Наружные признаки могилъ составляютъ солидныя сланцевыя плиты, длиною отъ $2^1/_2$ до 3-хъ аршинъ, шириною отъ 1-го до $1^1/_2$ аршинъ и толщиною отъ 2—3 вершковъ. Подъ плитами оказывался слой насыпной земли въ нѣсколько вершковъ толщиною, и затѣмъ обнаруживались плиты, покрывавшія камен-

Рис. 65. Гробница въ могильникѣ близъ аула Саниба.

Рис. 66. Кувшинъ изъ могилы близъ аула Саниба.

ный ящикъ. Стѣнки ящика сложены изъ сланцевыхъ плитъ и отесанныхъ камней на глинѣ.

Могилы содержали по одному костяку, но въ одной оказались кости отъ нѣсколькихъ скелетовъ, въ безпорядкѣ. Всего раскопано было 6 могилъ. Представляемъ выдержку изъ дневника раскопокъ, веденнаго Н. Н. Харузинымъ.

Могила № 1. По снятіи верхней наружной плиты и крышки каменнаго ящика, обнаружился костякъ, лежавшій на днѣ могилы, но не на материкѣ, а на бѣлой плитѣ, длиною въ 1 арш. 12 верш., шириною въ 10 и толщиною въ 2 вершка. Головой покойникъ лежалъ на юго-западъ, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ могилахъ. Внутренность ящика, какъ и всѣхъ слѣдующихъ, наполнена землею. Надъ ногами покойника, подъ наружной плитою найденъ разбитый красной глины кувшинъ, высотой въ 9 вершковъ, покрытый камнемъ (см. рис. 66).

Черепъ и прочія кости по ветхости разсыпались при прикосновеніи. Изъ вещей внутри ящика найдены: 4 бронзовыя пуговицы въ видѣ бубенчиковъ и одна стекляная буса.

Могила № 2. Устройство какъ въ № 1. Размѣры ящика: длина внутри $2^1/_2$ арш., ширина 14, глубина 13 вершковъ. Въ головахъ и ногахъ костяка по кувшинчику бѣлой и желтой глины съ орнаментами. Изъ вещей было найдено: нѣсколько стеклянныхъ бусъ, бронзовыхъ пуговицъ и бронзовыхъ подвѣсокъ.

Могила № 3. Наружные признаки—3 рядомъ лежащія плиты. По снятіи ихъ оказался неглубокій слой мелкаго камня, покрывавшій каменный ящикъ. Размѣры: длина 2 арш. 10 верш., ширина—въ головахъ 1 арш. 4 верш., въ ногахъ 14 верш., глубина 13 вершковъ. Въ головахъ костяка былъ найденъ разбитый кувшинъ красной глины и черепки отъ какого-то стеклянаго сосуда. Близъ головы лежали серьги изъ бронзовой проволоки и 3 бронзовыя миндалевидныя подвѣски (отъ серегъ?). Далѣе близъ руки оказался синій стекляный браслетъ, круглое бронзовое зеркальце съ остатками кожанаго чехла. Но самую цѣнную находку составляетъ просверленный круглый сердоликъ съ рѣзнымъ изображеніемъ фигуры, напоминающей греческую *сирены*, тонкой работы.

Могила № 4. Подъ наружной плитой слой насыпной земли въ $^3/_4$ аршина. Крышка ящика состояла изъ трехъ небольшихъ плитъ. Длина внутри ящика: 2 арш. 7 верш., ширина 14, глубина 10 вершковъ. Изъ вещей при костякѣ было найдено только 5 бронзовыхъ пуговицъ.

Могила № 5. Наружные признаки—4 плиты, положенныя ступенями по склону холма. Подъ нижней плитой слой насыпной земли, въ 4 вершка, покрывавшій каменный ящикъ, сложенный изъ бѣлыхъ известковыхъ плитъ. Крыша ящика состояла изъ 4 небольшихъ плитъ *). Костякъ лежитъ на материкѣ. Въ головахъ оказались черепки отъ стеклянаго сосуда. Въ серединѣ ящика найдены: тонкій бронзовый проволочный браслетъ и кольцо изъ скрученной спиралью серебряной проволоки; далѣе, бронзовая цѣпочка съ такою же привѣской, нѣсколько маленькихъ бронзовыхъ колечекъ отъ цѣпочки, двѣ бронзовыя пряжки отъ ремня съ изображеніями львовъ; нѣсколько стеклянныхъ бусъ и бронзовыхъ пуговицъ въ видѣ бубенчиковъ; наконецъ части отъ зеркала.

№ 6. Подъ наружной плитой и слоемъ насыпной земли каменный ящикъ, сложенный изъ сланцевыхъ плитъ и валуновъ. Гробница до

*) Длина могильнаго ящика внутри: 2 арш. 13 верш., ширина въ головахъ 1 арш. 4 вершка, въ ногахъ 14 в., глубина 12 в.

верху наполнена костями нѣсколькихъ скелетовъ. Вещей никакихъ не оказалось. Предметы изъ могильника близъ аула Саниба представлены на Таб. XIII.

Отъ *подземныхъ* могилъ переходимъ къ *надземнымъ* усыпальницамъ, носящимъ у Осетинъ названіе *зäппадз*'овъ. Наружный видъ усыпальницъ довольно разнообразенъ и нѣкоторые типы напоминаютъ видѣнные нами въ Чечнѣ.

Всего чаще встрѣчались намъ усыпальницы, напоминающія крышу избы, но съ выпуклыми боками. Онѣ сложены изъ массивныхъ грубо

Рис. 67. Усыпальница близъ аула Ганала.

отесанныхъ камней на извести. Внутри такія усыпальницы представляются небольшой комнатой со стрѣльчатымъ потолкомъ. Въ передней стѣнкѣ зäппадза продѣлано небольшое окно, чрезъ которое вдвигали внутрь трупъ на шиферной доскѣ. Усыпальница этого типа, изображенная на рисункѣ № 67, находится близъ аула Ганала. Длина постройки — 1 сажень 14 вершковъ, ширина 2 арш. 5 верш., вышина до гребня 2 арш. 9 в., толщина стѣнокъ 8 вершковъ. Внутренность была завалена осыпавшимися камнями.

Второй типъ *зäппадзовъ* представляетъ родъ каменныхъ домиковъ, покрытыхъ двускатной или пирамидальной крышей, выведенной изъ рядовъ камней, чередующихся съ рядами сланцевыхъ плитъ. Въ передней стѣнѣ окно. Рисунки №№ 68 и 69 представляютъ два подобныхъ *зäппадза*, изъ которыхъ первый сохранился вполнѣ, а на другомъ сохранились лишь слѣды нѣкогда покрывавшей его пирамидальной крыши.

На таблицѣ XV изображена усыпальница съ двускатной крышей изъ сланцевыхъ плитъ.

Эта усыпальница, носящая названіе могилы нарта (богатыря) Сослана (Соланы йнгӓнъ), находится недалеко отъ аула Наръ въ Дигоріи, при спускѣ въ ущелье рѣки Уруха, и была осмотрѣна нами лѣтомъ 1880 года. „При помоши проводника и старшины намъ удалось про-

Рис. 68. Осетинская усыпальница съ пирамидальной крышей.

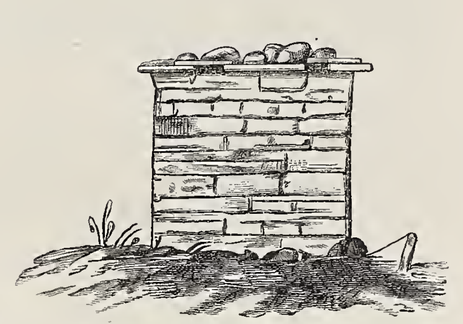

Рис. 69. Осетинская усыпальница съ обрушившеюся крышей.

лѣзть въ узкое окно, чтобъ ближе разсмотрѣть содержимое гробницы. Весь полъ покрытъ костями нѣсколькихъ покойниковъ, которыхъ последовательно принимала эта семейная усыпальница. У правой стѣны широкая шиферная доска, на которой распростертъ муммизированный отъ дѣйствія воздуха трупъ богатыря. Черепъ и кости дѣйствительно замѣчательныхъ размѣровъ. Правая рука покойника свѣсилась внизъ; мускулы плотно присохли къ костямъ. На трупѣ лоскутья отъ истлѣвшей рубахи. У лѣвой стѣны другая шиферная доска меньшихъ размѣровъ, со скелетомъ мальчика“ *).

Рис. 70. Усыпальница близъ аула Кани.

Изрѣдка встрѣчались по пути слѣдованія экспедиціи зӓппадзы, совершенно сходные съ описанными выше (стр. 26) чеченскими, напоминающіе формой громадныя коническія ядра. Рисунокъ № 70 представляетъ такую усыпальницу, стоящую недалеко отъ аула Кани.

*) См. Вс. Миллера—Въ Горахъ Осетіи—Русская Мысль. 1881 г. Кн. IX, стр. 84.

Особаго вниманія заслуживаютъ усыпальницы въ Куртатинскомъ ущельи, связанныя съ именами родоначальниковъ осетинскихъ алдарскихъ фамилій.

Въ аулѣ Далагкау стоятъ у самой дороги рядомъ два обширные зäппадза, въ которыхъ, по словамъ туземцевъ, покоятся родоначальники Куртатинцевъ и Тагаурцевъ, братья Куртатъ и Тагауръ (или Тага). Изображеніе могилы Куртата см. на рисункѣ 71. Длина обѣихъ усыпальницъ 2 саж. и $2^1/_2$ арш., ширина 1 саж. и $2^1/_2$ арш., вышина 2 саж. 1 арш. до гребня крыши На югозападной и сѣверовосточной сторонахъ небольшія окна.

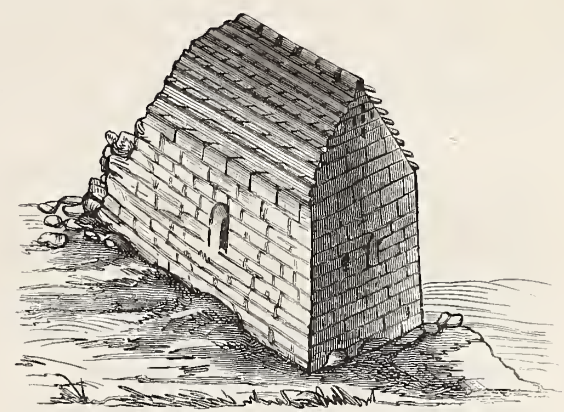

Рис. 71. Усыпальница Куртата въ аулѣ Далагкау.

Аулъ Далагкау считается колыбелью Куртатинцевъ. Здѣсь, на правомъ берегу Фіагдона, высоко на горѣ сохранились развалины замка (осет. мäсыгъ), построеннаго ихъ родоначальникомъ Куртатомъ. Преданіе разсказываетъ, что, придя въ эти мѣста, Куртатъ задумалъ въ нихъ поселиться вмѣстѣ съ своимъ братомъ Тага. Они пришли сюда, по преданію, изъ Валагирскаго ущелья. Желая узнать, удобно ли будетъ жить въ этихъ мѣстахъ для женщинъ, они рѣшили послать ихъ за водою и наблюдать, съ какими лицами — веселыми или печальными — онѣ вернутся съ рѣки. Оказалось, что женщины, возвращаясь съ рѣки, имѣли веселыя лица, и братья рѣшили основать въ этихъ мѣстахъ аулъ. Слѣды этого аула сохранились до сихъ поръ у подножія башни Куртата. Нѣсколько ниже развалинъ этой башни виднѣются развалины другой, построенной внукомъ Куртата, сыномъ Тумбола, Тогузго. Верхъ послѣдней башни въ настоящее время упалъ; но еще можно различить 3 этажа и фигуру сквознаго креста на верху ея. Близъ башни Куртата стоитъ дзуаръ духа оспы Аларды, невысокій четырехугольный столбъ, украшенный рогами оленя. Слѣды креста на башнѣ Тогузго, такъ же

какъ сквозное изображеніе равноконечнаго креста на усыпальницѣ Куртата, свидѣтельствуютъ о томъ, что родоначальникъ Куртатинцевъ не былъ ревностнымъ мусульманиномъ. Что касается брата Куртата Тага, то народныя легенды о немъ Куртатинцевъ и его потомковъ Тагаурцевъ далеко несогласны между собою. Тагаурцы, считая себя по происхожденію благороднѣе Куртатинцевъ, не признаютъ родства между Тагауромъ и Куртатомъ. Основываясь на имени Тагауръ, которое по армянски значитъ *вѣнценосецъ,* они считаютъ своего предка армянскимъ царевичемъ. Намъ сообщили, что католикосъ Нерзесъ, проѣзжая чрезъ Владикавказъ, пожелалъ видѣть кого-нибудь изъ Тагаурцевъ, чтобы разспросить его о родовыхъ преданіяхъ, и ему представили Индриса Кундухова, которому Нерзесъ разсказалъ слѣдующее о Тагаурѣ. У одного армянскаго царя былъ старшій сынъ. Когда его мать умерла, отецъ женился на другой женѣ, отъ которой имѣлъ другого сына. Мачиха, ненавидя пасынка, употребляла всѣ старанія доставить престолъ своему родному сыну и съ этой цѣлью оклеветала пасынка передъ мужемъ. Вслѣдствіе этого, боясь отца, царевичъ бѣжалъ изъ Арменіи и пришелъ въ Куртатинское ущелье. Преданія Осетинъ говорятъ далѣе, что Тага, благодаря своей силѣ и храбрости, пріобрѣлъ среди туземцевъ значительную власть, которой онъ, впрочемъ, скоро сталъ злоупотреблять, такъ что возстановилъ противъ себя туземцевъ. Раздраженіе ихъ дошло до крайности вслѣдствіе слѣдующаго случая. Однажды Тага, охотясь съ соколомъ, пустилъ его на перепела. Скоро соколъ и перепелъ скрылись изъ виду. Тага поѣхалъ по тому направленію, по которому скрылись птицы. Между тѣмъ птицы пролетали мимо поля, на которомъ пятеро жнецовъ жали хлѣбъ. Замѣтивъ низколетящихъ птицъ, одинъ изъ жнецовъ бросилъ въ нихъ серпомъ и убилъ сокола. Видя подъѣзжавшаго Тага, жнецы догадались, что соколъ принадлежалъ ему, и бросили убитую птицу въ хлѣбъ. Однако Тага замѣтилъ это и въ гнѣвѣ подвергъ пятерыхъ жнецовъ позорному наказанію: онъ велѣлъ связать ихъ веревками и привязать конецъ веревки къ хвосту эшака (осла). Въ такомъ видѣ онъ привелъ ихъ въ свой замокъ. Преданіе говоритъ, что слѣдствіемъ этого насилія было всеобщее возстаніе противъ Таги, побудившее его уйти изъ долины Фіагдона и искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Такимъ образомъ, по куртатинской легендѣ, Тага былъ вытѣсненъ отсюда въ Даргавсъ, который сталъ колыбелью Тагаурцевъ.

Кромѣ подземныхъ могилъ и надземныхъ усыпальницъ (зäппадз'овъ), древнее населеніе Осетіи пользовалось и естественными пещерами для

погребенія покойниковъ. Такая погребальная пещера существуетъ, напримѣръ, недалеко отъ аула Ганала въ горѣ, на значительной высотѣ. Входное отверстіе имѣетъ до 3 саженей высоты и до $2^1/_2$ ширины. У входа стоитъ рубленый дубовый гробъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юговостокъ, длиною въ 2 арш. 13 верш., шириною въ 1 арш. 5 верш., глубиною въ 1 арш. 3 верш. Крыша гроба состояла изъ досокъ, въ настоящее время уже частью снятыхъ. Внутри гроба лежали въ полномъ безпорядкѣ кости отъ одного скелета. Вещей никакихъ не оказалось. См. рис. 72.

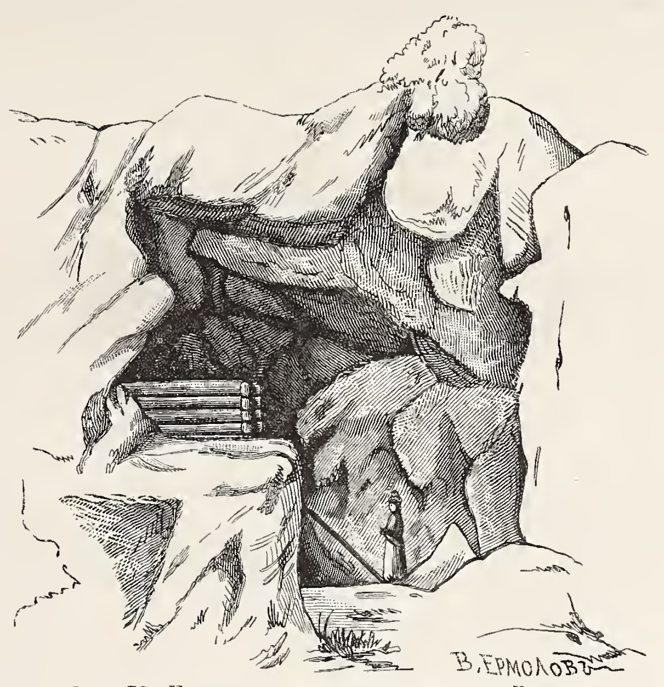

Рис. 72. Пещера съ могилой близъ аула Ганала.

Замѣтимъ, что, по словамъ жителя Санибы Азамата Гирея, въ одной изъ подобныхъ пещеръ въ гробу было найдено много бронзовыхъ вещей, которыя нашедшимъ были раздарены знакомымъ. Другихъ пещеръ съ гробницами въ посѣщенныхъ нами мѣстахъ намъ не встрѣчалось.

Чтобы покончить съ осетинскими погребальными сооруженіями, остается еще упомянуть придорожные памятники, такъ называемые *цыртъ цäвäнъ*, которые воздвигались и воздвигаются до сихъ поръ семьей умершаго для сохраненія о немъ памяти, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ могли видѣть проѣзжающіе и почтить память покойнаго. Такіе памятники имѣютъ иногда видъ столбовъ, сложенныхъ изъ слан-

цевыхъ плитокъ; иногда представляютъ сложенныя изъ кругляковъ и сланцевыхъ плитъ четырехугольныя пирамиды съ нѣсколько выпуклыми гранями, увѣнчанныя шишкой или деревянной развилкой въ видѣ роговъ. Иногда памятники представляютъ видъ двускатной крыши и напоминаютъ подобные же зäппадзы, какъ, напримѣръ, полуразвалившійся памятникъ близъ аула Саниба, изображенный на рис. 73.

Самый простой и распространенный видъ памятниковъ представляютъ монолиты отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ и болѣе аршинъ вышины и отъ 2-хъ до 4-хъ вершковъ толщины. Болѣе новые изъ подобныхъ обелисковъ расписаны яркими красками. Въ верхней округленной части обыкновенно изображена звѣзда въ кругѣ; ниже ея рядъ предметовъ бытовой обстановки Осетина: на верху—рядъ кармановъ для патроновъ (газырей), носимыхъ на черкескѣ; ниже—шашка, пороховница, ложка, ружье, кинжалъ, пистолетъ, гребень, плеть; еще ниже—лошадь, кувшинъ и чашка. Предметы изображены черной краской въ однихъ контурахъ. Нерѣдко такіе обелиски вставлены въ деревянную рамку. Рисунки на таблицахъ XV и XVI даютъ понятіе о типахъ подобныхъ памятниковъ.

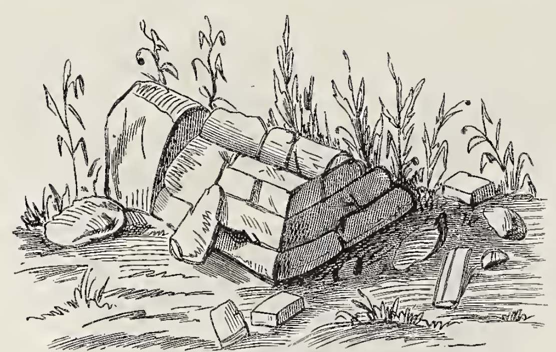

Рис. 73. Памятникъ близъ аула Саниба.

Башни, въ которыхъ нѣкогда жили Куртатинцы и Тагаурцы, до сихъ поръ еще возвышаются въ главныхъ аулахъ по Фіагдону и Гизельдону. По формѣ онѣ не отличаются отъ чеченскихъ и ингушскихъ, но въ Осетіи намъ не встрѣтились башни съ пирамидальными крышами, видѣнныя нами въ нѣкоторыхъ чеченскихъ аулахъ въ Аргунскомъ округѣ. На таблицѣ X (внизу) представлена башня близъ аула Хирискина, носящая названіе „Верхней башни“ (Уалäмäсыгъ).

Оканчивая этотъ обзоръ археологическихъ памятниковъ, осмотрѣнныхъ нами лѣтомъ 1886 года въ Куртатинскомъ ущельи, считаемъ

нелишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о нѣкоторыхъ осетинскихъ и дигорскихъ дзуарахъ, находящихся въ другихъ мѣстахъ этой страны. Главная святыня, извѣстная всѣмъ Осетинамъ, — дзуаръ Рекомъ, посвященный св. Георгію (Уастырджи) и находящійся близъ Цейскаго аула, въ часѣ пути отъ Цейскаго ледника.

Описаніе этого святилища можно найти въ статьѣ покойнаго д-ра В. Пфафа, посѣтившаго Рекомъ въ 1869 году *) и въ нашей статьѣ „Въ горахъ Осетіи“ **). Но наибольшія подробности о деталяхъ зданія сообщаются графиней П. С. Уваровой въ дневникѣ ея путешествія 1879 года ***), въ виду чего, для дальнѣйшаго, мы воспользуемся главнымъ образомъ ея наблюденіями.

Рекомъ, по словамъ гр. Уваровой, — родъ деревянной постройки, сильно вросшей въ землю съ одной стороны, и весьма похожей на швейцарскій шалэ. Главная часть зданія срублена въ шипы, какъ наши избы; къ ней приставлена пристройка, въ которой продѣлана дверь; низкая деревянная крыша спускается широкимъ навѣсомъ, который покоится на деревянныхъ колонкахъ (см. таблицу XVII). Слеги, поддерживающія крышу, заканчиваются коньками, рѣзанными изъ дерева и украшенными продольными насѣчками. Полка, придѣланная къ внѣшней поперечной стѣнѣ храма, равно какъ и навѣсъ, устроенный вдоль него, завалены или заставлены рогами и черепами туровъ, оленей и барановъ; самъ храмъ убранъ ими и по сторонамъ. Между рогами находятся и разныя вещи: бронзовые перначъ и ритонъ, персидскій коврикъ, чашка съ монетами, бусами, серьгами, желѣзные кресты и подковы. Надъ дверью висятъ три бронзовыхъ колокола, изъ которыхъ одинъ средней величины, а два очень маленькіе. На первомъ — грузинская надпись, которая д-ру Пфафу (въ 1869 г.) его проводникомъ была переведена слѣдующимъ образомъ: Мы, Багратіонъ, великаго царя (Чиндара?) сынъ Георгій, принесли этотъ колоколъ и молитвенникъ (?) св. отцу, отцу св. Осетинской и Дигорской стороны, за спасеніе нашей души и побѣды надъ нашими врагами ****). Низенькая, но тяжелая, окованная желѣзомъ дубовая дверь ведетъ въ пристройку или сѣни храма, другая, такая же, изъ сѣней въ самый храмъ. Крайняя отдѣлка кругомъ обѣихъ дверей совершенно одинакова, разнится только сре-

*) Путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи, см. Сборникъ Свѣдѣній о Кавказѣ. I, стр. 139 и слѣд.

**) Русская Мысль 1881. Сентябрь, стр. 99 и слѣд.

***) Кавказъ — Путевыя замѣтки. Москва, 1887 г., стр. 60 и слѣд.

****) Назван. соч., стр. 62. Въ наше посѣщеніе Рекома, 9 августа 1880 года, колоколовъ надъ дверью мы не замѣтили.

динное украшеніе; на внѣшней—мы видимъ украшеніе изъ желѣзныхъ византійскихъ четвероконечныхъ крестовъ и желѣзныхъ сапожныхъ подковокъ, также, вѣроятно, принесенныхъ въ даръ какими-нибудь радѣтелями св. Георгіева храма. Внутренняя дверь представляется намъ еще любопытнѣе, ибо она украшена посрединѣ крестомъ и перекрещенными надъ нимъ бронзовыми булавками, которыя мы встрѣчаемъ въ коллекціи г. Ольшевскаго и вообще въ Камунтскомъ могильникѣ.

Что касается внутренняго устройства и содержимаго этого святилища, то тотъ же авторъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: пристройка (или сѣни) почти до верха завалена стрѣлами *). Самый храмъ представляетъ низкій четвероугольный срубъ, не болѣе десяти или двѣнадцати шаговъ въ квадратѣ; освѣщается онъ двумя маленькими, прорубленными на западъ и востокъ, окошечками. Стѣны и потолокъ обвѣшаны большимъ ковромъ и разнымъ платьемъ, превратившимся отъ времени въ лохмотья. Пространство у стѣнъ завалено и заставлено разными приношеніями: чашами, кадильницами, иконами, маленькими ларцами, серьгами, гривнами и проч. и проч. **). Тутъ же находится знаменитый шлемъ осетинскаго героя Оси-багатара, жившаго въ XIV столѣтіи. Миссорка шлема стальная; вдоль лба идетъ накладная пластинка; пространство для глазъ вырѣзано; забрало и назатыльникъ изъ легкой плетеной кольчуги. Подобные шлемы носятся и до сихъ поръ Хевсурами и называются у нихъ чакчани. Д-ръ Пфафъ въ своемъ описаніи Рекома упоминаетъ еще копье и колчанъ со стрѣлами, находившіеся во время его посѣщенія въ этомъ святилищѣ; но ни гр. Уваровой (въ 1879 г.), ни мнѣ (въ 1880 г.) не удалось ихъ разыскать. На восточной сторонѣ храма графиня Уварова замѣтила на потолкѣ что-то въ родѣ деревянной полосы съ остатками стрѣльчатыхъ рѣзныхъ деревянныхъ арочекъ—можетъ быть, остатки иконостаса ***).

Неизвѣстно, къ какому времени относится постройка храма Рекома, но нельзя не замѣтить, что трудно было выбрать мѣсто болѣе живописное, болѣе располагающее къ мыслямъ о ничтожествѣ человѣка передъ величіемъ природы. Узкая долина, по дну которой несется ледяной Цейдонъ, замыкается со всѣхъ сторонъ высокими горами, по-

---

*) Назван. соч., стр. 62. Замѣтимъ, что отъ однѣхъ стрѣлъ сохранились лишь наконечники, отъ другихъ, болѣе позднихъ, цѣло и древко.

**) Въ наше посѣщеніе мы замѣтили еще въ числѣ приношеній: глиняныя фигурки барашковъ, стаканы, бусы, куски ваты, серебряные галуны, стрѣлы... Фигуры барашковъ любопытны потому, что встрѣчаются и въ другихъ осетинскихъ дзуарахъ и, вѣроятно, въ связи съ древними бронзовыми барашками, находимыми въ могилахъ (Кобань, Камунта).

***) Названн. соч. стр. 64.

крытыми вѣчнымъ снѣгомъ. По нижнему склону стелется густой лѣсъ, въ которомъ шумитъ цѣлая сѣть ручейковъ, вытекающихъ изъ Цейскаго ледника. Какіе бы народы ни жили въ этихъ мѣстахъ, они должны были невольно выбрать для своей бесѣды съ Небомъ это таинственное, чудное мѣсто.

Есть основаніе думать, что Рекомская часовня была построена, какъ большинство святилищъ Осетіи, во времена вліянія Грузіи на эту страну. Мѣстныя преданія упоминаютъ о существованіи Грузинскаго монастыря въ Рекомѣ и производятъ нѣкоторыя семейства въ аулѣ Цей отъ грузинскаго духовенства. Они же утверждаютъ, что подъ часовней въ горѣ идутъ подземные ходы и что нѣкогда Рекомъ содержалъ великія богатства.

О построеніи часовни ходитъ слѣдующая легенда: Въ древніе времена Уастырджи рѣшилъ выстроить для Осетинъ святилище изъ бревенъ, которыя никогда не подвергались бы гніенію. Такимъ свойствомъ отличались деревья въ лѣсу по ту сторону горъ. Уастырджи приказалъ своимъ воламъ перевозить оттуда бревна черезъ гору противъ Рекома, гдѣ нынѣ ледникъ. Арбы нагружались сами собою и волы шли безъ проводника по назначенному пути. Сложивъ лѣсъ, волы вернулись къ Уастырджи, и изъ бревенъ выстроился храмъ самъ собою безъ помощи человѣческихъ рукъ.

Въ виду необычайной святости Рекома во всей Осетіи и его положенія въ глуши, близъ одного изъ величайшихъ ледниковъ Кавказа, можно думать, что это святилище восходитъ еще къ языческимъ временамъ. Вѣроятно, какъ часто бывало, христіанскіе миссіонеры освятили прежнее капище построеніемъ на его мѣстѣ христіанскаго храма; но вслѣдствіе слабаго вліянія христіанства на Осетинъ, языческій элементъ пересилилъ, св. Георгій принялъ характеръ прежняго языческаго бога, и въ настоящее время о христіанскомъ храмѣ сохранилось лишь смутное воспоминаніе *).

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ гр. Уваровой, Осетины собираются къ Рекому разъ въ годъ и справляютъ праздникъ св. Георгію въ Троицынъ день. Но, повидимому, жители окрестныхъ ауловъ избираютъ это святилище для справленія нѣсколькихъ религіозныхъ празднествъ. Намъ случилось 9 августа 1880 года лично присутствовать на подобной церемоніи, сопровождавшейся принесеніемъ Рекому въ жертву одного быка и 12 барановъ.

---

*) „Въ горахъ Осетіи", стр. 103.

Не меньшей извѣстностью, чѣмъ Рекомъ, пользуется древняя церковь Св. Георгія въ Касарскомъ ущельи въ аулѣ Нузаль (см. таб. XVII).

Заимствуемъ описаніе ея изъ тѣхъ же Путевыхъ Записокъ графини П. С. Уваровой: Церковь сложена на извести такъ же, какъ и колумбаріи, изъ мѣстнаго нетесанаго камня. Очень вѣроятно, что она была оштукатурена извнѣ, какъ и внутри. Теперь штукатурка повывѣтрилась и церковь въ нѣсколькихъ мѣстахъ дала значительныя трещины. Низкая узкая дверь ведетъ внутрь храма, освѣщеннаго тремя маленькими окнами, однимъ въ абсидѣ и двумя въ обѣихъ продольныхъ стѣнахъ. Сводъ въ храмѣ стрѣльчатый, карнизъ изъ черепицы или шифера, на стѣнахъ и фасадѣ слѣды роговъ. Церковь имѣетъ снаружи 3 метра 20 сант. ширины, 5 метр. 63 сант. длины и 5 метр. 3 с. вышины. Внутренность ея расписана фресками по штукатуркѣ, которая, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ обвалилась. Характеръ живописи — грузинскій: святые — въ грузинскихъ одеждахъ, имена ихъ написаны грузинскими буквами. Надъ входною дверью, по бѣлому фону, киноварью, обыкновенный византійскій осмиконечный крестъ съ арабесками; у креста грузинская надпись. Фрески раздѣлены красной полосою на два пояса, изъ которыхъ нижній, въ особенности по правую руку отъ двери, совершенно погибъ вслѣдствіе отпавшей штукатурки; налѣво слѣды живописи сохранились на столько, что удается разглядѣть пять мужскихъ фигуръ въ грузинскихъ короткорукавыхъ коричневыхъ архалукахъ, въ маленькихъ грузинскихъ шапкахъ. Фигуры имѣютъ всѣ движеніе къ алтарю, но лица и надписи, къ несчастью, стерты. Надъ этимъ нижнимъ поясомъ, направо, мы видимъ изображеніе любимѣйшаго святаго Осетіи и всего Кавказа — Св. Георгія на бѣломъ конѣ; разбираемъ часть вооруженія и платья, находимъ змія, но головы, нимба и надписи не находимъ. На противоположной стѣнѣ опять всадникъ: онъ натягиваетъ лукъ и пускаетъ стрѣлу въ двухъ оленей, которые, убѣгая, оглядываются на него. И тутъ разглядываемъ отдѣльныя части вооруженія, обуви и коня: видимъ длинное налучье, красный плащъ, весьма ясно разбираемъ оленей и предъ ними гору и утесъ, но не видимъ ни головы, ни слѣда нимба; внизу, въ сторонѣ, на грузинскомъ языкѣ, вѣроятно, имя святаго.

Алтарная живопись также дѣлится на верхній и нижній поясъ. Наверху — поясной Іисусъ Христосъ, благословляющій правой рукой и держащій Евангеліе въ лѣвой, верхняя риза Спасителя—голубая. Направо — Богородица въ красной ризѣ, за Нею Архангелъ въ императорскомъ костюмѣ и съ державой въ рукѣ (держава не писалась раньше

X вѣка); между Богородицею и Архангеломъ голова святаго съ нимбомъ. Налѣво Іоаннъ и Архангелъ въ лиловой далматикѣ; между ними также голова святаго въ нимбѣ. Въ нижнемъ алтарномъ поясѣ видимъ шесть святителей въ бѣлыхъ ризахъ, съ омофорами, съ черными крестами и съ Евангеліями въ рукахъ. Нынѣшній полъ церкви деревянный и постланъ слишкомъ высоко, такъ что онъ закрываетъ часть живописи, то-есть всѣ ноги святыхъ. Маленькій иконостасъ церкви, съ одними царскими дверями, вѣроятно, новаго происхожденія и не стоитъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ разсѣкаетъ на двое одну изъ пяти нижнихъ фигуръ. Вообще, очень вѣроятно, что церковь эта по своей тѣснотѣ служила или часовней или назначалась первоначально въ усыпальницы. Время построенія церкви неизвѣстно, документовъ у Осетинъ нѣтъ пока никакихъ, но въ исторіи и преданіяхъ о церкви этой часто говорится“ *).

Отъ прежнихъ надписей, существовавшихъ въ Нузальской церкви, въ настоящее время сохранилось очень немногое. По свидѣтельству граф. Уваровой, надпись подъ фигурой охотника содержитъ имя Сосланъ (2-й мужъ царицы Тамары). Такъ было прочитано оно извѣстнымъ знатокомъ грузинской эпиграфики, Д. З. Бакрадзе. По словамъ покойнаго д-ра Пфафа, имя „Сосланъ“ читается между 3-ей и 4-ой фигурами на лѣвой же стѣнѣ. Подъ фигурой св. Георгія, по словамъ граф. Уваровой, Д. З. Бакрадзе прочелъ имя *Суарегъ*. Личность этого Суарега, изображеннаго въ видѣ Св. Георгія, остается загадочной **). Далѣе между 2-ой и 3-ей фигурой Пфафъ нашелъ еще остатокъ имени—*тон* и считаетъ несомнѣннымъ, что все имя читалось *Атонъ*. Послѣднее имя носилъ, по свидѣтельству Вахушта, дѣдъ Давида-Сослана, мужа Тамары ***). Затѣмъ Пфафъ сообщаетъ, что одинъ ученый кавказовѣдъ, позаботившійся о снятіи нузальскихъ надписей раньше посѣщенія церкви Пфафомъ, сообщилъ ему еще одно, въ настоящее время уже уничтоженное, имя, которое читается *Джадаросъ* ****) (имя отца Сослана). Такимъ образомъ, если дѣйствительно сохранившіяся три буквы принадлежатъ имени Атонъ и упоминаемый Пфафомъ кавказо-

*) Назван. соч., стр. 40 и слѣд.

**) Не имѣетъ ли Суарегъ какого нибудь отношенія къ осетинскому народному патрону искателей приключеній Саубарегу, т. е. черному (сау) всаднику (барегъ)? См. о немъ Осет. Этюды. II. 254.

***) Вахуштъ сообщаетъ, что по смерти Деметре (Дмитрія), сына Георгія I-го (1014—1027) и Альды Аланки (осетинки) въ крѣпости Анакофіи остался его сынъ, который съ бабушкой бѣжалъ въ Осетію. Здѣсь этотъ царевичъ, по имени Давидъ, былъ усыновленъ, женился и пользовался царскимъ значеніемъ. Отъ него родился Атонъ (Athon), отъ Атона Джадаросъ, отъ Джадароса—Давидъ-Сосланъ, мужъ царицы Тамары.

****) См. Сборн. Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ. Вып. V, отдѣлъ 1, стр. 34.

вѣдъ не ошибся въ прочтеніи имени Джадароса, мы имѣли бы въ трехъ фигурахъ Нузальской церкви изображенія Сослана и двухъ его предковъ. Но безусловной увѣренности, конечно, имѣть нельзя.

Осетины увѣряютъ посѣтителей церкви, что прежде въ ней существовала еще надпись, въ которой упоминался національный герой Осетіи Оси-багатаръ (жившій въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка) и его братья, но будто надпись эта была уничтожена нарочно какимъ-то священникомъ Николо Самаргановымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будто-бы увезъ изъ развалинъ древняго пещернаго монастыря, находящагося недалеко отъ Нузала, какіе-то документы и драгоцѣнности. Грузинская надпись объ Оси-багатарѣ, будто-бы находившаяся въ Нузальской церкви, дѣйствительно была доставлена барону Розенкампфу и чрезъ его посредство напечатана съ французскимъ переводомъ въ Journal Asiatique въ 1830 году. Однако въ настоящее время нѣтъ сомнѣнія, что это—надпись подложная, такъ какъ ея содержаніе противорѣчитъ историческимъ даннымъ, какъ доказалъ г. Пфафъ, и при томъ, по замѣчанію граф. Уваровой *), „сочинители надписи, вѣроятно, не видали церкви, ибо, разъ посѣтивши ее, они не могли бы не замѣтить физической невозможности помѣстить въ ней длинную надпись, которую они ей приписываютъ“.

О нѣкоторыхъ *дигорскихъ* дзуарахъ почерпаемъ свѣдѣнія изъ рукописи благочиннаго о. Гатуева.

На кладбищѣ аула Галіата сохранилась церковь, которую Галіатцы называютъ Узи-дзуаръ или авдъ дзуаръ. Происхожденіе перваго имени неизвѣстно, второе-же значитъ *семь дзуаровъ* или семь святыхъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда близъ храма жилъ священникъ, похороненный около церкви. Считается грѣхомъ, если кто нибудь пройдетъ между церковью и могилою священника, а женщинамъ къ этому мѣсту даже не дозволено приближаться. Узи-дзуаръ есть святыня фамиліи Едзіевыхъ (Іедзаітä), которые ежегодно приносятъ ему въ жертву барана. Старѣйшина фамиліи складываетъ кости жертвеннаго животнаго на сохранившемся престолѣ церкви. Когда въ Галіатѣ бываетъ засуха, тогда прибѣгаютъ за помощью къ Узи-дзуару. Изъ фамиліи Едзіевыхъ по жребію выбирается мужчина, которой послѣ двухнедѣльнаго говѣнія, т. е. ежедневныхъ омовеній, несетъ къ дзуару чашку молока и обливаетъ имъ стѣны церкви.

Близъ селенія Думты находится святилище, извѣстное подъ име-

---

*) Назв. соч., стр. 43.

немъ цäу дзуаръ, т. е. *дзуаръ козла.* Зданіе представляетъ небольшой, сложенный изъ камней, сарай съ двумя отдѣленіями. Въ четвергъ третьей недѣли сѣнокоса двѣ фамиліи селенія Думты отправляются туда съ козломъ и пивомъ. Послѣ молитвы, произносимой старикомъ, козла рѣжутъ, поютъ пѣсни и обѣдаютъ въ большомъ отдѣленіи сарая. Кто въ теченіе года получилъ сына, тотъ долженъ особо принести дзуару козленка и достаточное количество пива и араку за здравіе ребенка. Женщинамъ запрещено посѣщать дзуаръ, а все принесенное въ жертву должны покончить мужчины въ стѣнахъ сарая; за выносъ изъ него кусочка хлѣба или мяса дзуаръ строго наказываетъ.

У Стурдигорцевъ большимъ уваженіемъ пользуется Гулари Габони дзуаръ,—священное мѣсто, обложенное камнями. Значеніе и происхожденіе имени этого дзуара никому неизвѣстны. Уваженіе къ святости Гулари Габони засвидѣтельствовано тѣмъ, что дзуаръ имѣлъ рѣшающую силу при народномъ судѣ: передъ нимъ назначалась присяга, и существовало убѣжденіе, что принявшій присягу ложно у этого дзуара не могъ возвратиться живымъ. Такъ какъ въ пѣснѣ къ Гулари Габони онъ называется бѣлымъ Ильей (орсъ Іеліа), слѣдуетъ думать, что дзуаръ произошелъ изъ древней церкви пророка Иліи.—

Дзуаромъ считается и такъ называемая могила нарта (богатыря) Сослана, описанная нами выше (см. стр. 58). Близъ этой усыпальницы въ іюнѣ дигорцы рѣжутъ барановъ и молятся Сослану о хорошей погодѣ. О. Гатуевъ сообщилъ намъ, что въ этомъ мѣстѣ былъ найденъ крестъ желтой мѣди съ изображеніемъ распятія, такъ что, быть можетъ, здѣсь, или по близости отсюда, была нѣкогда какая нибудь христіанская святыня.

III.

Археологическія экскурсіи въ горскія общества Кабарды.

Иноплеменные сосѣди горскихъ Татаръ. Слѣды древняго осетинскаго населенія въ топографическихъ названіяхъ. Время поселенія Тюрковъ въ ущельяхъ Черека, Чегема и Баксана. Маршруты экскурсій 1886 и 1883 годовъ. Судьба древняго христіанства на территоріи горскихъ обществъ. Свидѣтельства прежнихъ путешественниковъ о христіанскихъ памятникахъ. Слѣды такихъ памятниковъ въ ущельяхъ Балкарскомъ, Чегемскомъ и Баксанскомъ.— Башни въ Хуламѣ и Чегемѣ. Башни балкарскія. Преданія балкарскихъ таубіевъ.—Могильники въ *Балкарѣ*. Подземныя могилы. Усыпальницы (кэшенэ). Кэшенэ Абаевыхъ и Урусбіевыхъ. Курганы. Слѣды надписей въ ущельѣ Черека. Могильники *Чегемскіе*. Предметы, въ нихъ находимые. Могильники *Баксанскіе* (Озоруковскіе). Устройство склеповъ. Деформированные черепа.

Въ сѣверныхъ ущельяхъ Кавказскаго хребта, на пространствѣ между притокомъ Терека Урухомъ на востокѣ и Эльбрусомъ на западѣ, живетъ по верховьямъ рѣкъ Черека, Чегема и Баксана небольшое племя тюркскаго происхожденія (около 10 тыс. душъ), называемое оффиціально „Горскими обществами Кабарды“. Эти тюркскія общества—Балкарское, Хуламское, Чегемское, Бизенгійское и Урусбіевское — окружены почти со всѣхъ сторонъ народностями другого племени: на юговостокѣ они сосѣдятъ съ Осетинами, на югѣ со Сванетами, на сѣверѣ съ Кабардинцами, и только на западѣ, по ту сторону Эльбруса, по верховьямъ Кубани, живетъ родственное съ ними тюркское племя Карачаевцевъ. Тюркскій элементъ населенія, представляющій въ названныхъ мѣстахъ какъ бы островокъ среди другихъ этническихъ элементовъ, несомнѣнно долженъ считаться элементомъ пришлымъ. Личныя наши наблюденія типа горскихъ татаръ (въ 1883 и 1886 годахъ), изученіе ихъ преданій и обычаевъ, а также топографическихъ названій — рѣкъ, переваловъ, ущелій, горъ и т. п. — вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что Тюрки явились сюда съ плоскости и смѣшались на новыхъ мѣстахъ

съ туземцами Осетинами дигорской вѣтви, оказавшими вліяніе на типъ пришельцевъ, ихъ обычаи и даже отчасти на ихъ языкъ *). Такъ до сихъ поръ на всемъ пространствѣ отъ р. Уруха до Эльбруса по всѣмъ горнымъ ущельямъ слышатся топографическія названія, представляющія нѣсколько измѣненныя осетинскія слова. Множество рѣчекъ у горскихъ обществъ Кабарды содержатъ въ названіи осетинское слово *донъ* (рѣка, вода) въ видѣ *данъ*—Кара-данъ, Шау-данъ (осет. Сау-донъ — черная рѣка), Гар-данъ (осет. Гаръ-донъ — теплая рѣка), Шак-данъ; осетинское названіе для ущелья *комъ* повторяется у нихъ въ видѣ *камъ* (Шау-камъ, Асіа-камъ, Фаза-камъ и др.); гроты въ скалахъ называются у нихъ *доръ-бунъ* (осет. доръ—камень, бунъ—подъ); перевалы носятъ названіе *вчикъ*, *фчакъ* (осет. äфцäгъ), напримѣръ: Шау-фчикъ (черный перевалъ), Джуар-фчикъ (Крестовый перевалъ). Нерѣдко въ топографическихъ названіяхъ слышатся осетинскія слова: сурхъ — *красный*, боръ—*желтый*, орсъ — *бѣлый*, стуръ—*большой*, хумъ — *пашня*, бауатъ—*мѣсто*, уатъ—*ложе*, сäръ—*голова*, мäсугъ—*башня*, фäндагъ—*дорога*, напримѣръ: гора Сурхъ (красная), Борсайнагъ (желтая скала), Орсфандагъ (бѣлая дорога), Комсаръ (голова ущелья), Шаш-*бауатъ*, Гештау-*хумъ*, Дог-*уатъ*, Стур-*доръ* и друг.

О томъ, что отатарившіеся туземцы были нѣкогда христіанами, какъ и прочіе Осетины, свидѣтельствуютъ топографическія названія, представляющія имена святыхъ, напримѣръ: Тотур-ташъ (камень Тотура, св. Ѳеодора), Аш-Тотуръ (св. Ѳеодоръ), Аш-Эліа (св. Илія), Башиль (св. Василій), Жеорги (св. Георгій), Байрамъ (осет. Майрамъ, св. Марія) и др. Христіанскія имена звучатъ еще доселѣ въ названіяхъ мѣсяцевъ у горскихъ татаръ; таковы, напримѣръ: Хучау манъ (по осет. Хуцау бонъ—божій день)—мѣсяцъ Пасхи, Никколай—мѣсяцъ Май (св. Николая), Тотуръ (мѣсяцъ св. Ѳеодора), Бій Ашкерги (св. Георгія), Эліа (св. Иліи) и друг. Осетины-туземцы внесли въ языкъ пришельцевъ и нѣкоторыя культурныя слова, относящіяся къ земледѣлію, скотоводству, каменнымъ постройкамъ. Такъ, для *копны* горцы-татары заимствовали осет. слово *галласъ* (отъ галъ—*быкъ* и ласунъ — *тащить*); захудалая скотина, кормящаяся сѣномъ, а не травою, называется у нихъ *хуасхäргä* (отъ осет. словъ хуасъ—*сѣно* и хäргä —*ѣдящій*); спеціальный снарядъ, посредствомъ котораго таскаютъ камни для построекъ, называется *дорласынъ* (отъ осет. доръ—*камень* и ласунъ—*тащить*). Можно думать, что пришельцы степняки не знали каменныхъ построекъ, и

*) См. Осетинскіе Этюды. Ч. III, стр. 7 и слѣд. и статью В. Миллера и М. Ковалевскаго—„Въ горскихъ обществахъ Кабарды"—Вѣстникъ Европы 1884. Апрѣль, стр. 540—589

дѣйствительно мѣстныя преданія о построеніи башенъ въ области горскихъ обществъ Кабарды подтверждаютъ это заключеніе *).

Во всѣхъ долинахъ, населенныхъ нынѣ горскими обществами Кабарды, повидимому, Осетинъ помнятъ еще ихъ ближайшіе сосѣди Кабардинцы, какъ можно видѣть въ кабардинскихъ адатахъ, приложенныхъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ къ его исторіи Адыхейскаго народа. Здѣсь, въ перечисленіи горскихъ народностей, находящихся въ зависимости отъ Кабардинцевъ, упоминаются горскіе татары разныхъ обществъ, причемъ они называются *Осетинами* **). Слѣдуетъ думать, что общее названіе Осетинъ было сохранено Кабардинцами за новымъ смѣшавшимся съ Осетинами пришлымъ тюркскимъ населеніемъ, не смотря на то, что языкъ осетинскій въ этихъ мѣстахъ заглохъ уже давно. Такой же фактъ сохраненія *древняго* названія за *новымъ* населеніемъ представляетъ также названіе Балкарцевъ *Аси*, подъ которымъ ихъ знаютъ ближайшіе ихъ сосѣди Осетины-дигорцы. Въ имени *Аси* сохранилось древнее названіе Осетинъ, русское Ясы, грузинское Оси. Наконецъ отмѣтимъ, что южные сосѣди горскихъ обществъ Сванеты еще до сихъ поръ называютъ Осетіей страну отъ Эльбруса на востокъ, нѣкогда населенную Осетинами.

Относительно времени поселенія Тюрковъ въ ущельяхъ Черека, Чегема и Баксана нѣтъ точныхъ указаній. Преданія таубіевъ (горскихъ князей) Балкаруковыхъ насчитываютъ 10 поколѣній отъ поселенія ихъ предка въ ущельѣ Чегема. Преданія же древнѣйшаго горскаго общества Балкарскаго говорятъ о томъ, что родоначальникъ княжескихъ балкарскихъ родовъ Басіатъ жилъ при Джанбекъ-ханѣ ***) раньше своего переселенія на верховья Черека. Согласно съ этими показаніями начало тюркской колонизаціи въ названныхъ мѣстахъ можетъ быть отнесено не позже, какъ къ XIV столѣтію и предшествовало, по народному преданію, вліянію на плоскости Кабардинцевъ, которые дер-

---

*) См., напримѣръ, преданіе о построеніи башни въ Чегемѣ каменщиками, вызванными изъ Сванетіи—„Въ Горск. Общ. Кабарды“, стр. 565.

**) Исторія адыхейскаго народа стр. 161: „Чегемцы и уруспіевскіе *Осетины* съ давняго времени принадлежатъ Атажукиной фамиліи (кабардинскихъ князей) и никто въ нихъ не вмѣшивается, а князь Атажукиной фамиліи требуетъ съ нихъ дань, сколько назначитъ, отъ чего они отнюдь отказаться не могутъ; Хуламцы, Безенги-*Осетины* по очереди въ годъ даютъ князьямъ по барану съ дома; Карачаевцы-*Осетины*, между князьями нераздѣльные въ подданствѣ съ самыхъ давнихъ временъ, у Кабардинцевъ они платятъ князю, старшему лѣтами, въ Кабардѣ, ежегодно 300 барановъ отъ всѣхъ, а отъ каждаго дома особенно по сапеткѣ пшеницы и по большому кувшину коровьяго масла“ и т. д.

***) Джанъ-бекъ, конечно, тождественъ съ Джанибекомъ, ханомъ Золотой Орды, убитымъ своимъ сыномъ Бердибекомъ въ 1357 году.

жали горцевъ взаперти въ ихъ ущельяхъ вплоть до подчиненія Кабарды Россіи. Что касается мѣста, откуда двинулось тюркское племя, то преданія балкарскихъ таубіевъ указываютъ, какъ на прародину, городъ Маджаръ, котораго развалины до сихъ поръ видны при впаденіи р. Буйволы въ рѣку Куму въ Новогригорьевскомъ уѣздѣ, Ставропольской губерніи, близъ села Прасковеи.

Въ виду всего вышесказаннаго, наши археологическія экскурсіи въ предѣлахъ горскихъ обществъ Кабарды являются продолженіемъ археологическихъ экскурсій въ области Осетинъ, такъ какъ во всѣхъ ущельяхъ вплоть до Эльбруса нѣсколько столѣтій тому назадъ еще жило осетинское население.

Экскурсія 1886 года, которую предприняли наши помощники Н. Н. Харузинъ и З. П. Тулинцевъ, ограничилась посѣщеніемъ древнѣйшаго изъ горскихъ обществъ Балкарскаго и двигалась по слѣдующему маршруту: изъ Нальчика на урочище Кашка-тау; отсюда вдоль лѣваго берега р. Черека чрезъ аулы Зилги, Мухолъ, Фардыгъ на аулы Кунимъ и Шканты; отсюда тѣмъ же путемъ обратно въ Нальчикъ. Другія части территоріи горскихъ обществъ Кабарды были посѣщены мною и М. М. Ковалевскимъ лѣтомъ 1883 года, причемъ мы ѣхали по слѣдующему маршруту: Изъ Нальчика въ общество Хуламъ, отсюда въ Чегемъ, далѣе изъ долины Чегема въ долину Баксана въ аулъ Озоруково (по татарско-горски Былымъ) и затѣмъ по Баксану чрезъ Атажукинъ аулъ и Баксанскій постъ на станцію Солдатскую, Ростово-Владикавказской желѣзной дороги.

Излагая въ дальнѣйшемъ наблюденія, сдѣланныя обѣими экскурсіями, мы будемъ придерживаться прежде установленнаго порядка въ распредѣленіи матеріала, т. е. сначала скажемъ о слѣдахъ древняго христіанства въ ущельяхъ Черека, Чегема и Баксана, затѣмъ о нѣкоторыхъ башняхъ и, наконецъ, о могильныхъ сооруженіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что среди туземцевъ осетинскаго племени раньше водворенія пришельцевъ татаръ были распространены религіозныя вѣрованія, представлявшія смѣшеніе христіанскихъ съ древними языческими. Это одичавшее христіанство продолжало существовать среди горскаго населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до конца прошлаго столѣтія и поддерживалось довольно многочисленными монументальными сооруженіями христіанскаго характера — старинными церквами,

часовнями и крестами. Во многихъ аулахъ, какъ мы отмѣтили во время поѣздки 1883 года, существуютъ небольшія каменныя сооруженія, въ родѣ осетинскихъ колумбаріевъ, или просто большіе камни, называемые *Байрэмъ*. Къ нимъ, несмотря на столѣтнее господство мусульманства, до сихъ поръ обращаются женщины съ молитвой о дарованіи дѣтей. Значеніе и названіе этихъ камней или столбовъ объясняются осетинскими святынями, такъ называемыми Мады-Майрӓмъ (матери Маріи), которыя описаны нами выше (стр. 52), и также пользуются спеціальнымъ поклоненіемъ женщинъ, которыя вообще консервативнѣе мужчинъ въ соблюденіи древнихъ обрядовъ. Но среди мужчинъ подъ вліяніемъ муллъ мусульманство водворилось уже прочно и, повидимому, вполнѣ вытѣснило послѣдніе отголоски древняго христіанства. Такіе успѣхи были достигнуты мусульманской пропагандой въ теченіе XIX столѣтія подъ вліяніемъ войны съ Русскими, внесшей религіозный фанатизмъ въ среду кавказскихъ горцевъ. Еще столѣтіе и даже меньше тому назадъ сторонники ислама мирно уживались съ чтителями Креста и сами справляли христіанскіе обряды и праздники, не отдавая себѣ отчета въ различіи вѣрованій. Такъ, академикъ Гильденштэдтъ, во время своего путешествія на Кавказъ въ 1770 году, сообщаетъ про горскихъ жителей (Басіанцевъ, т. е. Баксанцевъ), что они, хотя благородное сословіе и обращено въ мусульманство, чтутъ древнія церкви, соблюдаютъ посты и воскресные дни, ѣдятъ свинину и не имѣютъ ни мечетей, ни муллъ *).

Караимъ Фирковичъ, посѣтившій Чегемъ, Хуламъ и долину Баксана въ 1849 году, еще видѣлъ во многихъ аулахъ христіанскія церкви, отъ которыхъ въ настоящее время не осталось и слѣда, и слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на старанія мусульманскаго духовенства, еще справляютъ древніе обряды, не ходятъ въ мечеть, не совершаютъ обрѣзанія и т. п. **). Но тотъ же путешественникъ нерѣдко отмѣчаетъ, что и онъ уже не находилъ нѣкоторыхъ христіанскихъ памятниковъ — часовенъ, крестовъ, — о которыхъ упоминали прежніе путешественники. Вообще истребленіе слѣдовъ древняго христіанства шло особенно быстро за послѣднія десятилѣтія, такъ что намъ въ 1883 и въ 1886 годахъ приходилось отмѣчать лишь послѣдніе скудные остатки.

---

*) Güldenstädt — Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge 1769 — 72; St.-Petersb. 1787, I, p. 461.

**) См. Авр. Фирковича — Археологическія развѣдки на Кавказѣ, въ 3 т. Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества.

Разсмотримъ ихъ въ посѣщенныхъ экспедиціей мѣстахъ, начиная съ самаго восточнаго общества—Балкарскаго.

Въ ущельѣ, населенномъ Балкарцами, въ настоящее время о древнемъ христіанствѣ свидѣтельствуютъ только башни съ сквозными крестами, кое-гдѣ уцѣлѣвшими. У нѣкоторыхъ башенъ кресты уничтожены нарочно ревнителями ислама. По свидѣтельству Фирковича, существовавшая въ Балкарѣ старинная церковь, называвшаяся Ойтъ-ойтъ-каясы, съ надписями и украшеніями, была уничтожена въ недавнее время до основанія, такъ что отъ нея не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ *). Также была разрушена, еще до поѣздки Фирковича, церковь въ аулѣ Хуламѣ **) и расхищены два склепа, находившіеся близъ нея. Изъ слѣдовъ христіанства въ названномъ аулѣ, посѣщенномъ нами въ 1883 году, мы отмѣтили только камень, стоящій посреди аула и посвященный Богоматери (Байрэмъ) и названіе Тотуръ (св. Ѳеодоръ), носимое небольшимъ поселкомъ близъ Хулама, объясняющееся нѣкогда существовавшей тамъ святыней. Въ третьемъ горскомъ обществѣ Бизенгійскомъ, въ которомъ намъ не удалось быть, Фирковичъ видѣлъ въ 1849 году небольшую церковь, длиною въ $5^1/_4$, шириною въ $3^3/_4$, высотою въ $4^1/_2$ арш., на стѣнахъ которой изображены альфреско 11 ликовъ угодниковъ Божіихъ и видны полуистертыя грузинскія надписи ***). Нѣсколько болѣе обильные слѣды христіанства застали мы въ аулѣ Чегемѣ въ 1883 году. Такъ, близъ аула, на горѣ Донгатъ, можно видѣть цѣлое собраніе могильныхъ плитъ съ изображеніями крестовъ. Эти плиты были снесены съ ближняго кладбища и послужили матеріаломъ для ограды небольшаго загона для скота. Кресты высѣчены четырехконечные самыхъ простыхъ формъ. Такая же могильная плита съ изображеніемъ креста лежитъ на берегу рѣчки Джилги (впадающей въ Чегемъ близъ аула) недалеко отъ мѣста, называемаго доселѣ поповымъ (бабасовымъ) жильемъ. Плиты съ крестами и названіе *попово* жилище несомнѣнно указываютъ, что въ этихъ мѣстахъ прежде существовала христіанская церковь. Дѣйствительно, народное преданіе говоритъ, что близъ Чегема, въ горѣ, въ пещерахъ, былъ когда-то складъ христіанскихъ книгъ. У подножья горы сохранились слѣды прилѣпленныхъ къ скалѣ построекъ, фундаментовъ, нишъ, стѣнъ и т. п., а выше по горѣ идетъ искусственный, укрѣпленный камнями на извести карнизъ. Эта тро-

---

*) Назван. статья, стр. 134.

**) Тамъ же, стр. 132.

***) Тамъ же, стр. 132. Къ сожалѣнію, ничего другого Фирковичъ не сообщаетъ и надписи имъ не были списаны.

пинка ведетъ къ пещерѣ, въ которой будто бы были найдены книги. Въ настоящее время уже нѣтъ возможности составить себѣ понятіе о формѣ церкви и даже точно опредѣлить ея мѣсто. Но еще въ началѣ этого столѣтія она существовала, и Клапротъ сообщаетъ о ней слѣдующее: Церковь Чегемская имѣетъ въ длину три сажени (toises) и построена на скалѣ, въ которой продѣлана извилистая тропинка (карнизъ), снабженная парапетомъ. Тамъ еще хранятся остатки нѣсколькихъ греческихъ книгъ. Во время моего пребыванія на Кавказѣ я имѣлъ случай достать себѣ нѣсколько отрывковъ: одни принадлежали греческому Евангелію, другіе служебнику и составляли часть службы ноября мѣсяца; у меня хранятся семь листовъ. По письму рукопись относится ко второй половинѣ XV вѣка и преисполнена ошибокъ; такъ, напримѣръ, переписчикъ пишетъ χαιροῦν вмѣсто χεροῖν, πολλεῖς вмѣсто πολὺς и т. п.; часто онъ пропускаетъ цѣлыя фразы или значительно сокращаетъ текстъ *).

Въ 1849 году Фирковичъ въ томъ же Чегемскомъ ущельѣ въ аулѣ Искильты (?) еще видѣлъ двѣ церкви, уже въ полномъ запустѣніи, такъ что онѣ служили загонами для овецъ. Одна (длиною въ $7^3/_4$, шириною въ $5^1/_2$ арш.) стояла на правой сторонѣ Чегема и называлась Артла, другая — почти такого же объема — на лѣвомъ берегу и называлась Фардигъ; обѣ простой архитектуры, но не довольно прочны; онѣ изъ тесанаго камня и не имѣютъ никакихъ знаковъ и украшеній, кромѣ небольшихъ крестовъ, высѣченныхъ на преддверіи. Во второй церкви, находящейся въ самомъ аулѣ, съ лѣвой стороны двери, обращенной къ западу, находилось изображеніе въ родѣ бараньей головы, высѣченной изъ камня **).

Такимъ образомъ въ настоящее время отъ Чегемскихъ церквей, существовавшихъ еще въ 1849 году, не осталось и слѣда ***).

Что христіанство нѣкогда было распространено и въ Баксанскомъ ущеліи, гдѣ въ настоящее время живетъ Урусбіевское общество горскихъ татаръ, объ этомъ свидѣтельствуютъ плиты съ крестами, встрѣчавшіяся прежнимъ путешественникамъ. Такую плиту видѣлъ, напри-

---

*) См. Примѣчаніе Клапрота къ Potocki—Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, II, p. 152.

**) Археолог. развѣдки на Кавказѣ, стр. 128.

***) Г. Нарышкинъ, совершившій въ 1867 году путешествіе на Кавказъ съ археологической цѣлью и проѣхавшій нѣкоторыя мѣста, упоминаемыя Фирковичемъ, говоритъ въ своемъ отчетѣ: «Нелишнимъ считаю упомянуть, что изъ осмотрѣнныхъ г. Фирковичемъ въ разныхъ мѣстахъ памятниковъ большая часть не находится на прежнихъ мѣстахъ". См. Изв. Импер. Русск. Археол. общ., т. VIII, стр. 345.

мѣръ, верстахъ въ двухъ выше аула Озорукова, на правомъ берегу Баксана, г. Нарышкинъ въ 1867 году *). Но особенно часто встрѣчались кресты и плиты съ греческими надписями на среднемъ теченіи Баксана и Чегема уже за предѣлами горскихъ татаръ, въ собственной Кабардѣ. Рисунки нѣкоторыхъ плитъ и крестовъ помѣщены Гильденштедтомъ при описаніи его путешествія **) и повторены въ „Сборникѣ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа", составленномъ И. Н. Помяловскимъ ***).

Переходя отъ этихъ скудныхъ остатковъ христіанства къ другимъ памятникамъ старины въ горскихъ обществахъ Кабарды, слѣдуетъ отмѣтить башни, встрѣчающіяся въ этихъ мѣстахъ не менѣе часто, чѣмъ въ Осетіи и въ большинствѣ совершенно сходныя съ осетинскими по наружному виду. Нѣкоторыя изъ этихъ массивныхъ сооруженій, расположенныя на удобныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстахъ, представляютъ цѣлыя крѣпости, какъ, напримѣръ, близъ аула Хуламъ. Здѣсь, на высокомъ, почти коническомъ, холмѣ виднѣются величественныя развалины замка, длиною около 6, шириною болѣе двухъ саженей, съ остатками башенъ. Кто построилъ эту нѣкогда неприступную крѣпость, сложенную весьма правильно изъ тесанаго мѣстнаго камня на извести,—объ этомъ не сохранилось даже преданія.

На противоположной сторонѣ долины виднѣются развалины другой башни, которая должна была одновременно съ первой защищать ущелье, такъ что непріятель подвергался перекрестнымъ выстрѣламъ. Обѣ башни по типической четырехугольной формѣ, суживающейся кверху, совершенно совпадаютъ съ осетинскими, представленными, напримѣръ, на таб. X, и, конечно, были сооружены раньше появленія татаръ въ ущельѣ Черека.

Другой замокъ, до сихъ поръ хорошо сохранившійся и обитаемый потомками строителя, посѣтили мы въ аулѣ Чегемѣ. Этотъ родовой замокъ фамиліи таубіевъ Балкаруковыхъ имѣетъ трехъэтажную башню нѣсколько отличающуюся отъ обычной формы. Верхъ ея увѣнчанъ парапетомъ, нѣсколько выступающимъ впередъ, такъ что вверху башня нѣсколько шире, чѣмъ внизу. Она окружена стѣнами, въ которыя ведутъ ворота, укрѣпленныя бойницей. Строитель башни Ахтуганъ, по пре-

*) Изв. И. Р. Арх. Общ., т. VIII, стр. 330.
**) Güldenstädt Reisen etc. I, 502, 503.
***) См. стр. 12, 13, 14 и соотвѣтствующія таблицы.

данію, сообщенному намъ Али-мурзой Балкаруковымъ, вызвалъ для ея постройки мастеровъ изъ Сванетіи, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется ея отличіе отъ общераспространеннаго типа. Судя по числу поколѣній между Ахтуганомъ и его потомкомъ Али-мурзой, башня Балкаруковыхъ была построена не болѣе 150 лѣтъ тому назадъ *).

Особенно богато башнями ущелье Балкарское, населенное древнѣйшимъ изъ тюркскихъ горскихъ обществъ. При проѣздѣ этимъ ущельемъ путешественникъ почти не теряетъ изъ виду древнихъ башенъ, сопровождающихъ верхній Черекъ то съ правой, то съ лѣвой стороны. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ, представляющихъ до сихъ поръ явственные слѣды сквозныхъ крестовъ. Таковы двѣ довольно хорошо сохранившіяся башни, построенныя, по преданію, предками балкарской фамиліи таубіевъ (горскихъ князей) Абаевыхъ. Одна изъ нихъ возвышается въ аулѣ Кунимъ и приписывается Али - мурзѣ Абаеву. Башня отлично построена изъ камней на извести и сохранила внутри слѣды 4-хъ этажей. Въ нижнемъ этажѣ живутъ до сихъ норъ. На трехъ стѣнахъ — сѣверо-западной, юго-западной и юго-восточной — на значительной высотѣ виднѣются четырехконечные кресты, образуемые выемкой въ стѣнѣ **). Другая абаевская башня находится въ аулѣ Шканты, на лѣвомъ берегу р. Иртышки и была построена Сосраномъ Абаевымъ. Она сложена такъ же, какъ и первая, и достигаетъ высоты $8^1/_2$ саженей. Есть преданіе, что башню строили мастера сванетскіе или греческіе. Внутри сохранились слѣды 4-хъ этажей. Въ 1 этажъ ведетъ на восточной сторонѣ небольшая дверь съ полукруглой аркой. Дверь пробита на высотѣ 2-хъ аршинъ отъ основанія башни. На двухъ стѣнахъ виднѣются кресты. Чтобы дать понятіе о балкарскихъ аулахъ, представляющихъ своими башнями видъ крѣпостей, помѣщаемъ на таблицѣ XVIII б. изображеніе башенъ фамиліи Борзіевыхъ, близъ аула Зилги.

На вопросъ, къ какому времени относится построеніе этихъ башенъ, можно отвѣтить только приблизительно, сообщивъ народныя преданія о происхожденіи балкарскихъ княжескихъ родовъ. При этомъ нужно замѣтить, что и народныя преданія представляютъ варіанты относительно генеалогіи балкарскихъ таубіевъ. Вотъ одно преданіе, записанное со словъ таубія хаджи Шаханова, пользующагося у Балкарцевъ репутаціей знатока старины. По словамъ этого старика, нѣкогда въ Стамбулѣ одинъ пади-

*) Подробности о построеніи башни и фамильныя преданія Балкаруковыхъ изложены нами въ статьѣ „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“, Вѣстникъ Европы. 1884. Апрѣль, стр. 562 и слѣд.

**) См. табл. XVIII а.

шахъ заподозрилъ свою дочь и прогналъ ее отъ себя. Она бѣжала въ Крымъ и вышла за крымскаго хана, который удостовѣрился въ ея невинности. Отъ этого брака родился Чингисъ-ханъ; у него былъ сынъ Баракъ-ханъ, отъ котораго произошелъ Джанбекъ-ханъ, отецъ родоначальниковъ привилегированныхъ фамилій Дигоріи и Балкаріи — Бадилята и Басіата. Это преданіе, конечно, не заслуживающее вѣры, очевидно основано на желаніи возвысить Бадилята и Басіата, приписавъ имъ царское происхожденіе. Правдоподобнѣе другое, болѣе скромное преданіе, записанное нами отъ эфенди Абаева, которое говоритъ, что Басіатъ и Бадилятъ были сыновья—сироты одного крымскаго вельможи, ушедшіе изъ Крыма на Кавказъ вслѣдствіе притѣсненій отъ роднаго дяди. По 1-му варіанту (шахановскому) братья поселились сначала на р. Кумѣ, а затѣмъ перешли на Кашкатау. Здѣсь они разстались: Бадилятъ пошелъ въ Дигорію, гдѣ сталъ родоначальникомъ дигорскихъ дворянскихъ фамилій, а Басіатъ поселился въ Балкарѣ около нынѣшняго аула Кунима, на лѣвомъ берегу Черека. Въ нынѣшнемъ Кунимѣ жили въ то время выходцы изъ Сванетіи Таулу (мн. ч. Таулуларъ). Басіатъ подчинилъ ихъ себѣ и обложилъ данью. Кромѣ Таулу, туземное населеніе состояло изъ Осетинъ - Дигорцевъ и другихъ раннихъ пришельцевъ. Преданіе говоритъ, что туземцы исповѣдовали языческую религію, а Басіатъ съ дружиной были мусульмане. Это преданіе слѣдуетъ поправить въ томъ смыслѣ, что туземцы несомнѣнно, какъ ихъ сосѣди Дигорцы, хранили нѣкоторые слѣды христіанства, смѣшавшагося съ языческими вѣрованіями, а мусульманство пришельцевъ—Басіата съ дружиной—довольно сомнительно, въ виду существованія крестовъ на башняхъ, построенныхъ *потомками* Басіата. Какъ бы то ни было, Басіатъ считается родоначальникомъ ряда таубіевскихъ фамилій, причемъ отъ него ведется слѣдующая генеалогія. У Басіата былъ сынъ Хабижъ, у него сынъ Абай, у котораго отъ первой жены было двое сыновей — Тауканъ и Тазиритъ, а отъ другихъ женъ—Алибекъ и Кансау. Отъ 1-го сына (Таукана) пошли фамиліи: Шахановы и Джанхотовы; отъ 2-го сына (Тазирита)—Айдеболовы (Біевы); отъ 3-го сына (Алибека): Кунчуковы, Амирхановы и Боташевы; отъ 4-го—Кансау—Абаевы. По другому варіанту (абаевскому), генеалогія Басіата представляется въ нѣсколько иномъ видѣ: у Басіата было 2 сына — Абай и Темрюкъ; у перваго былъ сынъ Алибекъ, отъ котораго родился сынъ Кучукъ, родоначальникъ фамилій Абаевыхъ и Кучуковыхъ; у втораго сына Басіатова Темрюка было въ свою очередь двое сыновей: *Тауканъ*,— родоначальникъ фамилій Шахановыхъ и Джанхотовыхъ, и *Тазиритъ*,—

родоначальникъ фамиліи Айдеболовыхъ (Біевыхъ). Во всякомъ случаѣ, примемъ ли мы ту или другую генеалогію, предки Абаевыхъ (Алимурза и Сосранъ), строители башенъ съ крестами, отдѣлены нѣсколькими поколѣніями отъ родоначальника Басіата и нѣсколькими же отъ нынѣшняго поколѣнія. Поэтому можно думать, что построеніе Абаевскихъ башенъ восходитъ, по крайней мѣрѣ, за 300 лѣтъ тому назадъ, а башни, построенныя туземцами Сванетами (Таулуларъ) до прихода Басіата, относятся къ еще болѣе отдаленному времени.

Переходя къ описанію могильниковъ, представляющихъ наибольшій интересъ въ области Горскихъ Обществъ, считаемъ болѣе удобнымъ разсмотрѣть эти памятники древности отдѣльно въ трехъ ущельяхъ— Черекскомъ (Балкарскомъ), Чегемскомъ и Баксанскомъ, начиная съ перваго. Могилы Балкарскаго ущелья представляютъ два главные типа — могилы *подземныя* и *надземныя* (кэшэнэ). Могилы перваго типа по пути слѣдованія экспедиціи были осмотрѣны въ слѣдующихъ мѣстахъ.

а) Могильникъ, находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ Кашкатау, на лѣвомъ берегу Хуламскаго Черека. Наружные признаки могилъ составляютъ круги, выложенные изъ булыжныхъ камней.

б) Могильникъ близъ аула Зилги, на высокомъ холмѣ, близъ дороги. Могилы представляютъ два вида: съ наружными признаками и безъ нихъ. Могилы перваго типа въ свою очередь бываютъ двухъ родовъ: однѣ обозначены камнями, положенными по краямъ и образующими какъ-бы контуръ могилы; въ другихъ—пространство могилы засыпано грудой камней. Внутреннее устройство тѣхъ и другихъ могилъ одинаково. Раскопка двухъ могилъ обнаружила слѣдующее: подъ снятыми камнями оказался слой насыпной земли, толщиной въ 10—12 вершковъ; подъ нимъ три плиты, составляющія крышку каменнаго ящика, сложеннаго изъ грубо отесанныхъ плитъ насухо. Входъ въ ящикъ образуетъ вертикально стоящая плита въ ногахъ костяка; костякъ лежитъ на материкѣ. Размѣры ящика: длина 2 арш. 13 вершковъ, ширина въ срединѣ 9 вершковъ, въ головахъ и ногахъ 7 вершковъ, глубина 13 вершковъ. Голова костяка на сѣверо-западъ. Въ головахъ у костяка первой раскопанной могилы были найдены бараньи кости и куски дерева (отъ чашки?). Вещей не оказалось. Въ ногахъ близъ входной плиты, былъ найденъ деревянный, сильно перегнившій, срубъ

изъ бревенъ. Вторая раскопанная могила обнаружила тѣ же детали, какъ и первая, и также не представила никакихъ вещей.

Могилы безъ наружныхъ признаковъ, т.-е. не обозначенныя камнями на поверхности, также представили по внутреннему устройству *двѣ* разновидности: въ однихъ костякъ лежитъ въ ящикѣ изъ шиферныхъ плитъ, но безъ крышки; въ другихъ—костякъ просто засыпанъ землею безъ признаковъ гроба. Размѣры разрытаго каменнаго ящика: длина 2 арш. 14 вершковъ, ширина 13 вершковъ, глубина 11 вершковъ. Головой костякъ лежитъ на юго-западъ. Въ головахъ былъ найденъ глиняный кувшинъ въ черепкахъ, горшокъ въ такомъ же состояніи, затѣмъ въ срединѣ гроба: бронзовое колечко, такой же браслетъ, подвѣска, 7 бубенчиковъ, 3 бусы и бронзовая пряжка отъ ремня. Въ могилѣ безъ каменнаго ящика оказалась только желѣзная пряжка. Кости во всѣхъ разрытыхъ могилахъ разсыпаются при прикосновеніи, такъ что нельзя было добыть цѣльнаго черепа.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что могилы съ надземными признаками расположены гораздо выше могилъ 2-го типа и лежатъ почти на вершинѣ холма.

Многія могилы 1-го и 2-го типа разрыты мѣстнымъ населеніемъ и добытые въ нихъ предметы—бронзовыя вещи и бусы—были пріобрѣтены нами въ аулѣ Зилги, см. таб. XIX.

в) Могильникъ значительныхъ размѣровъ (приблизительно на 2-хъ десятинахъ), обнесенный стѣною въ $^3/_4$ арш. вышины, тянется на правомъ берегу Черека, близъ аула Шканты. Здѣсь, вокругъ Абаевскихъ кэшэнэ (см. ниже), расположены такія же могилы съ наружными признаками, какъ въ могильникѣ близъ Зилги. Подъ слоемъ наружныхъ камней насыпной слой земли, толщиною до 18 вершковъ; подъ нимъ плита, покрывающая каменный выложенный на извести ящикъ. Размѣры внутри: длина 2 арш. 9 вершковъ, ширина 11 вершковъ, глубина 1 арш. Входъ образуется на сѣверо-восточной сторонѣ вертикально поставленной плитою. Голова костяка лежитъ къ югу-западу. Тѣло было обернуто льняной тканью, отъ которой сохранились лишь небольшіе лоскуты. Вещей въ раскопанной могилѣ не оказалось. Могила, повидимому, мусульманская. Выше этого могильника на юго-востокъ, по склону холма, находятся могилы *со склепами,* идущими внутрь горы. Передняя стѣнка, выложенная изъ камней, на извести обнаружена и входное отверстіе открыто. Всѣ склепы ограблены. Склепъ сложенъ изъ грубо-отесанныхъ камней на глинѣ и представляетъ кверху сводъ. Размѣры довольно значительны: длина достигаетъ 4-хъ арш., ширина

2-хъ слишкомъ, вышина 3-хъ аршинъ. Костяки лежали головами на юго-востокъ, причемъ голова и ноги покоятся на шиферныхъ плитахъ. Въ одномъ изъ такихъ склеповъ было найдено 22 черепа.

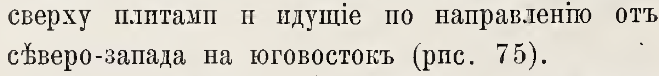
Переходимъ къ надземнымъ могиламъ, т.-е. каменнымъ зданіямъ, называемымъ Балкарцами *кэшенэ*. По пути слѣдованія экспедиціи такія усыпальницы были осмотрѣны въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ оградѣ могильника близъ аула Шканты находятся три *кэшенэ* фамиліи Абаевыхъ. Два изъ нихъ представляютъ восмигранныя каменныя зданія съ острымъ верхомъ (рис. 74).

Рис. 74. Усыпальницы Абаевыхъ.

Кэшенэ Сосрана Абаева, болѣе высокій, заваленъ внутри камнями, такъ что о внутреннемъ устройствѣ нельзя себѣ составить понятія. Въ кэшенэ Алимурзы Абаева оказалось 2 склепа рядомъ, покрытые

сверху плитами и идущіе по направленію отъ сѣверо-запада на юговостокъ (рис. 75).

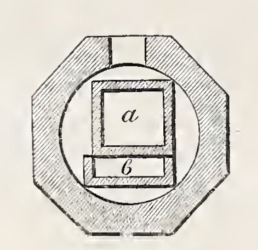

Рис. 75. Планъ усыпальницы Абаевыхъ.

Кости лежатъ въ безпорядкѣ, и покойники были очевидно ограблены. Въ болѣе широкомъ склепѣ, впрочемъ, была найдена желѣзная подкова отъ сапога и кусокъ шелковой матеріи. Сколько поколѣній тому назадъ жили Алимурза и Сосранъ Абаевы, ихъ потомки не помнятъ. Наружные размѣры кэшенэ Алимурзы довольно значительны: окружность достигаетъ 19 аршинъ, вышина болѣе 2-хъ саженей; толщина стѣнъ въ 1 аршинъ. Верхъ кэшенэ сведенъ сводомъ и стѣны внутри выбѣлены. Третій абаевскій кэшенэ, въ которомъ нѣкогда была похоронена дѣвица, ограбленъ и заваленъ камнями внутри. Наружнымъ

видомъ онъ отличается отъ другихъ кэшенэ: онъ представляетъ четырехугольное сооруженіе, котораго стѣны, выгибаясь, сходятся наверху. Размѣры незначительны.

Въ 7 верстахъ отъ Кашкатау, на лѣвомъ берегу Хуламскаго Черека находятся развалины четырехугольнаго избообразнаго кэшенэ, приписываемаго предкамъ таубіевъ Урусбіевыхъ, живущихъ въ настоящее время въ Урусбіевскомъ аулѣ на верховьяхъ Баксана. Длина кэшенэ 6 арш., ширина 4 арш. По бокамъ сохранились слѣды каменныхъ ступеней. Внутри кэшенэ былъ найденъ въ землѣ костякъ, лежащій головой на западъ. Кэшенэ ограбленъ и потому вещей въ немъ не оказалось, кромѣ ручки отъ глинянаго сосуда.

Недалеко отъ Кашкатау находится также кэшенэ родоначальника фамиліи Мисаковыхъ, пользующейся тѣми же правами, какъ и потомки Басіата. Преданіе разсказываетъ, что Мисака жилъ сначала на Кумыкской плоскости съ князьями Таймазовыми. Поссорившись съ ними, онъ увелъ у нихъ лошадь *кашка* (лысую съ бѣлымъ лбомъ) и на ней пріѣхалъ въ Балкаръ, гдѣ остановился у горы, которая въ память его коня и была названа Кашка-тау. Кэшенэ Мисаки по виду напоминаетъ усыпальницы Абаевыхъ въ аулѣ Шканты.

Послѣ *кэшенэ* нельзя не упомянуть о курганахъ, находящихся на юго-востокъ отъ аула Зилги, на лѣвомъ берегу Черека. Одинъ изъ нихъ представляетъ въ окружности до 80 шаговъ и достигаетъ вышины отъ 3—4 саженъ. Близъ вершины кургана находится небольшое четырехугольное зданіе, сложенное изъ камней. Размѣры зданія: длина 3 саж. 1 арш., ширина — 2 саж., вышина сохранившихся стѣнъ 2 арш. Зданіе стоитъ на каменномъ же фундаментѣ, выступающемъ значительно впередъ, такъ что къ стѣнамъ ведетъ какъ бы ступень. На восточной сторонѣ замѣтны слѣды двери, а на западной четырехугольнаго узкаго окна. На сѣверной стѣнѣ виднѣется небольшая квадратная ниша. Зданіе имѣло въ древности, повидимому, религіозное значеніе, но въ настоящее время служило амбаромъ для хлѣба фамиліи Токзаевыхъ. Второй курганъ еще значительнѣе перваго, достигаетъ въ окружности 100 шаговъ и укрѣпленъ внизу большими поставленными на ребро камнями. Верхушка его представляетъ видъ гребня или хребта. На восточномъ склонѣ близъ вершины лежатъ въ безпорядкѣ три отесанныя каменныя плиты (длиною въ $2^1/_2$, шириною въ $^1/_2$ аршина), нѣкогда лежавшія рядомъ. Есть преданіе, что одинъ изъ жителей Зилги взялъ съ кургана эти плиты при постройкѣ дома, но у него заболѣла вся семья, и плиты были отвезены обратно. На памяти стариковъ, на этихъ плитахъ при-

носили въ жертву барановъ. Сѣверная сторона кургана пользуется особеннымъ уваженіемъ и около нея боятся проходить. Разсказываютъ, что въ курганѣ похоронены 6 женщинъ съ грудными дѣтьми и что онѣ не сгнили, а окаменѣли, такъ что обратились въ статуи.

Въ виду святости кургана и разсказовъ туземцевъ, была нами предпринята раскопка, которая оказалась вполнѣ неудачной. Такъ какъ на сѣверной сторонѣ были яркіе признаки прежнихъ раскопокъ, предпринятыхъ, по словамъ туземцевъ, какимъ-то пріѣзжимъ русскимъ, то мы прокопали канаву съ восточной стороны вдоль остатковъ каменной стѣнки. Мы углубились на 3 аршина, но никакихъ признаковъ могилъ не оказалось; продолжать же раскопку дальше не дозволило время. Чтобъ закончить обзоръ древностей Балкара, слѣдуетъ упомянуть и о двухъ надписяхъ, которыя, впрочемъ, могутъ считаться утраченными для археологіи.

По дорогѣ отъ Кашкатау къ Зилги, тамъ, гдѣ кончается опасный въ видѣ ступеней карнизъ, называемый туземцами „Чертовой лѣстницей", виднѣется съ правой стороны дороги на скалѣ сглаженное въ видѣ плиты мѣсто, надъ которымъ сдѣланъ небольшой шиферный выступъ въ видѣ навѣса. Подъ нимъ нѣкогда была выведена бѣлой краской надпись въ 2 строки, отъ которой въ настоящее время замѣтны лишь слѣды нѣсколькихъ буквъ съ правой стороны. Мѣсто, занимаемое остатками надписи, представляетъ въ длину 7 четвертей и въ ширину $^1/_2$ аршина. Туземцы называютъ это мѣсто Бакшишъ. Надпись нарочно испорчена и послѣдній изъ вандаловъ, разрядившій пистолетъ въ нее и выбившій нѣсколько буквъ, былъ, по словамъ туземцевъ, одинъ англійскій путешественникъ.

Слѣды другой надписи, еще болѣе испорченной, видны близъ аула Кунимъ, на высокой отвѣсной скалѣ. Надпись была также защищена навѣсомъ, который однако не спасъ ее отъ истребленія.

Переходя къ могильникамъ, осмотрѣннымъ нами въ ущельѣ Чегема, замѣтимъ, что одинъ изъ нихъ тянется по правой сторонѣ рѣчки Кардана на нагорномъ берегу. *Другой* лежитъ значительно выше перваго, на разстояніи полуверсты отъ него, на горѣ Донгатъ. Въ обоихъ могильникахъ были произведены мною въ 1883 г. пробныя раскопки. Могилы 1-го могильника обозначены нѣсколькими большими и малыми камнями, лежащими на поверхности. Впрочемъ, такъ какъ все пространство усѣяно камнями, то опредѣлить могилу не всегда легко. Весь

могильникъ изрытъ въ разныхъ направленіяхъ мѣстными жителями, ищущими тамъ бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ вещей. Бронзовыя и серебряныя вещи переплавляются на разныя издѣлія — бляхи для поясовъ, рукоятки и ножны для кинжаловъ, золотыя идутъ на продажу. По разсказамъ жителей, на могильникахъ встрѣчались камни съ изображеніями крестовъ. Трупы вообще хоронились неглубоко подъ поверхностью, отъ $^1/_2$ до 1 аршина глубины. На трупъ, повидимому, наваливались мелкіе камни, вслѣдствіе чего нерѣдко кости представляютъ крайній безпорядокъ. Судя по частямъ древесныхъ стволовъ, найденныхъ въ одной могилѣ, можно думать, что нѣкоторыя могилы представляли деревянные срубы *). При раскопкѣ двухъ могилъ такого типа, послѣ снятія дерна, сначала обнаруживалась насыпная земля, въ которой на глубинѣ полуаршина уже появлялись лошадиныя, бараньи и бычьи кости (можетъ быть остатки тризны и коня, зарытаго съ покойникомъ), а затѣмъ человѣчьи кости въ полномъ безпорядкѣ. Въ одной могилѣ близъ головы были найдены черепки толстаго глинянаго сосуда и кости козла, часть головы съ сохранившимся рогомъ; въ другой желѣзная перержавленная кирка. На томъ-же могильникѣ есть могилы и другаго типа: костякъ былъ окруженъ поставленными на ребро плитами, образовывавшими какъ-бы каменный ящикъ. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, въ такихъ могилахъ были находимы въ головахъ у костяковъ золотыя вещи. Головами костяки обращены на западъ. Намъ не удалось найти неповрежденной могилы этого типа.

Подобные же каменные ящики составляютъ могилы во *второмъ* или верхнемъ могильникѣ. Костякъ лежитъ на глубинѣ не болѣе 1 $^1/_2$ аршина; разстояніе между стѣнами ящика $^3/_4$ аршина; ящикъ покрытъ тремя плотно сдвинутыми плитами, наполненъ щебнемъ, покрывавшимъ костякъ. Послѣдній обращенъ головой къ западу. По характеру вещей могилы крайне бѣдны: въ 3-хъ раскопанныхъ нами оказались лишь черепки глиняныхъ сосудовъ (въ головахъ), бронзовая бляшка и нѣсколько бусъ. Встрѣтились также перегнившіе остатки какихъ-то деревянныхъ предметовъ. Мѣстность, близъ которой расположенъ могильникъ, носитъ слѣды христіанства. Нѣкоторыя могилы были обозначены поставленными стоймя плитами, съ высѣченными на нихъ крестами. Много такихъ плитъ было перенесено въ одно мѣсто и послужило оградой для загона скота. Неподалеку отъ могильника, въ мѣст-

---

*) Таубій Измаилъ Урусбіевъ, разрывшій въ Чегенѣ незадолго до нашего пріѣзда, по его словамъ, отъ 30—40 могилъ, сообщаетъ, что деревянные срубы содержали иногда отъ 10 до 30 костяковъ.

ности, называемой Ачисыртъ, есть довольно обширная пещера въ скалѣ, которая, судя по находящимся въ ней человѣческимъ костямъ, служила катакомбою. Изъ этихъ признаковъ и изъ крайней бѣдности могилъ верхняго могильника можно предположить, что на верху горы была нѣкогда монастырская обитель, и что костяки, погребенные въ каменныхъ гробахъ, и катакомбы принадлежатъ монастырской братіи.

Въ виду недостаточности времени и дождливой погоды, мы не могли предпринять раскопокъ въ чегемскихъ могильникахъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ; притомъ большинство могилъ уже было расхищено, такъ что трудно было отыскать нетронутую могилу. Намъ пришлось ограничиться покупкой вещей, уже раньше вырытыхъ, чтобъ составить себѣ понятіе о характерѣ культуры древняго мѣстнаго населенія. Вещи эти приносились намъ въ большомъ количествѣ; такъ какъ запасъ ихъ, повидимому, у мѣстныхъ жителей былъ значительный. Только золотыхъ предметовъ намъ не удалось пріобрѣсть, такъ какъ немедленно по нахожденіи ихъ продаютъ пріѣзжимъ мелкимъ торговцамъ или отвозятъ въ городъ (Нальчикъ).

Вещи собранной нами коллекціи можно распредѣлить въ слѣдующія рубрики:

а) Къ предметамъ *изъ бронзы* относятся: колокольчики, вышиной въ вершокъ и ниже; пряжки отъ ременныхъ поясовъ; шила, длиною въ 2—3 вершка; круглыя выпуклыя бляхи, повидимому, отъ поясовъ; перстни изъ бронзовой проволоки неспаянные; такіе-же браслеты; оправы отъ кинжаловъ; привѣски въ видѣ бараньихъ головокъ; небольшія бляшки въ видѣ медалей съ ушками, вѣроятно украшенія конской сбруи; небольшія фибулы кобанскаго типа, съ утолщенной и орнаментованной дужкой, римскія провинціальныя фибулы; привѣски въ видѣ руки, головки грифона, птицъ, альчиковъ и друг., части отъ удилъ, наконечники отъ стрѣлъ трехгранные и листовидные, булавки, бляхи съ изображеніемъ львиной головы, собаки, оленя, всадника, свиньи, лошади и друг.

б) Вещи изъ сплава мѣди съ серебромъ; сюда относятся: небольшія зеркала, украшенія (бляхи) въ видѣ колесъ съ орнаментованными лучами, вершка два въ діаметрѣ.

в) Вещи изъ глины, камня, пасты, стекла: сюда относятся бусы разнообразнаго вида: изъ сердолика, стеклянаго сплава въ родѣ фарфора съ глазками, цвѣтами, полосками, изъ стекла: круглыя, бутылкообразныя, цилиндрическія, овальныя, золоченыя, синія, зеленыя, бѣлыя и т. п., изъ египетской пасты голубой и синей, горнаго хрусталя, янтаря и друг.

Особенно любопытны египетскіе скарабеи съ іероглифами, голубыя миніатюрныя черепашки, такія же фигурки лежащихъ львовъ, стеклянныя синія негритянскія головки отличной работы, миніатюрные позолоченные предметы изъ пасты, греческой работы въ видѣ каріатидъ, бляшекъ съ изображеніемъ головы, бляшекъ овальныхъ съ орнаментомъ въ видѣ лучей, человѣческихъ фигурокъ и т. п.

г) Изъ желѣзныхъ предметовъ встрѣчаются: клинки отъ кинжаловъ, ножей и кирки.

д) Изъ золотыхъ: тонкія круглыя пластинки греческой работы съ орнаментами, пуговицы съ перегородчатой эмалью, украшенія въ видѣ креста, части серегъ съ волчьими головками, бляхи изъ листоваго золота съ изображеніемъ человѣческаго лица. Рисунки съ этихъ предметовъ, частью пріобрѣтенныхъ нами, частью принадлежащихъ таубію Измаилу Урусбіеву, см. на таблицахъ XX—XXVI, а болѣе подробное описаніе въ слѣдующей главѣ.

Переходимъ къ баксанскимъ могиламъ.

На правой сторонѣ рѣки Баксана, на горѣ Калаколъ, названной такъ по развалинамъ обширной башни (кала) *), близъ аула Озорукова, тянется на далекое пространство древній могильникъ по склону горы. Могилы, въ значительномъ числѣ уже разрытыя мѣстнымъ населеніемъ, представляютъ склепы, сложенные изъ неотесанныхъ камней, связанныхъ глиною. Въ длину склепы достигаютъ отъ 2 до 4-хъ метровъ, въ ширину отъ $1^1/_2$ до 2-хъ, въ вышину 1-го или $1^1/_2$ метровъ. Число погребенныхъ въ склепахъ отъ 1 до 6.

Кромѣ этого могильника, который по его положенію мы назовемъ *верхнимъ*, существуетъ близъ того же аула другой, еще болѣе обширный. Онъ расположенъ по тому же правому берегу Баксана, но гораздо ниже перваго, у самаго берега, при впаденіи въ Баксанъ рѣчки

---

*) Въ «Археологическихъ развѣдкахъ» Фирковича мы находимъ слѣдующую замѣтку объ этой башнѣ: «слѣдуя вдоль по Баксану, не доѣзжая съ версту до аула Озорукларъ, на вершинѣ едва доступной горы, замѣтна развалина каменнаго строенія, отъ которой уцѣлѣла одна западная стѣнка, вышиною около 6, шириною 10, толщиной $1^1/_2$ арш., съ небольшимъ окномъ. Изъ развалинъ этого зданія выстроены обширные коши. Только въ Чегемѣ я узналъ одно преданіе объ этомъ мѣстѣ, хранимое въ тайнѣ туземцами, что будто бы въ подошвѣ той горы, надъ которою стоитъ помянутое строеніе, есть отверстіе, ведущее въ пещеру, находящуюся подъ самымъ строеніемъ. Въ этой пещерѣ хранятся книги, разныя вещи и оружіе подъ проклятіемъ, а потому никто не рѣшается прикоснуться къ нимъ и даже открывать тайну эту другимъ подъ опасеніемъ дурныхъ послѣдствій. Труды Вост. Отд. Археол. Общ. III, стр. 127 и слѣд.

Гестенты. Вся мѣстность близъ могильника обнаруживаетъ слѣды древнихъ построекъ. Видно, что внизу нѣкогда стоялъ обширный аулъ, котораго населеніе погребалось въ названномъ могильникѣ. Разсмотрѣнныя нами уже разрытыя раньше могилы представляютъ *два* типа: склепы, покрытые плитами, и такіе же склепы, покрытые правильными курганами, иногда значительной высоты.

Опишемъ сначала разрытыя нами могилы верхняго могильника.

Наружными признаками этихъ, расположенныхъ по косогорью, могилъ служатъ камни, болѣе или менѣе правильной формы, лежащіе въ видѣ ступеней по склону. По снятіи камней (обыкновенно 3-хъ), подъ среднимъ открывается входъ въ склепъ, въ видѣ узкаго (въ квадратный

Рис. 76. Разрѣзъ склепа въ могильникѣ близъ аула Озорукова.

аршинъ) колодца, глубиною въ аршинъ и болѣе, заваленнаго мелкимъ камнемъ и замазаннаго глиной. Вѣроятно колодцы заваливались, когда склепъ уже не могъ вмѣстить новыхъ покойниковъ.

На днѣ колодца у одной изъ стѣнокъ ставились на ребро двѣ, три плиты рядомъ, заслонявшія входъ въ склепъ. Способъ постройки послѣдняго былъ слѣдующій: въ откосѣ горы дѣлали сначала подковообразную выемку, сообразно съ величиной будущаго склепа. Затѣмъ, выгребши землю, приступали къ кладкѣ, т. е. укрѣпляли стѣны выемки камнями на глинѣ. Когда была сложена и передняя стѣнка и оставлено входное отверстіе, и весь склепъ доведенъ до надлежащей высоты, поперекъ склепа клали солидную плиту, подъ которой оставлялось входное отверстіе. Затѣмъ склепъ покрывали нѣсколькими продольно-положенными плитами, покоившимися съ одной стороны на стѣнкѣ, съ другой на поперечной плитѣ, и покрытый такимъ обра-

зомъ склепъ засыпали землей, оставляя колодезь, ведущій ко входному отверстію.

Раскопавъ одинъ нетронутый склепъ, мы отвалили плиту, закрывавшую входное отверстіе и оказавшуюся шириной и вышиной въ аршинъ и толщиной вершка въ два. Склепъ имѣлъ въ длину 1 сажень, въ вышину 1 $^1/_2$ арш., въ ширину 2 арш., и заключалъ шесть костяковъ, изъ которыхъ пять лежало поперекъ, а одинъ вдоль склепа, причемъ головами одни были обращены на востокъ, другіе на западъ. При скелетахъ были найдены слѣдующіе предметы: при одномъ съ лѣвой стороны желѣзный мечъ, при другомъ (женскомъ) бронзовый браслетъ, зеркало и кольцо отъ серьги. Въ головахъ у всѣхъ костяковъ стояли глиняные

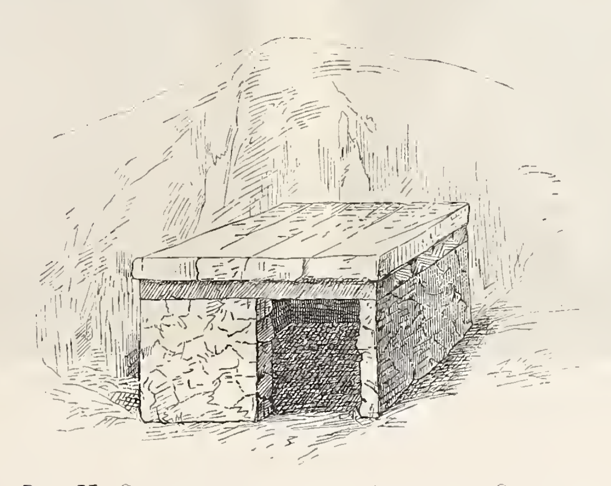

Рис. 77. Склепъ въ могильникѣ близъ аула Озорукова.

горшечки съ остатками какой-то пищи и деревянныя чашки съ такими же ложками. Въ ногахъ у двухъ стояли стаканы изъ коровьихъ роговъ, у которыхъ острія были отпилены и замѣнены деревянными днищами. Въ задней стѣнѣ склепа оказалась небольшая ниша, въ которой помѣщались деревянныя тарелки съ остатками пищи: въ одной, повидимому, перетлѣвшія зерна проса. Деревянная посуда выточена очень правильно и, по словамъ туземцевъ, изъ *чинара*. Сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ склепа были найдены: деревянной сосудецъ въ родѣ кубышки съ крышкой, части ноженъ, обтянутыхъ чернымъ сафьяномъ и вышитыхъ шелкомъ, нѣсколько бронзовыхъ бляшекъ отъ кожанаго пояса, бронзовая пряжка, нѣсколько колецъ и стеклянныхъ бусъ. Въ склепѣ, разрытомъ мѣстными жителями, были найдены и золотыя вещи: брошка изъ овальнаго стекла аметистоваго цвѣта, въ красивой золотой кружевной оправѣ и пряжка съ эмалью (cloisonné).

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ предметовъ см. на таб. XX.

Отмѣтимъ, что всѣ черепа въ разрытой нами могилѣ оказались искусственно деформированными, какъ можно видѣть на прилагаемыхъ рисункахъ *).

Составивъ себѣ понятіе о способѣ погребенія въ верхнемъ могильникѣ, мы сдѣлали пробную раскопку въ нижнемъ, лежащемъ выше по Баксану, верстахъ въ 2-хъ отъ перваго. Здѣсь могилы обозначены либо

Рис. 78. Черепъ изъ склепа въ могильникѣ близъ аула Озорукова.

Рис. 79. Черепъ оттуда же.

рядами камней, образующихъ четырехугольникъ, либо курганами, вышиной отъ $1\frac{1}{2}$ до 3-хъ саженъ. Въ виду недостатка времени, мы

---

*) Изображеніе черепа изъ Озоруковскаго верхняго могильника см также въ сочиненіи г. Шантра—Recherches Anthropologiques dans le Caucase, t. III pl. XXVIII и въ изслѣдованіи Д. Н. Анучина—«О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи». Москва, 1887, стр. 38 и 39. Д. Н. Анучинъ находитъ черепа изъ Озоруковскаго могильника «замѣчательными по необыкновенной короткости, вышинѣ и вытянутой вверхъ и взадъ формѣ». «У всѣхъ лобъ покатъ и отчасти вдавленъ, затылокъ высокій и плоскій; на темени замѣчается вдавленіе. Очевидно всѣ были подвергаемы продолжительному дѣйствію горизонтальной и поперечной повязки, особенно же первой, слѣды которой замѣтны и на боковыхъ (височныхъ) сторонахъ черепа, при взглядѣ сзади. Продольный затылочный (iniaque) діаметръ этихъ череповъ составляетъ только 163—148 милл., отношеніе ширины черепа къ этой длинѣ 82,1—84,7; черепной индексъ—75,1—81,2. Высотный діаметръ 152—141, черепа очень высоки и въ то же время коротки (спереди взадъ) Сверху они представляются съ нѣсколько приплюснутыми лбомъ и затылкомъ, а сзади высокими, пятиугольными, съ вогнутыми боковыми (височными) сторонами и явственно обозначенными (хотя и округленными) верхними тремя углами. Лицевой черепъ не представляетъ явственныхъ монгольскихъ признаковъ: скулы умѣренныя, носъ узкій, глазницы высокія; у одного (женскаго) носъ, впрочемъ, нѣсколько шире и вздернутый, а глазницы относительно меньше и болѣе низкія». Стр. 39.

могли раскопать только могилу 1-го типа. Склепъ обнаружился на глубинѣ около аршина и былъ сложенъ такъ-же, какъ склепы въ верхнемъ могильникѣ. Внутри было найдено 5 скелетовъ съ деформированными черепами. Головы обращены были на западъ. Длина склепа $2^1/_2$, ширина $1^1/_2$, вышина—2 аршина. Вещей при костякахъ не оказалось никакихъ.

Изъ вещественныхъ слѣдовъ древняго христіанства близъ аула Озорукова слѣдуетъ отмѣтить развалины небольшой часовни Божьей Матери (Байрэмъ), на разстояніи $1^1/_2$ версты отъ Баксана, на лѣвой сторонѣ рѣчки Гестенты.

IV.

Нѣкоторыя замѣчанія о культурѣ, обнаруживаемой могильниками Осетіи и Горскихъ обществъ Кабарды.

Представивъ въ двухъ предшествующихъ главахъ краткое описаніе нѣкоторыхъ древнихъ могильниковъ современной территоріи Осетинъ (Ладзскаго, Дзивгисскаго, Санибскаго) и области Горскихъ обществъ Кабарды, нѣкогда также населенной Осетинами (могильники Балкарскіе, Чегемскіе и Баксанскіе), мы имѣемъ въ виду въ заключительной главѣ разсмотрѣть болѣе подробно предметы, добытые изъ названныхъ могильниковъ, для того, чтобы отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) Въ какихъ культурныхъ сношеніяхъ состояло древнее населеніе, хоронившее своихъ покойниковъ въ разсмотрѣнныхъ могильникахъ, съ сосѣдними народностями; 2) къ какому приблизительно періоду могутъ быть отнесены эти могильники и 3) какой народности принадлежало древнее населеніе, котораго культура представлена въ могилахъ. Конечно, мы имѣемъ мало надежды дать вполнѣ удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, такъ какъ вообще опредѣленіе времени и народности по могиламъ безъ другихъ пособій рѣдко приводитъ къ положительнымъ заключеніямъ; однако *нѣкоторые* выводы изъ разсмотрѣнія могильныхъ предметовъ все же могутъ и должны быть сдѣланы, и попытка къ опредѣленію времени и народности, даже неудачная, можетъ для другихъ изслѣдователей проложить путь къ болѣе точному и вѣрному рѣшенію поставленныхъ нами вопросовъ.

Не предрѣшая пока вопроса о времени, считаемъ нужнымъ прежде всего изъ разсматриваемыхъ могильниковъ выдѣлить оба могильника

(верхній и нижній) близъ аула Озорукова на Баксанѣ, описанные нами выше (см. стр. 88). По нѣкоторымъ признакамъ, эти могильники обнаруживаютъ, какъ намъ кажется, и *другую* народность и *другую эпоху*, повидимому, болѣе позднюю, чѣмъ прочіе. Каменные ящики, столь обычные на современной и *древней* территоріи Осетіи, совершенно отсутствуютъ близъ Озорукова. Здѣсь мы находимъ исключительно склепы значительныхъ размѣровъ и притомъ съ такими деталями, которыя не встрѣчаются въ осетинскихъ (напр., въ Ладзѣ): съ *колодцемъ* и (въ нижнемъ могильникѣ) *курганомъ*. Въ виду многочисленности кургановъ на сѣверокавказской плоскости и сравнительно рѣдкаго присутствія ихъ въ горахъ, слѣдуетъ думать, что обычай возводить курганы степнаго, сѣвернаго происхожденія, что, впрочемъ, понятно и само собою, такъ на плоскости не было болѣе удобнаго способа отмѣтить могилу, чѣмъ сооруженіе на ней кургана.

Итакъ, уже присутствіе кургановъ надъ склепами въ нижнемъ Озоруковскомъ могильникѣ говоритъ въ пользу предположенія, что насыпавшее ихъ населеніе было пришлымъ изъ сѣверной плоскости. Далѣе слѣдуетъ предположить, что это племя явилось на Баксанѣ не въ слишкомъ глубокую древность, такъ какъ сохранило *степную* привычку насыпать курганы надъ могилами. Что касается предметовъ, находимыхъ въ склепахъ, то и въ этомъ отношеніи озоруковскія могилы представляются значительно болѣе поздними, чѣмъ, напримѣръ, чегемскія. Заключаемъ это изъ относительной сохранности деревянныхъ предметовъ, найденныхъ нами въ склепѣ верхняго могильника въ значительномъ количествѣ: таковы днища отъ роговыхъ стакановъ, чашки, кубышки, ложки. Всѣ эти предметы сохранились въ такомъ видѣ, что исключаютъ мысль о слишкомъ долгомъ пребываніи своемъ подъ землею. Такъ же хорошо сохранились деревянныя ножны отъ ножа и на нихъ куски сафьяна, на которыхъ еще можно было различить шелковую расшивку. Человѣческія кости сохранились въ склепахъ такъ же настолько хорошо, что черепа могли быть перевезены въ Москву. Этимъ озоруковскія могилы отличаются отъ осетинскихъ (ладзскихъ, дзивгисскихъ, санибаскихъ) и чегемскихъ, изъ которыхъ мы не могли добыть ни одного цѣльнаго черепа. Можетъ быть, впослѣдствіи къ болѣе точному опредѣленію народности послужатъ именно озоруковскіе черепа, оказавшіеся (см. выше, рис. 78 и 79) сильно деформированными. По крайней мѣрѣ, проф. Д. Н. Анучинъ, на основаніи измѣренія этихъ череповъ и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, склоненъ приписать древнему населенію Озорукова тюркское происхожде-

ніе. Вотъ что говоритъ названный изслѣдователь объ этомъ вопросѣ: „Замѣтимъ, что могилы въ верховьяхъ Баксана, по всей вѣроятности, не очень древнія, и, судя по типу находимыхъ въ нихъ вещей, относятся къ болѣе поздней культурѣ, чѣмъ могильники въ Кобани, въ Самтавро и Камунтѣ. Онѣ принадлежатъ, повидимому, племени, зашедшему сюда съ сѣвера въ историческую эпоху и принесшему съ собою обычай деформированія головы. Такъ можно думать, во-первыхъ, по отсутствію слѣдовъ подобной деформаціи на черепахъ изъ болѣе древнихъ могилъ Терской области, равно какъ и изъ могилъ (дольменовъ) Кубанской области (относящихся къ тремъ начальнымъ вѣкамъ нашей эры); во-вторыхъ, потому, что закавказскіе деформированные черепа (изъ Самтавро) выказываютъ гораздо менѣе рѣзкое измѣненіе нормальной формы, къ тому же болѣе долихокефальной, чѣмъ эти, баксанскіе, типъ которыхъ совершенно особенный; наконецъ — по находкамъ макрокефалическихъ череповъ въ Донской области, близъ Ростова и близъ Самары и по аналогичнымъ примѣрамъ другихъ племенъ, проникнувшихъ въ кавказскія ущелья съ сѣвера. Было ли это племя тождественнымъ или родственнымъ нынѣшнему тюркскому населенію верховьевъ Баксана или какое-либо иное, и тюркское или нѣтъ, рѣшить, при имѣющихся данныхъ, трудно, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что это племя было тюркское“ *).

Тотъ же изслѣдователь находитъ возможнымъ привести въ связь нахожденіе макрокефалическихъ череповъ въ нѣкоторыхъ могилахъ Западной Европы, а также въ курганахъ кочевниковъ Задонскихъ и Заволжскихъ степей, въ могилахъ Крымскихъ (напр., въ могильникѣ въ Алуштѣ) и сѣверо-кавказскихъ съ передвиженіемъ на западъ тюркскихъ племенъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. О деформированныхъ, вытянутыхъ кверху, головахъ Гунновъ говорятъ, напримѣръ, извѣстія Сидонія Аполлинарія **).

Съ своей стороны и мы склонны въ населеніи, хоронившемъ своихъ покойниковъ въ озоруковскомъ могильникѣ, видѣть племя пришлое, хотя явившееся въ эти мѣста гораздо позднѣе эпохи переселенія народовъ. Что же касается болѣе точнаго опредѣленія народности, то, принимая въ соображеніе нѣкоторыя историческія указанія, мы колеблемся въ выборѣ между двумя племенами—тюркскимъ и черкесскимъ (адигейскимъ). Въ пользу перваго племени можно привести слѣдующія

*) См. статью „О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи“. М. 1887 г., стр. 40 (отд. оттиска).

**) Тамъ же, стр. 49.

данныя. Верхнее теченіе Баксана и въ настоящее время, какъ мы видѣли, населено племенемъ, говорящимъ на тюркскомъ языкѣ и вытѣснившимъ изъ этихъ мѣстъ прежнее осетинское населеніе. Согласно съ мѣстными преданіями, тюркская колонизація шла съ сѣвера изъ плоскости, занимая послѣдовательно ущелья Черека, Чегема и Баксана. Въ какое время эти ущелья были заняты Тюрками, опредѣлить съ точностью нѣтъ возможности; но преданія связываютъ имя одного изъ вождей — Басіата — съ татарскимъ ханомъ Джанибекомъ, котораго резиденціей на Кавказѣ называютъ древній городъ Маджаръ. Согласно съ этимъ преданіемъ, одно тюркское поселеніе — Балкаръ — можетъ восходить къ 14-му столѣтію. Но есть основаніе думать, что нѣкоторыя поселенія Тюрковъ въ названныхъ ущельяхъ могли восходить и къ болѣе отдаленнымъ временамъ, такъ какъ тюркскія полчища на Кубани, именно Кубанскіе Болгаре, упоминаются средневѣковыми писателями уже въ VII вѣкѣ *).

Есть основаніе думать, что тюркское населеніе въ Карачаѣ и горной Кабардѣ представляетъ потомковъ кубанской болгарской орды, смѣшавшейся на плоскости съ другими тюркскими же племенами (напр., Куманами) и вмѣстѣ съ тѣмъ, что болгарская орда, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые средневѣковые писатели, является продолженіемъ гуннской, хозяйничавшей въ Пріазовьѣ въ IV столѣтіи. Мы не можемъ войти здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ исторической этнографіи сѣверозападнаго Кавказа, но замѣтимъ, что вообще смѣна народныхъ названій въ историческихъ источникахъ (Гунны, Авары, Болгаре, Хазары, Печенѣги, Половцы и т. д.) еще не указываетъ на смѣну національностей, и что подъ этими именами вообще скрываются разныя орды тюркскаго племени, которое уже съ первыхъ вѣковъ нашей эры является на сѣверо-западномъ Кавказѣ въ сосѣдствѣ съ племенами адигейскимъ (черкесскимъ) и иранскимъ (осетинскимъ). И гуннъ временъ Аттилы, и болгаринъ изъ кубанской (черной) Болгаріи временъ Константина Багрянороднаго и половецъ 12-го вѣка говорили въ сущности на томъ же языкѣ, какъ и современный карачаецъ, и отличались отъ послѣдняго лишь діалектически. При одинаковыхъ условіяхъ кочеваго быта обычаи и нравы тюркскихъ племенъ на сѣверо-кавказской плоскости были сходны, и, вѣроятно, обычай деформированія головы, завѣдомо существовавшій у Гунновъ, сохранялся у ихъ потомковъ Болгаръ, и могъ соблюдаться въ нѣкоторыхъ родахъ и у того

---

*) См. подробности въ 3-й части нашихъ „Осетинскихъ Этюдовъ“, стр. 63 и въ Экскурсѣ, стр. 102 и слѣд.

тюркскаго народца, который колонизировалъ верховье Баксана и хоронилъ своихъ покойниковъ въ Озоруковскомъ могильникѣ.

Но при сосѣдствѣ и соприкосновеніи Тюрковъ и Черкесовъ въ долинѣ Баксана можно допустить, что оба племени вліяли одно на другое и своими обычаями, а это соображеніе заставляетъ насъ колебаться относительно народности озоруковскихъ деформированныхъ череповъ. Мы помнимъ, что когда въ 1883 году мы достали изъ склепа въ верхнемъ могильникѣ шесть макрокефалическихъ череповъ, то присутствовавшіе жители Озорукова выразили единогласное убѣжденіе, что это черепа кабардинскіе. Неизвѣстно, существовалъ ли у Кабардинцевъ тотъ же обычай, что у Гунновъ, но, дѣйствительно, намъ нерѣдко случалось видѣть кабардинскія головы удлиненныя вверхъ, конечно, не до такой степени, какъ древніе озоруковскіе черепа. Замѣтимъ, что если даже у Кабардинцевъ и не было обычая деформированія головы, тѣмъ не менѣе удлиненныя головы могли появляться у нихъ спорадически, вслѣдствіе браковъ на тюркскихъ женщинахъ, добываемыхъ посредствомъ похищенія. Далѣе, нельзя не указать и на то, что аулъ Озорукова носитъ, повидимому, кабардинское названіе (съ окончаніемъ—уко), и у мѣстнаго населенія извѣстенъ подъ другимъ, татарскимъ названіемъ—Былымъ; наконецъ, что вообще этотъ нынѣ татарскій аулъ весьма близокъ отъ кабардинскихъ поселеній, такъ что, быть можетъ, нѣкогда ранѣе Татаръ былъ населенъ Кабардинцами.

Въ виду всего вышесказаннаго, вопросъ о народности, хоронившей покойниковъ въ Озоруковскихъ древнихъ могильникахъ, не можетъ быть рѣшенъ положительно, и колебаніе въ выборѣ между обоими племенами—тюркскимъ и кабардинскимъ—не можетъ быть устранено. По времени же эти могилы едва ли могутъ восходить раньше, чѣмъ къ XII—XIV столѣтіямъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію предметовъ, добытыхъ изъ могильниковъ близъ аула Зилги (въ Балкарскомъ ущельѣ) и Чегема. Устройство могилъ описано выше (см. стр. 80—87), а вещи, частью добытыя нашими раскопками, частью пріобрѣтенныя на мѣстахъ и отрытыя мѣстными жителями, изображены на таблицахъ XIX, XX б., XXI—XXVI *).

Для того, чтобъ разобраться въ массѣ предметовъ, разсмотримъ ихъ по группамъ. Въ *первую* группу можно отнести массу бусъ раз-

*) На таблицахъ XXIII—XXVI изображены предметы изъ Чегемскаго (Донгатскаго) могильника, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

наго матеріала, находимыхъ въ чегемскихъ, балкарскихъ, осетинскихъ и даже далѣе на востокѣ въ чеченскихъ могилахъ. Нѣкоторыя изображены на таблицахъ III (чеченскія изъ склеповъ близъ аула Мохде), XI, XII и XIII (осетинскія изъ могилъ въ Ладзѣ, Дзивгисѣ и Санибѣ). Но въ виду того, что фотографія не передаетъ цвѣта и матеріала, скажемъ нѣсколько словъ о томъ и другомъ.

По матеріалу бусы бываютъ: изъ сердолика, дымчатаго топаза, горнаго хрусталя, стекла прозрачнаго (синяго, желтаго, дымчатаго, зеленаго разныхъ оттѣнковъ), золоченаго; изъ стекляной массы: съ глазками, черточками разныхъ цвѣтовъ, причемъ иногда глазки выступаютъ на поверхности бусъ въ видѣ шишекъ; изъ египетской пасты зеленаго голубаго и синяго цвѣта и друг. Изрѣдка встрѣчаются бусы изъ темнаго янтаря и гешира. По размѣрамъ бусы самыя крупныя достигаютъ $^1/_2$ вершка, самыя мелкія похожи на крупный бисеръ.

Форма бусъ также довольно разнообразна: кромѣ шаровидныхъ, встрѣчаются цилиндрическія, ромбовидныя, эллипсоидныя, кубическія, четырехугольныя въ видѣ плитокъ, многогранныя, бутылкообразныя, боченкообразныя и др. Бусы изъ золоченаго стекла иногда слиты по нѣскольку въ рядъ и образуютъ трубочки.

Къ этому же виду женскихъ украшеній слѣдуетъ отнести просверленныя раковины Cyprea moneta (см. таб. XI, 1), попадающіяся въ ладзскихъ и дзивгисскихъ могилахъ, а также цѣлый рядъ мелкихъ, художественно исполненныхъ, предметовъ изъ стекла, египетской пасты и сѣрой пасты для геммъ съ позолотой, носившихся женщинами на ожерельяхъ вмѣстѣ съ бусами.

Отмѣтимъ наиболѣе любопытные изъ подобныхъ предметовъ Чегемскаго могильника:

а) Стекляная темносиняя головка негра отличной работы (таб. XXVI, 111) со сверлиной.

б) Просверленныя бляшки изъ пасты для геммъ съ позолотой и съ изображеніемъ лица съ высунутымъ языкомъ (таб. XXVI, 109).

в) Привѣска изъ тото же матеріала и также золоченая, изображающая женскую головку греческаго типа (таб. XXVI, 99).

г) Изъ того же матеріала привѣска въ видѣ руки, сложенной въ кулакъ (таб. XXVI, 105).

д) Такія же привѣски разныхъ формъ, трудно опредѣлимыхъ см. №№ 90—98 на таб. XXVI.

е) Привѣски въ видѣ миніатюрныхъ лежащихъ львовъ изъ голубой египетской пасты (таб. XXVI, 119). Такой же экземпляръ изъ мо-

гильника Камунты находится въ собраніи древностей гр. Уварова (каталогъ I, № 601).

ж) Просверленные для ношенія египетскіе скарабеи изъ пасты съ іероглифическими знаками на сглаженной сторонѣ (таб. XXVI, 81—89; 113).

з) Миніатюрныя черепахи изъ голубой египетской пасты (таб. XXVI, 84).

Всѣ предметы этой группы, несомнѣнно, привознаго происхожденія. Они получались на сѣверномъ Кавказѣ изъ греческихъ черноморскихъ колоній, преимущественно изъ Боспора (Керчи) и Фанагоріи. Присутствіе ихъ въ огромномъ количествѣ въ Чегемскихъ, Балкарскихъ, Осетинскихъ и даже Чеченскихъ могилахъ свидѣтельствуетъ о нѣкогда бойкихъ сношеніяхъ, существовавшихъ между сѣверо-кавказскими народами и Черноморьемъ, вѣроятно, путемъ Кубани. Не говоря уже о бусахъ, повторяющихся во множествѣ въ Керченскихъ могилахъ, отмѣтимъ слѣдующія совпаденія въ болѣе типическихъ предметахъ между Кавказомъ и Боспоромъ: такъ, скарабеи съ іероглифами встрѣчаются во множествѣ экземпляровъ въ коллекціи г. Бурачкова изъ боспорскихъ могилъ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ *). Въ томъ же собраніи находится миніатюрный лежащій левъ изъ голубой египетской пасты. Вообще фигура льва или львиной головы одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ въ декоративныхъ предметахъ греческихъ черноморскихъ колоній **). Миніатюрныя черепахи-привѣски (таб. XXVI, 84) видѣли мы въ Керченскомъ музеѣ. Золоченныя бляшки изъ сѣрой пасты съ человѣческимъ лицомъ (таб. XXVI, 109) были находимы въ значительномъ количествѣ близъ Керчи ***). Человѣческія фигурки изъ пасты съ ушками около шеи (таб. XXVI, 101) также несомнѣнно греческаго происхожденія и напоминаютъ бронзовыхъ эротовъ съ ушками въ Керченскомъ музеѣ. Женскія головки греческаго типа (таб. XXVI, 99) изъ пасты попадаются и гораздо далѣе на востокѣ, именно въ дигорскихъ могилахъ (ср. такія же головки изъ Камунты въ Москов. Истор. Музеѣ).

Ко *второй* группѣ чегемскихъ предметовъ могутъ быть отнесены вещи изъ золота:

*) Какъ далеко на востокъ заходили подобные скарабеи, можно видѣть изъ того, что они были находимы (г. Семеновымъ въ 1887 г.) въ могилахъ Ичкеріи (въ средней Чечнѣ).

**) Срав. золотыя привѣски изъ миніатюрныхъ львовъ (Древн. Босфора Киммерійскаго 1854 г. Атласъ, таб. IX, № 3 XII № 3), и золотыя бляхи съ изображеніемъ льва (тамъ же XX, № 2).

***) См. Древн. Босф. Ким. Атласъ, таб. XXI, №№ 12, 14.

а) Бляшки изъ золотого листа овальной формы съ вытисненнымъ изображеніемъ человѣческаго лица (таб. XXVI, 118).

б) Миніатюрная головка волка, вѣроятно оконечность браслета (таб. XXVI, 116).

в) Тонкая золотая проволока съ оконечностью въ видѣ звѣриной головки (отъ браслета или серьги? (таб. XXVI, 115). Подобный золотой браслетъ изъ *верхнихъ* частей Самтаврскаго могильника изображенъ у г. Шантра (Recherches etc. T. III. Pl. XXIV, № 7).

г) Золотая подвѣска въ видѣ креста, украшенная пятью гранатами (таб. XXVI, 102). Фрагментъ отъ ожерелья подобнаго же типа находится въ камунтской коллекціи г. Ольшевскаго и изображенъ у г. Шантра (Recherches etc. T. III. Pl. XIX, № 13).

д) Пуговица изъ чернаго камня, украшенная на поверхности эмалью въ золотой перегородкѣ (cloisonné) (таб. XXVI, 120).

е) Золотыя миніатюрныя пластинки съ вытисненными орнаментами (таб. XXII, 25). Ср. такія же изъ Камунты (Шантръ T. III. Pl. XIII, №№ 16, 18, 20; а также Древности Геродот. Скиѳіи, В. I. Таб. II, №№ 11, 23; таб. XI, №№ 6, 18).

Всѣ перечисленные предметы такого же, т. е. привознаго, происхожденія, какъ предметы первой группы.

Всего труднѣе поддаются классификаціи предметы изъ бронзы, находимые въ значительномъ количествѣ въ чегемскихъ и балкарскихъ могильникахъ. Изслѣдованіе Кобанскаго, Казбекскаго, Горійскаго, Камунтскаго и другихъ могильниковъ Кавказа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что предметы изъ бронзы уже въ глубой древности изготовлялись на Кавказѣ мѣстнымъ населеніемъ, хотя, можетъ быть, многіе типы такихъ предметовъ были воспроизведеніемъ привозныхъ образцовъ. Съ другой стороны, бронзовые предметы могли заходить на Кавказъ путемъ торговыхъ сношеній и притомъ съ сѣверозапада, изъ греческихъ колоній, съ юга чрезъ Арменію и Грузію, съ сѣверо-востока изъ Средней Азіи. Въ виду замѣчательнаго количества и разнообразія типовъ бронзовыхъ предметовъ, можно только теоретически разбить ихъ на 2 рубрики—предметы мѣстнаго издѣлія и предметы привозные,—но при многихъ отдѣльныхъ вещахъ постоянно встрѣчается затрудненіе, отнести ли ихъ въ ту или другую категорію.

Разсмотримъ сначала такіе предметы, которые могутъ, по тѣмъ или другимъ признакамъ, быть отнесены къ привознымъ. Сюда относятся напримѣръ:

Львиная головка-бляха (таб. XXV, 77). Срав. выше пантикапейскія

вещицы, изображающія львовъ. Серебряная пластинка съ полной фигурой льва, повидимому, греческой работы находится въ коллекціи г. Ольшевскаго изъ Камунты (см. Шантръ, III. Pl. XIX, № 2).

Бляха, изображающая лежащаго на колѣнахъ оленя съ головой, повернутой назадъ (таб. XXV, 67). Мотивъ извѣстный въ греческомъ искусствѣ.

Бляха, представляющая лающую собаку (таб. XXV, 80).

Бляха-фигура чудовищнаго животнаго (таб. XXV, 74).

Фрагментъ, изображающій голову крокодила или дракона (таб. XXV, 62).

Кольцо (часть какого-то предмета) съ утолщеніями или узлами (таб. XXIV, 42). Такія же кольца были находимы въ керченскихъ могилахъ (коллекція г. Бурачкова въ Историч. Музеѣ), а также въ Камунтѣ (Шантръ, Т. III. Pl. XVII, № 8 и 9).

Схематическая человѣческая фигурка, бывшая вѣроятно прежде въ серединѣ кольцеобразной привѣски (таб. XIX, 10). Срав. въ коллекціи г. Ольшевскаго изъ Камунты (Шантръ, Т. III. Pl. XVII, № 5). Такія же схематическія человѣческія изображенія на бляхахъ изъ могилъ древняго Херсониса, см. на таб. VIII въ Трудахъ подготов. Комитета V-го Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ.

Къ привознымъ могутъ быть также отнесены, напримѣръ, арбалетныя крестообразныя и Т-образныя фибулы (таб. XXII, 22; XXIV, 18, 20), фибулы въ родѣ la Têne (XXII, 19), привѣски со вставленнымъ стекломъ (XXIV, 21), зеркала (XXII, 32; XXVI, 106; XXIII, 14) и вѣроятно многіе другіе бронзовые предметы; но, въ виду возможности выдать мѣстное подражаніе иноземному образцу за предметъ привозный, мы ограничимся простымъ перечисленіемъ главныхъ типовъ бронзовыхъ вещей съ указаніемъ на ихъ присутствіе въ другихъ кавказскихъ могильникахъ.

Типы предметовъ, тождественные съ чегемскими и балкарскими, находимъ мы часто въ могильникахъ *дигорскихъ* (Камунтскомъ и Камбылтскомъ). Сюда относятся, напримѣръ, кромѣ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ:

а) Бронзовое кольцо, снабженное на окружности семью выступами въ видѣ грубо сдѣланныхъ птичьихъ головъ (таб. XIX, 4). Въ камунтской коллекціи г. Ольшевскаго находится подобное же кольцо съ семью птичьими, но болѣе отчетливо сдѣланными, головками (Шантръ, Т. III. Pl. XVII, № 9). Привѣска такого же типа, но съ 3 птичьими головками и съ треугольникомъ внизу (см. на таб. XXIV, 24). Но еще интереснѣе

такая же привѣска съ четырьмя птичьими головками (таб. XXIV, 21), такъ какъ въ серединѣ ея вставлено выпуклое прозрачное стекло, которое, вѣроятно, выпало въ привѣскѣ № 24. Замѣтимъ, что въ Камунтѣ бѣла найдена фибула такого же типа съ вставленнымъ въ середину гранатнымъ стекломъ (Шантръ, Т. III. Pl. XIX, № 8).

б) Широкая плоская фибула арбалетнаго типа (таб. XXIII, 13). Ср. Шантръ, Т. III. Pl. XVI, 7 и 8; XVII, 3.

в) Тонкая фибула, напоминающая типъ la Tène (таб. XXII, 19). Ср. Шантръ, Т. III. Pl. XV, 17 и 15.

г) Фибулы арбалетныя крестообразнаго и Т-образнаго типа (таб. XXII, 22; XXIV, 18, 20); ср. Шантръ, Т. III. Pl. XV, № 19.

д) Привѣска въ видѣ коня (таб. XXI, 8); ср. у Шантра Т. III. Pl VI, № 17; pl. XIX, № 1.

Многіе типы бронзовыхъ предметовъ повторяются и въ знаменитомъ *кобанскомъ* могильникѣ, напримѣръ:

а) Массивный крючекъ съ спиралевидными вѣтвями въ основаніи (таб. XXIII, 8). Такой же, но большихъ размѣровъ, изъ кобанскаго могильника, см. у Шантра Т. II. Pl. XXVII, № 6.

б) Бронзовая булавка съ утолщеніемъ на головѣ и сверлиной (таб. XXI, 13; XXIV, 47); ср. Шантръ Т. II. Pl. XX, № 10.

в) Фрагментъ отъ привѣски въ видѣ позвонка съ орнаментомъ (таб. XXVI, 117); срав. Шантръ Т. II. Pl. XXVII, 5.

г) Привѣски въ видѣ четырехконечныхъ крестовъ со сверлиной въ серединѣ (таб. XXIV, 37); ср. Шантръ Т. II. Pl. XXIX, №№ 24—28. Такая же привѣска найдена на Малкѣ и изображена въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общества, II, стр. 180.

д) Дугообразная фибула съ утолщенной въ серединѣ дугой самаго распространеннаго кобанскаго типа (таб. XXIV, 31); ср. у Шантра. Т. II. Pl. XXII, №№ 1, 3, 6. О распространенности такихъ фибулъ на сѣверномъ Кавказѣ можно заключить изъ того, что такія же были найдены въ Чечнѣ при крѣпости Воздвиженской на р. Аргунѣ (см. Труды Вост. Отд. И. Арх. О—ва, II, стр. 181) и г. Семеновымъ въ Ичкеріи на лѣвомъ берегу р. Гумса, близъ аула Куренъ-Беной и около аула Гордали, въ Аксаевскомъ ущельѣ, въ обоихъ случахъ въ каменныхъ ящикахъ. Найденныя въ Чечнѣ фибулы почти безъ утолщенія въ средней части дуги и всего ближе къ изображеннымъ у Шантра Т. II, на таб. XXI, № 8.

е) Подвѣска, изображающая свинью съ ушкомъ на спинѣ (таб. XXV, 64), ср. у Шантра Т. II. Pl. XXIV, 12.

ж) Подвѣски въ видѣ бараньихъ и турьихъ головокъ (таб. XXV, №№ 49—51); ср. у Шантра Т. II. Pl. XXIII, №№ 1 — 11. Такія же привѣски были найдены на Малкѣ, см. Труды Вост. Отд. И. Русс. Арх. О—ва, II, 179. Такого же тина навершья съ одной или двумя бараньими и турьими головами (таб. XXV, 49, 63) были найдены г. Филимоновымъ у станціи Казбекъ; см. у Шантра Т. II. Pl. LVII, №№ 5, 7.

з) Привѣска въ видѣ альчика (астрагала) со сверлиной по серединѣ (см. таб. XXII, 16) изображена у Шантра Т. II. Pl. XXIX, № 29.

и) Привѣска въ видѣ головы волка или собаки (таб. XXII, 27); см. у Шантра Т. II. Pl. XXV, №№ 9, 10, 13.

і) Привѣска въ видѣ руки (таб. XXI, 7); см. Шантръ Т. II. Pl. XI bis № 11, pl. XXVII, № 10.

к) Привѣска въ видѣ птичьихъ головокъ съ шишечками надъ клювомъ (таб. XXI, 3); ср. у Шантра Т. II. Pl. XXIV, №№ 5, 6. Подобная же привѣска, найденная на Малкѣ, изображена въ Трудахъ Вост. Отд. Р. Арх. О—ва, II, стр. 179.

л) Шило (таб. XXI, 15); ср. у Шантра Т. II. Pl. XIX, № 6.

м) Браслеты изъ бронзовой проволоки безъ спайки (таб. XIX, 14); см. Шантръ Т. II. Pl. XV, №№ 4, 7, 3.

н) Круглая бляха отъ пояса съ ушкомъ на задней поверхности и выпуклымъ орнаментомъ на передней (таб. XXII, 30); не тождественная, но похожая пряжка изображена у Шантра Т. II. Pl. XI, № 5.

о) Фрагментъ отъ пряжки съ эмалью champlevé (таб. XXI, 6); такія же нряжки отъ бронзовыхъ поясовъ находимы были во множествѣ въ кобанскомъ могильникѣ; см. напримѣръ у Шантра Т. II. Pl. IX, № 2, XI № 2.

н) Бронзовые колокольчики съ расщепомъ, украшенные продольными полосками (таб. XXI, 12); ср. у Шантра Т. II. Pl. XXI, № 7.

р) Фрагментъ бронзоваго топора (хранится въ коллекціи Измаила Урусбіева изъ Чегема),

с) 2 бронзовые кинжала (тамъ же).

т) Бронзовые наконечники стрѣлъ, трехгранный и листовидные (таб. XIX, 11, 16; XXII, 20); для послѣднихъ сравни атласъ Вирхова, таб. I, № 21.

Перечисленныхъ предметовъ *кобанскаго* типа, встрѣчающихся въ чегемскихъ и балкарскихъ могилахъ, достаточно, чтобы показать, какъ долго могли быть въ употребленіи въ разныхъ захолустьяхъ Кавказа предметы, относимые нѣкоторыми изслѣдователями кабанской куль-

туры къ весьма древней эпохѣ, восходящей за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Считаемъ для дальнѣйшаго нелишнимъ указать и на то, что предметы такого же типа были найдены въ 1887 году г. Семеновымъ значительно далѣе на востокъ, въ средней Чечнѣ, въ Ичкеріи. Изъ доставленныхъ г. Семеновымъ рисунковъ видно, что, кромѣ уже упомянутыхъ выше, въ его коллекціи имѣются слѣдующіе предметы, тождественные съ кобанскими:

1. Гривна изъ спирально закрученной толстой бронзовой проволоки; см. Шантръ Т. II. Pl. XIV, № 1.; найдена г. Семеновымъ въ каменномъ ящикѣ въ Бассовскомъ ущельѣ, близъ аула Хатуни; подобная же была найдена близъ Воздвиженска на Аргуни; см. Труды Вост. Отд Археол. О—ва, II, 182.

2. Бронзовый топорикъ съ овальной сверлиной и желобками по бокамъ молоточной части; найденъ въ каменномъ ящикѣ въ Аксаевскомъ ущельѣ близъ аула Гордали. Срав. Шантръ Т. II. Pl. I, № 2.

3. Бронзовая большая булавка съ веслообразнымъ верхомъ, украшеннымъ орнаментомъ; найдена на лѣвомъ берегу р. Гумса, близъ аула Куренъ-Беной. Срав. Шантръ Т. II. Pl. XIX, № 1.

4. Бронзовыя подвѣски изъ закрученной спиралью проволоки въ видѣ трубочекъ въ вершокъ и длиннѣе (Ср. Шантръ Т. II. Pl. XXIX, 5); найдены въ Басскомъ ущельѣ близъ аула Хатуни.

5. Браслеты изъ бронзовой проволоки съ расплющенными не спаянными концами. Ср. Шантръ Т. II. Pl. XV, №№ 8, 9, 3; найдены тамъ же.

Отмѣтимъ, что кромѣ бронзовыхъ предметовъ кобанскаго типа, въ могилахъ Ичкеріи встрѣчаются и сосуды, напоминающіе кобанскіе. Г. Семеновъ нашелъ въ каменныхъ ящикахъ въ бассовскомъ ущельѣ горшечки изъ сѣрой глины съ плоскими крышками, напоминающіе кобанскіе, изображенные у Шантра II. Pl. XXXVI, №№ 1, 2, 4 и 5 *).

Отъ чегемскихъ и балкарскихъ бронзовыхъ предметовъ, сходныхъ

---

*) Считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе спеціалистовъ по культурѣ кобанскаго могильника на коллекцію бронзовыхъ вещей изъ катакомбъ близъ аула Нижняго Чми, въ 4-хъ верстахъ отъ станціи Балты, добытыхъ въ 1887 году г. Тимофеевымъ и доставленныхъ Москов. Археол. Обществу. Въ этой коллекціи мы находимъ цѣлый рядъ предметовъ чисто *кобанскаго* типа. Таковы, напримѣръ; бронзовые наконечники копій и клинки кинжаловъ; пряжки отъ поясовъ (Шантръ II, таб. XI, 4 XII, 1); гривны (Шантръ II, таб. XIV, 1); привѣски въ видѣ бараньихъ головокъ (Шантръ II, таб. XXIII); трубочки изъ спиральной проволоки (Шантръ II, таб. XXIX, 1); крючки съ двойной спиралью (Шантръ II, таб. XXVII, 6); широкіе незамкнутые браслеты, суживающіеся при концахъ; круглыя выпуклыя бляшки съ двумя дырочками, находимыя близъ головы въ кобанскихъ могилахъ (Шантръ II, таб. XXX 26, 27, 28); бронзовыя стрѣлы, зеркала и друг.

съ дигорскими (камунтскими) и кобанскими (см. выше стр. 100—2) переходимъ къ перечисленію нѣкоторыхъ другихъ, болѣе типичныхъ, хотя, на сколько мы знаемъ, не встрѣтившихся (можетъ быть случайно *) въ обоихъ названныхъ могильникахъ. Таковы:

а) Булавки со сверлиной и двумя утолщеніями на головкѣ; верхняя часть украшена какъ бы шляпками отъ гвоздей (таб. XXIV, 43).

б) Круглыя брошки въ видѣ бляхъ съ выпуклымъ орнаментомъ на верхней сторонѣ (таб. XXIII, 3).

в) Миніатюрная ложечка (таб. XXVI, 103).

г) Массивная подковообразная пряжка отъ пояса, украшенная эмалью champlevé (таб. XXIII, 4); типъ орнамента напоминаетъ кобанскій.

д) Фрагментъ отъ массивной булавки; верхняя часть въ видѣ вѣера или лучей, расходящихся къ окружности (таб. XXIII, 6).

е) Подвѣска въ видѣ колеса, снабженнаго на верху ушкомъ; въ серединѣ другое колечко, скрѣпленное съ бо̀льшимъ посредствомъ четырехъ лучей (таб. XIX, 12). Подобное же украшеніе, но болѣе простое (таб. XXIV, 38).

ж) Бляхи въ видѣ всадниковъ на коняхъ съ двумя отверстіями для прикрѣпленія (таб. XIX, 6; XXV, 69). Такая же бляха, найденная въ курганѣ близъ Хасаута, хранится въ Истор. Музеѣ.

з) Миніатюрная дугообразная фибула (таб. XXI, 5); на дужкѣ съ одной стороны передъ спиральнымъ завиткомъ иголки головка какого-то животнаго и такая же у пріемника для иглы.

и) Наконечникъ отъ ноженъ съ остатками желѣзнаго клинка кинжала (таб. XXI, 14).

і) Мундштучныя наружныя части отъ удилъ (таб. XIX, 3). См. объ ихъ употребленіи ниже.

к) Внутренняя часть удилъ (таб. XXII, 29).

л) Браслетъ изъ пластины (таб. XIX, 17), скрѣплявшійся посредствомъ штифта, продѣтаго въ два ушка.

м) Браслетъ изъ бронзовой проволоки, украшенный четырьмя утолщеніями (таб. XIX, 19).

Чтобъ покончить описаніе наиболѣе интересныхъ чегемскихъ и балкарскихъ предметовъ, намъ остается упомянуть еще слѣдующіе:

а) Большіе куски красноватаго янтаря иногда неправильной формы,

---

*) Говоримъ такъ въ виду того, что, напримѣръ, типическій кобанскій браслетъ — открытый со спиралями по концамъ и желобками на дужкѣ—(см. напр., у Шантра II. Pl. XVI, №№ 1—6) былъ найденъ въ могилѣ близъ Хасаута М. М. Ковалевскимъ въ 1886 году.

со сверлиной (таб. XXI, 9) и такіе же правильныя привѣски въ видѣ массивныхъ пряслицъ (таб. XXI, 10) *).

б) Зеркала разной величины изъ металлической композиціи, съ значительнымъ количествомъ серебра (таб. XXVI, 106). Подобныя же зеркала изъ Камунты см. у Шантра Т. III. Pl. VIII, №№ 3, 4, 5; IX №№ 2, 5. Кромѣ зеркалъ съ ушкомъ на верхней поверхности, встрѣчаются зеркала съ ручкой, снабженной сверлиной (таб. XXII, 32; XXIII, 14). Послѣднія тождественны по типу съ кобанскими, изображенными у Шантра Т. II. Pl. XXI, №№ 10 и 11, и керченскими изъ коллекціи Бурачкова въ Истор. Музеѣ.

в) Массивныя колеса изъ такого же сплава съ лучами, украшенными богатымъ орнаментомъ (таб. XXII, 28); назначеніе неизвѣстно.

г) Булава или перначъ изъ бѣлаго змѣевика съ четырьмя шишками, отлично обточенная (таб. XX, Б, 4). Такая же булава изъ камунтскаго могильника находится въ коллекціи гр. Уварова, см. Каталогъ собранія древностей, № 657.

д) Мундштучная часть отъ желѣзныхъ удилъ (таб. XXII, 17).

е) Желѣзные наконечники отъ копій и фрагменты такихъ же кинжаловъ.

ж) Желѣзная кирка (таб. XXI, 11).

Переходимъ къ описанію предметовъ изъ могильниковъ Дзивгисскаго (см. выше стр. 53) и Ладзскаго (стр. 54), при чемъ перечислимъ сначала тѣ предметы, которые были доставлены раскопками гг. Антоновича и Беренштамма **), осенью 1879 года. Въ $^1/_2$ верстѣ отъ аула *Дзивгиса* (Зевгиса), въ урочищѣ Дала-Карте, г. Антоновичемъ было вскрыто 2 каменныхъ ящика, содержавшихъ по одному скелету. Въ первой могилѣ была погребена женщина, которой одежда состояла изъ слѣдующихъ частей: на голову былъ надѣтъ длинный остроконечный колпакъ изъ матеріи, обшитый надъ челомъ и затылкомъ толстой опушкой, изъ подъ которой на лицо свѣшивалось тонкое покрывало. На наушникахъ колпака были нашиты бронзовыя кольца и въ каждое кольцо вдѣта и укрѣплена ремешкомъ большая серебряная серьга, украшенная тремя шипами, съ висящими на нихъ 7-ю привѣсками изъ серебряныхъ цѣпочекъ.

*) Куски *красноватаго* янтаря были находимы г. Бурачковымъ на низовьи Днѣпра, слѣдовательно въ мѣстахъ, находившихся подъ вліяніемъ греческихъ поселеній.

**) См. Дневники раскопокъ, изданные въ Трудахъ подготовительнаго комитета V-го Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 245—251.

На скелетѣ было три платья. Воротъ верхняго былъ обшитъ ремешкомъ съ насаженными на немъ маталлическими пуговицами. На поясѣ изъ бѣлаго полотна по серединѣ бронзовая пуговица. У пояса деревянная круглая чашечка и цилиндрическій костяной игольникъ, запертый съ одной стороны граненымъ сердоликомъ, съ другой — цилиндрической бусою. Въ игольникѣ нѣсколько желѣзныхъ иголокъ. Въ другой могилѣ — мужской — оказались только: желѣзный ножикъ, огниво и кремень въ мѣшечкѣ и желѣзный крючекъ, обдѣланный въ деревянной колодкѣ.

Въ *Ладзѣ* (Лацѣ), въ урочищѣ Лаконъ-донъ, были разрыты тѣми же изслѣдователями 7 могилъ, изъ коихъ въ двухъ не оказалось ничего. Изъ 5 остальныхъ 3 представляли сложенные изъ камней ящики, 2 — склепы. Изъ вещей въ ящикахъ были найдены: бусы, маленькія четырехугольныя бронзовыя бляшки, бронзовыя пуговицы, желѣзныя четырехугольныя пряжки, желѣзные ножи и крючки, патиновыя зеркала, кабаньи клыки, бронзовые браслеты, серебряныя проволочныя кольца, глиняные грубой работы сосуды и куски стекла. Въ склепахъ, содержавшихъ иногда множество костяковъ, встрѣчались въ значительномъ количествѣ желѣзные ножи (20 экземпляровъ изъ могилы № 2), далѣе бронзовые дутые браслеты, спирально свитыя кольца изъ бронзовой проволоки, бронзовыя бляхи, браслеты изъ бронзовой проволоки, бронзовыя пряжки, пуговицы, желѣзныя кольца, и пряжки, такіе же топорики, долота, сверла, крючки и стрѣлы; бронзовые бубенчики, пряжки и перстни съ печатями, наконецъ небольшіе глиняные кувшинчики и фрагменты отъ деревянной посуды.

Съ этимъ инвентаремъ раскопокъ гг. Антоновича и Беренштамма во многомъ совпадаетъ коллекція добытыхъ нами предметовъ, представленныхъ на таблицахъ XI (изъ Дзивгиса) и XII (изъ Ладза). Здѣсь мы находимъ изъ *желѣзныхъ* предметовъ:

а) Топорики (таб. XI, 9), б) ножи (таб. XII, 14), в) наконечники стрѣлъ (таб. XI, 11).

Изъ бронзовыхъ обращаютъ на себя вниманіе:

а) Привѣска круглая со сквознымъ изображеніемъ геральдической птицы (таб. XI, 7).

б) Пряжки отъ пояса съ выпухлымъ изображеніемъ какихъ то четвероногихъ (львовъ) и другими орнаментами (таб. XI, 12).

в) Фрагментъ отъ арбалетной или Т-образной фибулы (таб. XII, 4).

г) Бронзовыя серьги съ подвѣсками (таб. XI, 5, XII, 16).

д) Дутые бронзовые браслеты (таб. XII, 18).

е) Бляхи съ выпуклымъ изображеніемъ человѣческаго лица, повидимому, монгольскаго типа (таб. XI, 10; XII, 9). Бляхи сходныя съ этими, но съ ушкомъ на верху, найденныя въ Батенѣ, деревнѣ на лѣвомъ берегу Енисея, хранятся въ Минусинскомъ музеѣ (См. рисунокъ на стр. 119 въ „Древностяхъ Минусинскаго Музея“ (Томскъ, 1886 г.).

ж) Бронзовые предметы, состоящіе изъ треугольника, съ тремя колечками по угламъ (таб. XI, 6; XII, 5). Благодаря статьѣ г. Дезормо (Des Ormeaux) о бронзовыхъ удилахъ Мёрингена (принадлежащихъ къ культурѣ свайныхъ построекъ озера Біеннъ (Bienne), нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ предметъ составлялъ часть конской узды, а именно, чрезъ одно кольцо пары такихъ предметовъ проходили удила, а къ двумъ другимъ кольцамъ былъ прикрѣпленъ продольный ремень узды. Совершенно такія же бронзовыя парныя боковыя части мундштука древне-италійскаго хранятся въ С. Жерменскомъ музеѣ. Способъ прикрѣпленія описываемой части узды представленъ г. Дезормо на рисункѣ *).

Изъ *серебряныхъ* вещей отмѣтимъ серьгу (таб. XI, 8).

Между зеркалами любопытно по деталямъ изображенное на таб. XI, № 2. На его внѣшней поверхности видны 2 креста и 2 каббалистическія фигуры (такъ наз. Соломонова печать). Тонкая бронзовая пластинка (№ 4), нѣкогда нашитая на кожаной чехолъ зеркала, представляетъ вытисненное изображеніе двухъ сходящихся головами грифоновъ.

Наконецъ бусы (таб. XI, 1; XII, 1) представляютъ почти всѣ перечисленные выше (стр. 97) типы.

Переходя къ предметамъ, добытымъ изъ могилъ близъ Санибы (см. выше стр. 55—57), отмѣтимъ, какъ болѣе типичные:

а) Бронзовыя дутыя привѣски миндалевидной формы (таб. XIII, 8).

б) Бронзовыя тонкія цѣпочки съ остатками какого желѣзнаго предмета (№ 3).

в) Бронзовыя пряжки отъ пояса, изображающія какихъ-то четвероногихъ животныхъ (№ 10).

г) Браслетъ изъ синяго прозрачнаго стекла (№ 6). Такой же браслетъ со спайкой изъ аула Донифарсъ (Осетія) находится въ Собраніи древностей гр. Уварова (Каталогъ I, № 659).

д) Сердоликъ со сверлиной, покрытый орнаментомъ на дужкѣ и съ рѣзнымъ изображеніемъ какого-то зооморфическаго существа, напомина-

*) См. Revue Archéologique 1888 Janvier-février, p. 58 въ статьѣ: Observation sur le mode d'emploi du mors de bronze de Moeringen.

ющаго тотъ типъ греческой сирены (древнѣйшій, по мнѣнію г. Стефани). въ которомъ образъ птицы преобладаетъ надъ человѣческимъ, т. е. сирена представляется птицей съ человѣческой головой *). Въ виду того, что на таблицѣ XIII, 13 представленъ снимокъ этого любопытнаго сердолика-печати сбоку, помѣщаемъ здѣсь (на рис. 80) нѣсколько увеличенную копію рисунка сирены.

Рис. 80. Сердоликъ-intaglio изъ могилы близъ аула Саниба.

Изъ остальныхъ предметовъ того же могильника могутъ быть упомянуты серебряныя зеркала (№№ 1 и 2) и бусы, впрочемъ, не представляющія ничего характернаго.

Общее впечатлѣніе, которое производитъ этотъ инвентарь то, что, повидимому, могилы Санибы отличаются бо̀льшей древностью, чѣмъ ладзскія и дзивгисскія. Изъ предметовъ, изображенныхъ на таб. XIII, нѣтъ ни одного, который могъ бы считаться *мѣстнымъ* издѣліемъ. Можно думать, что стекляный браслетъ греческаго происхожденія, а сердоликъ intaglio либо такого же происхожденія, либо скорѣе малоазіатскаго: дѣйствительно, характеръ рисунка, на нашъ взглядъ, напоминаетъ тѣхъ чудовищныхъ животныхъ—полулюдей-полузвѣрей,—которыя такъ часто встрѣчаются на вавилонскихъ и ассирійскихъ цилиндрахъ. Какъ бы то ни было, обѣ вещи, а также вычурная бронзовая пряжка (№ 10) и оба серебряныя зеркала предметы весьма древніе, и если мы даже предположимъ, что они были въ употребленіи долгое время, прежде чѣмъ попали въ могилы, все же послѣднія восходятъ, повидимому, къ первымъ вѣкамъ нашей эры и на нѣсколько столѣтій старше могилъ Ладзскихъ и Дзивгисскихъ.

Разсмотрѣвъ въ предыдущихъ отдѣлахъ инвентари предметовъ изъ могильниковъ Осетинскихъ, Чегемскихъ и Балкарскихъ, намъ слѣдуетъ поставить вопросъ, какія указанія даютъ эти предметы относительно того періода времени, въ теченіе котораго мѣстное населеніе хоронило своихъ покойниковъ въ названныхъ могильникахъ. Нѣкоторые факты *относительной* хронологіи уже установлены чисто археологическимъ путемъ, т. е. сравненіемъ могильныхъ предметовъ и другихъ признаковъ, по отношенію къ сѣверо-кавказскимъ доселѣ изслѣдованнымъ могильникамъ. Такъ, напримѣръ, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что къ наиболѣе древнимъ могильникамъ Кавказа принадлежатъ: Кобанскій, Казбекскій, нижніе слои Самтаврскаго, могильникъ близъ

*) См. статью г. Стефани—въ Отчетѣ Археолог. Комиссіи за 1866 г., стр. 10—60.

Рѣдькина лагеря, относимые къ началу желѣзнаго вѣка, а Кобанскій приблизительно къ X-му вѣку до Р. Х. (гг. Филимоновъ, Вирховъ, Шантръ). Къ болѣе позднему періоду относятъ могильники Дигоріи (Камунтскій, Галіатскій, Камбылтскій, Лизгорскій), верхніе слои Кобанскаго и Самтаврскаго, а также Ладзскій и Дзивгисскій и нѣкоторые другіе. Съ такой *относительной* хронологіей, установленной сравненіемъ типовъ предметовъ, нельзя не согласиться; но едва изслѣдователь переходитъ отъ нея къ установленію опредѣленныхъ *датъ,* выводя ихъ изъ указанія на существованіе тождественныхъ или аналогичныхъ предметовъ въ западно-европейскихъ могильникахъ, напримѣръ, отнесетъ Кобанскій могильникъ къ X или VII в. до Р. Х., какъ теряетъ подъ собою твердую почву, въ виду того неотразимаго соображенія, что аналогія въ культурѣ между двумя народностями еще не можетъ служить указаніемъ на ихъ сосуществованіе въ одномъ вѣкѣ или даже въ одномъ болѣе продолжительномъ періодѣ времени. Очевидно, что не принимая въ расчетъ исторіи, этнографіи и мѣстныхъ условій при изслѣдованіи той или другой культуры по могиламъ, а дѣлая хронологическіе выводы только изъ сравненія типовъ и матеріала предметовъ, изслѣдователь рискуетъ ошибиться не только на одно, но и на цѣлый рядъ столѣтій.

Особенная трудность для установленія хронологическихъ *датъ* представляется на Кавказѣ, гдѣ нѣтъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя мы имѣемъ для западной Европы. Исторія Кавказа намъ почти неизвѣстна; этнографическій составъ населенія только въ послѣднее время начинаетъ нѣсколько разъясняться, а отъ многочисленныхъ древнихъ народностей до насъ дошелъ лишь рядъ ничего не говорящихъ именъ. Можно ли, не принимая въ расчетъ мѣстныхъ условій, имѣя предъ собою предметы изъ быта *неизвѣстнаго* народа, принадлежавшаго къ *неизвѣстному* племени, отнести раскопанную могилу къ такому-то времени, если въ ней оказалась какая нибудь фибула, бывшая на западѣ въ употребленіи въ теченіе извѣстнаго періода? Очевидно, что такое заключеніе имѣло бы нѣкоторый вѣсъ только при слѣдующихъ условіяхъ: если мы знаемъ вѣрно, какимъ образомъ эта фибула появилась у опредѣляемаго народа, получилъ ли онъ ее готовою путемъ торговли, или сдѣлалъ ее самъ, подражая привозному образцу; какой дорогой шла эта фибула, если она привозная, и какое, приблизительно, могло пройти время между ея изготовленіемъ, прибытіемъ на мѣсто, ношеніемъ и наконецъ положеніемъ въ могилу вмѣстѣ съ другими вещами. Конечно, относительно кавказскихъ могилъ мы не можемъ дать

отвѣта на подобные вопросы. Но странно то, что нѣкоторыми изслѣдователями они даже игнорируются, а между тѣмъ послѣднiй вопросъ имѣетъ существенное значенiе для хронологическихъ заключенiй, какъ мы убѣждаемся на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, въ числѣ другихъ хронологическихъ указанiй относительно культуры Камунтскаго могильника служатъ г. Шантру фибула арбалетная, такъ называемая римская (провинцiальная) и фибулы съ эмалью champlevé. „Арбалетная фибула, говоритъ отъ *), характеризующая *первый* вѣкъ желѣза въ Скандинавiи, римскую эпоху въ центральной Европѣ и встрѣчающаяся вплоть до эпохи меровингской въ нѣкоторыхъ странахъ, именно во Францiи, встрѣчается на востокѣ Европы, какъ на Кавказѣ, совмѣстно съ предметами полу-скиѳскими, нолу-греческими, и *потому* ея древность въ понто-каспiйскихъ областяхъ болѣе глубока, чѣмъ всюду въ другихъ мѣстахъ"... Фибулы съ эмалью такъ же, какъ и арбалетныя, сближаются съ такими же открытыми во всей Европѣ, на пространствѣ отъ Чернаго моря до Сѣвернаго моря и до Пиренеевъ. По мнѣнiю г. де-Линаса (de-Linas), извѣстнаго знатока исторiи подобныхъ издѣлiй, присутствiе эмальированныхъ фибулъ въ кавказскихъ областяхъ фактъ совершенно новый и представляющiй высокiй интересъ, въ виду того, что доселѣ не было извѣстно восточныхъ эмалей au champlevé"... По мнѣнiю г. де-Линаса, усвояемому г. Шантромъ, это искусство было распространено кочевыми цыганами, которые нѣкогда внесли металлургiю на западъ. Отправившись, вѣроятно, изъ Индiи, они достигли Кавказа, а оттуда прошли къ Дунаю, далѣе къ Рейну, затѣмъ къ берегамъ Сѣвернаго моря. Этотъ родъ эмальировки могъ процвѣтать въ теченiе перiода отъ I-го до IV-го вѣка. Мало по малу затѣмъ, къ V-му вѣку, возникло изготовленiе эмали cloisonné, также вышедшее изъ Индiи. Въ виду этого мнѣнiя специалиста по золотымъ издѣлiямъ, г. Шантръ заключаетъ: „эмальированныя фибулы, открытыя въ разныхъ мѣстахъ Европы должны быть менѣе древни, чѣмъ открытыя на Кавказѣ, такъ какъ *прежде, чѣмъ распространиться по западу, онѣ должны были* пройти эту область" (Кавказъ) **).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, восточнаго ли или западнаго изобрѣтенiя арбалетная фибула, и фантастическую гипотезу де Линаса о какихъ-то цыганахъ, вышедшихъ изъ Индiи въ 1-е вѣка нашей эры (?) и распространившихъ эмаль champlevé, спросимъ себя, достаточно ли основанiя считать появленiе обѣихъ фибулъ на Кавказѣ предшество-

*) Recherches Anthropologiques etc. III, p. 124.

**) Тамъ же, p. 102.

вавшимъ ихъ появленію въ западной Европѣ. Если даже эмальированныя издѣлья были изобрѣтены на востокѣ, въ Индіи, все таки можно предположить, что они ранѣе появились гдѣ нибудь въ культурныхъ центрахъ Европы,—напримѣръ, въ Византіи,—чѣмъ въ горныхъ трущобахъ Кавказа. Вѣдь даже въ наше время, при существованіи пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ часто бываетъ, что восточное издѣліе раньше появится на рынкѣ Лондона, или Парижа, чѣмъ въ Тифлисѣ, не говоря уже о какомъ-нибудь кавказскомъ аулѣ. Нельзя при опредѣленіи времени появленія того или другого предмета въ могилахъ руководиться общими соображеніями, игнорируя мѣстныя условія. А эти условія для Кавказа таковы, что, напримѣръ, во времена процвѣтанія Александріи какой-нибудь индійскій товаръ скорѣе и удобнѣе могъ попасть изъ Индіи въ Александрію, Римъ, Пантикапею, а оттуда въ горы Кавказа, чѣмъ изъ Индіи же караваннымъ путемъ чрезъ Кабулъ, Бактру, вдоль Оксуса къ Каспію, оттуда моремъ до устья Куры, вдоль нея до средины Кавказскаго перешейка и затѣмъ на сѣверъ въ горы по долинѣ Арагвы *). Нельзя терять изъ виду, что международныя сношенія руководились не географическими градусами, а удобствомъ путей сообщенія. А въ этомъ отношеніи Кавказъ всегда былъ трудно доступнымъ захолустьемъ, лежавшимъ вдали отъ культурныхъ центровъ и потому уже a priori можно предположить, что какія-нибудь издѣлія моды—въ родѣ фибулъ,—носимыя въ извѣстный періодъ въ культурныхъ странахъ, доходили уже гораздо позже къ дикарямъ кавказскихъ ущелій. Если въ настоящее время, несмотря на непрерывную линію желѣзныхъ дорогъ какая-нибудь парижская мода появляется въ городахъ Кавказа только въ слѣдующемъ году или позднѣе, то, прилагая житейско-практическую точку зрѣнія къ древности и припоминая свидѣтельства древнихъ писателей о недоступности Кавказскихъ горъ, мы должны предположить, что Кавказъ въ древности могъ отставать отъ западно-европейскихъ культурныхъ странъ на цѣлыя столѣтія и продолжать носить попадавшія въ его трущобы культурныя издѣлія еще долгій періодъ времени, послѣ того какъ послѣднія уже вышли изъ обращенія на западѣ.

Такая же отсталость обнаруживается на Кавказѣ, напримѣръ, по отношенію къ оружію. Употребленіе лука и стрѣлъ наблюдалось у западныхъ кавказскихъ горцевъ (Черкесовъ) еще въ 20—40-хъ годахъ текущаго столѣтія.

---

*) См. карту древнихъ торговыхъ путей, приложенную къ 1-му тому капитальнаго сочиненія Lindsay'я—History of Merchant shipping and ancient commerse, in 4 volumes. London, 1874.

Итакъ, если уже a priori слѣдуетъ допустить, что Кавказъ въ культурномъ отношеніи всегда отставалъ отъ западно-европейскихъ странъ и былъ по отношенію къ нимъ самымъ глухимъ захолустьемъ, то нужно допустить и дальнѣйшій выводъ изъ этого положенія. Въ захолустьяхъ всегда придаютъ огромную цѣну такимъ вещамъ, которыя въ нихъ съ трудомъ попадаютъ: ихъ берегутъ, какъ драгоцѣнность, передаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вообще эти вещи тамъ держатся несравненно долѣе, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ можно всегда имѣть на рынкѣ. Этимъ объясняется, что какая-нибудь красивая фибула, сработанная, положимъ, въ 3-мъ столѣтіи по Р. Х. и попавшая въ кавказскія горы, могла тамъ сохраниться, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ 4 или 5-мъ столѣтіи и, можетъ быть, лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ попасть въ могилу.

Другая трудность при опредѣленіи хронологіи кавказскихъ могилъ чрезъ сравненіе предметовъ съ западно-европейскими состоитъ въ слѣдующемъ: кавказскіе *горные* могильники обыкновенно поражаютъ разнообразіемъ въ типахъ вещей: нѣкоторые крайне архаичны, другіе напротивъ указываютъ на значительно болѣе позднія времена. Это объясняется также мѣстными условіями, съ которыми нужно считаться. Всякій, кто бывалъ въ горахъ Кавказа, знаетъ, какую громадную цѣнность для горцевъ представляетъ удобная для посѣва земля, которой чрезвычайно мало. Въ горной Осетіи по обычной оцѣнкѣ каждый удобный клочекъ земли, на которомъ можетъ помѣститься корова, стоитъ коровы (т. е. по мѣстной оцѣнкѣ 20 рублей). Мнѣ показывали участки земли въ Хуламѣ, пространствомъ въ $^1/_4$ десятины, за которые было уплачено столько коровъ, сколько могутъ стать на нихъ вплотную. Понятно, что при крайней тѣснотѣ для живыхъ людей, нельзя было отводить много мѣста для мертвыхъ. Такъ въ Хевсуріи, по свидѣтельству М. М. Ковалевскаго, до сихъ поръ утилизируются древніе могильники, при чемъ древніе покойники должны постоянно тѣсниться, чтобъ дать мѣсто новымъ. Точно также и въ Горскихъ обществахъ Кабарды, кое-гдѣ мусульманскіе могильники являются продолженіемъ древнихъ языческихъ. Отсюда понятно, почему древніе могильники представляютъ многіе этажи разныхъ временъ (какъ, напр., кобанскій, самтаврскій) и что если въ наше время какое-нибудь кладбище въ Россіи служитъ 3, 4 столѣтія, то могильники въ *нѣкоторыхъ* горныхъ мѣстахъ Кавказа могли быть утилизованы въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, просто по недостатку мѣста. Этимъ соображеніемъ нерѣдко можетъ объясняться разнохарактерность могильнаго инвентаря, ставящаго

археолога въ крайнее затрудненіе при опредѣленіи времени кавказскаго могильника.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, имѣвшихъ въ виду указать на необходимость принимать въ расчетъ мѣстныя условія при опредѣленіи времени могильниковъ по предметамъ, сдѣлаемъ попытку къ опредѣленію приблизительно того періода, къ которому могли относиться чегемскіе и балкарскіе могильники, и прежде всего поставимъ вопросъ, какіе изъ бытовыхъ предметовъ могутъ повести къ хронологическимъ выводамъ.

Мы видѣли, что изъ предметовъ украшенія одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ бусы всякихъ формъ и различнаго матеріала. Замѣчательное обиліе ихъ показываетъ, что онѣ получались массою, какъ любимый товаръ, путемъ обмѣна съ культурными странами. Дикари Кавказа отдавали за привозныя бусы и другія бездѣлушки естественныя произведенія своей страны съ такою же готовностью, какъ въ настоящее время какіе-нибудь африканскіе дикари промѣниваютъ на стекляныя дешевыя издѣлія, изготовляемыя въ Венеціи спеціально для этой цѣли, цѣнные продукты внутренности Африки. Отъ кобанскихъ бусъ чегемскія, какъ камунтскія, отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ. Какъ было замѣчено гр. Уваровымъ и за нимъ г. Шантромъ, въ кобанскомъ могильникѣ преобладаютъ бусы сердоликовыя и бронзовыя *), между тѣмъ какъ стекляныя встрѣчаются значительно рѣже. Выше мы уже предположили, что бусы приходили въ ущелья Чегема и Черека, такъ-же какъ въ Осетію, главнымъ образомъ съ запада изъ греческихъ колоній. Не можетъ ли это служить хронологическимъ указаніемъ?

Намъ извѣстно, что Пантикапея была основана въ 511 г. до Р. Х. и около половины VI-го вѣка Фанагорія. По свидѣтельству Страбона, послѣдняя „представляетъ (въ его время, т. е. около Р. Х.) главный рынокъ для товаровъ, привозимыхъ отъ Меотовъ и изъ выше лежащихъ варварскихъ странъ, Пантикапея же—для товаровъ, привозимыхъ по морю“ (XI, 2, 10). Но тотъ же географъ свидѣтельствуетъ, что и городъ Діоскурія „служитъ общимъ торговымъ пунктомъ для живущихъ выше и по сосѣдству съ нимъ народовъ“ (XI, 2, 16). Говорятъ, что тамъ собирается 70 (по другимъ, которые менѣе правдивы, даже 300) народовъ; всѣ они говорятъ на различныхъ языкахъ, такъ какъ довольствуются своей обособленностью и, вслѣдствіе своей дикости, жи-

*) См. статью гр. Уварова—Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ, — помѣщенную въ трудахъ V-го Археолог. Съѣзда, приложеніе стр. 8 и 9.

вутъ замкнуто, не сообщаясь съ другими"... „Собираются же они туда (въ Діоскурію) главнымъ образомъ ради соли (XI, 5, 6). Не отрицая возможности того, что бусы могли попадать въ ущелья Чегема и Черека и изъ Діоскуріи, все же нужно думать, что удобнѣе былъ путь въ эти мѣста отъ Фанагоріи по берегу Кубани, чѣмъ черезъ трудные горные перевалы изъ Діоскуріи (приблизительно Сухумъ) и что поэтому болѣе правдоподобно фанагорійское происхожденіе бусъ, подтверждаемое и отмѣченнымъ уже тождествомъ во множествѣ типовъ между кавказскими и пантикапейскими бусами. Несомнѣнно такого же происхожденія скарабеи, львы и черепахи изъ пасты и другіе чегемскіе предметы, перечисленные выше (стр. 97). Конечно появленіе всѣхъ этихъ предметовъ на Кавказѣ слѣдуетъ относить не къ 5-му вѣку до Р. X., т. е. времени основанія Пантикапеи и Фанагоріи, а къ вѣкамъ полнаго процвѣтанія этихъ колоній и вообще Боспорскаго царства, ближе къ нашей эрѣ. Какой-нибудь египетскій скарабей, изготовленный въ Александріи въ 2 или 1-мъ столѣтіи до Р. X. могъ затѣмъ попасть въ Фанагорію, а оттуда на кавказскую плоскость и наконецъ въ горы; но присутствіе его въ чегемской могилѣ, конечно, еще не доказываетъ, что послѣдняя относится къ 2 или 1-му же вѣку до Р. X. Скарабей могъ украшать ожерелье нѣсколькихъ поколѣній горскихъ красавицъ, прежде чѣмъ попасть въ могилу съ трупомъ одной изъ своихъ обладательницъ *). Такимъ образомъ чегемская могила съ египетскимъ скарабеемъ 1-го вѣка можетъ относиться, напримѣръ, къ III, IV или V-му по Р. X.

Мы знаемъ, что противъ отнесенія чегемскихъ скарабеевъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры можетъ быть выставлено то обстоятельство, что одинъ такой же скарабей былъ найденъ въ кобанскомъ могильникѣ, а расцвѣтъ кобанской бронзовой культуры г. Шантръ относитъ къ VII в. до Р. X. **). Но, во-первыхъ, не извѣстно, изъ какихъ слоевъ могильника — болѣе древнихъ или болѣе новыхъ — былъ добытъ этотъ предметъ ***), а во-вторыхъ, отнесеніе даже древнѣйшихъ могилъ Кобани къ X или VII в. не есть еще неоспоримый фактъ. Такъ, г. Тишлеръ относитъ

---

*) Отмѣтимъ любопытный фактъ, что вслѣдствіе крайней рѣдкости привозныхъ предметовъ украшенія, многія дѣвушки Чегема до сихъ поръ имѣютъ ожерелья, составленныя частью изъ древнихъ бусъ, случайно вырытыхъ изъ могилъ. Мы видѣли на одномъ ожерельѣ въ Атажукиномъ аулѣ, вмѣстѣ съ новыми бусами, миніатюрнаго льва изъ голубой египетской пасты (см. таб. XXVI, 119), случайно найденнаго въ землѣ.

**) См. изображеніе кобанскаго скарабея у Шантра, II, атласъ, таб. XXVIII, 1 и 2.

***) Г. Шантръ (II р. 17) самъ различаетъ въ кобанскомъ могильникѣ могилы двухъ періодовъ — такъ наз. *гальштаттскаго* и періода, сближающагося съ періодомъ могильника камунтскаго.

кобанскій могильникъ къ I вѣку до Р. Х., и хотя г. Шантръ говоритъ, что точка зрѣнія этого археолога „n'est plus discutable“ съ тѣхъ поръ, какъ могильникъ хорошо изученъ, однако, допуская увлеченіе г. Тишлера въ другомъ направленіи, все же нельзя вопросъ о времени кобанскаго могильника считать уже вполнѣ „indiscutable“. Такъ вопросъ о бронзовомъ оружіи, какъ мы увидимъ ниже, несомнѣнно требуетъ пересмотра.

Золотые предметы изъ чегемскаго могильника, перечисленные выше (стр. 99), также, съ одной стороны, указываютъ на сношенія съ Фанагоріей, напримѣръ, золотая бляха съ человѣческимъ лицомъ, головка волка, (таб. XXVI, 116), съ другой на то, что *нѣкоторыя* могилы должны быть отнесены не раньше, какъ къ христіанской эпохѣ, т. е. къ V или VI вѣку. Такъ, въ одной могилѣ найденъ четырехконечный крестъ, украшенный гранатами (таб. XXVI, 102), въ другой пуговица съ эмалью cloisonné (таб. XXVI, 120), начало производства которой де Линасъ относитъ, какъ мы видѣли, къ V вѣку. Наконецъ о томъ, что въ чегемскихъ могильникахъ продолжали хоронить въ христіанскія времена, свидѣтельствуютъ плиты съ изображеніемъ четырехконечныхъ крестовъ (см. выше, стр. 75).

Бронзовые предметы, какъ мы видѣли, представляютъ значительное разнообразіе типовъ, причемъ нѣкоторые повторяются въ дигорскихъ могильникахъ (Камунтскомъ, Камбылтскомъ), другіе въ древнѣйшемъ изъ доселѣ извѣстныхъ кавказскихъ могильниковъ—Кобанскомъ. Такія *двухстороннія* совпаденія вносятъ немалую путаницу въ опредѣленіе періода времени чегемско-балкарскихъ могильниковъ въ виду того, что кобанскую культуру изслѣдователи, какъ Филимоновъ, Вирховъ, Шантръ относятъ къ XI, X вѣкамъ до Р. Х., а разстояніе ея отъ Камунтской до сихъ поръ не опредѣлено даже приблизительно. Такъ, г. Вирховъ, характеризуя разнообразіе камунтскихъ культурныхъ предметовъ, сравнительно съ кобанскими, говоритъ: „блескъ Кобани уже померкъ, когда началось процвѣтаніе Камунты. Но едва ли мы ошибемся, если *не слишкомъ* расширимъ временной промежутокъ между ними“ *). Но тотъ же изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ (стр. 140), указывая на значительное богатство Камунтскаго могильника въ стекляныхъ бусахъ, называетъ этотъ могильникъ *гораздо болѣе новымъ* (weit jünger) сравнительно съ Кобанскимъ. Спрашивается, какимъ же г. Вирховъ представляетъ себѣ это разстояніе: ставитъ ли онъ между обоими могиль-

*) Das Gräberfeld von Koban, стр. 114. „Aber man wird vielleicht nicht fehlgehen, wen man das Intervall nicht allzuweit ausdehnt“.

никами тысячелѣтіе, или нѣсколько столѣтій? Принимая въ соображеніе его опредѣленіе времени кобанскихъ могилъ—X или XI столѣтія до Р. Х. (стр. 124),—онъ представляетъ себѣ, повидимому, разстояніе по времени между Кобанью и Камунтой весьма значительнымъ, но въ такомъ случаѣ намъ непонятно его заявленіе на стр. 114.

При сомнительности хронологическихъ выводовъ изъ типовъ предметовъ, особенную цѣну получаютъ находимыя въ могилахъ монеты. Монеты же, найденныя въ Камунтѣ и принадлежащія собранію г. Ольшевскаго, указываютъ даже не на первые вѣка нашей эры, а на VI и VII столѣтія *). Здѣсь представлены, напримѣръ, монеты императоровъ: Анастасія (461—518), Іустиніана (527—565), Іустина II (565—578), Тиберія II Константина (578—582), Маврикія (582—602), Фоки (602—610), Гераклія (610—614). Эти указанія имѣютъ значеніе и для чегемско-балкарскихъ могилъ, въ виду отмѣченной выше тождественности многихъ предметовъ изъ ихъ инвентаря съ камунтскими. Но ближайшее хронологическое указаніе почерпается изъ принадлежащей таубію Урусбіеву, найденной въ чегемскомъ могильникѣ, монеты, именно серебрянаго диргема послѣдняго сасанидскаго царя на престолѣ Персіи Іездегерда III, царствовавшаго между 632—651 годами. Монета доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ *та* могила, въ которой она была найдена (къ сожалѣнію, мы не знаемъ, съ какими вещами), была утилизована позднѣе 7-го в., какъ несомнѣнно и нѣкоторыя Камунтскія. Кстати нельзя не замѣтить страннаго, повидимому, факта, обнаруживаемаго изслѣдованіемъ кавказскихъ могильниковъ: если принимаются въ разсмотрѣніе одни предметы и сравниваются съ таковыми же другихъ (европейскихъ и малоазіатскихъ) могильниковъ, то изслѣдователь невольно склоненъ приписать кавказскимъ могиламъ глубочайшую древность. На такую сѣдую древность указываетъ, напр., г. Вирховъ, сравнивая кобанскіе предметы съ гиссарликскими и галльштаттскими. Такой же маститой стариной, повидимому, вѣетъ отъ камунтскихъ египетскихъ скарабеевъ. А между тѣмъ едва оказываются въ кавказскихъ могильникахъ монеты, какъ онѣ указываютъ на сравнительно позднія времена,—на I—IX вв. нашей эры **).

Намъ кажется, что объясненія этому факту слѣдуетъ именно искать

---

*) См. Труды подготов. комитета V Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ. Описаніе коллекціи г. Ольшевскаго, стр. 267.

**) Такъ, въ Самтаврскомъ могильникѣ была найдена монета Августа, въ могилахъ Рѣдькина лагеря, по словамъ Байерна, встрѣчались иногда арабскія (?) монеты. См. каталогъ собраній древностей гр. Уварова I, стр. 75.

въ мѣстныхъ условіяхъ Кавказа: съ одной стороны, предметы привозные цѣнились очень высоко и носились нерѣдко многими поколѣніями раньше, чѣмъ попасть въ могилу; съ другой, — мѣстныя издѣлія могли быть воспроизведеніемъ древнѣйшихъ привозныхъ образцовъ и нерѣдко, за отсутствіемъ *новыхъ* типовъ, вслѣдствіе отчужденности и замкнутости жизни, воспроизведеніе старыхъ продолжалось весьма продолжительное время. Иначе сказать, *типы* могутъ быть весьма архаичны у вещей, сравнительно позднихъ, какъ нерѣдко случается на азіатскомъ востокѣ, замкнувшемся на цѣлые вѣка въ своемъ консервативномъ производствѣ. Всякому маломальски наблюдавшему восточныя издѣлія часто приходится изумляться въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ примитивному, архаическому характеру, даже при весьма развитой техникѣ. Такъ, напримѣръ, мѣдныя покрытыя рѣзьбой современныя персидскія чашки, съ изображеніями разныхъ полумиѳическихъ животныхъ и человѣческихъ фигуръ, напоминаютъ по стилю чашки сасанидской эпохи и, пожалуй, ассирійскія. А между тѣмъ эти чашки производятся тысячами доселѣ и продаются въ каждомъ магазинѣ азіатскихъ товаровъ въ Тифлисѣ и Владикавказѣ.

Этотъ изумительный консерватизмъ востока слѣдуетъ имѣть въ виду и для объясненія присутствія многочисленныхъ предметовъ кобанскаго типа въ могильникахъ чегемско-балкарскихъ. Выше мы отмѣтили (стр. 101) рядъ такихъ совпаденій въ мелкихъ предметахъ, служившихъ для украшенія. Но любопытнѣе тотъ фактъ, что въ чегемской коллекціи Измаила Урусбіева оказываются фрагменты отъ бронзоваго топора и 2 бронзовые же кинжала, такъ что въ древнемъ населеніи, хоронившемъ своихъ покойниковъ близъ Чегема, при употребленіи желѣзнаго оружія, встрѣчались случаи употребленія и бронзоваго, которымъ такъ изобиловало древнее кобанское населеніе; а между тѣмъ, если мы, согласно съ гг. Вирховымъ, Филимоновымъ, Шантромъ, отнесемъ хотя бы древнѣйшія могилы Кобани къ X-му вѣку до Р. X., а позднѣйшія Камунтскія и Чегемскія (судя по монетамъ), къ VII по Р. X., то между тѣми и другими оказался бы почтенный промежутокъ времени въ 1700 лѣтъ. Но этотъ невѣроятный премежутокъ выводится не нами: познакомившись со всѣми соображеніями относительно древности кобанскихъ *типовъ* вещей въ изслѣдованіяхъ Вирхова, Шантра и Филимонова, мы все же не могли убѣдиться въ столь же глубокой древности самихъ вещей и скрывавшихъ ихъ могилъ, иначе сказать, намъ *типы* представляются болѣе древними, чѣмъ предметы, и если чисто археологическимъ путемъ сравненія можно доказать, что обычная дугообразная кобанская фибула по типу должна относиться къ X в. до Р. X.,

то тѣмъ же путемъ еще нельзя доказать, что eo ipso она была сдѣлана въ Кобани въ X в., такъ какъ въ такомъ случаѣ къ X-му же вѣку слѣдуетъ отнести и фрагментъ отъ пряжки бронзоваго пояса (таб. XXI, 6), найденный въ Чегемскомъ могильникѣ, и послѣдній, представляя въ числѣ другихъ могилъ одну 7-го в. по Р. X. (судя по монетѣ), долженъ бы былъ воспринимать покойниковъ въ теченіе 17 столѣтій, что̀ весьма невѣроятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая двѣ одинаковаго типа фибулы—кобанскую и тождественную съ ней чегемскую (таб. XXIV, 31), представляющихъ совершенно одинаковую *сохранность*, трудно допустить, что ихъ отдѣляетъ болѣе чѣмъ тысячелѣтній періодъ времени. Что относится къ фибулѣ, относится и къ бронзовому оружію: существованіе его въ чегемскомъ могильникѣ доказываетъ, что кобанскіе кинжалы въ *нѣкоторыхъ* могилахъ могутъ относиться не къ X в. до Р. X., а къ значительно болѣе позднимъ временамъ. Мы обратили вниманіе г. Шантра на одно историческое свидѣтельство (которымъ, впрочемъ, онъ не счелъ нужнымъ воспользоваться), представляющее несомнѣнное значеніе для вопроса о бронзовомъ оружіи на Кавказѣ. Поздній византійскій писатель Халкокондиласъ, съ прозвищемъ Laonicus, умершій около 1464 г., авторъ обширнаго историческаго сочиненія Ἀποδείξεις ἱστορικαί въ X книгахъ, въ которомъ онъ разсуждаетъ о происхожденіи Турокъ и ихъ завоеваніяхъ, говоритъ въ IX-й книгѣ *) по поводу Иберіи (Грузіи) и кавказскихъ народовъ слѣдующее объ Аланахъ, подъ которыми византійцы разумѣютъ сѣверокавказскія племена и преимущественно Осетинъ (Ясовъ нашей лѣтописи). „Въ сосѣдствѣ съ городами верхней Иберіи живутъ Аланы, Гунны и Эмбы. Но Аланы простираются до (горы) Кавказа и считаются между другими самыми храбрыми и искусными въ военномъ дѣлѣ. Они дѣлаютъ превосходныя кольчуги, слѣдуютъ вѣроученію Господа нашего Іисуса Христа, имѣютъ особый языкъ и изъ мѣди изготовляютъ оружіе, называющееся аланскимъ (καὶ ὅπλα ἐπιτηδεύουσι ὑπὸ χαλκοῦ τὰ Ἀλανικὰ καλούμενα).

Конечно, это извѣстіе требуетъ слѣдующей оговорки: совершенно невѣроятно, чтобы во время Халкондиласа, т. е. въ 15 в., было на Кавказѣ въ употребленіи мѣдное оружіе. Халкокондиласъ, какъ вообще средневѣковые писатели, склоненъ безъ провѣрки почерпать свои этнографическія свѣдѣнія изъ болѣе раннихъ источниковъ, не справляясь, да иногда и не имѣя возможности справиться, на сколько сообщаемые древними факты приложимы къ *его* времени. Какъ большинство визан-

*) Парижское изданіе 1650 г., стр. 249, см. также у Stritter'a — Memoriae populorum etc., II p. 396, § 80.

тійцевъ, онъ также склоненъ придавать современнымъ ему восточнымъ народностямъ древнія названія, почему нерѣдко Турковъ называетъ Скиѳами и, упоминая о кавказскихъ Аланахъ, полагаетъ, что народъ этого имени, извѣстный на Кавказѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, все еще продолжаетъ тамъ жить въ томъ же быту. Извѣстіе о бронзовомъ оружіи у Алановъ нашъ авторъ, конечно, почерпнулъ изъ какого-нибудь средневѣковаго, намъ неизвѣстнаго, источника: но въ вѣрности этого указанія нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Къ какому же времени оно собственно относится? Съ полной увѣренностью, за отсутствіемъ источника, изъ котораго черпалъ Халкокондиласъ, мы опредѣлить этого не въ состояніи. Но для насъ уже достаточно того факта, что бронзовое оружіе употреблялось Аланами еще послѣ принятія ими христіанства, т. е. въ V, VI столѣтіяхъ.

Конечно, Халкокондиласъ не имѣлъ никакого понятія объ Аланахъ, о которыхъ онъ говоритъ, и не видалъ ихъ оружія. Но авторъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія, могъ говорить объ Аланахъ, быть можетъ, изъ личнаго съ ними знакомства. Въ VII, VIII столѣтіяхъ византійцы знали Алановъ, часто воевали съ ними, часто нанимали ихъ на службу и, вѣроятно, среди другихъ наемниковъ, Аланы попадали и въ Византію. Изъ словъ неизвѣстнаго источника Халкокондиласа видно, что бронзовое оружіе у Алановъ не было какимъ-нибудь случайнымъ явленіемъ, а было хорошо извѣстно византійцамъ, которые и усвоили ему спеціальное названіе *аланскаго*.

Далѣе нашъ источникъ прямо говоритъ, что Аланы *изготовляютъ* оружіе изъ мѣди; слѣдовательно, оно было не привозное, а мѣстнаго производства, что̀ вполнѣ подтверждаетъ выводы всѣхъ изслѣдователей кобанскаго могильника, доказывающихъ туземность производства бронзовыхъ кобанскихъ издѣлій.

Съ своей стороны мы желали бы только обратить вниманіе спеціалистовъ по кобанской культурѣ на любопытное извѣстіе Халкокондиласа, а сами можемъ воспользоваться имъ только для того, чтобы объяснить присутствіе бронзовыхъ кинжаловъ въ чегемскихъ могилахъ. Это присутствіе само по себѣ еще не даетъ намъ основанія приписывать могильнику слишкомъ глубокую древность и позволяетъ намъ при опредѣленіи времени разсматриваемой культуры не выходить изъ предѣловъ, намѣчаемыхъ, съ одной стороны, египетскими скарабеями, получавшимися вмѣстѣ съ бусами и золотыми вещами изъ Фанагоріи, съ другой, — золотымъ крестомъ, плитами съ изображеніемъ креста и сасанидской монетой VII в. Другими словами, мы имѣемъ основаніе ду-

мать, что въ чегемскомъ могильникѣ погребались покойники въ періодъ времени между II и VIII вѣкомъ по Р. X.

Сдѣлаемъ теперь попытку опредѣлить національность покойниковъ изслѣдуемыхъ нами чегемско-балкарскихъ могильниковъ. Для этой цѣли слѣдуетъ навести справку въ историческихъ свидѣтельствахъ и въ нихъ поискать указаній на то, какія племена въ началѣ среднихъ вѣковъ жили въ долинахъ Черека, Чегема и Баксана.

Мы уже упоминали о томъ (стр. 71), что топографическія названія—имена рѣкъ, горъ, переваловъ, камней, пещеръ и т. п. — на всемъ пространствѣ отъ р. Уруха на востокѣ до Эльбруса и верхней Кубани на западѣ—несомнѣнно осетинскаго происхожденія и указываютъ на то, что раньше горскихъ Татаръ на всемъ этомъ пространствѣ были осетинскія поселенія. Такимъ образомъ вопросъ о національности покойниковъ чегемско-балкарскихъ могильниковъ сводится къ вопросу: жили ли предки Осетинъ въ названныхъ мѣстахъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, или появились здѣсь позднѣе. Послѣдній вопросъ подвергли мы подробному разсмотрѣнію въ 3-й части нашихъ „Осетинскихъ Этюдовъ“ и въ данномъ случаѣ можемъ воспользоваться главными результатами нашего изслѣдованія, не входя въ подробности.

Мы доказали, что на всемъ сѣверо-западномъ Кавказѣ, а также въ Приазовьѣ и на нижнемъ Дону въ началѣ среднихъ вѣковъ жило частью въ кочевомъ, частью (въ горахъ) въ осѣдломъ быту обширное племя иранской вѣтви индо-европейской группы народовъ, извѣстное древнимъ и средневѣковымъ писателямъ сначала подъ названіемъ Сарматовъ, затѣмъ подъ именемъ Алановъ, Ясовъ (у Нестора), Осовъ въ грузинской лѣтописи, и что ближайшими потомками этихъ приазовскихъ и прикавказскихъ иранцевъ являются современные Осетины, сохранившіеся благодаря тому, что, вытѣсненные изъ плоскости, забились въ горныя ущелья по притокамъ Терека. Въ иранствѣ Сарматовъ въ настоящее время едва ли сомнѣвается кто нибудь изъ историковъ. Присутствіе иранскаго элемента, какъ мы доказали, обнаруживается во множествѣ иранскихъ собственныхъ именъ, сохранившихся въ греческихъ надписяхъ Боспора и Танаиды. Частью къ иранскимъ, частью къ адигейскимъ племенамъ нужно отнести множество народныхъ, (точнѣе) родовыхъ названій, упоминаемыхъ древними писателями въ сосѣдствѣ съ Боспорскимъ царствомъ въ Приазовьѣ, на нижней Кубани и на западномъ Кавказѣ, каковы Мэоты, Синды, Дандары, Аспунги-

таны и мн. др. *). Но иранскіе предки Осетинъ сидѣли не только на плоскости, но также весьма рано въ горахъ, именно въ сѣверо-западныхъ отрогахъ Кавказскаго хребта. Изъ обзора историческихъ извѣстій объ Осахъ въ грузинской лѣтописи, сдѣланнаго нами въ Осетинскихъ Этюдахъ **), видно, что этотъ народъ извѣстенъ своимъ южнымъ сосѣдямъ на Кавказѣ, Грузинамъ, съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе помнятъ самихъ себя. Уже при началѣ первой грузинской царской династіи Фарнавазидовъ (въ III в. до Р. Х.), сѣверокавказскіе Осы изображаются въ грузинскихъ анналахъ могущественными союзниками Грузинъ. Съ другой стороны, поселеніе Алановъ, въ составъ которыхъ, какъ мы доказали ***), главнымъ образомъ входили Осы (Осетины), на Кавказѣ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ классическими и средневѣковыми писателями, также восходитъ въ глубь вѣковъ. Уже Аполлинарій Сидонскій (Epist. 4, 1) упоминаетъ caucasigenas Alanos, и Іосифъ Флавій (I в. по Р. Х.) говоритъ объ Аланахъ на берегахъ Мэотиды. При маломъ знакомствѣ средневѣковыхъ писателей, кромѣ Грузинъ и Армянъ, съ сѣвернымъ Кавказомъ, особенную цѣну по отношенію къ древней территоріи Осетинъ имѣютъ указанія армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, но составленной, повидимому, позже въ VII в. ****). Въ этомъ руководствѣ впервые является названіе западной вѣтви Осетинъ—Дигорцевъ — въ формѣ, въ которой оно сохранилось до нашихъ дней, къ Осетинамъ пріурочивается названіе Алановъ, и послѣдніе занимаютъ сѣверный склонъ Кавказа, отъ верховьевъ Кубани на западѣ до Терека на востокѣ и Аланскихъ вратъ (Дарьяльское ущелье) на югѣ. Западнѣе Алановъ на Кубани упоминаются тѣмъ же источникомъ кубанскіе Болгаре, тюркскіе сосѣди иранцевъ. Занимая въ первые вѣка нашей эры горныя ущелья на этомъ пространствѣ, а также значительную часть сѣверокавказской равнины, Аланы (Осы) дѣлаютъ частые набѣги на Закавказье, о которыхъ сообщаютъ грузинскія лѣтописи, напримѣръ, во II, III, IV, V, VI вѣкахъ *****). Съ другой

---

*) Имя Дандары (Δανδάριοι) легко объясняется изъ осетинскаго дон — рѣка, вода и дар — держецъ (вододержецъ, прирѣчный). Страбонъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе, изъ котораго видно, что колѣно Дандаріевъ сидѣло на Кубани: „говорятъ, что Фарназесъ (боспорскій царь), посредствомъ стараго канала, который онъ велѣлъ очистить, направилъ рѣку Гипанисъ (Кубань) въ страну Дандаровъ и затопилъ ее“ (XI, 2, 11). Въ первой части сложнаго имени Ἀσπουργιτανοί (Страбонъ, ibid.) находимъ иранское слово aspa—конь, осет. (съ перестановкой) äфсä—кобыла.

**) Часть 3-я, глава I, стр. 18—39.

***) Тамъ же, глава II, стр. 39—47.

****) См. въ 3-й части Осетинскихъ Этюдовъ экскурсъ I, стр. 102—116.

*****) См. Осетинскіе Этюды, часть III, гл. I, стр. 25—33.

стороны, по свидѣтельству Аммiана Марцеллина (IV в.), Аланы „на охотѣ и за грабежомъ доходятъ до Мэотiйскаго болота (Азовскаго моря) и Киммерiйскаго Боспора, а также (на востокѣ и югѣ) до Арменiи и Мидiи“ *). Впослѣдствiи, при появленiи Гунновъ, покорившихъ часть *плоскостныхъ* Алановъ, а затѣмъ Болгаръ на Кубани (въ V, VI вв.), предки Осетинъ были оттѣснены Тюрками далѣе на востокъ и не могли уже простирать такъ далеко на западъ свои набѣги.

Но нельзя не замѣтить, что, быть можетъ, ранними упоминаемыми Аммiаномъ Марцеллиномъ набѣгами Алановъ на греческiя колонiи Боспорскаго царства, главнымъ образомъ на Фанагорiю, Кипы и друг., объясняется обилiе предметовъ греческаго производства или греческой торговли, находимыхъ въ могильникахъ сѣверо-западнаго Кавказа. Съ другой стороны, какъ народъ воинственный, проводившiй жизнь въ военныхъ предпрiятiяхъ, горскiе Аланы охотно нанимались византiйцами на службу въ ихъ войнахъ съ Персами, Арабами и другими народами на Кавказѣ. Такъ, по свидѣтельству Прокопiя, во время войны Iустинiана съ Персами, въ 549 г., Аланы вмѣстѣ съ Сабирами были наняты въ интересахъ византiйцевъ ихъ союзникомъ царемъ Лазовъ Губазесомъ за 300 фунтовъ золота, что̀, впрочемъ, не помѣшало имъ въ слѣдующемъ году сражаться противъ византiйцевъ въ войскахъ Персовъ. При императорѣ Iустинѣ II, по свидѣтельству Θеофана, аланскiй царь Сароесъ (Сародiй) былъ союзникомъ Византiи, и посланникъ Iустина къ восточнымъ Туркамъ, Земархъ, проходилъ чрезъ страну Алановъ, лежавшую въ горахъ близъ Сванетiи. Въ 703 году другой византiецъ, Левъ спаθарiй, съ цѣлью подкупить Алановъ для союза съ византiйцами, проникъ изъ Апсилiи, перейдя Кавказскiй хребетъ, въ ихъ страну и пробылъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Вообще византiйскiй дворъ не скупился на деньги, чтобъ подкупать Алановъ для набѣговъ на ихъ ближайшихъ, враждебныхъ византiйцамъ, сосѣдей по ту сторону хребта—Абасговъ и Лазовъ. Границя, по византiйскимъ свидѣтельствамъ, съ Абасгами, Аланы должны были занимать область верхняго теченiя Кубани, т. е. сидѣть далѣе на западъ, чѣмъ въ настоящее время сидятъ ихъ потомки Осетины. Но мы уже знаемъ изъ топографическихъ названiй, что дѣйствительно изъ этихъ мѣстъ, какъ и изъ долинъ Баксана, Чегема, Черека,—Осетины были вытѣснены лишь впослѣдствiи, когда тюркскiя и черкесскiя племена (Кабарда) заняли ихъ мѣста на западѣ въ горахъ и равнинѣ.

---

*) Тамъ же, стр. 51 и слѣд.

Итакъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, характеръ вещей, добытыхъ изъ чегемскихъ и балкарскихъ могильниковъ, съ другой — историческія извѣстія объ Аланахъ, мы склоняемся къ предположенію, что разсматриваемыя могилы могутъ быть названы аланскими, точно также, какъ могилы Осетіи (въ Камунтѣ, Камбылтѣ, Лизгорѣ и друг.). Это предположеніе объясняетъ сосуществованіе въ названныхъ могилахъ вещей боспорскихъ и фанагорійскихъ съ сасанидскими диргемами и византійскими монетами. Видно, что древнее населеніе имѣло сношенія съ Приазовьемъ и греческими черноморскими колоніями, а также принимало участіе въ событіяхъ, совершавшихся въ Закавказьѣ въ первую половину среднихъ вѣковъ, въ войнахъ Византіи съ Персами и Арабами. Факты же такого рода засвидѣтельствованы византійскими и грузинскими источниками именно объ Аланахъ, Осахъ, предкахъ Осетинъ.

При перечисленіи „аланскихъ“ могильниковъ мы намѣренно не упомянули могильника Кобанскаго, въ виду того, что обнаруживаемая въ немъ культура, конечно въ низшихъ слояхъ, должна по времени значительно предшествовать культурѣ названныхъ выше могильниковъ, хотя отнесеніе кобанскаго могильника по типамъ вещей къ X в. до Р. X. и кажется намъ далеко недоказаннымъ. Что касается кобанскаго бронзоваго оружія (топоровъ, кинжаловъ), то, на основаніи извѣстія, сообщаемаго источникомъ Халкокондиласа (см. выше стр. 118), мы имѣемъ право называть сѣверо-кавказское бронзовое оружіе вообще *аланскимъ*, такъ какъ это названіе было усвоено ему уже въ средніе вѣка въ Византіи. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ древнѣйшее населеніе Кобани принадлежало къ племени иранскихъ Алановъ, предковъ современнаго населенія Кобани. Это племя могло предшествовать появленію Алановъ на Кавказѣ и впослѣдствіи смѣшаться съ ними. Но вопросъ о кобанской культурѣ не входитъ уже въ предѣлы нашего отчета.

ОБЪЯСНЕНІЕ ТАБЛИЦЪ.

Таблица I.

Барельефъ на западной стѣнѣ древней церкви Тхаба-ерды въ Галгаѣ, близъ аула Хайрыхъ (стр. 12).

Таблица II.

А) Видъ озера Галанчоджъ и аула Ирбите въ Акинскомъ обществѣ (Чечня).

В) Башня въ аулѣ Хайбахѣ (Чечня), см. стр. 38—40).

Таблица III.

Предметы изъ Чеченскихъ склеповъ въ могильникахъ близъ ц. Тхаба-ерды и близъ святилища Мохде (уменьшены на $^1/_3$).

1. Желѣзный ножикъ съ роговой ручкой; на деревянныхъ ножнахъ остатки ремешка. Найденъ въ склепѣ въ могильникѣ близъ святилища Мохде (стр. 29).

2. Желѣзныя ножницы для стрижки овецъ (оттуда же).

3. Браслетъ изъ серебряной проволоки, несиаянный, украшенный бронзовой спиралью. Найденъ въ склепѣ въ могильникѣ близъ ц. Тхаба-ерды.

4. Бронзовая бляха-колесо, съ другимъ колесикомъ внутри, соединеннымъ четырьмя лучами съ окружностью. Найдена въ склепѣ въ могильникѣ близъ святилища Мохде.

5. Серебряная серьга, представляющая дутый шаръ, покрытый шишечками; стержень, соединяющій его съ ушкомъ, обвитъ тонкой проволокой (оттуда же).

6. Бусы разнаго вида (оттуда же). Между ними встрѣчаются: сердоликовыя, стекляныя прозрачныя, преимущественно синяго и зеленаго цвѣта; стекляныя золоченыя, изъ стеклянаго сплава съ глазками разныхъ цвѣтовъ.

7. Серебряная золоченая дутая пуговица (оттуда же).

8—14. Желѣзные наконечники стрѣлъ разныхъ видовъ (оттуда же).

15. Желѣзный шестопёръ (оттуда же).

Таблица IV.

Сосуды изъ склеповъ близъ ц. Тхаба-ерды (въ натуральную величину).

1. Кувшинъ изъ красной глины; на нижней части поясокъ со спиральнымъ орнаментомъ.

2. Сосудъ съ носикомъ и ручкой изъ желтосѣрой глины грубой работы.

Таблица V.

Сосуды изъ тѣхъ же склеповъ (въ натуральную величину).

1. Кувшинъ изъ красной глины съ ручкой, украшенный двумя горизонтальными поясками со спиральнымъ орнаментомъ; на днищѣ гончарный знакъ: кружокъ съ четырехконечнымъ внутри крестомъ.

2. Кувшинчикъ изъ такой же глины меньшаго объема съ ручкой, перетянутый у шейки желобкомъ и украшенный пояскомъ со спиральнымъ орнаментомъ.

Таблица VI.

Видъ чеченскаго аула Цори.

Таблица VII.

Башни близъ Шатоя (Чечня).

Таблица VIII.

Башни близъ аула Нюй (Чечня).

Таблица IX.

А) Церковь въ аулѣ Дзивгисѣ въ Куртатинскомъ ущельѣ въ Осетіи.

Б) Церковь въ аулѣ Гули въ томъ же ущельѣ.

Таблица X.

А) Церковь въ аулѣ Ладзѣ въ Куртатинскомъ ущельѣ въ Осетіи.

Б) Развалины башни и дзуара близъ аула Харискина въ Осетіи.

Таблица XI.

Предметы изъ могильника близъ аула Дзивгиса (Осетія).

1. Бусы разныхъ видовъ; между ними встрѣчаются: стекляныя прозрачныя, желтаго, зеленаго, синяго цвѣта; изъ стекляной массы съ глазками

или рисунками въ родѣ мозаики (синія съ красными глазками, красныя съ бѣлыми полосками или точками), изъ голубой египетской массы, изъ горнаго хрусталя, изъ сердолика, изъ глины и друг. Между бусами 4 экземпляра раковины Cyprea moneta.

2. Зеркало изъ металлической композиціи съ значительной примѣсью серебра, на верхней сторонѣ украшенное выпуклымъ орнаментомъ въ родѣ сферическаго четырехугольника; по бокамъ 2 четырехконечные креста и двѣ каббалистическія фигуры (печать Соломона).

3. Небольшое зеркальце изъ бронзы, украшенное на верхней поверхности шишечками.

4. Фрагментъ покрышки отъ кожанаго чехла для зеркала, сдѣланной изъ бронзовой пластины и украшенной грифонами.

5. Фрагментъ отъ бронзовой дутой шаровидной серьги съ привѣской.

6. Бронзовая мундштучная часть удилъ.

7. Сквозная колесообразная бронзовая бляха съ геральдическимъ изображеніемъ птицы. Назначеніе неясно.

8. Фрагментъ отъ серебряной дутой шаровидной серьги, украшенной пирамидками изъ шариковъ.

9. Миніатюрная желѣзная кирка.

10. Бронзовая бляшка (отъ ремня?) съ изображеніемъ человѣческаго лица.

11. Желѣзный наконечникъ стрѣлы.

12. Бронзовыя пряжки отъ пояса; одна съ фигурой какого-то четвероногаго животнаго, другая съ трудно различимымъ орнаментомъ.

Таблица XII.

Предметы изъ могильника близъ аула Ладза (Осетія) (въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ).

1. Бусы разныхъ видовъ; между ними встрѣчаются: янтарныя, сердоликовыя, изъ золоченаго стекла, изъ прозрачнаго стекла синяго, желтаго, зеленаго цвѣта; изъ стекловидной массы съ глазками и рисунками въ родѣ мозаики (красныя съ синими глазками въ бѣлыхъ ободкахъ, голубыя съ синими глазками, черныя съ зелеными полосками и красными глазками) и друг. Между бусами раковина Cyprea moneta.

2. Фрагментъ отъ мундштука (?) въ видѣ двухъ спаянныхъ желѣзныхъ колецъ.

3. Браслетъ изъ бронзовой проволоки.

4. Фрагментъ дуги отъ бронзовой фибулы.

5. Бронзовая мундштучная часть отъ удилъ (ср. таб. XI, 6).

6. Бронзовое дутое кольцо (отъ серьги?)

7. Бронзовое литое кольцо.

8. Бронзовая дутая пуговица съ ушкомъ.

9. Бронзовая бляшка съ изображеніемъ лица (ср. таб. XI, 10).

10. Синяя стеклянная буса.

11. Кольцо изъ бронзовой проволоки.

12. Кольцо (отъ серьги?) изъ серебряной проволоки.
13. Бронзовая дутая шаровидная пуговица.
14. Пряслица (?) изъ сѣроватаго камня.
15. Костяная пуговица.
16. Фрагментъ бронзовой привѣски отъ серьги (ср. XI, 5).
17. Желѣзный ножикъ.
18. Бронзовый дутый браслетъ.
19. Стеклянная прозрачная пуговица.
20. Клыкъ кабана, употребляемый и нынѣ женщинами для приглаживанья шелковаго утока при тканьѣ галуновъ.
21. Бронзовое зеркало.

Таблица XIII.

Предметы изъ могильника близъ аула Саниба (Осетія).

1. Серебряное зеркало, украшенное геометрическимъ орнаментомъ.
2. Фрагментъ отъ такого же зеркала бо̀льшаго размѣра.
3. Тонкая бронзовая цѣпочка съ остаткомъ какого-то желѣзнаго предмета.
4. Бронзовая мундштучная часть отъ удилъ.
5. Бронзовый предметъ въ родѣ булавки (?) неизвѣстнаго назначенія.
6. Браслетъ изъ синяго прозрачнаго стекла.
7. Бронзовая палочка съ ушкомъ (отъ цѣпочки?).
8. Бронзовая дутая золоченая миндалевидная привѣска (отъ серьги?).
9. Бронзовыя золоченыя дутыя грушевидныя пуговицы съ прорѣзкой.
10. Застежка отъ пояса изъ золоченой бронзы; обѣ части представляютъ литыя фигурки, повидимому, собакъ.
11. Бронзовая дутая шаровидная пуговица.
12. Бусы разнаго вида: стеклянныя зеленыя, синія, золоченыя; сердоликовыя, янтарныя, глиняныя съ полосками, стекловидныя мозаичныя и друг.
13. Сердоликъ со сверлиной, покрытый орнаментомъ въ родѣ скарабеевъ; на плоской сторонѣ рѣзное изображеніе, напоминающее сирену (см. стр. 108).

Таблица XIV.

Сосуды изъ могилъ близъ аула Дзивгиса (Осетія) (1 и 2 уменьшены на половину, 3 уменьшенъ болѣе чѣмъ вдвое).

1. Кувшинчикъ почти бѣлой глины съ полосками чернаго цвѣта; на днищѣ выцарапанъ правильный четырехконечный крестъ.
2. Кувшинчикъ съ двумя ручками свѣтло-желтой глины, покрытый красными и черными разводами.
3. Кувшинъ съ выемкой на носикѣ, тяжелый, изъ красной глины; на днищѣ знакъ: крестъ въ кругѣ.

Таблица XV.

А) Современные памятные столбы въ Осетіи.
Б) Усыпальница нарта (богатыря) Сослана въ Дигоріи.

Таблица XVI.

А) Старинный осетинскій памятникъ въ видѣ пирамиды.

Б) Современный осетинскій памятникъ въ видѣ открытаго ящика съ шарами по угламъ.

Таблица XVII.

А) Святилище Рекомъ близъ Цейскаго Ледника въ Осетіи (стр. 63).

Б) Нузальская церковь въ Осетіи (стр. 66).

Таблица XVIII.

А) Башня Алимурзы Абаева въ аулѣ Кунимъ, въ Балкарскомъ обществѣ горскихъ Татаръ (стр. 78).

Б) Борзіевскія башни въ томъ же обществѣ близъ аула Зилги.

Таблица XIX.

Предметы изъ могильника близъ Балкарскаго аула Зилги (всѣ предметы изъ бронзы).

1. Привѣска въ видѣ плоскаго колеса; внутри неясная фигура, связанная съ окружностью пятью лучами.

2. Привѣска, состоящая изъ кольца и другого предмета въ родѣ грубо сдѣланныхъ двухъ рукъ, связанныхъ перемычками внизу у ладоней и на верху у кистей.

3. Мундштучная часть удилъ въ видѣ дельты съ тремя петлями по угламъ.

4. Привѣска въ видѣ плоскаго колеса, украшеннаго семью выступами въ видѣ птичьихъ головокъ; на верху ушко.

5. Такая же часть удилъ въ видѣ трехъ сложенныхъ пирамидкой колецъ, съ меньшимъ кольцомъ надъ верхнимъ.

6. Бляха въ видѣ всадника на конѣ (2 экземпляра).

7. Пряжка (отъ ремня), сдѣланная, повидимому, изъ фрагмента дужки отъ фибулы, судя по расплющенному пріемнику для иглы.

8. Мундштучная часть удилъ въ родѣ № 5, но толще и безъ верхняго 4-го кольца.

9. Бубенчикъ со скважиной.

10. Фрагментъ плоской человѣческой грубо сдѣланной фигурки съ хвостомъ, вѣроятно, первоначально вдѣланной въ колесо.

11 и 16. Наконечники отъ стрѣлъ: трехгранный (фрагментъ) и листовидный.

12. Сквозная привѣска въ видѣ колеса съ колесикомъ меньшаго размѣра, внутри прикрѣпленнаго къ наружному четырьмя лучами, изъ коихъ уцѣлѣли три.

13. Зеркало украшенное на верхней сторонѣ выпуклымъ кружкомъ въ квадратѣ.

14. Браслетъ литой изъ проволоки, не спаянный.

15. Дутыя бусы отъ ожерелья (или браслета?).

17. Браслетъ изъ пластины съ шарньеромъ.

18. Привѣска въ видѣ колеса изъ проволоки, украшеннаго узлами; внутри фрагментъ въ видѣ полумѣсяца отъ какой-то другой плоской фигуры, связанной съ кольцомъ тремя перемычками.

19. Браслетъ изъ проволоки, покрытой рубчиками и съ четырьмя плоскими кружочками на одинаковомъ разстояніи по окружности.

Таблица XX.

А) *Предметы изъ склеповъ въ Озоруковскомъ могильникѣ на Баксанѣ*, (стр. 89).

1 и 5. Бронзовыя бляхи отъ пояса.

2. Бронзовая серьга изъ проволоки не спаянная, съ оконечностью въ видѣ кубика.

3. Пряжка отъ пояса, состоящая изъ бронзоваго золоченаго кольца и четырехугольника съ эмалью малиноваго цвѣта въ золотой перегородкѣ (cloisonné).

4. Брошка, состоящая изъ овальной формы стекла аметистоваго цвѣта въ золотомъ ободкѣ, украшенномъ кружевомъ.

6. Деревянная ложка изъ чинара.

7. Фрагментъ деревянныхъ ноженъ отъ ножа или меча со слѣдами бронзовой оправы наконечника.

8. Браслетъ изъ бронзовой проволоки.

Б) *Предметы изъ Чегемскихъ могилъ изъ коллекціи Измаила Урусбіева:*

1—3. Каменные оселки со сверлинами.

4. Булава или перначъ изъ бѣловатаго змѣевика съ четырьмя шишками отлично обточенная.

Таблица XXI.

Предметы изъ Чегемскихъ могильниковъ, собранные въ 1883 г. В. Ѳ. Миллеромъ (въ натуральную величину).

1. Круглая бляшка-привѣска съ ушкомъ, украшенная съ наружной стороны концентрическими кружками и жгутикомъ.

2. Привѣска въ видѣ плоскаго колечка съ ушкомъ; обѣ стороны покрыты орнаментомъ изъ листиковъ, а ушко параллельными черточками.

3. Бронзовая привѣска изъ двухъ сходящихся шейками птичьихъ головокъ кобанскаго типа.

4. Привѣска въ видѣ бронзовой трубочки, украшенной внизу головкой барана и такими-же меньшими двумя головками по краямъ (одна отломана).

5. Бронзовая миніатюрная дугообразная фибула кобанскаго типа; дужка украшена двумя головками какихъ-то миѳическихъ животныхъ.

6. Бронзовый фрагментъ отъ поясной пряжки съ крючкомъ, кобанскаго типа, украшенной нарѣзками изъ городковъ въ треугольникахъ и полосахъ.

7. Бронзовая привѣска въ видѣ руки съ петлей у кисти.

8. Бронзовая привѣска въ видѣ коня съ вертикальной сверлиной.

9. Неправильный шлифованный кусокъ краснаго янтаря со сверлиной.

10. Кусокъ янтаря въ видѣ пряслицы со сверлиной по срединѣ.

11. Желѣзная кирка.

12. Бронзовый колокольчикъ съ расщепомъ (на одной сторонѣ), украшенный продольными выпуклыми полосками.

13. Бронзовая булавка со шляпкой и сверлиной въ средней утолщенной части.

14. Бронзовый наконечникъ ноженъ съ фрагментомъ желѣзнаго кинжала.

15. Бронзовая булавка (или шило) со сверлиной въ средней части и значительнымъ утолщеніемъ въ верхней; длина болѣе 3 вершковъ.

Таблица XXII.

Предметы изъ того-же могильника (въ натуральную величину).

16. Бронзовый альчикъ (астрагалъ) со сверлиной.

17. Желѣзная мундштучная часть отъ удилъ.

18. Бронзовая привѣска въ видѣ двухъ кружечковъ изъ спирально-сложенной проволоки съ ушкомъ.

19. Бронзовая фибула типа la Têne.

20. Бронзовый листовидный наконечникъ стрѣлы.

21. Небольшой бронзовый колокольчикъ.

22. Бронзовая арбалетная (T-образная) фибула.

23 a и b. Скарабей изъ темносѣрой пасты съ іероглифическимъ изображеніемъ на плоской сторонѣ.

24. Бронзовая сквозная привѣска съ двумя ушками въ видѣ миніатюрнаго сосудца.

25. Золотая тонкая круглая пластинка.

26. Каменный оселокъ.

27. Бронзовая привѣска въ видѣ звѣриной головки.

28. Массивная бляха изъ металлической композиціи съ примѣсью серебра въ видѣ колеса съ 8-ю лучами, украшенная съ обѣихъ сторонъ орнаментами. Назначеніе неизвѣстно.

29. Бронзовый фрагментъ отъ удилъ.

30. Бронзовая круглая выпуклая бляха въ видѣ щита съ ушкомъ для ремня на задней сторонѣ.

31. Бронзовая булавка (?) съ петлей; головка представляетъ полукругъ съ пятью лучами.

32. Зеркало съ ручкой.

Таблица XXIII.

Чегемскіе бронзовые предметы изъ могилъ, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

1. Фрагментъ отъ предмета неизвѣстнаго назначенія.

2, 11, 12, 15, 16. Пряжки отъ ремней.

3. Круглая фибула, покрытая выпуклымъ орнаментомъ.

4. Массивная застежка отъ пояса, украшенная бараньей головкой и геометрическимъ орнаментомъ; на задней сторонѣ крючокъ.

5. Навершье (отъ нагайки?).

6. Фрагментъ отъ массивной булавки; головка въ видѣ сегмента съ 8-ю жгутообразными лучами.

7, 9. Бляшки изъ скрученной спиралью проволоки.

8. Застежка въ видѣ крючка съ двумя кружками изъ спиралей въ основаніи.

10. Массивная пряжка.

13. Фибула.

14. Зеркало съ ручкой.

17. Фрагментъ отъ серебрянаго (?) предмета неизвѣстнаго назначенія.

Таблица XXIV.

Чегемскіе бронзовые предметы, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

(Продолженіе).

18. Арбалетная (Т-образная) фибула.

19, 20. Фибулы разныхъ видовъ.

21. Круглая привѣска съ 4-мя птичьими головками по окружности; въ серединѣ выпуклое стекло.

22. Фрагментъ булавки; сохранилась утолщенная головка съ боковымъ ушкомъ.

23. Фрагментъ отъ пряжки.

24. Привѣска въ родѣ № 21, но съ птичьимъ хвостомъ вмѣсто нижней головки.

25. Круглая выпуклая бляха съ ушкомъ на обратной сторонѣ.

26. Привѣска въ видѣ чаши со сверлиной.

27, 28, 32, 39, 45. Головки отъ булавокъ.

29. Привѣска: какая-то неопредѣленная фигурка съ ушкомъ.

30. Фрагментъ отъ фибулы (?).

31. Дугообразная фибула кобанскаго типа (5 экземп.).

33, 37. Привѣски въ видѣ крестовъ.

34, 35. Мелкіе предметы неизвѣстнаго назначенія.

36. Фрагментъ отъ серебрянаго (?) предмета неизв. назначенія.

38. Круглая сквозная привѣска.

40. Часть пряжки.

41. Буса (2 экз.).

42. Привѣска въ видѣ кольца съ девятью узлами.

43, 47. Булавки.

44. Привѣска въ видѣ птицы.

46. Фрагментъ какого-то украшенія.

48. Круглая бляха, покрытая орнаментомъ.

Таблица XXV.

Чегемскіе бронзовые предметы, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

(Продолженіе).

49, 50, 51, 68. Привѣски въ видѣ бараньихъ головокъ.

52—55. Фрагменты отъ такихъ-же предметовъ.

56. Привѣска въ видѣ головы зайца.

57. Привѣска въ видѣ грубо сдѣланной фигуры барана.

58. Фрагментъ отъ привѣски съ передней частью козла.

59, 61, 63, 76, 78. Привѣски въ видѣ трубочки съ бараньими головками.

60. Привѣска съ неопредѣленной фигурой.

62. Фрагментъ въ видѣ головы дракона.

64. Привѣски въ видѣ свиньи съ ушкомъ на спинѣ.

65, 74. Бляхи въ видѣ фантастическихъ животныхъ.

66. Привѣска въ видѣ птицы (?).

67. Бляха въ видѣ лани, стоящей на колѣняхъ съ головой, повернутой назадъ.

69. Бляха въ видѣ всадника.

70. Привѣска въ видѣ овцы.

71. Привѣска въ видѣ трубочки съ какой-то звѣриной фигурой.

72, 73. Привѣски въ видѣ фантастическихъ животныхъ.

75. Привѣска въ видѣ лошади (?).

77. Бляха въ видѣ львиной головы (2 экз.).

79. Привѣска въ видѣ головы лани (?).

80. Бляха въ видѣ лающей собаки.

Таблица XXVI.

Чегемскіе предметы, собранные Измаиломъ Урусбіевымъ.

(Продолженіе).

81—89, 113. Скарабеи изъ египетской пасты съ іероглифическими изображеніями на плоскихъ сторонахъ.

90—98, 100, 104, 110, 112. Мелкіе предметы со сверлинами изъ сѣрой пасты съ позолотой. Части ожерелья.

99. Привѣска изъ того-же матеріала въ видѣ женской головки.

101. Человѣческая обнаженная фигурка съ ушкомъ на затылкѣ (изъ того-же матеріала).

102. Золотая привѣска въ видѣ четырехконечнаго креста съ оправленными выпуклыми стеклышками.

103. Миніатюрная бронзовая ложечка.

105. Привѣска (часть ожерелья) изъ золоченой пасты въ видѣ руки, сложенной въ кулакъ.

106. Зеркало изъ сплава мѣди съ серебромъ.

107. Бронзовая привѣска съ ушкомъ.

108. Круглая бляха со сверлиной изъ золоченой пасты, покрытая спиралевиднымъ орнаментомъ изъ точекъ.

109. Такая-же бляха съ изображеніемъ человѣческаго лица.

111. Буса изъ синяго прозрачнаго стекла въ видѣ головы негра (?).

114, 116. Золотыя привѣски въ видѣ звѣриной головы.

115. Фрагментъ золотого тонкаго браслета или серьги (?).

117. Бронзовая подвѣска въ видѣ позвонка.

118. Золотая бляха изъ пластины съ изображеніемъ лица.

119. Буса изъ египетской голубой пасты съ фигурой лежащаго льва.

120. Пуговица изъ чернаго камня, украшенная эмалью въ золотой перегородкѣ.

Таб. I.

~~T. VIII~~

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фото-гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

VI

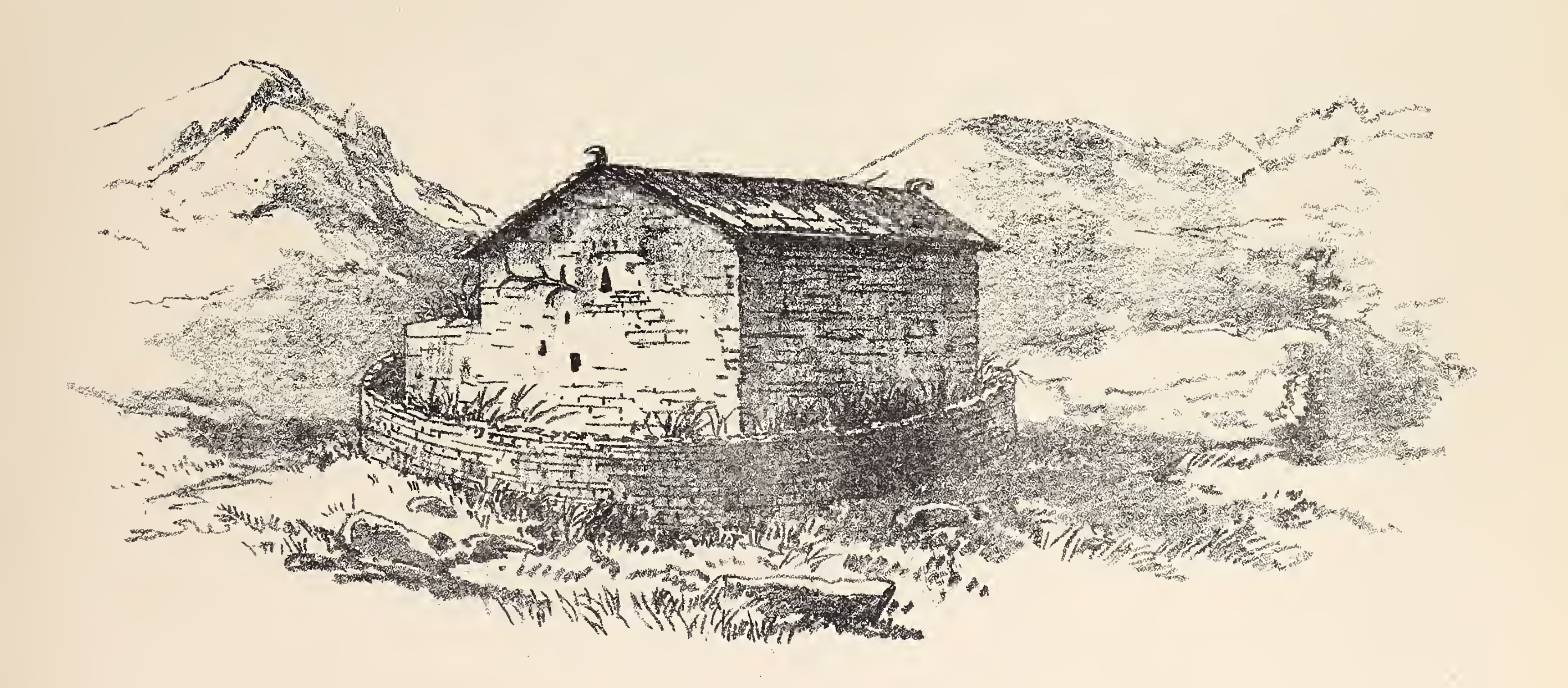

Фото-гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

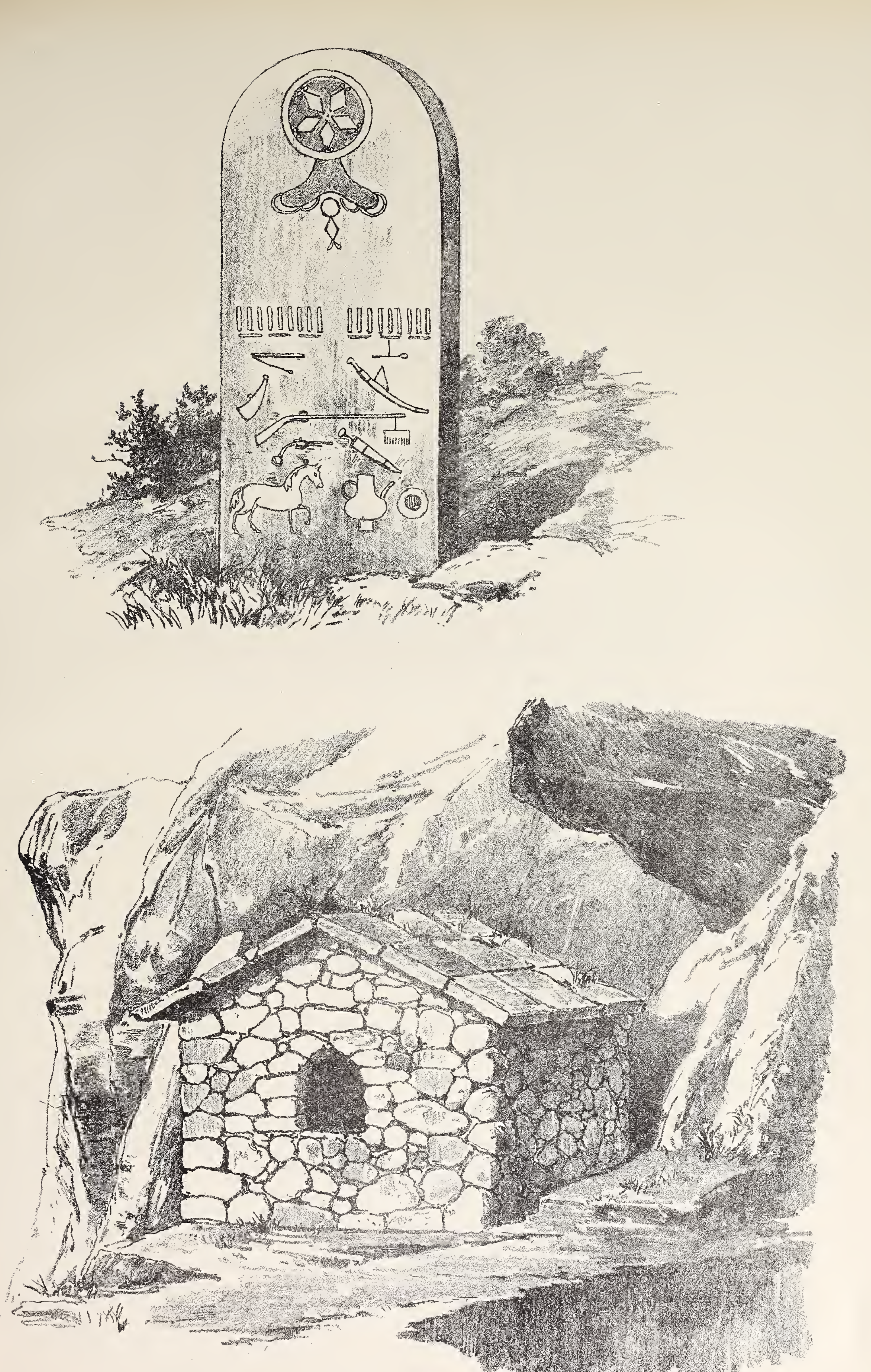
Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

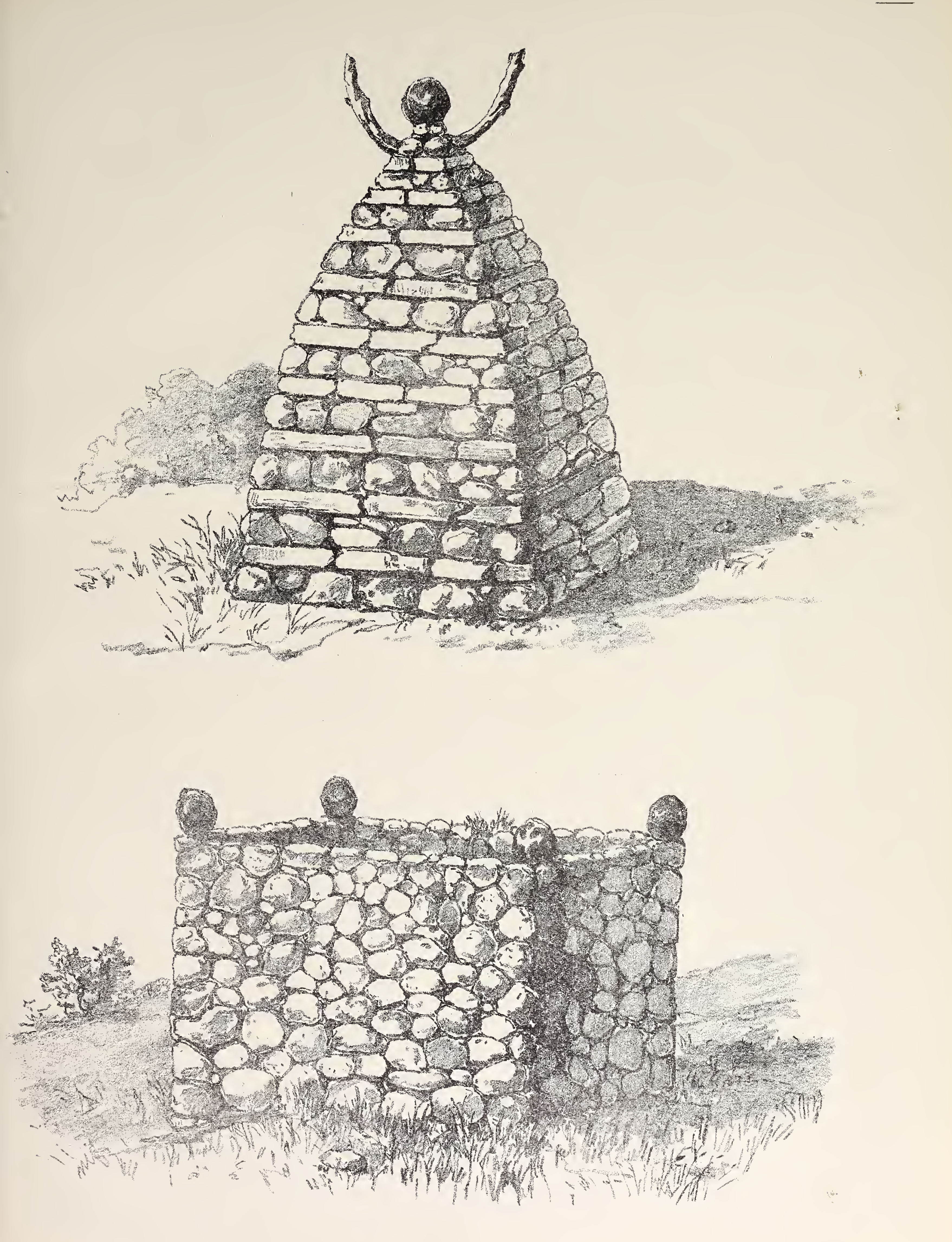

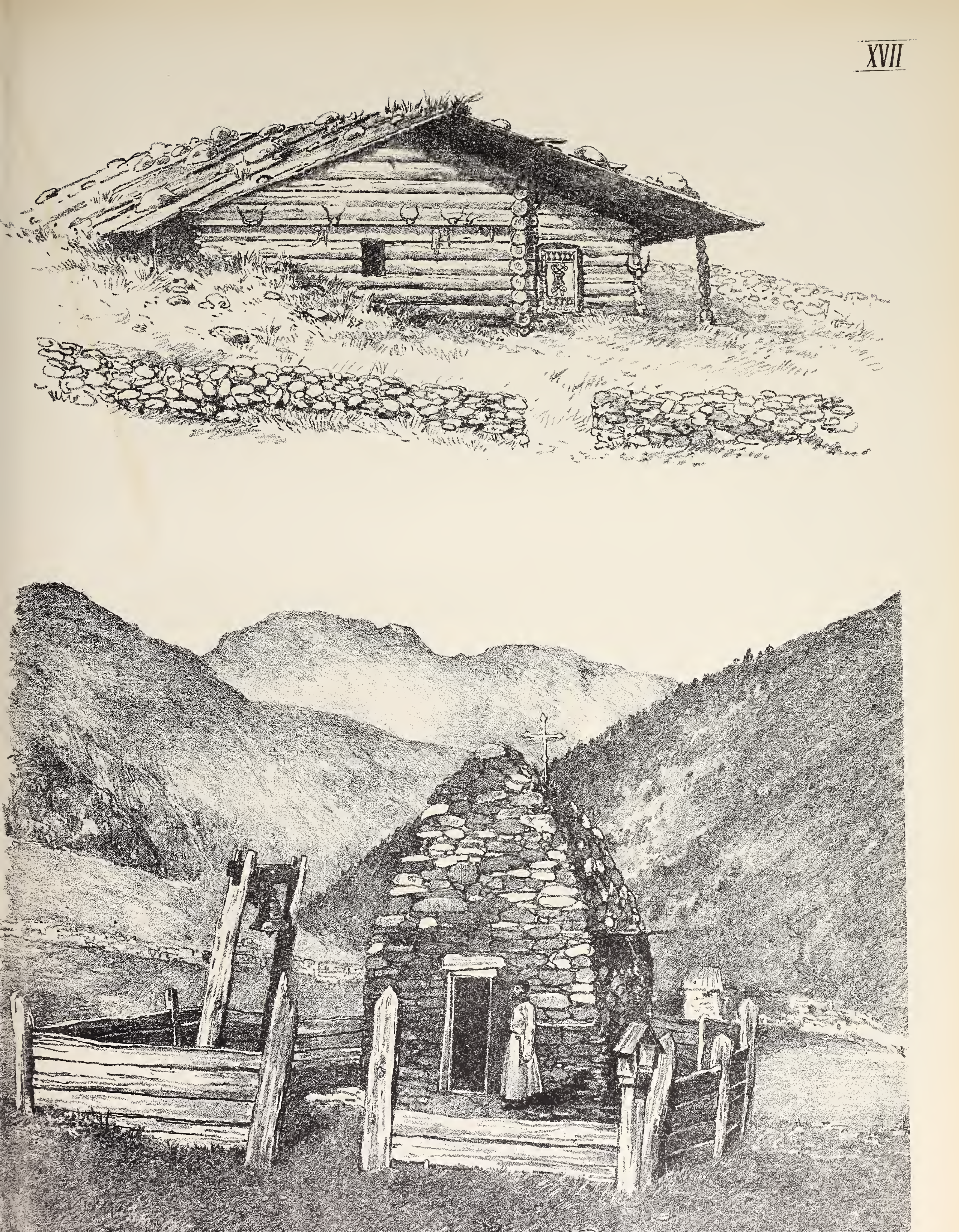
Фото гравюра Шереръ Набгольцъ и Кº въ Москвѣ.

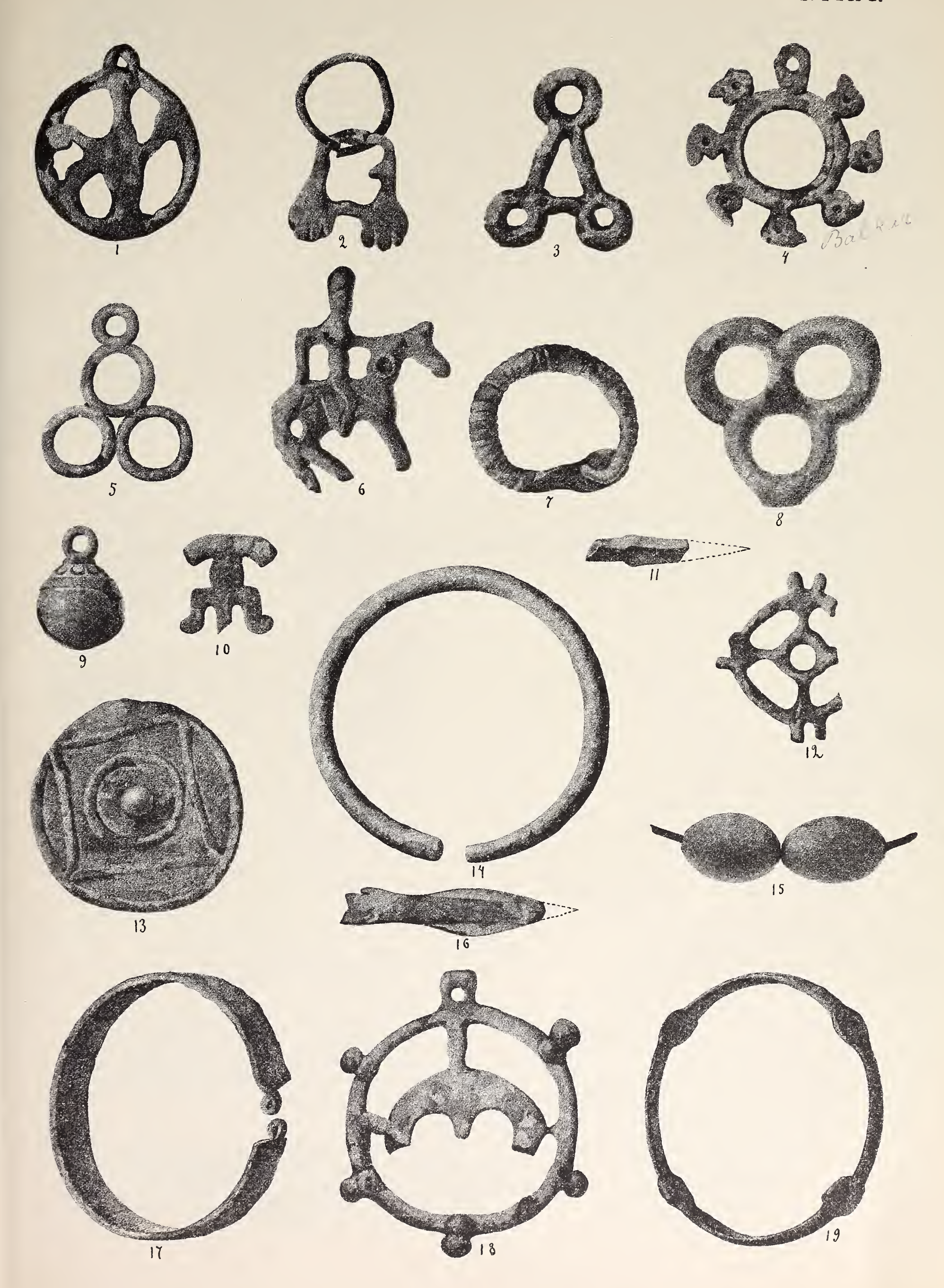
Фото гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

XVIII

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

T. XX.

1

2

3

Musée historique de Moscou

4

5

6

7

8

9

1.

2

3

4

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

T. XXII.

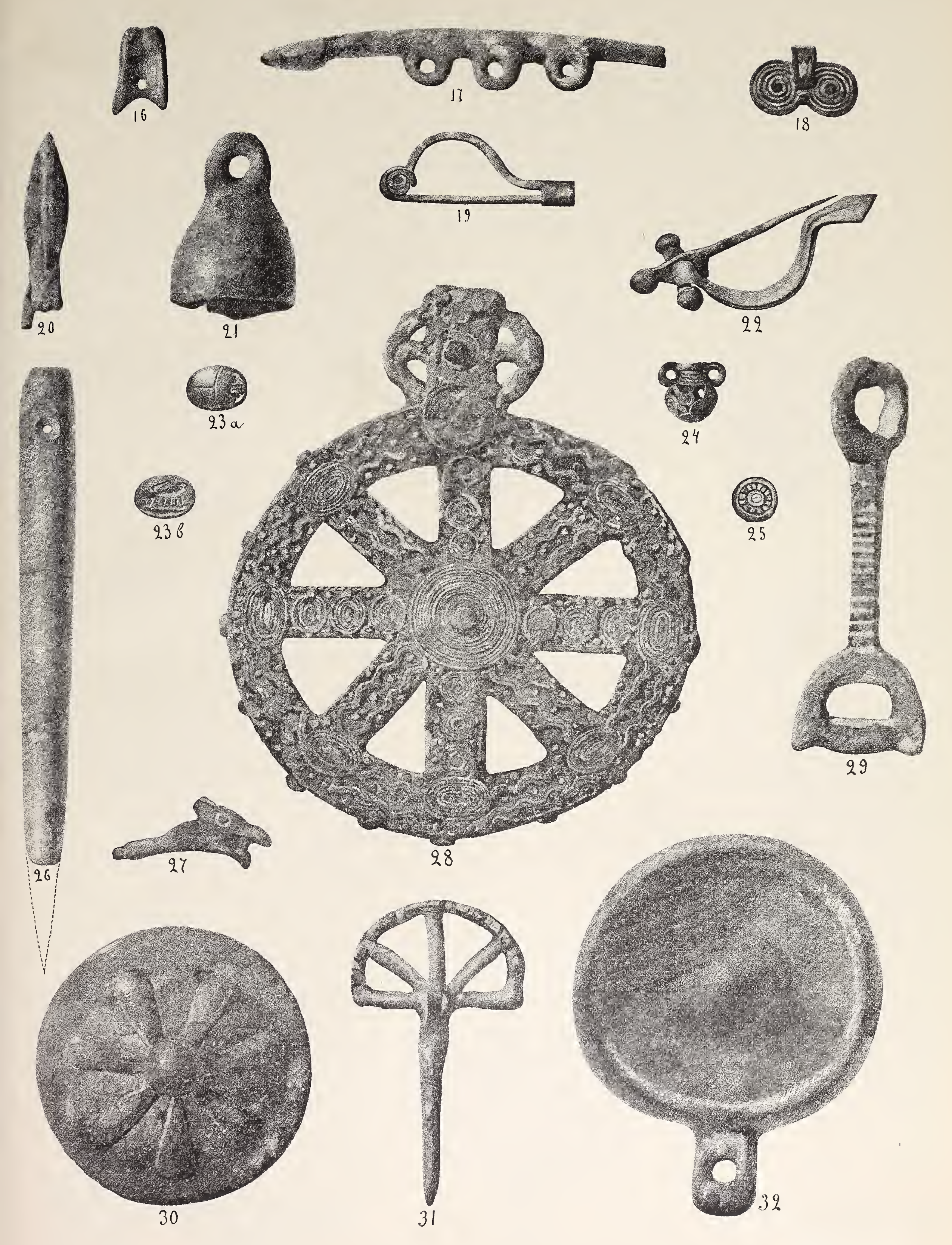

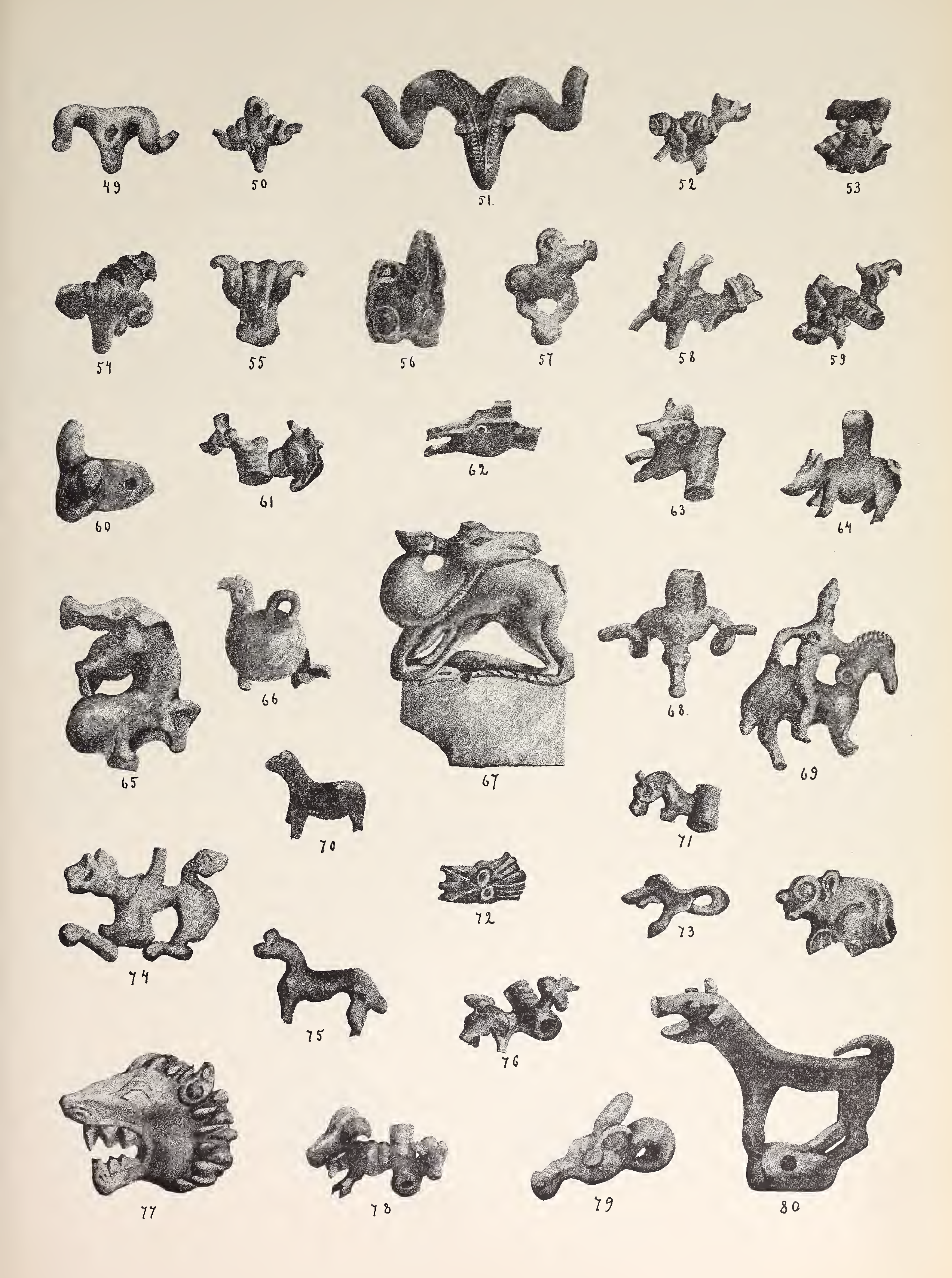
Рис. Суховъ.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.

T. XXIV.

18
19
20
21.
Tchéguém
22
23
24
Tchéguém
25
26
27
31
32
33
28
29
30
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48.

T. XXV.

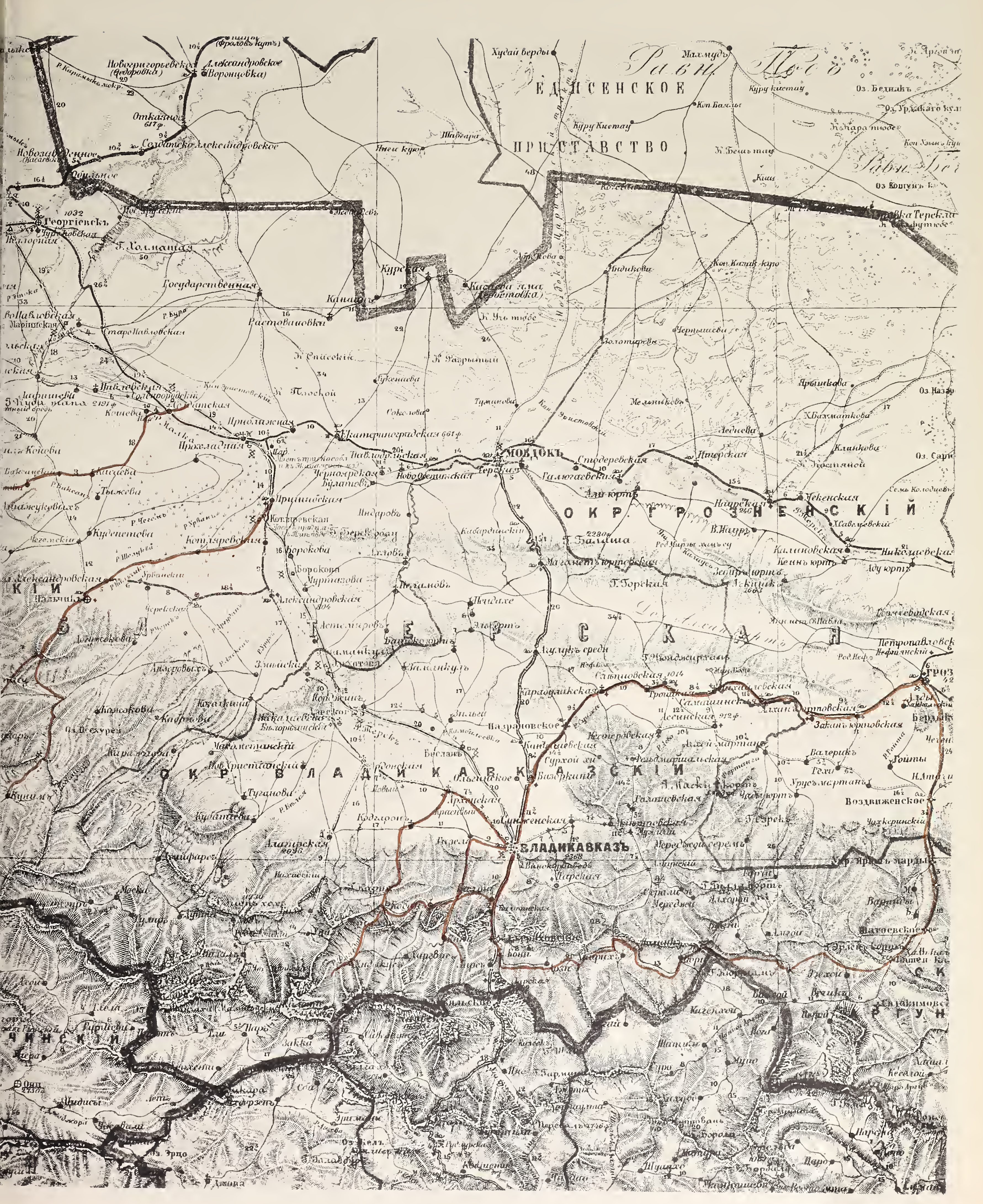

49
50
51.
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68.
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80

81
82
83
84
85 б
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113 б
114
115
116
85 а
117
118
113 а
119
120

Рис. Суховъ.

Б А Т А Л П А Ш И Н С К І Й
У Ѣ З.
БАТАЛПАШИНСКЪ
ПЯТИГОРСКЪ
ОКР. ПЯТИГОР
СУХУМСКІЙ
ОЧЕМЧИРСКІЙ
УѢЗ ЛЕЧГУМСКІЙ
УѢЗ. ЗУГДИДСКІЙ
Отрадная
Отважная
Бесстрашная
Удобная
Передовая
Исправная
Преградная
Зеленчукская
Кардоникская
Суворовская
Ессентукская
Горячеводская
Сергіевка
Николаевское
Гудава
Гудавская
Набакеви
Гагида
Анаклія
Н. Усть Ингурскій

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАТЕРІАЛЫ
Matériaux

ПО
pour

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,
l'histoire Archéologique du Caucase

СОБРАННЫЕ
recueillis par

ЭКСПЕДИЦІЯМИ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.
les Expéditions Archéologiques de la Société de Moscou.

ВЫПУСКЪ II.
Fascicule II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.
sous la Rédaction de la Ctesse Ouvaroff.

МОСКВА.

1889.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ II

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5
1889

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1889 г.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНАГО МОРЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ.

Отчетъ д. ч. — В. Сизова.

I.

Отъ Новороссійска до Сухума.

Весной 1886 года, принявъ на себя порученіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества заняться въ лѣтніе мѣсяцы вмѣстѣ съ Н. В. Никитинымъ археологическими изслѣдованіями восточнаго побережья Чернаго моря, примѣрно, отъ Новороссійска до Сухума,— я рѣшился прежде всего ознакомиться непосредственно съ предназначеннымъ раіономъ для нашихъ археологическихъ изысканій. Такое предварительное знакомство съ этой мѣстностью, опредѣляя хотя въ общихъ чертахъ количество и характеръ археологическаго матеріала, интереснаго для изслѣдованія, давало мнѣ возможность болѣе цѣлесообразно распорядиться своимъ временемъ и сосредоточить изслѣдованія на мѣстахъ, болѣе важныхъ въ археологическомъ отношеніи. При этомъ я долженъ былъ имѣть въ виду, что весь матеріалъ архитектурный и преимущественно церковнаго характера отходилъ въ область изслѣдованій спеціалиста Н. В. Никитина.

Кавказскій берегъ Чернаго моря, съ глубокой древности заселенный сплошь варварскими народами въ то же время у устій рѣкъ и морскихъ заливовъ былъ оживленъ и Греческими колоніями. Какъ извѣстно, у авторовъ классической древности, описывавшихъ этотъ край, упоминается цѣлый рядъ названій городовъ, бухтъ и пристаней по этому побережью. Къ сожаленію, до сихъ поръ опредѣленія многихъ изъ этихъ мѣстъ, по большей части не основываясь на фактическихъ данныхъ, возбуждаютъ сомнѣнія. Неопредѣленность и неясность въ пріурочиваніи указанныхъ древними авторами извѣстныхъ мѣстностей еще болѣе увеличивается отъ того обстоятельства, что многіе изъ древнихъ писателей, составляя свои компиляціи, большею частью совершенно не были

сами знакомы съ этимъ краемъ, а описывали мѣстность на основаніи слуховъ, какъ всегда часто невѣрныхъ и не ясныхъ. Изъ числа древнихъ писателей по личному знакомству съ этимъ краемъ и по богатству свѣдѣній о немъ въ особенности заслуживаютъ вниманія Арріанъ и Страбонъ, которыхъ указанія весьма важны для изученія древнихъ поселеній этого побережья. Въ средніе вѣка свѣдѣнія объ этомъ краѣ оживляются и увеличиваются, въ особенности благодаря портуланамъ или морскимъ картамъ Генуэзцевъ, Венеціанъ, Каталонцевъ. Затѣмъ, съ начала турецкаго господства на Черномъ морѣ, наступаетъ сравнительно глухое время въ культурной исторіи этого побережья. Только спустя долгое время послѣ утвержденія турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это побережье описанія любознательныхъ путешественниковъ, католическихъ миссіонеровъ и, наконецъ, людей торговыхъ. Скудость письменнаго матеріала тѣмъ болѣе заставляетъ дорожить археологическими изслѣдованіями и раскопками, которыми можно было-бы подтвердить или исправить извѣстныя комментированія древнихъ писателей и вообще восполнить недостатокъ историко-топографическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

На основаніи этихъ соображеній я и поставилъ себѣ задачей на первый разъ въ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ своихъ придерживаться преимущественно тѣхъ мѣстностей, которыя, по всему вѣроятію, могли въ древности играть роль культурныхъ центровъ этого побережья. Такая задача при условіи успѣшныхъ изслѣдованій могла вообще имѣть важный научный интересъ въ смыслѣ разъясненій древней топографіи этого края. Опредѣленіе мѣстности древнихъ культурныхъ центровъ, ихъ характера и степени вліянія ихъ на туземныхъ жителей могли выяснить только раскопки и изслѣдованія, произведенныя въ сохранившихся могильниках этого побережья. Научный матерьялъ, собранный этими раскопками, какъ я надѣялся, могъ-бы пролить нѣкоторый свѣтъ на этнографическія черты или отличія древнихъ обитателей этого края, извѣстныхъ подъ именемъ: Синдовъ, Зиховъ, Керкетовъ, Ахеянъ и Геніоховъ, тѣмъ болѣе, что съ этими именами до сихъ поръ не связано въ наукѣ никакихъ опредѣленныхъ представленій и племенныхъ отличій: древніе и средне-вѣковые писатели обыкновенно обобщаютъ нравы и обычаи всѣхъ этихъ племенъ; при томъ-же самыя описанія этихъ нравовъ и обычаевъ, какъ извѣстно, крайне скудны. Такимъ образомъ, мой планъ топографическихъ изслѣдованій древнихъ колоній по необхооимости связывался съ задачами этнографическими, а вслѣдствіи этого и самая почва изслѣдованій значительно расширялась. При всемъ томъ я не имѣлъ надежды

окончательно выполнить планъ своихъ работъ, такъ какъ полноту и законченность изслѣдованій я по необходимости долженъ былъ ставить въ зависимость, какъ отъ особенныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ приходилось производить работы, такъ въ особенности отъ времени, которымъ я могъ располагать для своего пребыванія на Кавказѣ.

Вотъ почему иногда изслѣдованія и раскопки получали по необходимости характеръ археологическихъ развѣдокъ, полезныхъ во всякомъ случаѣ для будущихъ изслѣдователей этого края, въ которомъ, какъ извѣстно, систематическихъ раскопокъ и развѣдокъ до сихъ поръ еще не было произведено.

Знакомство наше съ кавказскимъ берегомъ Чернаго моря мы начали съ Новороссійска, гдѣ и собрали свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся въ окрестностяхъ. Желая, согласно предположенному плану, ознакомиться прежде всего съ прибрежной мѣстностью до Сухума—мы торопились выѣхать изъ Новороссійска на югъ, по направленію къ Сухуму. Путешествіе наше мы предпочли совершить сухимъ путемъ, такъ какъ такой способъ передвиженія обѣщалъ намъ болѣе близкое знакомство съ краемъ и его жителями, а стало быть и болѣе успѣшное собираніе свѣдѣній о древностяхъ. Къ сожалѣнію, мѣстность, принадлежавшая тогда къ Черноморскому округу, заселилась недавно, а потому жители еще мало ознакомились съ окрестностями, выходившими изъ черты ихъ хозяйственныхъ интересовъ. Такъ, напр., въ селеніи Джубѣ казакъ-поселенецъ сообщилъ мнѣ, что назадъ тому 9 лѣтъ, онъ какъ-то разъ, отправившись на охоту въ окрестныя горы, видѣлъ въ одномъ ущельѣ большое изъ камня высѣченное изваяніе человѣческой фигуры, но въ настоящее время этого ущелья онъ никакъ уже отыскать не можетъ. Подобные факты незнанія окрестностей встрѣчались не разъ на нашемъ пути. Мы проѣхали Геленжикъ, Пшадъ, Береговую, Вуланку и пріѣхали въ Джубу. Собирая по дорогѣ свѣдѣнія о курганахъ, могильникахъ и другихъ памятникахъ древности, я не увлекался пока изслѣдованіями и раскопками, а ограничивался только осмотромъ интересныхъ для меня мѣстностей; впрочемъ въ с. Береговой, гдѣ разлитіе рѣки Пшада удержало насъ по неволѣ лишнее время, я успѣлъ произвести раскопку небольшаго кургана, принадлежащаго къ обширному могильнику, у самаго селенія: высота этого кургана была около $^1/_2$ метра, форма полушарообразная. Насыпь состояла изъ вязкой глины; па самой поверхности земли надъ серединой насыпи оказался скелетъ, лежавшій какъ бы на помостѣ изъ плосковатыхъ камней на самомъ скелетѣ лежали также камни.

Положеніе скелета было съ NW на SO (головой на NW): придавленныя камнями кости находились не въ порядкѣ, но руки, повидимому, были вытянуты вдоль туловища; у костей правой ноги лежалъ сосудъ красной глины, очень грубой работы, въ формѣ кувшина съ отбитыми краями и ручкой. На лѣвомъ плечѣ лежали желѣзныя ножницы. По сторонамъ черепа нашлись двѣ серебряныя серьги; имѣвшія сердцевидную форму. Типъ подобныхъ серегъ встрѣчался въ раскопкахъ Самоквасова на Кавказѣ, и — въ коллекціи вещей изъ Осетіи: (Историческій Музей).

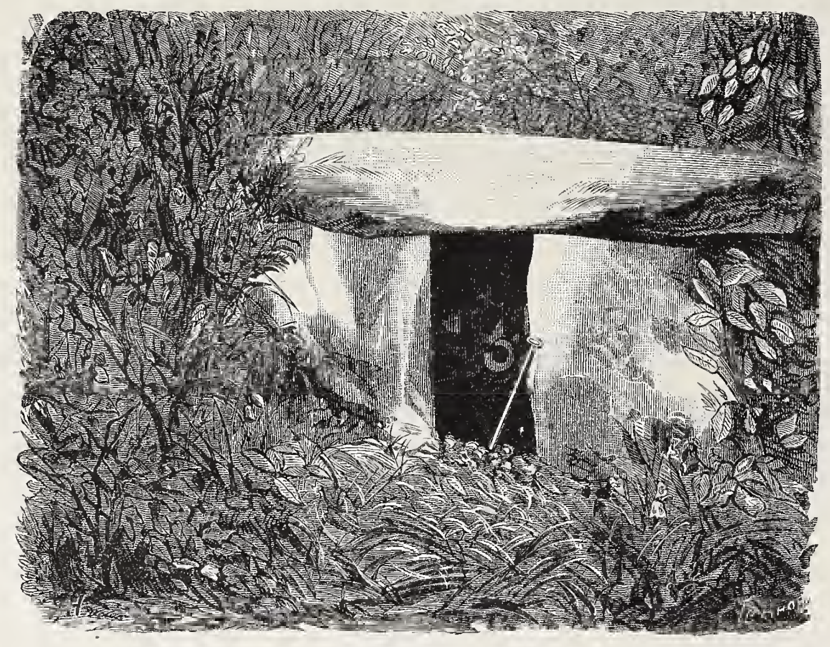

Рис. 1.

Во время краткаго пребыванія въ селеніи Джубѣ мы осмотрѣли прекрасно сохранившійся долменъ, находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, очень интересный по размѣрамъ и по полуциркульной пристройкѣ. Какъ извѣстно, долмены мѣстные жители называютъ „богатырскими хатами"; пристройку же эту жители прозвали „богатырской конюшней". Покойный Байернъ издалъ рисунокъ этого самаго долмена: (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. 7); но, къ сожалѣнію, весьма небрежно и невѣрно. Бывшій съ нами въ качествѣ фотогрофа художникъ г. Михайловъ: сдѣлалъ планъ и рисунокъ этого долмена, по указаніямъ г. Никитина (Таб. I) *). Невдалекѣ отъ этого памятника въ лѣсу

*) Помѣщенный въ текстѣ мой рисунокъ (№ 1) изображаетъ долменъ со стороны, противоположной полуциркульной пристройки и со входомъ, сдѣланнымъ позднѣе.

лежали нѣсколько камней; на одномъ изъ нихъ можно было замѣтить орнаментъ, но къ сожалѣнію этотъ камень былъ совершенно прикрытъ корнями большаго дерева, срубить которое мы не рѣшились, не имѣя на это разрѣшенія владѣльца лѣса, находившагося въ отсутствіи.

Желая выиграть время, мы рѣшили переѣздъ до Сочи совершить на параходѣ, тѣмъ болѣе, что лошадей здѣсь достать было затруднительно.

Въ Сочи мы остановились на нѣсколько дней въ надеждѣ ознакомиться съ окрестными памятниками древности, но проливные дожди отняли у насъ много времени, такъ что я съ своей стороны рѣшился ограничиться только осмотромъ развалинъ крѣпости —Мамай-Кале, находящихся въ 4-хъ верстахъ къ сѣверу отъ Сочи. Въ сопровожденіи казака и проводника-матроса я добрался верхомъ по приморской тропинкѣ до подошвы крѣпости; самыя развалины ея находятся на высокомъ и отвѣсномъ берегу, заросшемъ густымъ лѣсомъ; подъемъ къ нимъ крутой и трудный. Съ сѣвера и юга берегъ, занятый развалинами, ограничивается ущельями, составлявшими ложе горныхъ рѣкъ: по южному ущелью и теперь струится рѣчка Мамайка. Къ востоку мѣстность слегка поката, но далѣе переходитъ въ возвышенность, покрытую непроходимой зарослью. Развалины стѣнъ крѣпости съ тремя угловыми башнями въ планѣ образуютъ треугольникъ, обращенный своимъ основаніемъ къ морю, но стѣны обращенной въ эту сторону уже не сохранилось,—она свалилась въ воду и часть ее еще виднѣется изъ воды въ недалекомъ разстояніи отъ берега; болѣе-же мелкія глыбы и отдѣльные камни встрѣчаются по всей крутизнѣ подъема. На южномъ углу крѣпости сохранилась нижняя часть башни со слѣдами входа. Башня имѣетъ внутри многостороннюю форму и сильно выступаетъ впередъ, примыкая позади къ сходящимся въ острый уголъ крѣпостнымъ стѣнамъ. Стѣна, идущая на сѣверъ отъ этого угла, оканчивается круглой башней, также выступающей впередъ. Отъ этой стѣны подъ прямымъ угломъ идетъ другая стѣна, оканчиваясь уже у моря квадратной башней; стѣна эта посреди имѣетъ нишу, обозначенную снаружи выступомъ, а внутри украшенной полуциркульной аркой. Кладка стѣнъ не равномѣрна: такъ въ первой пяти угольной башнѣ кладка стѣнъ состоитъ изъ камней-дикарей большихъ размѣровъ, подобранныхъ и подтесанныхъ очень ловко, попадаются изрѣдка въ кладкѣ куски кирпича квадратной формы; у входа сохранились, оставленные въ кладкѣ камней углубленія для укрѣпленія балокъ или воротъ. Большею частью однако стѣны крѣпости сложены изъ булыжника, хорошо пригнаннаго по формѣ въ кладку, но безъ

цемента. Между деревьями у крутаго всхода съ самаго берега моря попадались большія отесанныя плиты известняка. Зарисовавъ часть внутренней стѣны въ пятиугольной башнѣ съ цѣлью наглядно познакомить читателя съ характеромъ кладки, я торопился затѣмъ измѣрить стѣны и снять планъ.

Стѣны сохранились мѣстами болѣе сажени въ вышину, но верхняя часть стѣны осыпалась по сторонамъ и скатившіеся камни, наполняя внутренность крѣпости, давали возможность легко взойти на стѣны. Идя по гребню стѣнъ, я измѣрялъ ихъ длину, но страшная растительность часто дѣлала большія препятствія даже и для этой работы: чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ нужно было предварительно вырубить вѣтви вьющагося винограда и въ особенности колючей сарссапарели, которая, безпрерывно цѣпляясь за платье, опутывала кругомъ и не пускала сдѣ-

Рис. 2.

Рис. 3.

лать ни шагу впередъ. Только послѣ трудной борьбы наконецъ удалось сдѣлать измѣреніе стѣнъ и нанести ихъ на планъ (Таб. II, ф. I. A). Къ сожалѣнію, я вынесъ впечатлѣніе, что здѣсь нельзя и думать о систематическихъ изслѣдованіяхъ безъ большихъ затратъ средствъ и времени. Между тѣмъ, у сѣверной стѣны, между грудами камней, попадались толстые фрагменты сосудовъ, въ которыхъ, вѣроятно, хранилось вино или масло: глина этихъ фрагментовъ краснаго цвѣта и прекрасно обожжена. Многіе изъ такихъ черепковъ украшены рядами рельефныхъ кружочковъ, произведенныхъ какъ-бы отъ давленія пальцемъ (рис. 2—3). Постройка изъ дикарей, тщательно подобранныхъ, правильныя архитектурныя линіи; ниши изъ подтесанныхъ камней (Таб. II, ф. I. BB), а также общій видъ крѣпости—все это заставляетъ предполагать, что строители крѣпости были Византійцы или Генуэзцы. Вѣроятно крѣпость эта могла служить защитой торговой факторіи: отъ ея южной башни была дорога къ устью рѣки Мамайки, а устья рѣкъ и даже рѣчекъ въ этихъ мѣстахъ служили, какъ извѣстно, надежнымъ убѣжищемъ для легкихъ судовъ даже и до послѣдняго времени: Дюбуа, напримѣръ, разсказываетъ, какъ Абхазцы и Турки

на своихъ легкихъ „камарахъ“ или кочермахъ спасались въ устья рѣкъ отъ русскихъ крейсеровъ. Существуютъ слѣды древняго поселенія къ востоку отъ развалинъ крѣпости, о чемъ я получилъ свѣдѣнія отъ мѣстнаго старожила г. Горбе: онъ сообщалъ мнѣ, что на востокѣ отъ Мамай-Кале онъ самъ видѣлъ слѣды древняго поселенія, состоящіе изъ стѣнокъ домовъ, хорошо сложенныхъ изъ камня и занимавшихъ большое пространство; давно и случайно онъ напалъ на это мѣсто, а теперь найти и указать не можетъ вслѣдствіе густой заросли, закрывшей совершенно эти постройки.

У него-же во дворѣ я зарисовалъ яйцеобразной формы сосудъ изъ красной глины, украшенный вверху клеймомъ въ видѣ рѣшетчатаго круга; сосудъ этотъ найденъ не далеко отъ Сочи (рис. 4). Подобные сосуды, по заявленію Горбе, находятъ не рѣдко въ окрестностяхъ этого мѣстечка.

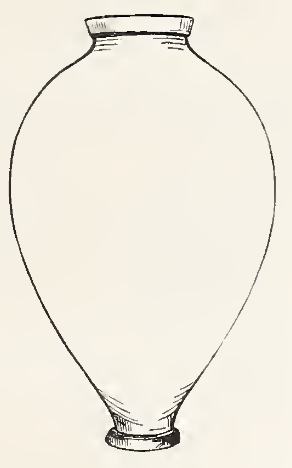

Рис. 4.

Развалины Мамай-Кале привлекали вниманіе нѣкоторыхъ путешественниковъ настоящаго столѣтія; такъ извѣстный путешественникъ „Chevalier de Gamba“, посѣтившій эти мѣста въ 1820—24 годахъ, послѣ описанія бухты Субаши, говоритъ: „On trouve ensuite la baie de Mamai, beacoup plus ouverte et qui n'est véritablement qu'une *anse*“. Далѣе, по его словамъ, только лѣтомъ пріѣзжаютъ сюда корабли за лѣсомъ, который получаютъ въ промѣнъ за соль, но и эта торговля постепенно упадаетъ. Такъ было въ 20-хъ годахъ.

Спустя около 15 лѣтъ послѣ Гамбы проѣзжалъ у этихъ береговъ Дюбуа, и на стр. 198, 7. I. (Voyage autour du Caucase) описываетъ эту мѣстность такъ: „Nous doublames, pendant la nuit du 18 au 19 le cap Mamai, le siége principale de la piraterie tcherkesse. Les chapsoughes de Mamai ont deux grandes galéres qu'ils peuvent monter de 120 hommes“. Ниже, Дюбуа передаетъ въ слѣдующихъ словахъ очень интересное извѣстіе о находкѣ въ этой мѣстности камня съ изображеніями: „M. Tausch me raconta avoir vu à Thapsé (au Mamaï), entre Aughuïé et Sepsé, une grande pierre de sept à huit pieds de haut et assez épaisse, couverte de figures en relief, de cerfs, de chevreuils, de chèvres. Après l'avoir retournée, il trouva dans un cadre formé d'une chaînette sculptée, trois rangs de figures habillées à la romaine, mais

point d'inscription. C'était sans doute quelque tombeau grec" —добавляетъ отъ себя Дюбуа.

Трудно понять, къ какого рода греческимъ гробницамъ причисляетъ этотъ камень Дюбуа, но читая описаніе этого памятника, украшеннаго изображеніями звѣрей и рамкой изъ цѣпочки — нельзя не вспомнить тѣхъ камней, которыя описаны г. Помяловскимъ въ его изданіи „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа" и которые находятся въ настоящее время въ Историческомъ музеѣ.

Такимъ образомъ памятникъ этотъ, хотя и предположительно, можно скорѣй отнести къ XIII—XIV столѣтію. Что-же касается костюмовъ „à la romaine", то неизвѣстно умѣлъ-ли M. Tausch точно отличать римскую одежду.

Извѣстія относительно Мамай-Кале встрѣчаются не разъ и въ дневникѣ Белля (James Stanislaus Bell's Tagebuch seines Aüfenthaltes in Cirkassien wärend der Jahre—1837, 1838 und 1839. Pforzheim 1841), такъ на стр. 42 онъ упоминаетъ, что при первомъ знакомствѣ съ этими развалинами туземцы-черкесы объяснили ему, что это развалины *генуэзской* крѣпости и что тамъ находятъ камни съ надписями.

На стр. 383 онъ описываетъ бамбордированіе этой мѣстности русской эскадрой и затѣмъ высадку сюда русскихъ войскъ. Это бомбардированіе, быть можетъ и помогло окончательному разрушенію крѣпости, которая въ то время, какъ видно, была укрѣпленнымъ пунктомъ Черкесовъ и съ древнихъ временъ служила для нихъ однимъ изъ центровъ торговли невольниками, а потому, вѣроятно, могла находиться въ живыхъ сношеніяхъ съ Кафой, Египтомъ и, позднѣе, съ Турціей.

Поѣздкой въ Учъ-Дере, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, для осмотра развалинъ древняго храма закончились наши занятія въ Сочи, и мы на пароходѣ торопились перебраться въ Новый Аѳонъ, гдѣ Н. В. Никитинъ занялся изученіемъ христіанскихъ памятниковъ древней Никопсіи. Помогая ему раскопками въ этихъ изслѣдованіяхъ, я оставался только нѣсколько дней въ Новомъ Аѳонѣ, потому что поторопился переѣхать въ Сухумъ. Въ Сухумѣ я надѣялся найти матеріалъ для своихъ археологическихъ изслѣдованій и считалъ удобнымъ оттуда организовать экскурсіи для раскопокъ въ окрестностяхъ.

II.

Сухумъ.

Знакомство съ окрестностями. Сталактитовая пещера. Остатки древностей въ городѣ. Раскопки на Ольгинской улицѣ. Раскопки у казармъ. Результаты раскопокъ.

По прiѣздѣ въ Сухумъ (28 iюня) я спѣшилъ ознакомиться съ остатками древностей какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Въ этихъ поискахъ за памятниками старины я пользовался, главнымъ образомъ, содѣйствiемъ и указанiями В. И Чернявскаго, сухумскаго старожилы, помѣщавшаго не разъ свои сообщенiя о древностяхъ Абхазiи и въ особенности Сухума въ разныхъ ученыхъ изданiяхъ.

Нельзя сказать, чтобы мое знакомство съ памятниками древности въ окрестностяхъ города увлекало меня къ изслѣдованiямъ и раскопкамъ: многiя изъ указанныхъ урочищъ или развалинъ возбуждали во мнѣ скептическое отношенiе къ ихъ археологическому значенiю; другiя же относились къ церковной старинѣ, а слѣд. не входили въ область моихъ изслѣдованiй. О нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ, напр., „о каменныхъ гробницахъ съ богатыми серебряными вещами“, доходили до меня лишь смутные слухи, невозможные для провѣрки за неимѣнiемъ проводниковъ, которые могли бы указать эти неопредѣленныя мѣста. Еще въ Новомъ-Аѳонѣ, напр., мнѣ говорили о большомъ курганѣ, находящемся недалеко отъ устья р. Беслаты, къ востоку отъ Сухума. По прiѣздѣ въ Сухумъ первая экскурсiя моя была направлена къ этому кургану, возбуждавшему археологическiй интересъ даже въ сухумскомъ обществѣ. Высота кургана доходитъ до 5 метровъ. Форма его не походитъ на насыпную форму погребальныхъ кургановъ; развѣдка, произведенная съ помощью кирки у подошвы и на верхней

площадкѣ не выяснила признаковъ насыпи, а потому я и не рѣшился приступить къ его раскопкѣ, и тѣмъ болѣе, что работа эта требовала значительнаго числа рабочихъ рукъ, которыхъ въ это время года достать въ Сухумѣ оказалось невозможнымъ.

У праваго берега той же рѣки, но ближе къ городу, въ крутыхъ откосахъ земли виднѣются деревянные гробы, положенные рядами, въ одномъ направленіи, на глубинѣ болѣе аршина отъ поверхности земли. Гробы сдѣланы изъ цѣльныхъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями такъ, что концы боковыхъ досокъ сильно выступаютъ впередъ предъ поперечной стѣнкой. Боковую стѣнку одного гроба, выступившую наружу можно было легко отдѣлить даже съ помощью щупа и такимъ образомъ познакомиться ближе съ характеромъ погребенія: положеніе скелета было съ востока на западъ (головой—на западъ): сколько можно было замѣтить, руки сложены на груди; вещей нѣтъ. Особенностью устройства этихъ гробовъ можно считать отсутствіе крышъ. Сопровождавшій меня чиновникъ мѣстной администраціи, родомъ мингрелецъ, сообщилъ мнѣ, что въ Мингреліи до сихъ поръ существуетъ обычай хоронить покойниковъ въ гробахъ безъ крышъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста рѣка отмыла громадную глыбу земли вмѣстѣ съ деревьями, и перевернула эту глыбу такъ, что деревянный гробъ изъ нижняго слоя земли очутился на верху.

Вообще характеръ погребенія въ этомъ могильникѣ не нроизводилъ впечатлѣнія большой древности, а скорѣе можно было думать, что этотъ могильникъ принадлежалъ христіанскому и притомъ грузинскому населенію Сухума. Судя по степени сохранности дерева и костей врядъ ли можно дать болѣе двухъ, трехъ столѣтій.

Изъ числа другихъ моихъ экскурсій въ окрестностяхъ Сухума считаю умѣстнымъ остановиться нѣсколько на посѣщеніи мною сталактитовой пещеры, находящейся верстахъ въ восьми къ сѣверу отъ Сухума, въ мѣстности, называемой Гумо, не далеко отъ греческой деревни Михайловской *). Дорога отъ Сухума къ пещерѣ постепенно входитъ въ ущелье между двумя лѣсистыми горами; за этимъ ущельемъ дорога огибаетъ третью гору. По горамъ замѣтны карьеры, откуда добываютъ камень-известнякъ; глыбы известняка виднѣются мѣстами изъ за густой зелени. Влѣво отъ дороги на половинѣ крутизны третьей горы чернѣетъ входъ въ пещеру, по формѣ узкій и горизонтально

---

*) Свѣдѣніями объ этой пещерѣ я обязанъ какъ статьѣ Г. Чернявскаго, такъ и его личнымъ указаніямъ.

длинный, на подобіе щели. Подъемъ къ пещерѣ крутой и трудный, идущій по узкой тропинкѣ зигзагомъ; отверстіе пещеры отчасти занесено наносами, образовавшимися отъ горныхъ потоковъ: только согнувшись можно пройти въ пещеру и спутиться внизъ; при дальнѣйшемъ путешествіи въ пещерѣ по большей части приходится идти согнувшись. Главное затрудненіе при ходьбѣ заключается въ неровности и узкости прохода, стѣсненнаго почти на всемъ протяженіи неровными массами сталогмитовъ; внутренность пещеры представляется рядомъ обширныхъ куполо-образныхъ пространствъ, соединенныхъ узкими переходами или корридорами, при чемъ однако эти пространства не представляютъ того фантастическаго величія и того простора какъ напримѣръ въ сталактитовыхъ пещерахъ, находящихся по склону Чатыръ-дага въ Крыму.

Отверстіе пещеры находится на восточномъ склонѣ горы, такъ что направленіе самой пещеры идетъ сначала къ западу, но вскорѣ поворачиваетъ къ сѣверо-западу. Вода, просачиваясь сверху, во многихъ мѣстахъ образуетъ внизу грязную и скользкую поверхность на сталагмитахъ, по которымъ нужно пробираться съ большою осторожностью. Закрѣпивъ колъ у входа и привязавъ къ колу конецъ веревки, я прошелъ внутрь пещеры до пятидесяти метровъ, отсчитывая эти метры по моей веревкѣ. По словамъ проводника, пройденное мною пространство составляетъ только около половины всей длины пещеры. Для производства раскопокъ въ пещерѣ нужны были рабочія руки, а между тѣмъ изъ числа нанятыхъ рабочихъ въ Сухумѣ, явился къ пещерѣ только одинъ; нужно было добывать рабочихъ изъ ближайшей деревни, на что необходимо было затратить много времени, а все-таки работу пришлось начинать съ однимъ взрослымъ и двумя мальчиками. Желая выиграть время, котораго оставалось немного, я рѣшился скорѣе произвести раскопки въ пройденномъ мною пространствѣ, для этого я выбралъ два мѣста: одно въ 27 метрахъ отъ входа, другое въ 37 метрахъ. Каждая изъ площадокъ, выбранныхъ для раскопокъ, представляла не болѣе какъ $1\,^1/_2$ квадр. арш., большей площадки выбрать было нельзя вслѣдствіе высокихъ тѣснившихся сталагмитовъ.

При тѣхъ скромныхъ рабочихъ силахъ, которыми я располагалъ, работа вообще была затруднительна и потому производилась медленно.

Въ первой ямѣ, болѣе близкой ко входу, сталагмитовая кора была уже разломана, отчего куски ея попадались ниже, въ слоѣ щебня, состоявшемъ изъ плоскихъ известковыхъ камней, иногда довольно большаго размѣра. Камни, составлявшіе этотъ слой, сильно слежавшійся, нужно

было разбирать по одиночкѣ; въ промежутокъ между камнями среди глины стали попадаться мелкіе осколки костей, въ перемежку съ мелкими камешками. Слой камней переходилъ постепенно въ слой мокрой желтой глины и болѣе крупныхъ костей. И такъ, послѣдній слой уже лежалъ на сплошной скалѣ. Чѣмъ глубже шла раскопка, тѣмъ болѣе площадь ея суживалась вслѣдствіе мощныхъ сталагмитовъ. Глубина слоя вынутаго была не болѣе 2-хъ четвертей. Во время раскопки вынимаемой глиной наполнялись корзины и выносились ко входу, на свѣтъ, гдѣ удобно было изслѣдовать эти кости и камешки. Оказалось, что среди костяныхъ осколковъ, камешковъ и глины попадались въ значительномъ числѣ и мелкіе кусочки угля. Къ сожалѣнію, расширить раскопку въ этомъ мѣстѣ оказалось невозможнымъ—не было достаточно силы у рабочихъ разбивать сталагмиты и очищать площадь для раскопки.

Во второмъ мѣстѣ камни были гораздо крупнѣе и лежали плотнѣе, кора сталагмитовъ оказалась цѣлой; слой мокрой глины углубился только на четверть и оканчивался слоемъ известковой грязи, составлявшей поверхность скалы. Здѣсь, между костями, попадались часто мелкіе угольки. Кости лежали въ нѣкоторомъ порядкѣ, но прослѣдить этотъ порядокъ безъ расширенія площади раскопки было трудно. Одну изъ сохранившихся костей, вырытыхъ изъ этой второй ямы, опредѣлилъ профессоръ Д. Н. Анучинъ: онъ нашелъ, что кость эта принадлежитъ пещерному медвѣдю.

Что-же касается слѣдовъ человѣка, то, кромѣ угля, другихъ признаковъ человѣчсской жизни здѣсь пока не было найдено; но и эти кусочки угля, вмѣстѣ съ костями пещернаго медвѣдя, найденныя при моей развѣдкѣ, даютъ право надѣяться при болѣе широкихъ изслѣдованіяхъ найти и болѣе интересные факты, какъ относительно слѣдовъ первобытной человѣческой культуры въ этомъ мѣстѣ, такъ и относительно древней уже исчезнувшей пещерной фауны.

Знакомство мое съ окрестностями Сухума заставило меня вообще предпочесть для изслѣдованій тотъ археологическій матеріалъ, который представлялся мнѣ въ самомъ городѣ. Тѣмъ болѣе, что изслѣдованія въ Сухумѣ давали мнѣ надежду выяснить хотя нѣсколько вопросъ, для многихъ еще спорный, о мѣстѣположенія древняго Діоскурія, а также вообще добыть какія либо новыя археологическія данныя для исторіи Сухума.

Нынѣшній Сухумъ расположенъ на сѣверномъ плоскомъ берегу Сухумской бухты (Таб. II, рис. 2). Съ запада городъ заканчивается старой

т. н. „турецкой крѣпостью“, имѣющей въ планѣ форму квадрата. Не доходя до крѣпости, на краю берега, встрѣчаются большіе обломки подмытыхъ водою стѣнъ. Нѣсколько дальше отъ воды, на поверхности возвышеннаго берега замѣтны очертанія въ формѣ квадратовъ каменныхъ стѣнъ, заплывшихъ землею. Наконецъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега выдаются изъ воды части обрушенной стѣнки. Всѣ эти развалины, включая сюда и нижнюю часть крѣпости, хотя и сложены изъ булыжниковъ, но по качеству цемента носятъ на себѣ несомнѣнный характеръ античной древности.

Уже давно замѣчено, что вода въ этихъ мѣстахъ понемногу и постепенно завоевываетъ берегъ: только такимъ явленіемъ и можно объяснить нахожденіе частей стѣнъ подъ водою и притомъ назначительномъ разстояніи отъ берега; еще недавно предъ уцѣлѣвшей крѣпостью существовала узкая полоса берега, удобная для прохода солдатъ изъ крѣпости на ученье, а теперь уже и этой полосы не существуетъ и стѣны крѣпости возвышаются надъ самой водой.

Въ настоящее время сухумская набережная на протяженіи всего приморскаго бульвара, т. е. по направленію отъ турецкой крѣпости на востокъ, защищена отъ морскихъ волнъ каменной кладкой, какъ броней. Эта кладка на восточной оконечности немного не доходитъ до Ольгинской улицы, перпендикулярной къ линіи берега. Еще при первомъ знакомствѣ моемъ съ Сухумомъ г. Чернявскій обратилъ мое вниманіе на канаву, окаймлявшую Ольгинскую улицу и устроенную городомъ для стока воды въ море. Канава эта около 2-хъ аршинъ глубины, и по указанію г. Чернявскаго, я замѣтилъ въ разрѣзѣ ея, по всей длинѣ, торчащія внизу груды черепковъ. Собравши черепки и осмотрѣвъ ихъ, я убѣдился, что это обломки черепицъ и глиняной посуды греческаго издѣлія. Ближайшій къ Ольгинской улицѣ берегъ уже извѣстенъ былъ по находкамъ древностей.

Такъ здѣсь въ 1868 году, въ отмытомъ обрывѣ берега былъ найденъ массивный золотой обручъ съ костями человѣческаго скелета. Наконецъ, начиная отъ этого мѣста къ западу, до самой крѣпости включительно, волны давно выносили на берегъ, да и теперь выноситъ много древнихъ монетъ. Всѣ эти обстоятельства давали мнѣ право надѣяться посредствомъ раскопки выяснить, хотя нѣсколько, характеръ древняго города и его населенія. Къ сожалѣнію, я не могъ вести раскопокъ у самаго моря, такъ какъ мои раскопки могли уничтожить прибрежную дорогу и безъ того постоянно подмываемую водой. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что дома по западной сторонѣ Ольгин-

ской улицы послѣ послѣдней войны находятся еще въ развалинахъ— я рѣшилъ между пустырями домовъ вести траншею по направленію къ морю и параллельно существующей городской канавѣ. Своей предполагаемой раскопки я долженъ былъ поневолѣ придать скромный характеръ —такъ какъ въ это время въ Сухумѣ мнѣ приходилось постоянно работать только при 2-хъ, 4-хъ рабочихъ и единственно на одинъ день удалось число ихъ увеличить до 6-ти человѣкъ.

5-го іюля была начата канава къ сѣверу отъ берега моря и канава эта должна была подвигаться постепенно къ морю, т. е. по направленію къ югу. Въ этомъ направленіи канава достигала длины 25 аршинъ, ширина же ея равнялась $3\,{}^1/_2$ аршина. Глубина ея зависѣла отъ появленія воды, которая обыкновенно и заставляла прекращать въ глубь раскопку; впрочемъ, это появленіе воды почти на всемъ протяженіи канавы начиналось на глубинѣ около двухъ аршинъ съ небольшими измѣненіями (Таб. II, рис. 2, A).

Верхній слой канавы, толщиной менѣе ${}^1/_4$ аршина, принадлежалъ, какъ оказалось, къ наслоенію новаго времени: онъ состоялъ отчасти изъ отбросковъ сосѣдней городской канавы, а потому въ немъ и попадались греческіе черепки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раскопка подходила близко къ городской канавѣ; но, главнымъ образомъ, этотъ первый слой носилъ слѣды русскаго жилья, истребленнаго пожаромъ въ войну 1853—55 годовъ; въ доказательство можно указать, для примѣра, на найденную въ этомъ слою мѣдную арматуру съ офицерской пѣхотной каски, того образца, который относится къ 50-мъ годамъ. За этимъ культурнымъ слоемъ непосредственно слѣдовалъ плотный слой мелкихъ гладкихъ камешковъ или такъ называемаго гравія, толщиною въ ${}^1/_2$ аршина, при чемъ толщина этого слоя уменьшалась на половину въ южной оконечности канавы, по направленію къ морю и замѣнялась черноземомъ. Слой гравія лежалъ такъ плотно, что раскопка могла производиться только киркой и то съ большимъ трудомъ. Ниже слоя гравія начинали попадаться черепицы краснаго и розоватаго цвѣта съ возвышеннымъ краемъ на одной сторонѣ. Черепицы эти напоминали совершенно подобныя черепицы въ Херсонисѣ. Чѣмъ болѣе работа углублялась, тѣмъ болѣе попадалось фрагментовъ отъ изящной греческой посуды съ черной окраской. Горлышки и донышки лекифовъ, ручки вазъ и т. п. Между прочимъ въ этомъ слоѣ найдены были мѣдные гвозди, свинцовыя пластинки съ сверлинами для скрѣпки и загнутымъ краемъ, глиняный пирамидальной формы отвѣсъ съ сверлиной; наконецъ найдена была бронзовая монета Амизоса. Въ началѣ канавы, на сѣвер-

номъ концѣ ея, въ этомъ-же слоѣ встрѣчались жженыя кости съ небольшимъ количествомъ угля. Въ южномъ, противуположномъ концѣ попадались кости не жженыя и заваленныя плотнымъ слоемъ черепицъ; кости были въ безпорядкѣ, но все таки по ручнымъ и ножнымъ костямъ можно было замѣтить направленіе ихъ на югъ, къ морю. Идя по этой линіи до обрыва прибрежнаго шоссе надъ моремъ, въ разрѣзѣ этого обрыва замѣчались торчащія кости въ томъ-же направленіи.

Въ одномъ мѣстѣ канавы, на глубинѣ 1 арш. 6 верш., найдена кладка въ видѣ стѣнки, сложенной изъ подтесанныхъ булыжниковъ въ два ряда, высотой до 6—7 вершковъ; стѣнка эта шла діагонально въ одномъ мѣстѣ канавы и съ одной стороны, западной, была какъ-бы забучена битой черепицей. Ширина стѣнки также въ два камня или отъ 7—8 вершковъ.

На протяженіи всей канавы за густымъ слоемъ древнихъ греческихъ черепковъ непосредственно слѣдовалъ слой мокрой сѣрой глины, которую можно было-бы принять за грунтовую, если-бы мѣстами и въ этомъ слоѣ не попадались черепки.Во всякомъ случаѣ углубляться въ этотъ слой не позволяла просачившаяся сильно вода.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ фактовъ моей раскопки, можно сказать, что весь древній греческій культурный слой лежалъ на слоѣ сѣроватой мокрой глины. Вѣроятно, въ древности этотъ слой не былъ такъ изобиленъ водою, какъ теперь, а въ тѣ времена вода, безъ сомнѣнія имѣла правильно регулированные искусственные стоки. Быть можетъ открытая мною стѣнка была стѣнкой древней канавы для стока воды подобно той канавѣ, которая идетъ не далеко отъ крѣпости.

Во время раскопки канавы или траншеи замѣчено было, что количество черепковъ уменьшалось по направленію къ Ольгинской улицѣ т. е. къ востоку; въ противуположную-же сторону къ западу, черепки попадались въ большомъ изобиліи; въ этомъ послѣднемъ направленіи, казалось, можно было ожидать и бо̀льшихъ слѣдовъ древней жизни; поэтому отступая 10 саженей отъ линіи канавы къ западу, я рѣшился въ этомъ направленіи сдѣлать другую раскопку, и для этой цѣли отыскалъ свободную площадку между руинами каменныхъ домовъ. Раскопка здѣсь была произведена въ формѣ квадратной ямы, каждая сторона, которой равнялась $4\frac{1}{2}$ арш., а глубина доходила только до $1\frac{1}{2}$ арш.

Эта новая раскопка дала въ общихъ чертахъ тѣ же результаты, что и раскопка первой канавы: верхній слой принадлежалъ русскому жилью: и по находкамъ въ этомъ слоѣ, и по заявленію старожилъ на этомъ мѣстѣ находилась до разоренія въ послѣднюю войну кухня; этотъ верх-

ній слой занималъ не болѣе $^1/_4$ арш. глубины; ниже начался плотный слой мелкихъ камешковъ, сильно слежавшійся.

Слой этотъ продолжался въ глубину на 1 арш. и закончился также мокрой сѣрой глиной, въ которой и встрѣчалось наслоеніе греческихъ черепковъ; сначала попадались фрагменты грубыхъ толстыхъ черепицъ, куски окрашенной въ темно-розовый цвѣтъ толстой штукатурки, но глубже стали попадаться фрагменты тонкихъ греческихъ сосудовъ красной глины и характерные черепки съ черной поливой. Къ сожалѣнію, работу эту нужно было скоро прекратить, такъ какъ вода быстро наполняла нижнюю часть ямы, и черепки въ этомъ нижнемъ слоѣ нужно было уже собирать ощупью.

Къ особенностямъ этой раскопки, сравнительно съ первой, можно отнести тотъ фактъ, что вода здѣсь начинала уже очень сильно просачиваться черезъ глину на $1^1/_2$ аршина глубины—тогда какъ въ первой раскопкѣ слой сырой глины начинался только на глубинѣ двухъ аршинъ; съ другой стороны, въ послѣдней раскопкѣ оказалось, что массивный слой мелкихъ камешковъ прикрывалъ непосредственно греческій культурный слой, затянутый наносной глиной и водой. Такимъ образомъ въ этой мѣстности важнымъ факторомъ въ новыхъ наслоеніяхъ надъ классической почвой являлась вода, осаждавшая зеленовато-сѣрую глину и камешки, а мощность этихъ наносныхъ слоевъ указываетъ на силу движенія воды, а главное на время, потребное для образованія этихъ наслоеній.

Какъ-бы то ни было, но раскопки показали, что слѣдовъ древней греческой жизни въ этой мѣстности слѣдуетъ искать на глубинѣ болѣе аршина.

Кромѣ того, можно утвердительно сказать, что послѣ классическаго населеніи никакой другой народности здѣсь не жило вплоть до самаго владычества русскихъ. Длинный рядъ годовъ отъ классическаго времени до владычества русскихъ характеризируется ярко въ раскопкахъ тѣмъ мощнымъ слоемъ щебня, гравія и частью чернозема, который не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго признака человѣческой культуры, а образовался въ этотъ длинный промежутокъ времени благодаря особымъ физическимъ условіямъ этой мѣстности.

Быть можетъ болѣе ясные слѣды Римскаго господства, Византійскаго, а также Турецкаго могли сохраниться въ самой крѣпости, или въ ближайшихъ къ ней мѣстахъ, но изслѣдованіе этихъ мѣстъ требовало большихъ рабочихъ силъ, которыми я не могъ располагать въ Сухумѣ.

Во всякомъ случаѣ, слѣды эти, если-бы таковые и нашлись, могли

относиться только къ одной военно-административной части города, занимавшей лишь незначительное пространство относительно греческаго поселенія, тянувшагося далеко на востокъ отъ крѣпости—какъ можно судить по моимъ раскопкамъ.

Вообще нижній слой канавы по обилію найденныхъ въ немъ фрагментовъ греческихъ сосудовъ можно сравнить только съ насыпными частями горы Митридата въ Керчи, но, къ сожалѣнію, здѣсь мокрая глина и вода содѣйствовали сильно къ порчѣ черной греческой поливы, а также и тонкихъ рельефныхъ изображеній: такъ мною была найдена большая черепица или глиняная плита съ клеймомъ—углубленіе клейма сохранилось, но рельефныя буквы оказались совершенно стертыми.

На прилагаемой таблицѣ (фототипія № I), представлены наиболѣе характерные фрагменты, напр.: подъ № 1 донышко чаши съ розеткой въ срединѣ и рубчатымъ бордюромъ вокругъ, совершенно сходно съ чашами, часто находимыми въ Керчи. Этотъ фрагментъ донышка сохранилъ черную глянцевитую окраску. Такую-же окраску сохранили отчасти и фрагменты подъ № 2 и 3, причемъ послѣдній, вѣроятно, отъ вазы. Фрагментъ подъ № 4 представляетъ донышко отъ вазочки. №№ 6 и 7 — фрагменты съ рельефными розетками отъ чашъ полушарообразной формы. Черная полива сохранилась мѣстами только въ углубленіяхъ между розетками. №№ 9, 10 и 11 представляютъ фрагменты отъ сосудовъ нѣжной красной глины, имѣвшихъ форму тарелки или плошки. Фрагментъ № 8 принадлежитъ сосуду, имѣвшему, вѣроятно, форму чаши, фрагментъ этотъ красной глины и сохранилъ кайму, украшенную рядомъ рельефныхъ фигурокъ, напоминающихъ формой—пчелъ, хотя рельефъ ихъ не ясенъ, потому что сильно сглаженъ дѣйствіемъ воды. №№ 5, 12 и 14 представляютъ ручки отъ сосудовъ, носящихъ названіе „скифосъ“. Фрагменты ручекъ изъ красной глины (№№ 13 и 15) принадлежатъ болѣе крупнымъ сосудамъ, напоминающимъ своей формой кувшины; ихъ можно отнести къ разряду тѣхъ сосудовъ, которые извѣстны подъ названіемъ „эйнохоэ“. Наконецъ глиняная пирамидка (№ 16) съ сверлиной и усѣченной вершиной попадается часто не только въ Керчи, но и вообще въ мѣстахъ греческихъ поселеній, пирамидка эта могла служить либо грузиломъ для невода, либо отвѣсомъ для каменьщика; послѣднее значеніе намъ кажется вѣроятнѣй, потому что отверстіе слишкомъ мало для веревки невода.

Два куска мѣдной проволоки или стержня (одинъ съ утолщеніемъ на концѣ) подъ № 17 и 18 кажутся мнѣ загадочными по ихъ назначенію.

Въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ между вещами Галло-Римской эпохи находится предметъ, подобный № 18, и тамъ онъ называется „Article de toilette". Наконецъ двѣ свинцовыя пластинки съ кускомъ двойнаго ободочка, или края, сохранили сверлины и слѣды какъ-бы отъ шляпокъ гвоздей, служившихъ, вѣроятно, для скрѣпки. Быть можетъ, эти пластинки относятся къ эпохѣ римскаго владычества въ Сухумѣ и представляютъ части свинцоваго ящика-урны римскаго легіонера. Нужно при этомъ замѣтить, что вблизи этихъ пластинокъ находились жженыя кости. Такимъ образомъ, всѣ найденныя фрагменты отличаются безусловно греческимъ характеромъ, и только небольшая часть предметовъ можетъ быть отнесена предположительно къ римской культурѣ. Никакихъ слѣдовъ византійства и вообще христіанства въ этихъ раскопкахъ мнѣ не встрѣтилось: все найденное носитъ цѣльный характеръ классической древности.

Если принять въ соображеніе находки монетъ, остатки древнихъ стѣнъ, находящихся на берегу, близь крѣпости и въ самомъ морѣ, наконецъ и самую крѣпость, то можно предположить, что результаты моихъ раскопокъ характерны не только для изслѣдованной мной мѣстности, но и для всего прибрежнаго пространства, начиная отъ Ольгинской улицы до самой крѣпости включительно; другими словами, слѣды греческой культуры, по всему вѣроятію, должны встрѣчаться на всемъ вышеозначенномъ пространствѣ.

Постройку т. н. „турецкой" крѣпости Дюбуа приписываетъ туркамъ, также какъ и крѣпость въ Поти, и обѣ постройки онъ относитъ къ XVI вѣку. Однако вглядываясь внимательно въ кладку нижнихъ частей стѣнъ крѣпости, можно придти къ твердому убѣжденію, что эти части принадлежатъ не туркамъ, а древнимъ грекамъ или римлянамъ, въ чемъ въ особенности убѣждаетъ характеръ цемента, смѣшаннаго съ кирпичемъ, а также и куски кирпича древняго типа, вложенные въ кладку.

Не доходя до воротъ крѣпости, на одной линіи съ ней, находятся на берегу древнія стѣны домовъ; части стѣнъ уже свалились въ воду, а другія еще сохраняютъ на поверхности земли квадратное очертаніе жилищъ, заплывшихъ совершенно землею. Земля, такъ сказать, наросла до высоты стѣнокъ,—въ высоту примѣрно около сажени. Точно также земля наросла, вѣроятно, и въ крѣпости, а такое наростаніе земли указываетъ само по себѣ на древность постройки. Кромѣ того саженяхъ въ 10 отъ берега находятся въ морѣ части древнихъ стѣнъ, и кладка ихъ совершенно сходна съ кладкой нижней части крѣпостныхъ стѣнъ.

О находкахъ древнихъ монетъ по этому побережью и другихъ слѣдовъ греческой жизни говоритъ много г. Чернявскій въ статьѣ, помѣщенной въ „Трудахъ предварительныхъ комитетовъ Тифлисскаго съѣзда“. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнія Дюбуа, можно скорѣй предположить, что турки могли только приспособить и надстроить для своихъ цѣлей древнюю греко-римскую крѣпостъ или вѣрнѣе—цитадель.

Арріанъ въ своемъ „Периплѣ“, описывая свое пребываніе и распоряженія въ Фазисѣ, говоритъ, между прочимъ, что эта крѣпость окружена двойнымъ рвомъ; прежде она была земляная съ деревянными башнями, а теперь выстроена изъ кирпича и снабжена машинами (вѣроятно-баллистами) такъ-что онъ считаетъ крѣпость вполнѣ безопасной отъ нападенія варваровъ; но онъ считаетъ необходимымъ обезпечить отъ нападеній и самый портъ, для чего и находитъ нужнымъ построить еще стѣну, которая-бы шла отъ крѣпостнаго рва до берега рѣки. Въ этомъ разсказѣ выражается ясно система устройства и охраны римскихъ колоній (прежде греческихъ) на кавказскомъ побережьи: римляне вначалѣ, быть можетъ, на скорую руку, устраивали замокъ или цитадель для защита горнизона, а когда укрѣпленія этого замка вполнѣ обезпечивали безопасность горнизона—римляне укрѣпляли рынокъ, или портъ, отъ нападеній варваровъ посредствомъ стѣнъ и рвовъ.—Нельзя не предположить, что тѣ же условія опасности варварскихъ нападеній существовали, безъ сомнѣнія, и въ Сухумѣ или древнемъ Севастополѣ, въ эпоху римскаго владычества.

Далѣе Арріанъ, доносяи мператору о своемъ пребываніи въ Севастополѣ, говоритъ, что онъ роздалъ жалованье гарнизону, осматривалъ оружіе и лошадей, а также осматривалъ больныхъ, запасы хлѣба, стѣны и рвы и, наконецъ, упражнялъ кавалеристовъ въ вскакиваніи на лошадей. Такимъ образомъ изъ этого разсказа видно, что крѣпость была окружена рвами, которыхъ теперь уже незамѣтно, хотя Дюбуа еще говоритъ... „les fosses qui entourent la fortresse sont en partie comblès“. Слѣды рвовъ временемъ можетъ быть заравнялись, на вѣроятіе такого факта указываютъ упомянутыя мною стѣны у берега моря и мои раскопки на Ольгинской улицѣ, которыя даютъ право придположить значительное наростаніе почвы и въ сосѣдствѣ съ крѣпостью.

Принимая во вниманіе устройство рынка или порта въ Поти или Фазисѣ, по приведенному описанію Арріана—можно предполагать вѣроятнымъ, что и здѣсь, въ торговомъ Севастополѣ, рыночныя поселенія, устроенныя еще греками были обведены стѣной или рвомъ.

Остатки стѣнъ еще возвышаются изъ моря, а слѣды вала еще сохранились на сѣверной окраинѣ Сухума. Мнѣ кажется, что если бы Арріанъ обходилъ только ровъ, вокругъ крѣпости, то объ этомъ не стоило писать императору, такъ какъ этотъ ровъ можно было оглядѣть и съ крѣпостныхъ стѣнъ. Вообще упоминаніе объ обходѣ рвовъ и стѣнъ, по моему мнѣнію, должно относиться не къ одной цитадели. Что бы убѣдиться вполнѣ въ этихъ предположеніяхъ, слѣдуетъ произвести раскопки вокругъ крѣпости а также и изслѣдованіе сѣвернаго вала; эти раскопки могли бы окончательно установить планъ укрѣпленій временъ Арріана. Но для такихъ изслѣдованій нужно заранѣе запасаться рабочими силами и выбирать удобное время года.

У юго-восточной части бухты въ море впадаетъ рѣка Беслата, чрезъ которую приходится переѣзжать по мосту. За этимъ мостомъ почти уже оканчивается городъ и начинается шоссе, идущее къ Келассури, т. е. на югъ. Не далеко отъ конца города, противъ перваго верстоваго столба, я замѣтилъ съ обѣихъ сторонъ дороги, среди густыхъ, но низенькихъ кустарниковъ, небольшіе слѣды фундаментовъ древнихъ зданій. Слѣды этихъ построекъ кое-гдѣ можно было наблюдать и на сосѣдней равнинѣ, примыкающей слѣва къ дорогѣ и огражденной съ востока и юга холмами, идущими отсюда вдоль всего берега. Ближайшіе къ дорогѣ холмы выступали впередъ уступами или террасами; верхнія площадки этихъ террасъ представлялись какъ-бы искуственными плато. Ближайшіе уступы этихъ холмовъ принадлежали сухумскому жителю г. Чапарову, такъ-же какъ и смежная часть долины, гдѣ у него и былъ построенъ домъ. Къ востоку отъ этихъ холмовъ выступаетъ впередъ высокая и особенно крутая возвышенность, увѣнчанная развалинами замка; постройку этого замка молва приписываетъ Баграту—хотя не обозначаетъ, который изъ нѣсколько Багратовъ былъ строителемъ его. Вся эта мѣстность съ перваго знакомства возбуждала живой интересъ потому, что, вглядываясь въ очертанія холмовъ, можно было догадаться объ искуственной правильности ихъ поверхности.

Кромѣ того до меня доходили слухи, что Чапаровъ, на землѣ своей дачи, копая могилу для своего сына, папалъ на слѣды древняго зданія, на стѣнахъ котораго сохранилась даже древняя окраска. Все это заставляло меня ознакомиться ближе съ этой мѣстностью. Самъ владѣлецъ этой дачи находился въ то время въ Трапезундѣ, но его братъ, оставшійся въ Сухумѣ, предложилъ мнѣ осмотрѣть ихъ владѣнія. Хотя слухи объ открытіи древняго зданія оказались и неточными, но Чапаровъ при самомъ началѣ осмотра показалъ мнѣ въ разрѣзѣ канавы

возлѣ дома большой сосудъ красной глины, который держался еще въ землѣ, хотя уже не сохранился цѣлымъ. По словамъ Чапарова, сосудъ этотъ они берегли уже 18 лѣтъ, оставляя его на томъ-же мѣстѣ и въ томъ-же видѣ, какъ нашли при рытьѣ канавы. Грузины называютъ подобные сосуды „чури“ и берегутъ въ нихъ вино, закапывая ихъ въ землю, а крышку замазывая глиной. Въ глубинѣ канавы и въ ея разрѣзѣ встрѣчались мнѣ во многихъ мѣстахъ много большихъ черепковъ отъ подобныхъ-же сосудовъ.

Пройдя ровнымъ и широкимъ дворомъ, мы взобрались на ближайшій холмъ, и здѣсь на ровной поверхности холма или плато попадались намъ также черепки и мѣстами были замѣтны слѣды древней кладки или остатки фундаментовъ. Чапаровъ при этомъ сообщилъ мнѣ, что ихъ домъ выстроенъ изъ камней отъ подобныхъ древнихъ построекъ, которыхъ прежде здѣсь было много; эти камни имъ приходилось скатывать отсюда внизъ по крутому склону холма.

Съ холма, на который мы взошли, легко было добраться до за̀мка Баграта,—только узенькая долина отдѣляла насъ отъ подошвы холма, на которомъ находился за̀мокъ; взобраться же въ самый за̀мокъ оказалась возможнымъ только съ нашей юго-западной стороны, по крутой каменной лѣстницѣ.

Стѣны за̀мка представляютъ въ планѣ овалъ небольшаго размѣра, примыкающій съ двухъ сторонъ къ башнѣ, находящейся противъ входа въ за̀мокъ; башня эта обращена фасомъ въ долину Беслаты, т. е. къ Сухуму. Въ башнѣ сохранилась дверь, вѣроятно, выходившая на балконъ, какъ это случается встрѣчать въ за̀мкахъ Гуріи. Внизу двери съ внѣшней стороны башни, замѣчаются слѣды задѣланнаго отверстія. Наличники двери изъ бѣлаго камня обтесаны, правильны и тверды. Кладка стѣнъ изъ булыжника связана цементомъ—известью съ пескомъ; булыжники подтесаны. По словамъ Чапарова прежде здѣсь много валялось бѣлыхъ тесаныхъ камней, но теперь всѣ они растасканы. Восточная часть стѣны обвалилась внизъ почти съ отвѣсной крутизны холма. Самой неприступной стороной замокъ обращенъ къ сѣверо-востоку, т. е. къ Сухуму, къ рѣкѣ Беслатѣ и къ горамъ, образующимъ ущелье этой рѣки: казалось, какъ будто съ этихъ сторонъ за̀мокъ и ждалъ нападенія. Съ другой стороны замѣченная связь этого замка съ описанной мѣстностью, на юго-западъ указывала именно на то обстоятельство, что за̀мокъ этотъ выдвинутъ впередъ какъ сторожъ, охранявшій всю эту мѣстность и зорко слѣдившій за долиной р. Беслаты.

Чтобы покончить съ характеристикой этой мѣстности, замѣтимъ, что

сообщеніе черезъ р. Беслату возможно только посредствомъ моста, такъ что рѣка эта представляетъ сама собой стратегическую черту для поселеній въ окрестности зàмка. Не смотря на недостатокъ рабочихъ рукъ, я все-таки надѣялся раскопками выяснить хоть сколько нибудь историческое значеніе описанной мною мѣстности. Случай помогъ мнѣ выбрать мѣсто для раскопокъ.

На томъ-же юго-восточномъ берегу Сухумской бухты, недалеко отъ устья р. Беслаты и ея лѣваго берега, недавно выстроены новыя казармы. Подрядчикъ, окончившій постройку этихъ зданій,—г. Сафаровъ, сообщилъ мнѣ, что во время нивеллировки мѣста для постройки одного изъ казарменныхъ корпусовъ онъ встрѣтилъ, снимая землю, небольшую древнюю стѣнку, вокругъ которой попадалось много цвѣтныхъ черепковъ; въ этомъ-же мѣстѣ онъ, между прочимъ, нашелъ какую-то бронзовую вещь и серебряную монету. Вещи эти, къ сожалѣнію, находились у него въ Тифлисѣ, откуда онъ мнѣ обѣщался доставить ихъ для осмотра. Впослѣдствіи, хотя г. Сафаровъ и привезъ ихъ въ Сухумъ изъ Тифлиса, но меня въ Сухумѣ уже не было, а Н. В. Никитинъ, видѣвшій эти вещи, снялъ фотографію съ бронзовой фигуры (Таб. I, рис. 4, A, B, C,), а съ монеты свинцовый оттискъ. Судя по фотографіи, бронзовая фигура представляется мнѣ ручкой какого-нибудь бронзоваго сосуда; на это указываютъ, между прочимъ, плоскія расширенныя оконечности, удобныя для припайки къ ровной и широкой поверхности; фигура эта представляетъ, повидимому, фигуру человѣка.

Серебряная византійская монета, не особенно хорошо сохранившаяся, относится къ періоду Комненовъ *).

Такъ какъ мѣстность эта, находящаяся въ связи съ мѣстностью дачи Чапарова, съ зàмкомъ Баграта, съ остатками фундаментовъ у шоссе, меня очень заинтересовала, то я, не дожидаясь пріѣзда найденныхъ вещей изъ Тифлиса, рѣшился въ указанномъ мѣстѣ немедленно приступить къ раскопкѣ, испросивъ на это разрѣшенія у обязательнаго начальника того мѣстнаго батальона, для котораго и были построены казармы.

21 іюля съ четырьмя рабочими я началъ раскопки у казармъ. Отыскавши древнюю стѣнку, близкую къ поверхности земли—я повелъ раскопку въ видѣ траншеи вдоль фаса этой стѣнки (Таб. I, рис. 2, B).

Кладка самой стѣнки не представляла ничего особенно характернаго: сложенная изъ круглыхъ подтесанныхъ булыжниковъ, она напоминала,

*) По опредѣленіи А. В. Орѣшникова.

всѣ болѣе или менѣе древнія постройки въ этихъ мѣстахъ, притомъ она скоро окончилась, имѣя длины не болѣе $2^1/_2$ метровъ, при чемъ конецъ ея представлялъ кладку въ одинъ рядъ камней. Слѣдуя въ своихъ работахъ за поворотомъ стѣнки, я обошелъ стѣнку канавой въ видѣ неправильнаго треугольника, обозначавшаго такимъ образомъ фигуру самой уцѣлѣвшей древней кладки; внѣшній периметръ этой канавы имѣлъ до 12 метровъ; ширина доходила до одного метра, а мѣстами и болѣе, смотря по характеру слоя. Стѣнка эта кончалась на глубинѣ болѣе одного метра; такой-же глубины достигала и канава, такъ какъ ниже метра скоро начинался грунтовый слой.

Съ самаго начала работы на вершокъ отъ поверхности уже попадались въ большомъ количествѣ черепки отъ сосудовъ съ поливой разнообразныхъ цвѣтовъ и съ очень оригинальными рисунками; попадались ручки массивныя отъ большихъ глиняныхъ сосудовъ, оригинально украшенныя глубокими нарѣзами, и черепки красной глины отъ такихъ-же сосудовъ, украшенные полосками изъ красивыхъ жгутиковъ; попадалось также много стеклянныхъ браслетъ въ фрагментахъ синяго и темнаго цвѣта; наконецъ найденъ былъ оловянный образокъ въ видѣ круглаго медальона съ ушкомъ, на одной сторонѣ медальона былъ изображенъ святой на конѣ, а на другой—крестъ; медальонъ этотъ отличался древней патиной. (Таб. I, рис. 3, A, B,). Съ перваго взгляда нѣкоторые изъ этихъ фрагментовъ заставляли вспоминать меня сосуды грузинскіе въ Кутаисѣ,—по характеру и комбинаціи цвѣтовъ поливы; нѣкоторые орнаменты точно также живо напоминали плетенія на грузинскихъ храмахъ. Я продолжалъ работу по разнымъ направленіямъ въ видѣ пробныхъ канавокъ, въ надеждѣ найти въ сосѣдствѣ такіе-же богатые черепками слои, но, къ сожалѣнію, эти слои видимо истощались, удаляясь отъ стѣнки и только на югъ къ фундаменту новаго корпуса они подходили почти до самаго крыльца. Къ сѣверу-же отъ стѣны, въ противоположную сторону, найденъ былъ сосудъ изъ красной глины большихъ размѣровъ, сохранившій въ землѣ свое первоначальное вертикальное положеніе, сосудъ былъ овальной формы съ простымъ закругленіемъ дна, діаметръ его равнялся 81-му сантиметру; въ этотъ большой сосудъ былъ вставленъ другой—меньшаго размѣра, діаметръ его равнялся только 48 сантиметрамъ; яйцеобразная форма этого послѣдняго сосуда сводилась въ удлиненный конецъ, напоминающій концы греческихъ амфоръ. Пространство между стѣнками обоихъ сосудовъ было заполнено известью.

Не смотря на стараніе вынуть, по возможности, сосуды эти цѣ-

лыми—оба они распались на части, а верхнихъ частей или бережковъ у нихъ совсѣмъ недоставало. Вѣроатно, этотъ двойной сосудъ могъ служить для храненія вина.

Такимъ образомъ въ два дня почти весь археологическій матеріалъ этой мѣстности былъ уже исчерпанъ; нравда, можно было бы перенести раскопки на другую сторону казармы, но я, предполагая заняться археологическими изслѣдованіями въ окрестностяхъ Новороссійска, долженъ былъ беречь время, а потому и рѣшился ограничиться въ Сухумѣ уже добытымъ мною матеріаломъ. Впрочемъ, слѣдующимъ лѣтомъ, по моему порученію, студентомъ московскаго университета Г. Альбовымъ были произведены дополнительныя раскопки преимущественно по другую сторону казарменнаго корпуса: доставленный имъ матеріалъ, сходный съ добытымъ моими раскопками, вошелъ въ составъ настоящаго отчета.

Вглядываясь въ общій характеръ раскопки, въ безпорядочное и густое наслоеніе черепковъ, между которыми нашлись монета и образокъ, находились также отдѣльныя кости и уголья—нельзя было не вынести впечатлѣнія о какомъ-то разгромѣ и насильственномъ уничтоженіи когда-то цвѣтущей здѣсь жизни. Для опредѣленія культурнаго характера этой жизни необходимо изслѣдованіе и изученіе слѣдовъ ея, т. е. того матеріала, который представляютъ произведенныя въ этомъ мѣстѣ раскопки. Наиболѣе изъ характерныхъ фрагментовъ посуды представлены на прилагаемыхъ фототипіяхъ. Относя описаніе ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ къ концу настоящей главы, я пока ограничусь обозрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ фрагментовъ, выражающихъ, какъ мнѣ кажется, наиболѣе типичныя черты изслѣдуемой культуры.

Фототипія № II представляетъ составленную изъ найденныхъ фрагментовъ тарелку, почти цѣлую—не достаетъ лишь нѣсколькихъ кусковъ. На черепкѣ изображенъ рельефно барсъ, передними лапами новергнувшій на землю человѣка, который отъ пасти барса закрывается небольшимъ круглымъ щитомъ, а въ другой рукѣ держитъ копье.

Тарелка сдѣлана изъ плотной, красной глины. Относительно техники этого издѣлія можно замѣтить, что первоначально остріемъ по сырой глинѣ былъ сдѣланъ контуръ, а затѣмъ выемкой фона или поля изображенію былъ приданъ рельефный характеръ; углубленное поле было заполнено поливой темно-желтаго цвѣта, а самое изображеніе или рельефъ покрыто свѣтло-желтой поливой; эта послѣдняя во многихъ мѣстахъ не сохранилась.

Въ рисункѣ фигуры звѣря и фигуры человѣка существуетъ боль-

шое различіе: контуръ барса отличается характерностью и хорошо выражаетъ энергію движенія; что же касается до человѣческой фигуры, то она поражаетъ неправильностью своего контура и полнымъ непониманіемъ пропорцій человѣческаго тѣла: въ особенности контуры ногъ могли быть приставлены къ тому же барсу—ничего человѣческаго въ нихъ нѣтъ.

Очевидно, рука художника была опытна въ изображеніи звѣрей и, напротивъ, не могла совладать съ человѣческой фигурой.

Между тѣмъ мотивъ изображенія—борьба звѣря съ человѣкомъ—можетъ относиться къ области персидскаго искусства, но исполненіе фигуры человѣка рѣшительно удаляетъ Персію отъ этого произведенія. Скорѣе, мнѣ кажется, подъ вліяніемъ Персіи подобнаго рода произведенія могли выходить изъ мастерскихъ Тифлиса.

Къ этой мысли приводятъ насъ слѣдующія соображенія: въ „Трудахъ" предварительныхъ комитетовъ Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда и въ „Трудахъ" самаго Съѣзда помѣщены снимки съ миньятюръ изъ книгъ церковнаго характера, армянскихъ и грузинскихъ; въ этихъ рисункахъ бросается въ глаза та же неумѣлость въ изображеніи человѣческихъ фигуръ, то же отсутствіе пропорціональности, а главное, неуклюжее изображеніе рукъ и ногъ, въ особенности во время движенія съ извѣстнымъ напряженіемъ. Въ то же время животныя въ тѣхъ же снимкахъ изображены хотя и небрежно, но чрезвычайно характерно, и фигуры ихъ отличаются хорошими пропорціями. Во всякомъ случаѣ вещь эта въ Сухумѣ была привозной или вообще довольно цѣнной, такъ какъ на это обстоятельство намекаютъ сверлины, замѣтныя и на фототипіи, по краямъ нѣкоторыхъ фрагментовъ: эти сверлины доказываютъ, что давно разбитую тарелку употребляли уже въ реставрированномъ видѣ. На фототипіи № VI представленъ фрагментъ отъ подобной тарелки (№ 3), края которой украшены рельефными ромбиками; небрежный и грубый рисунокъ этихъ ромбиковъ также не можетъ принадлежать техникѣ персидскаго мастера.

Фототипія № III, рис. 1, представляетъ фрагменты отъ сосуда въ формѣ чаши, сдѣланнаго изъ бѣлой глины. На внутренней, лицевой, сторонѣ сосуда по свѣтлому зеленовато-бѣлому поливному фону кистью нарисовано изображеніе звѣря, вѣроятно, также барса; контуры этого изображенія сдѣланы краской темно-вишневаго цвѣта, а чешуи на туловищѣ обозначены ярко-зеленой краской. Такого же зеленаго цвѣта поливой покрыта исподняя часть сосуда. Примитивный характеръ этого рисунка указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на смѣлость и твердость руки ху-

дожника, на привычность его къ извѣстнымъ условнымъ формамъ. Сдавленная голова, быть можетъ, служитъ выраженіемъ кошачьей породы изображеннаго звѣря, хотя условное изображеніе носа и глазъ могутъ относиться и къ лицу человѣка, если въ этомъ лицѣ возможно усмотрѣть традиціи примитивнаго искусства западной Азіи, какъ онѣ выражаются, напримѣръ, въ изображеніяхъ идоловъ, найденныхъ Шлиманомъ въ древней Троѣ. Во всякомъ случаѣ завитки ногъ, хвоста, комбинація самыхъ цвѣтовъ—заставляютъ причислить этотъ сосудъ къ числу мѣстныхъ грузинскихъ издѣлій. До сихъ поръ еще можно встрѣтить въ духанахъ Имеретіи кувшинчики изъ подобной глины и съ подобной окраской, но только безъ изображеній звѣрей или человѣка. Наивно грубый, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный стиль этого изображенія является признакомъ чисто-народнаго художественнаго творчества Грузіи.

Совершенно другое впечатлѣніе производятъ фрагменты отъ двухъ сосудовъ, изображенные на той же III-й фототипіи — фигура 2—3. Сосуды имѣли форму плосковатыхъ чашъ на высокомъ поддонкѣ; на лицевой сторонѣ перваго изъ нихъ (ф. 2) на свѣтломъ фонѣ сохранилось изображеніе двухъ головъ, одѣтыхъ въ колпаки, и одинъ изъ колпаковъ имѣетъ характерную остроконечную форму. На другомъ фрагментѣ сохранилась часть туловища какого-то звѣря, вѣроятно, льва. Исподняя часть этой плосковатой чаши покрыта густой темно-оливковаго цвѣта поливой, по которой разсѣяны сплошные бѣлаго цвѣта кружочки, производящіе очень пріятный эффектъ.

Изображенія на обоихъ фрагментахъ сдѣланы тонкими штрихами съ помощію остраго орудія. Тонкость и стильность рисунка указывалъ на привычную руку рисовальщика и на извѣстную выработавшуюся манеру. Манера эта напоминаетъ рисунки грузинскихъ и армянскихъ рукописей: въ рисункѣ звѣря особенно характерно изображены ноги, представляющія рѣзкій переходъ отъ широкихъ верхнихъ частей къ тонкимъ нижнимъ частямъ; оконечности ногъ или лапы звѣря расширены, закруглены и, такъ сказать, сбиты въ комки, такъ что кажутся не стоящими, а поднятыми на воздухѣ.

Подобную манеру въ изображеніи ногъ у животныхъ мы находимъ, напр., въ грузинскихъ рукописяхъ, которыхъ рисунки изданы Стасовымъ подъ заглавіемъ „Славянскій и восточный орнаментъ“; изъ этого изданія мы и прилагаемъ для сравненія настоящій рисунокъ (рис. 5) *).

*) Рисунокъ взятъ изъ сирійскаго орнамента—изданія Стасова.

Такіе же пріемы можно встрѣтить и въ изображеніяхъ, взятыхъ изъ сирійскихъ рукописей въ томъ же изданіи. Нашъ рисунокъ на фрагментѣ чаши представляетъ, очевидно, произведеніе болѣе умѣлаго художника.

Голова человѣка въ остроконечномъ колпакѣ, сохранившаяся на другомъ фрагментѣ (№ 2) представляетъ полную возможность сближенія съ фигурой, изображенной въ томъ же изданіи Стасова на таб. CXLVII, и относящійся къ искусству Арменіи (рис. 6).

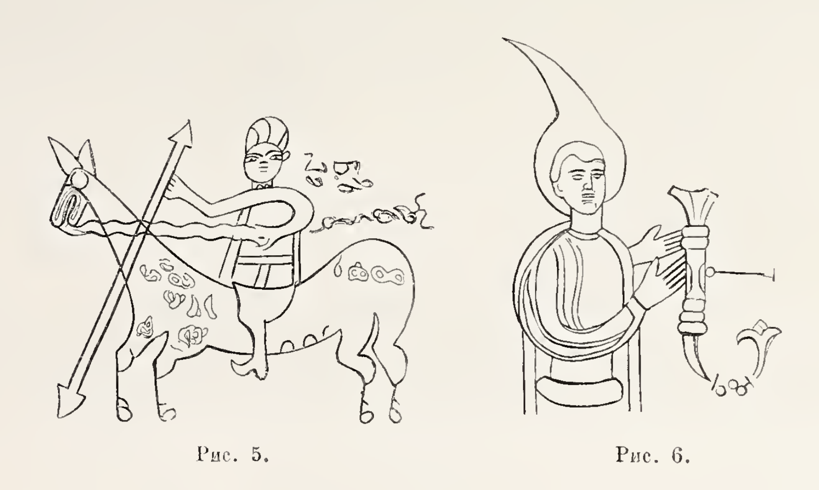

Рис. 5. Рис. 6.

Кромѣ того, сходство съ этимъ головнымъ уборомъ представляютъ также головы фигуръ, вплетенныя въ орнаментъ заставки армянской Библіи 1295 г., находящейся въ Эчміадзинѣ и описанной гр. Уваровымъ въ Трудахъ предварительныхъ комитетовъ V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ (стр. 363, таблица XIII, № 28).

На фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора въ сценѣ акробатовъ и музыкантовъ находятся фигуры въ подобныхъ же колпакахъ, но съ околышами. Н. П. Кондаковъ въ статьѣ объ этихъ фрескахъ относитъ головные уборы этихъ фигуръ къ восточному наряду *).

Такимъ образомъ на основаніи предложенныхъ мною сравненій и соображеній мнѣ кажется возможнымъ отнести описанные фрагменты къ армяно-грузинскимъ издѣліямъ. Въ данномъ случаѣ я считаю прежде всего наиболѣе важнымъ выяснить принадлежность этихъ сосудовъ къ издѣліямъ мѣстнаго характера, при чемъ слову „мѣстный“ придаю на первый разъ болѣе широкое, родовое, значеніе.

*) Записки Императорскаго Русскаго Археологич. Общества. Томъ III, стр. 287—306.

На фототипіи IV-й, подъ № 3, изображенъ фрагментъ отъ чаши, покрытый темно-зеленой поливой; по этой поверхности тонкимъ чернаго цвѣта контуромъ отъ центральнаго круга сдѣланъ прихотливо кудрявый орнаментъ, идущій въ видѣ двухъ лучей къ краю сосуда. Этотъ характерный орнаментъ легко поддается сближенію съ росчерками въ грузинскихъ рукописяхъ, такъ наз. „гуджарахъ“: для примѣра можно указать на снимки съ грузинскихъ гуджаровъ, приложенныхъ къ статьѣ г. Пурцеладзе въ Трудахъ предв. комитетовъ V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ, а именно на таблицу XXI (XV вѣкъ). Другіе подобные снимки приложены къ статьѣ г. Бакрадзе—„Грузинская палеографія“, напечатанная въ Трудахъ V-го Археологическаго Съѣзда, таблица XXVI, рис. 2—3 (XIV—XV ст.).

Фигура № 1 на той же фототипіи (IV) представляетъ фрагментъ отъ тарелки, покрытый поливой желтовато-бѣлаго цвѣта; средина фрагмента съ лицевой стороны украшена красивымъ узоромъ, представляющимъ трилистный цвѣтокъ, замкнутый въ грушевидной рамкѣ съ двумя усиками по плечамъ. Восточный характеръ этого рисунка чувствуется съ перваго взгляда, но особенный интересъ этого узора заключается въ томъ, что онъ вырѣзанъ послѣ покрытія поливой: поле вокругъ цвѣтка, усики и самые контуры врѣзаны вглубь или вынуты изъ поверхности; при чемъ они остались непокрытыми поливой, а потому и сохранили натуральный цвѣтъ обожженой красноватой глины, совершенно сходной съ изломомъ фрагмента. Такъ какъ бѣловатая полива нигдѣ не заходитъ за контуръ, то слѣдуетъ предположить, что вырѣзной узоръ произведенъ послѣ наложенія поливы какимъ-нибудь острымъ орудіемъ. Отсутствіе поливы на вынутомъ пространствѣ указываетъ, по моему мнѣнію, на неоконченность самого сосуда: вынутыя мѣста, по аналогіи съ другими фрагментами, должны бы быть заполнены поливой другого цвѣта. На основаніи высказанныхъ соображеній можно предположить, что означенный сосудъ былъ изготовленъ вблизи мѣста нахожденія фрагмента. На возможность изготовленія вблизи изслѣдованной мною мѣстности извѣстнаго рода сосудовъ, быть можетъ, указываетъ огромная масса разнообразныхъ фрагментовъ, найденныхъ на весьма незначительномъ пространствѣ.

Два фрагмента, изображенные на фототипіи V-й, рис. 6—7, украшены узлами съ острыми лепестками въ углахъ перекрестій; фрагменты эти покрыты поливой золотисто-коричневаго и зеленаго тоновъ, а узлы очерчены рѣзкимъ и глубокимъ контуромъ.

Этого рода узлы встрѣчаются въ коптскомъ, сирійскомъ, арабскомъ

Deux fragments phototypie fig 6 et 7 ornés de nœuds avec des feuilles pointues. Dans les coins ... entrelacs - ces fragments sont recouverts d'un vernis couleur brun ... et le dessin est gravé en creux profondément ... ornement se retrouve chez des œuvres gallo-romaines et sur des bracelets des Kourganes

орнаментахъ (изданіе Стасова); этотъ же мотивъ встрѣчается на мелкихъ издѣліяхъ такъ называемой галло-римской эпохи и на курганныхъ браслетахъ, наприм., въ С.-Петербургской губерніи (раскопки Ивановскаго), и, наконецъ, на половой мозаикѣ въ катакомбѣ Св. Елены, въ Римѣ. По комбинаціи тоновъ къ узлу нашихъ фрагментовъ ближе всего подходитъ коптскій узелъ, но по характеру рисунка съ нимъ больше роднятся арабскій и сирійскій узелки *).

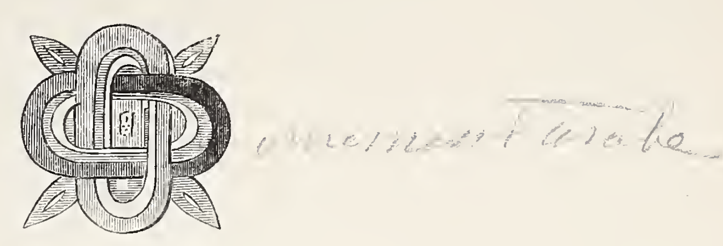

Рис. 7.

Во всякомъ случаѣ, приходъ этого узла изъ Сиріи также возможенъ, какъ и изъ Египта: Сирія съ древне-христіанскихъ временъ имѣла большое вліяніе на развитіе орнамента въ Закавказьѣ, а съ Египтомъ въ средніе вѣка кавказское побережье находилось въ живыхъ сношеніяхъ, чему, между прочимъ, доказательствомъ служатъ и найденные здѣсь же фрагменты отъ стеклянныхъ сосудовъ, представленные на фототипіи VI-й, фигуры 9—13.

Фигуры 14, 15, 16 той же фототипіи изображаютъ фрагменты стеклянныхъ браслетъ, темно-фіолетоваго и синяго цвѣтовъ, но такъ какъ подобныя браслеты попадаются и въ Херсонисѣ, и въ Цимлянскомъ городищѣ, на Дону, и во многихъ городищахъ разныхъ губерній Россіи, то я эти фрагменты и не считаю въ данномъ случаѣ характерными, а прежде всего считаю болѣе интереснымъ обратить вниманіе на фигуры отъ 9—13.

№ 9 и 10 представляютъ два горлышка отъ стеклянныхъ сосудиковъ, напоминающихъ формой своей обыкновенные грузинскіе сосуды изъ серебра, такъ наз.—„сури“. Цвѣтъ стекла въ этихъ фрагментахъ аквамариновый, а выдѣлка не особенно чистая; слѣдовъ прикрѣпленія ручекъ горлышки эти не имѣютъ.

Совершенно другимъ цвѣтомъ стекла и болѣе высокой техникой отличаются ручки отъ сосудовъ (№№ 11 — 12): цвѣтъ стекла здѣсь золотисто-янтарный, а по внѣшнему краю ручка украшена узоромъ въ видѣ извилисто наложеннаго гладкаго жгутика. Вообще отдѣлка этой ручки указываетъ на извѣстный навыкъ и даже своего рода виртуозность въ техникѣ стекляннаго дѣла. Тонкостью отдѣлки отличается также и фрагментъ тонкаго стекла, свѣтло-золотистаго тона, представляющій донышко сосуда съ тремя выпуклыми ножками. Эти двѣ ручки и донышко можно смѣло отнести къ произведеніямъ арабской индустріи,

*) Рисунокъ 7 представляетъ узелъ арабскаго орнамента.

на что, между прочимъ, косвенныя указанія можно найти въ сравненіи этихъ ручекъ съ ручками сосуда, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ. Изображенный сосудъ взятъ нами изъ описательнаго каталога стеклянныхъ сосудовъ Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ. Каталогъ относитъ этотъ сосудъ къ издѣліямъ Испаніи и къ XVI ст. *). Не желая забѣгать впередъ, я пока и ограничусь этимъ указаніемъ, такъ какъ мнѣ придется еще встрѣчаться не разъ съ фактами нахожденія арабскихъ стеклянныхъ издѣлій по кавказскому побережью Чернаго моря.

Рис. 8.

На той же фототипіи, номера 6, 7, 8 изображаютъ фрагменты фаянсовыхъ сосудовъ, покрытыхъ съ обѣихъ сторонъ поливою нѣжнаго бирюзоваго цвѣта. Фрагменты эти, по техникѣ и цвѣту отличаясь отъ массы найденныхъ фрагментовъ,—могутъ быть отнесены къ издѣліямъ Персіи. Кромѣ того, въ дополнительныхъ раскопкахъ г. Альбова найденъ небольшой фрагментъ отъ фаянсовой посуды, покрытый съ одной стороны такой же бирюзовой поливой, а съ другой поливой блестящаго густаго синяго цвѣта.

Вмѣстѣ съ поливными или глазированными фрагментами отъ раз-

*) A descriptive catalogue of the glass vessels in the South Kensington Museum, — by A. Nesbitt. London, 1878. Plate XVIII.

наго рода сосудовъ здѣсь же найдено большое количество фрагментовъ отъ большихъ сосудовъ, изъ хорошо обожженой темно-краснаго цвѣта глины. Наиболѣе характерные изъ нихъ изображены фототипіями VII и VIII-й.

Эти фрагменты интересны какъ по оригинальности своей орнаментаціи, такъ и потому, что всѣ они отличаются однимъ вкусомъ и одной техникой, а потому и не могутъ относиться къ вещамъ привознымъ, тѣмъ болѣе, что и количество найденныхъ фрагментовъ весьма значительно.

Нѣкоторыя изъ ручекъ отъ большихъ сосудовъ (фот. VII, №№ 3, 6, 7, 8 и фот. VIII, №№ 1, 2) отличаются особенно глубокими нарѣзками, не представляющими опредѣленнаго орнамента: нарѣзки идутъ вдоль поверхности ручки и обыкновенно располагаются вѣеромъ у мѣста прикрѣпленія ручки къ сосуду. Употребленіе этихъ нарѣзокъ можно объяснить, какъ мнѣ кажется, не эстетическими цѣлями, а скорѣе практическими: вѣроятно, посредствомъ этихъ углубленій старались ввести въ самую толщу глины дѣйствіе огня и тѣмъ придать ручкѣ бо̀льшую нрочность.

На другихъ ручкахъ той же VII фототипіи (№№ 2, 4, 5, 9) замѣчается уже орнаментъ, состоящій изъ точекъ или пересѣкающихся линій въ клѣтку; орнаментъ сдѣланъ свободно и глубоко. Вообще рѣзкость и глубипа контуровъ являются характерными признаками техники на фрагментахъ изъ красной глины, также какъ и на глазированныхъ фрагментахъ.

Фрагментъ № 1 (фототип. VII) представляетъ горлышко съ частью ручки отъ сосуда, вѣроятно, кувшинообразной формы; горлышко нѣсколько сдавлено у отверстія, такъ что образуетъ такъ наз. носикъ, а по сторонамъ украшено двумя выпуклыми пуговками или полушариками; внизу шейки идетъ поясокъ изъ жгутика. Въ общемъ сосудъ представляетъ какъ бы намёкъ на лицевое изображеніе, но въ весьма примитивной степени развитія.

Какъ видно изъ многихъ фрагментовъ (фот. VII, фиг. 10, 12, 13, 14), поверхности сосудовъ были украшены поясками изъ жгутиковъ, весьма характерныхъ. Самый мотивъ жгутика или крученой веревочки встрѣчается у разныхъ народностей, какъ одинъ изъ видовъ примитивнаго орнамента, переходящаго часто и въ болѣе новыя эпохи, но жгутики найденныхъ фрагментовъ отличаются особенной отчетливостью отдѣлки, ромбической формой своихъ частей, такъ что въ общемъ производятъ впечатлѣніе чисто мѣстнаго, грузинскаго вкуса.

Сравнивая описываемые фрагменты съ глазированными, мнѣ кажется, нельзя не замѣтить между тѣми и другими нѣкотораго родства по отношенію къ мотивамъ орнамента: такъ, на фототипіи VIII, фиг. 6, изображенъ фрагментъ большаго сосуда, украшенный рядомъ вдавленныхъ кружковъ, причемъ два кружка соединены довольно длинной перемычкой. Такой же орнаментъ въ формѣ очковъ можно замѣтить на фототипіи VI, фиг. 6—7. Фрагментъ, изображенный на фототипіи VIII, фиг. 8, представляетъ почти четверть круга или донышка отъ свѣтильника, трубочка котораго находилась въ центрѣ круга и основаніе ея сохранилось на нашемъ фрагментѣ. Предположеніе мое о назначеніи той вещи, отъ которой сохранилась только частъ, основывается главнымъ образомъ на сравненіи этого фрагмента съ подобной же формы глинянымъ сосудомъ, но только безъ орнамента, найденнаго въ Крыму и переданнаго Археологической Коммиссіей въ Историческій Музей. Нашъ фрагментъ украшенъ ложчатыми концетрическими поясами, а по краю рельефными полукруглыми городками, по техникѣ напоминающихъ традиціонную работу нажиманія пальцемъ. Слѣдующій за краемъ широкій углубленный поясокъ по гладкой поверхности своей украшенъ волнистой линіей, нарѣзанной легко и свободно двойнымъ контуромъ.

Такого же характера орнаментъ, въ видѣ волнистой двойной линіи, мы встрѣчаемъ на фототипіи VI, фиг. 4. Наконецъ, на той же фототипіи (фиг. 1) изображенъ край тарелки, украшенной орнаментами изъ завитковъ въ перемежку съ пучками параллельныхъ линій. Подобный мотивъ пучковъ изъ прямыхъ линій замѣчается и на фрагментѣ фототипіи VII, фиг. 10.

Къ чисто грузинскому издѣлію, мнѣ кажется, можно отнести найденный мною здѣсь же круглый оловянный медальонъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ рельефными линіями равноконечнаго креста, украшеннаго въ углахъ перекрестія выпуклыми точками; на другой сторонѣ медальона изображенъ всадникъ, ѣдущій вправо и съ копьемъ въ правой рукѣ. Изображеніе обѣихъ сторонъ медальона въ натуральную величину представлено на таблицѣ № II (рис. 3, A, B). Всадникъ, по всему вѣроятію, изображаетъ Св. Георгія, хотя внизу подъ ногами лошади нѣтъ ни традиціоннаго дракона или змѣя, ни повергнутой человѣческой фигуры, а между тѣмъ правая рука, держащая копье, оттянута далеко отъ туловища и потому представляетъ извѣстную степень напряженія, происходящаго отъ наносимаго удара. Намъ кажется поэтому, что медальеръ, рѣзавшій форму для отливки, имѣлъ предъ глазами изображеніе Св. Георгія, поражающаго змѣя либо человѣка

(Діоклетіана), но не изобразилъ этого за недостаткомъ мѣста на медальонѣ или не желалъ осложнять композиціи. Какъ бы то ни было, но грузинскій стиль чувствуется въ этомъ изображеніи: сравнивая это изображеніе съ изображеніемъ Св. Георгія на обронной серебряной иконѣ, находящейся въ монастырѣ Шамокмеди, въ Гуріи, и имѣющей грузинскую надпись (Историческій Музей, фотографіи Ермакова, зала В), можно найти весьма ясное стильное сходство, и въ особенности характерной является здѣсь длинная шея лошади, выражающей вообще своей фигурой народное стремленіе къ реализму, чуждое какихъ-либо иноземныхъ традицій. Слѣва, у края медальона, находится вертикальная надпись изъ нѣсколькихъ буквъ, напоминающихъ начертанія нѣкоторыхъ буквъ грузинскаго алфавита „хуцури“ *).

Что же касается обратной стороны медальона, то изображенный на ней крестъ, съ украшеніями въ видѣ выпуклыхъ точекъ, выражаетъ

Рис. 9.

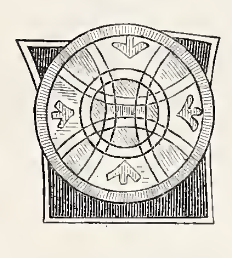

Рис. 10.

Рис. 11.

собою также чисто мѣстный армяно-грузинскій вкусъ: для сравненія можно указать на представляемыя здѣсь изображенія, изъ которыхъ одно взято мною изъ рукописей Эчміадзинскаго монастыря (Труды предварительныхъ комитетовъ V Археолог. Съѣзда въ Тифлисѣ, статья гр. Уварова, таблица XII, рис. 1), относимой гр. Уваровымъ къ 989 г. Другое изображеніе взято изъ изданія Стасова (рисунки 9—10).

Вообще можно замѣтить, что точки въ кругу, точки въ углахъ перекрестія встрѣчаются часто въ орнаментаціи фрагментовъ отъ посуды, а потому представляются мнѣ какъ бы излюбленнымъ мотивомъ мѣстнаго орнамента. Такъ, наприм., изображенный въ текстѣ фрагментъ отъ сосуда (рис. 11) орнаментированъ на густомъ темно-оливковомъ фонѣ свѣтло-зеленаго цвѣта кружками и точками внутри.

---

*) Хохановъ, профессоръ грузинскаго языка въ Лазаревскомъ Институтѣ, относитъ также эти буквы къ грузинскому алфавиту — «хуцури».

На фототипіи V-й (фигуры 1, 12, 14, 15) можно замѣтить на фрагментахъ тѣ же мотивы въ орнаментаціи. Кромѣ того, украшенія въ видѣ полушариковъ или рельефныхъ точекъ замѣчаются на фрагментахъ крупной посуды безъ поливы; такъ, фрагментъ большаго сосуда (фототип. VIII, фиг. 3) украшенъ внизу толстаго бережка или края рядомъ такихъ полушариковъ, а также и горлышко сосуда, упомянутое уже раньше (фот. VII, фиг. I).

Переходя къ вопросу о времени, къ которому можно отнести открытые мною слѣды древней жизни, я прежде всего обращу вниманіе на найденную подрядчикомъ Сафаровымъ серебряную византійскую монету, съ которой, къ сожалѣнію, мнѣ удалось получить только плохой оттискъ. Впрочемъ, и по этому оттиску можно было опредѣлить, что монета принадлежитъ династіи Комненовъ. Относительно же византійскихъ монетъ этой эпохи нужно замѣтить, что онѣ были въ большомъ обращеніи въ Грузіи, въ особенности серебряныя, носившія общее названіе серебра—„тетри“ (по-русски—*бѣлъ*).

Кромѣ того, въ эту же эпоху монеты византійскія, обращавшіяся въ Грузіи, назывались также по именамъ императоровъ, чеканившихъ ихъ: Броссе говоритъ, что грузинскія монеты чеканились до XIV вѣка (или до конца XIII вѣка), а затѣмъ монеты употреблялись въ Грузіи чужія, иностранныя. Въ XII столѣтіи въ особенности были въ ходу такъ называемыя—„кильмонауры“ или „кирмансули“—по имени Мануила Комнена (отъ 1143—1180).

Опираясь на приведенныя сообщенія Броссе, можно, мнѣ кажется, установить границу наибольшей древности какъ для найденной монеты, такъ и для другихъ вещей и фрагментовъ, добытыхъ изъ раскопокъ въ этомъ же мѣстѣ. Но, съ другой стороны, опредѣленіе предѣла наименьшей древности найденнаго матеріала будетъ зависѣть отъ сравнительнаго изученія найденныхъ вещей и соображеній по отношенію къ исторіи самаго края.

Представленные мною факты и соображенія хотя и не исчерпываютъ всего найденнаго археологическаго матеріала, но даютъ уже нѣкоторую почву для общей характеристики его. Такъ, центральное положеніе въ этомъ матеріалѣ занимаютъ предметы армяно-грузинскаго и чисто-грузинскаго издѣлія; къ нимъ относится наибольшая масса черепковъ и въ особенности фрагменты изъ красной глины, безъ поливы, отъ большихъ сосудовъ; послѣдніе, отличаясь одной техникой и однимъ рѣзко-выраженнымъ стилемъ и найденные въ большомъ количествѣ, не могутъ относиться къ вещамъ привознымъ издалека. Что фабрикація

глиняныхъ сосудовъ производилась на этомъ юго-восточномъ побережьи Чернаго моря—указываетъ, между прочимъ, названіе одной рѣчки въ Лазикѣ, приводимое Броссе, а именно — Kwéwroula (Chytropolia ou Ollaria), что означаетъ по объясненію покойнаго академика— „La riviére des vases de terre“ (Addition IV, стр. 89).

На возможность мѣстнаго производства нѣкоторыхъ сосудовъ даже съ поливой, какъ мнѣ кажется, указываетъ и слѣдующій фактъ: выше мною было обращено вниманіе на фрагменты 1 и 2, фототипіи IV, на которыхъ только фонъ закрытъ поливой, а орнаментъ, вынутый остріемъ, только подготовленъ для принятія поливы другаго цвѣта и на нашемъ фрагментѣ остается обнаженнымъ, т. е. представляетъ собою натуральный цвѣтъ обожженной глины. Между тѣмъ въ Историческомъ музеѣ находится коллекція фрагментовъ отъ подобной посуды, присланная Археологической Коммиссіей и привезенная изъ Стараго Крыма; въ числѣ фрагментовъ этой коллекціи находится одинъ совершенно подходящій по цвѣту поливы, по стилю орнамента къ нашему, но на первомъ углубленный орнаментъ уже покрытъ поливой свѣтлокоричневаго цвѣта. Такимъ образомъ фрагментъ изъ Стараго Крыма, являясь законченнымъ, указываетъ на тотъ цвѣтъ поливы, которымъ былъ бы покрытъ орнаментъ нашего фрагмента, если бы сосудъ былъ оконченъ.

Признавая, что слѣды открытой мною древней жизни носятъ, главнымъ образомъ, печать грузинской культуры, я долженъ также обратить вниманіе и на то обстоятельство, что здѣсь же встрѣчаются нетолько слѣды иноземныхъ вліяній, но и предметы иноземные, привозные. Послѣдніе среди массы дугихъ фрагментовъ выдѣляются какъ предметы, болѣе рѣдкіе и относившіеся къ быту высшаго класса.

Уже одно знакомство съ исторіей Грузіи и памятниками ея искусства даетъ право предполагать въ ея керамическомъ производствѣ вліяніе вкусовъ и техники тѣхъ иноземныхъ странъ, съ которыми Грузія находилась въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ. Не вдаваясь въ подробности этого обширнаго вопроса, я ограничусь только въ данномъ случаѣ указаніемъ на нѣкоторые факты, взятые, такъ сказать, на выдержку.

Въ Кенсингтонскомъ музеѣ находится коллекція фрагментовъ отъ посуды, добытая изъ развалинъ города Реджа, въ Персіи. Городъ этотъ былъ разрушенъ въ XIII столѣтіи. Многіе изъ этихъ фрагментовъ представляютъ поразительное сходство съ нашими какъ по рисунку, такъ и по техникѣ, — и въ особенности съ фрагментами отъ тарелокъ. Въ

виду этого сходства опредѣленность *даты* имѣетъ важное значеніе и для нашихъ находокъ.

Нельзя также не отнести къ издѣліямъ Персіи найденные мною фрагменты фаянса, покрытые съ обѣихъ сторонъ поливой бирюзоваго цвѣта и одинъ фрагментъ съ чрезвычайно нѣжной глазурью такого же бирюзоваго цвѣта съ одной стороны, а съ другой — превосходнаго темно-синяго цвѣта, какой встрѣчается на персидскихъ эмаляхъ.

По стилю и по мотиву изображеннаго сюжета тарелка, представленная на фототипіи II-й, можетъ быть также отнесена къ Персіи, хотя техника ея не отличается особенными качествами; впрочемъ, мотивы чисто персидскихъ сюжетовъ далеко заходили въ Закавказьи: для примѣра можно указать на Сванетію, гдѣ въ селеніи Лаштхвери (Ленжерскаго общества) въ церкви Св. Архангеловъ (по Бакрадзе) широкій поясъ наружнаго карниза украшенъ фресками, изображающими сюжетъ изъ персидской легенды Амирана въ борьбѣ съ чудовищемъ *).

Кромѣ того, въ томъ же Кенсингтонскомъ музеѣ я нашелъ нѣсколько сосудовъ изъ Пешавера и Синда, сходныхъ не по формѣ, а по цвѣту золотисто-коричневой поливы и по стилю орнаментаціи съ нѣкоторыми фрагментами изъ моихъ раскопокъ

Сношенія же Грузіи съ Индіей также не могутъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ подтверждаются прежде всего грузинскими лѣтописями— такъ, когда эмиръ Мурванъ-Кру приближался къ Анакопіи, то находившійся тамъ Арчилъ говорилъ между прочимъ Миру „les deux couronnes d'émeraude et de rubis pourpré rapportées de l'Inde et du Sind par notre pére, le grand roi Wakhtang"... (Brosset, Histoire de la Géorgie, p. 240).

Слѣдуетъ припомнить также рефератъ гр. Уварова о лицевыхъ урнахъ, читанный на Тифлисскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, и дополненія къ нему гг. Тизенгаузена и Комарова.

Къ арабскимъ издѣліямъ можно смѣло отнести найденныя мною фигурныя ручки отъ стеклянныхъ сосудовъ, а также, по всему вѣроятію, и фрагменты стеклянныхъ браслетъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ мотивахъ въ орнаментаціи найденныхъ фрагментовъ. Въ средніе вѣка кромѣ войнъ, Аравія и въ особенности Египетъ находились въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Грузіей и всѣмъ кавказскимъ побережьемъ. О сношеніяхъ же съ Византіей, мнѣ кажется, излишнимъ и упоминать;

---

*) Сванетія въ археологическомъ отношеніи, изслѣдованія Г. Филимонова (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства, 1876 г., кн. 11—12).

замѣчу только, что Вильгельмъ Гейдъ въ своемъ сочиненіи Geschichte des Levantehandels in Mittelalter, на стр. 243, цитируя описаніе константинопольскаго рынка во время Мануила Комнена, составленное Бенжаменомъ Тудельскимъ, дополняетъ эту картину, разсказывая, на основаніи другихъ источниковъ, о торговыхъ сношеніяхъ Кавказа съ Царьградомъ. Именно къ этой эпохѣ и относится найденная здѣсь серебряная византійская монета, которая, какъ я уже упоминалъ, имѣла обращеніе въ Грузіи. Другихъ предметовъ, относящихся къ Византіи, въ этой раскопкѣ не найдено, такъ что въ общемъ всѣ предметы, добытые здѣсь, производятъ впечатлѣніе Востока и преимущественно Грузіи.

Тѣмъ интереснѣй прослѣдить находки подобныхъ фрагментовъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ уже было упомянуто раньше.

Прежде всего въ коллекціи вещей, переданныхъ Имп. Археологической коммиссіей въ Историческій Музей—изъ раскопокъ г. Пурцеладзе, въ Кахетіи—нужно обратить вниманіе на фрагменты отъ двухъ сосудовъ, сходные по стилю и техникѣ съ фрагментами изъ моихъ раскопокъ. Въ отношеніи сходства въ особенности интересенъ фрагментъ, найденный около Телава (близь села Кола): по густому темнозеленому фону онъ покрытъ фигурами въ видѣ сердцевидныхъ лепестковъ яркаго свѣтло-зеленаго цвѣта. Какъ комбинація цвѣтовъ, такъ и способъ наложенія поливы совершенно сходенъ съ фрагментомъ изъ моихъ раскопокъ, изображеннымъ въ текстѣ (рис. 11). Такимъ же сходствомъ отличаются и фрагменты стеклянныхъ браслетъ, найденные г. Пурцеладзе.

Въ другой коллекціи вещей, добытой г. Смирновымъ изъ раскопокъ въ Крыму въ 1886 г. и переданной Археологической Коммиссіей въ Историческій Музей, находятся также фрагменты отъ поливной посуды, сходные съ найденными въ моихъ раскопкахъ; такъ, фрагменты изъ стараго Крыма представляютъ орнаменты изъ плетеній, совершенно сходные по стилю и цвѣту поливъ съ фрагментами, изображенными на фототипіи IV—фигура 1-я и въ особенности 2-я, о которыхъ уже было говорено выше. Глиняный подсвѣчникъ изъ той же коллекціи намъ кажется предметомъ мѣстнаго издѣлія какъ по грубости техники, такъ и по цвѣту глины.

Въ той же коллекціи по сходству интересны фрагменты изъ развалинъ крѣпости въ Судакѣ, съ поливой желтаго, зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ.

Наконецъ, лѣтомъ 1888 года, посѣтивъ раскопки въ Херсонисѣ, я замѣтилъ тамъ подобнаго же типа фрагменты, найденные въ верхнихъ слояхъ раскопки, такъ что по времени ихъ можно отнести не позднѣе, какъ къ XV вѣку—ко времени вѣроятнаго разрушенія Херсониса.

Упомянутыя мною находки указываютъ, по моему мнѣнію, на тотъ фактъ, что эта характерная индустрія поливныхъ сосудовъ въ средніе вѣка изъ побережья Кавказа, быть можетъ изъ Сухума, распространяла свои издѣлія путемъ торговыхъ морскихъ сношеній по торговымъ пунктамъ Крыма и даже до самаго Херсониса. Обратнаго движенія, т. е. вліянія Крыма въ смыслѣ привоза этихъ издѣлій на Кавказъ — предположить нельзя уже и потому, что количество найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Крыма поливныхъ фрагментовъ крайне ничтожно въ сравненіи съ тою массой, которая открыта мною у казармъ, въ Сухумѣ и притомъ совмѣстно съ фрагментами большихъ глиняныхъ сосудовъ. Притомъ же преобладающій восточный стиль орнаментаціи, преимущественно персидскій и армяно-грузинскій, указываетъ скорѣй всего на Закавказье.

Открытые мною остатки древней жизни безъ сомнѣнія не могутъ относиться къ одному времени; другими словами, моментъ погибели этой жизни не можетъ служить опредѣленіемъ для цѣлей массы вещей или фрагментовъ, извлеченныхъ изъ культурнаго слоя населенной вѣками мѣстности. Вотъ почему для хронологическаго опредѣленія этихъ находокъ я беру болѣе широкія рамки, принимая во вниманіе при этомъ наибольшую древность однѣхъ вещей и сравнительную новизну другихъ. На основаніи описаній нѣкоторыхъ вещей и сравненій, высказанныхъ мною ранѣе, мнѣ кажется возможнымъ отнести сдѣланные мною находки, по ихъ преобладающему значенію, къ XIV—XV вѣкамъ и даже нѣсколько ранѣе, т. е., по всему вѣроятію, и къ XIII вѣку. XIV и XV вѣкъ для самой Грузіи были эпохой большаго оживленія въ области художественнаго творчества. Къ этой же эпохѣ, приблизительно, можно отнести и рѣшительное культурное вліяніе Грузіи на Абхазію, хотя начало этого вліянія относится къ болѣе ранней эпохѣ. Слѣды этого вліянія до сихъ поръ сохранились въ грузинскихъ надписяхъ на стѣнахъ храмовъ этой мѣстности, а также въ устройствѣ и утвари этихъ храмовъ. Напомню пока только слѣдующіе факты: въ раіонѣ изслѣдованной мною мѣстности на югъ отъ казармъ находится старинная, теперь кладбищенская церковь, по всему вѣроятію, грузинской постройки; немного далѣе, въ ущельи, открыты недавно развалины древняго грузинскаго монастыря; вблизи монастыря „Дранды“, въ ма-

ленькой заброшенной церкви, на стѣнахъ ея, находятся грузинскія надписи надъ изображеніями святыхъ. Наконецъ, въ упомянутомъ уже изслѣдованіи Г. Д. Филимонова „Сванетія въ археологическомъ отношеніи“, на стр. 90, упоминая о церкви въ селеніи Лаштхвери, говорится, что Бакрадзе въ своемъ описаніи останавливается на образѣ превосходной серебряной чеканки, съ грузинской надписью. Этотъ образъ происходитъ изъ Дранды, знаменитой нѣкогда церкви въ Абхазіи, близь Сухума, и изображаетъ евангелиста Іоанна Богослова съ ученикомъ Прохоромъ.

———

III.

Бухта Скурча и мысъ Искурій. Развалины Стараго Сухума. Абхазскія названія Сухума. Значеніе моихъ раскопокъ по отношенію къ исторіи этой мѣстности. Описаніе фототипическихъ таблицъ.

Извѣстно, что Дюбуа древній Діоскурій или Севастополь, пріурочиваетъ къ бухтѣ Скурчѣ, находящейся недалеко отъ Сухума, на югъ, за устьемъ р. Кодора; потому-то онъ на картахъ, приложенныхъ къ его атласу и иллюстрирующихъ описанія этого берега у разныхъ писателей древности — мѣсто города Діоскурія и мыса всегда назначаетъ у этой маленькой бухты. Мнѣнію Дюбуа слѣдовали въ этомъ отношеніи и нѣкоторые другіе писатели, занимавшіеся вопросомъ о мѣстоположеніи Діоскурія. Прежде, чѣмъ покинутъ Сухумъ, я считалъ необходимымъ ознакомиться лично съ этой мѣстностью, и 25 іюля въ сопровожденіи абхазца, учителя сухумской школы, отправился верхомъ въ Скурчу. Мы выѣхали послѣ полудня и ночью, переправившись чрезъ р. Кодоръ, прибыли для ночлега въ казарму пограничной стражи, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки, у самаго устья. Посланные впередъ изъ Сухума трое рабочихъ уже ожидали насъ здѣсь. Утромъ рано мы отправились пѣшкомъ по песчаному берегу, по направленію къ тому мысу, отъ котораго начинается бухта Скурча и который на многихъ картахъ называется „Искурій". До самой средины бухты пришлось пройти нѣсколько верстъ. Поворотъ отъ мыса къ бухтѣ весьма слабый и самая бухта очень мало вдается въ берегъ, что и можно замѣтить на всѣхъ картахъ этого побережья. На противуположномъ краю бухты виднѣется прибрежный замокъ или просто башня — „Сатамаша" *)

---

*) Грузинское названіе «Сатамаша» — означаетъ мѣсто гульбища или празднества, а въ переносномъ значеніи можетъ означать рынокъ или ярмарку.

Берега вокругъ бухты повсюду плоскіе, покрытые густымъ непроходимымъ лѣсомъ. Недалеко отъ мыса Искурія впадаетъ въ море рѣчка Скурча или Мармора, образующая въ лѣсу болота. Мы всѣ производили розыски по всему берегу въ продолженіе цѣлаго дня, но эти розысканія слѣдовъ древней жизни не были удачными: только въ срединѣ бухты на берегу былъ замѣченъ земляной валъ въ нѣсколько саженей длиною. Валъ этотъ очевидно могъ служить только защитой для легкихъ судовъ во время бури: вѣроятно, суда стаскивали за этотъ валъ, который и принималъ на себя удары волнъ. Еще далѣе, къ югу, въ густомъ лѣсу, мы нашли развалины маленькой церкви, которая повторяла собою обычный типъ подобныхъ церквей, по большей части, грузинскихъ, встрѣчаемыхъ нерѣдко на этомъ побережьи. Самый берегъ повсюду представлялся песчаной отмелью, такъ что и маленькой лодкѣ трудно было подойти къ нему. На берегу, у самой воды, среди песку и мелкаго гравія не встрѣчалось нигдѣ никакого намека на древнюю жизнь. Въ этомъ отношеніи этотъ берегъ представлялъ прямую противоположность съ берегомъ, напр., Херсониса. Въ глубину лѣса можно было пробраться только на нѣсколько саженей, а далѣе густота заросли и болота, въ особенности у рѣчки Скурчи, не позволяли двигаться, но на пройденномъ пространствѣ никакихъ развалинъ или какихъ либо слѣдовъ древней жизни не было найдено.

50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти берега посѣтилъ Дюбуа, и, вѣроятно, въ его время весь этотъ берегъ имѣлъ тотъ-же характеръ, а между тѣмъ, Дюбуа говоритъ: „C'est la' qu' on voit des ruines considerables, cachés sous la magnifigue forêt...“. Невольно приходится думать, что врядъ-ли уважаемый путешественникъ сходилъ самъ на этотъ берегъ—иначе, какъ археологъ, онъ сказалъ-бы что нибудь болѣе опредѣленное о тѣхъ развалинахъ, которыя онъ называетъ—„considerables“.

Недовольствуясь однако моими первыми поисками, я рѣшился на слѣдующій день пробраться въ этотъ лѣсъ съ другой стороны, противоположной морю. Для этого нужно было отправиться обратно къ берегу Кодора и розыскать тамъ помѣщика Кучма-Хана, абхазца, которому принадлежала вся эта земля и который могъ бы снабдить меня знающимъ проводникомъ. Хозяинъ земли, бывшій нѣсколько дней въ отсутствіи, только что возвратился изъ поѣздки и отдыхалъ на своемъ дворикѣ, подъ деревомъ. Однако онъ вызвался любезно проѣхать со мной по своимъ владѣніямъ, но находилъ нужнымъ захватить съ собою своего лѣсника, безъ указаній котораго трудно было, по его словамъ, чрезъ лѣсъ добраться до р. Скурчи. Мы проѣхали нѣсколько верстъ

до лѣсу, гдѣ находилась сакля лѣсника, который къ счастью нашелся дома. Отсюда мы стали углубляться въ самую глушь лѣса и скоро должны были слѣзть съ лошадей и вести ихъ въ поводу. Здѣсь на каждомъ шагу попадались болота, заваленныя гигантскими стволами упавшихъ и гніющихъ деревъ. Лучи солнца повидимому, никогда не заглядывали сюда, — въ лѣсу было почти темно, такъ - что всѣ предметы представлялись въ неясныхъ полутонахъ. Въ одномъ мѣстѣ пришлось спуститься въ оврагъ или котловину и потомъ подняться на холмистую возвышенность.

Эта мѣстность, по словамъ хозяина, находилась не далеко отъ того берега моря, гдѣ впадаетъ въ него р. Скурча. Никакихъ „руинъ“ я не могъ замѣтить — только видѣлъ валъ насыпной, подобный тому, который я встрѣтилъ наканунѣ на берегу бухты и около котораго провелъ ночь. Мнѣ показали квадратную яму, наполненную водой, по разсказамъ, здѣсь существуютъ рыбки, по мнѣнію г. Чернявскаго, разведенныя генуэзцами.

Если даже принять холмы за остатки древнихъ построекъ, то все это пространство слишкомъ мало для такого большаго города, какимъ былъ Діоскурій. Возможно предположить здѣсь только какую-нибудь генуэзскую факторію или портовое мѣстечко для вывоза отсюда лѣса. Замѣчу также, что описаніе Арріана, которому нельзя не довѣрять, совершенно не подходитъ къ этому мѣсту. Торговля же лѣсомъ до сихъ поръ производится въ этихъ мѣстахъ весьма оживленно: по крайней мѣрѣ, въ Сатамашѣ французская компанія занимается и теперь эксплуатаціей лѣса.

Очевидно многихъ вводитъ въ соблазнъ искать здѣсь Діоскурій еще и то обстоятельство, что названіе мыса „Искурій“, сохранившееся до сихъ поръ, представляется какъ-бы фрагментомъ, уцѣлѣвшимъ отъ слова „Діоскурій“.

Но плывущему съ юга къ Сухуму, этотъ мысъ представляется ближайшей выдающейся точкой, маячнымъ пунктомъ, — относительно Сухума.

Очень возможно, что въ древности этотъ мысъ и былъ занятъ маякомъ, называвшимся либо по имени города, либо самостоятельно имѣвшій святилище въ честь Діоскуровъ. Мысъ, какъ мѣсто не имѣвшее населенія, и сохранилъ, быть можетъ, часть древняго названія *).

Сравнивая по картѣ великолѣпную бухту Сухума съ ничтожной Скурчей нелься не согласиться съ мнѣніемъ другаго путешественника

---

*) Самъ Дюбуа, описывая пространство Сухумской бухты, для ширины конечной точкой беретъ—мысъ «Искурій».

кавалера Гамбы, который въ описаніи своего путешествія на стр. 75, томъ I, говоритъ: „La simple inspection de la côte, depuis Anapa jusqu'a Batoum, suffit pour indiquer Soukoum-Kalé comme la veritable position de la fameuse Dioscurias, qui portait aussi le nom de Sébastopol" *).

Ознакомившись съ бухтой Скурчей, я желалъ осмотрѣть и развалины такъ называемаго „Стараго Сухума", тѣмъ болѣе, что В. И. Чернявскій въ статьѣ своей, упоминая объ этихъ развалинахъ, говоритъ, „что онѣ носятъ слѣды легкой византійской постройки".

Старый Сухумъ находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости за Сухумскимъ маякомъ, по дорогѣ къ Новому Аѳону, и представляетъ въ настоящее время три стѣны отъ бывшей квадратной крѣпости; четвертая - же стѣна, западная, вслѣдствіе подмытія обрывистаго берега, давно упала въ море. Благодаря обрыву этого берега, очень удобно было осматривать и изучать разрѣзъ наслоенія почвы въ предѣлахъ стѣнъ. (Табл. I, рис. 2).

Самыя стѣны у основанія имѣютъ ширину въ $1^1/_2$ аршина и постепенно дѣлаются тоньше кверху, Кладка стѣнъ плохая—изъ булыжника-кругляка, связаннаго плохою известью, которая легко отламывается отъ давленія обыкновенной тростью. Внутри крѣпости у самаго обрыва берега находился домъ, легко сложенный изъ такого-же булыжника, и раздѣленный стѣной поперекъ, по направленію къ морю, на двѣ части. (Рис. 12).

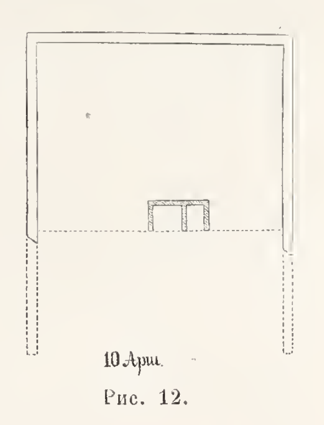

Рис. 12.

Наслоеніе почвы на этомъ пространствѣ носитъ ясные слѣды пожара; въ этомъ пожарищѣ много черепковъ, торчащихъ въ разрѣзѣ земли на глубинѣ даже около аршина. Черепки не имѣютъ ни малѣйшаго характера древности точно также, какъ и найденные тамъ гвозди и куски расплавленныхъ огнемъ оконныхъ стеколъ, а также и турецкая глиняная трубка.

Ширина этой крѣпости доходитъ до 100 метровъ, а длина до 130; лежитъ она вообще въ плоской мѣстности съ востока болотистой и покрытой густымъ лѣсомъ. Съ запада она примыкаетъ къ крутому, но не высокому берегу моря. Построеніе этой крѣпости, несомнѣнно, можетъ принадлежать только туркамъ, которые этой постройкой, вѣроятно,

*) Voyage dans la Russie meridionale par le chevalier Gamba. Paris. 1826.

и начали свое владычество въ этихъ мѣстахъ и только позднѣе переселились въ новый Сухумъ, т. е. въ древнюю Сухумскую крѣпость, находившуюся въ развалинахъ, быть можетъ, отъ временъ Римлянъ. Такой порядокъ турецкаго перемѣщенія, считаю возможнымъ предположить, не только на основаніи моихъ личныхъ изслѣдованій, но и на основаніи тѣхъ сообщеній, которые дѣлаетъ самъ - же г. Чернявскій: онъ говоритъ, что Абхазцы до сихъ поръ называютъ Старый Сухумъ „Ашашля"—„старшій братъ, кровный". Это названіе абхазцевъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ и мои соображенія. Самъ г. Чернявскій не можетъ отрицать, что въ смыслѣ древности вообще первенство надо признать за настоящей Сухумской крѣпостью и ближайшей городской набережной, такъ какъ онъ самъ-же не разъ сообщалъ о многочисленныхъ находкахъ въ этихъ мѣстахъ древнѣйшихъ монетъ и, наконецъ, золотой короны въ видѣ обруча; кромѣ того, древность населенія греческаго и римскаго въ этой мѣстности подтверждается и моими раскопками. Слѣдовательно, обозначеніе абхазцами относительной древности и родства одной крѣпости по отношенію къ другой безъ всякаго сомнѣнія относится только къ исторіи турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ. До появленія турокъ, абхазцы какъ будто забыли о существованіи настоящаго Сухума, какъ будто бы онъ возникъ только благодаря туркамъ, переселившимся сюда изъ Стараго Сухума и создавшимъ здѣсь новую жизнь.

Такими соображеніями при рѣшеніи этого вопроса можно было-бы успокоиться, если бы возможно было предположить, что въ теченіе среднихъ вѣковъ здѣсь не было никакой городской жизни или если и была, то Абхазцы почему то ее не замѣчали.

Между тѣмъ извѣстно, что въ средніе вѣка, начиная съ тѣхъ поръ, когда абхазскіе цари сдѣлались въ то же время грузинскими и проживали въ Кутаисѣ и Тифлисѣ, Абхазія въ это время управлялась ихъ эриставами, или намѣстниками, имѣвшими свою резиденцію именно въ Сухумѣ („Цхумъ"—грузинскихъ лѣтописей), и такого значенія Сухумъ не терялъ почти до самаго появленія Турокъ въ этихъ мѣстахъ. Какимъ-же образомъ Абхазцы могли совершенно проглядѣть эти факты и называть настоящій Сухумъ младшимъ братомъ Стараго-Сухума? Очевидно эта филіація, какъ я уже замѣтилъ, имѣетъ для Абхазцевъ смыслъ только по отношенію къ турецкому владычеству и, слѣдовательно, относится къ новому времени; при томъ она становится понятной въ томъ только случаѣ, когда мѣста турецкаго владычества не совпадаютъ съ средневѣковымъ Цхумомъ грузинскихъ лѣтописей.

Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ свѣдѣніямъ г. Чернявскаго въ туземныхъ названіяхъ урочищъ и мѣстъ Абхазіи, я напомню еще его сообщеніе о томъ, что Абхазцы называютъ Сухумъ другимъ именемъ „Акуа“; названіе это, повидимому, уже не имѣетъ никакого родственнаго значенія по отношенію къ Старому-Сухуму.

Мнѣ кажется названіе Абхазскому—„Акуа“ можно дать совершенно опредѣленное объясненіе относительно мѣстности, къ которой это слово можетъ относиться.

Рейнеггсъ въ своемъ „Всеобщемъ историко-топографическомъ описаніи Кавказа, разсказывая (на стр. 7—8, томъ II) о возмущеніи Абхазцевъ 1771 г. противъ владычествовавшихъ тамъ Турокъ, а послѣ изгнанія турокъ изъ Сухума объ измѣнѣ Левана Шервашидзе, предавшаго Сухумъ янычарамъ—такими словами окончиваетъ свой разсказъ: „übergab er (т. е., Леванъ Шервашидзе) den Janitscharen die Festung Saghumi, die, wenn sie besser unterhalten würde, als der Schlüssel zum westlichen Kaukasus angesehen werden könnte, *besonders da sie auch noch von Agua oder Aku, einem festen Orte, der auf einem treppenförmigen braunen Trapp-Felsen liegt, vertheidiget und gesichert wird*“.

Изъ приведеннаго отрывка, относящагося къ концу XVIII ст. (издано сочиненіе Рейнеггса въ 1797 г.) ясно, что названіе „Аку“ относится къ замку Баграта — такъ характерно и вѣрно описано Рейнеггсомъ мѣстоположеніе самаго замка.

Къ этому же замку, по моему мнѣнію, необходимо пріурочить и грузинское названіе Сухума—„Цхумъ“. Для доказательства можно сопоставить описаніе Акуа у Рейнеггса съ описаніемъ Цхума у грузинскаго географа царевича Вахушты; на ст. 403 послѣдній говоритъ: A l' O de la Codor coule la Tzkhom, sortant du Caucase et se jetant dans la mer par le rivage séptentrional. Sur ses bords, *dans la montagne*, est Tzkoum qui donne son nom à la rivière,— ville autrefois et residence d'ún éristaw, maintenant *simple bourg*“.

Это описаніе Вахушты какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ приведенному выше описанію Рейнеггса и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ настоящую топографію замка Баграта и прилегающей мѣстности.

Нужно замѣтить при этомъ, что выраженіе „dans la montagne“ никакъ не можетъ относиться къ нынѣшнему Сухуму или вообще къ мѣсту, гдѣ расположена крѣпость, такъ какъ вся эта мѣстность представляется ровною плоскостью, значительно удаленной отъ горъ и отъ рѣки Беслаты. Точно также выраженіе „bourg“, мнѣ кажется, скорѣе подходитъ къ замку Баграта, а не къ турецкой крѣпости, если не пред-

положить, что ученый переводчикъ Вахушты, французъ Броссе, случайно ввелъ это выраженіе.

Во всякомъ случаѣ, приходя къ твердому убѣжденію въ тождественности замка Баграта съ Акуа Рейнеггса и Цхумомъ Вахушты, я долженъ принять и р. Беслату за р. Цхумъ грузинскаго географа. Такимъ образомъ, историческое значеніе мѣстности, гдѣ расположенъ замокъ Баграта, выясняется для меня въ томъ смыслѣ, что эта мѣстность была до самаго появленія Турокъ въ Абхазіи — центромъ грузинскаго владычества и резиденціей грузинскихъ эриставовъ или намѣстниковъ.

Кромѣ приведеннаго разсказа Рейнггса о событіяхъ въ 1771 году въ Сухумѣ,—разсказа, повтореннаго извѣстнымъ Дюбуа, я считаю умѣстнымъ для освѣщенія историческаго значенія мѣстности Цхума—привести еще нѣсколько историческихъ данныхъ въ ретроспективномъ порядкѣ, относящихся къ тому - же вопросу, причемъ, не желая уклоняться въ сторону отъ главной цѣли своего отчета, — я не буду касаться послѣдовательной исторической связи этихъ фактовъ.

Монахъ Доминиканскаго ордена Жанъ - Де - Люкъ въ 1625 году, описывая Абхазію, говоритъ: „въ ней (въ Абхазіи) нѣтъ городовъ, но много селеній на горахъ самыхъ высокихъ, какія я когда-либо видѣлъ. Абхазы разсѣяны до морскаго берега. Лѣса служатъ имъ убѣжищемъ и замѣняютъ города. Они обладаютъ очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходятъ суда изъ страны Лазовъ, Трапезунта, Константинополя и Кафы и иногда зимуютъ здѣсь. Эта гавань называется Эски-Сумупи. Приплывающіе сюда купцы не живутъ въ ихъ селеніяхъ. Вся торговля совершается въ гавани или на суднѣ“. Въ этомъ описаніи ясно чувствуется отсутствіе Сухума - города, все равно, совершается-ли торгъ въ старомъ, или новомъ Сухумѣ. Точно также нужно предположить, что въ это время грузинскій Цхумъ находился уже въ запустѣніи: одно сосѣдство Турокъ даетъ достаточную основу для вѣроятія этого предположенія.

Вѣроятно, такую картину торговли представлялъ Сухумъ со времени 1578 года, такъ какъ Дюбуа этимъ годомъ опредѣляетъ постройку Турками Сухумской крѣпости, хотя это указаніе Дюбуа можетъ относиться и къ старому Сухуму; впрочемъ можетъ быть, господство Турокъ на этомъ берегу началось и ранѣе—вскорѣ послѣ 1475 года, т. е. послѣ завоеванія Кафы.

Въ XIV ст. грузинскій царь Георгій V (отъ 1318 — 1346 года) поручаетъ Бедіэлю эриставство Цхумское. Такой фактъ мы встрѣчаемъ въ исторіи Грузіи, переведенной Броссе.

Въ энциклопедіи арабскаго писателя въ Египтѣ Шихабеддина Эль-какамапди († 1418) упоминается, что въ XIV ст. въ Грузіи было два царя—одинъ въ Тифлисѣ, другой, Дадіанъ, владѣлъ двумя городами—Сухумомъ и Абхазомъ, лежащими на берегу Крымскаго моря. (Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, томъ I, вып. III, 1886 г. Переводъ Тизенгаузена). Что касается города Абхаза, то по историческому значенію, мнѣ кажется, скорѣе всего можно пріурочить этотъ городъ къ Никопсіи.

Быть можетъ, съ этого времени Дадіаны начали считать себя владѣльцами Абхазіи, сохраняя эти притязанія до послѣдняго времени; по крайней мѣрѣ, изъ всеподданнѣйшаго письма владѣтельницы Мингреліи Нины Георгіевны къ Императору Александру I (въ 1808 г.), видны ея притязанія на Абхазію и въ особенности на Никопсію, игравшую важную роль какъ убѣжище въ эпоху бѣдственныхъ нашествій враговъ. Владѣтельница пишетъ, между прочимъ—„она (Абхазія) есть часть Мингрельскаго владѣнія, почему удобно можетъ быть принята подъ Ваше единодержавіе“ *).

Въ исторіи Грузіи, переведенной Броссе, говорится также о сынѣ знаменитой царицы Тамары—Георгіи-Лашѣ, царствовавшемъ отъ 1212—1223 г.: „Il chassait á Adjameth, *à Tzkoum* et dans l'Aphkhazeth“.

Въ XI ст. Багратъ III, какъ извѣстно, соединилъ въ своихъ рукахъ престолы Грузіи и Абхазіи.

Переходя теперь прямо къ VIII ст., нужно обратить вниманіе на извѣстія грузинскія, переведенныя Броссе, о нашествіи арабскаго эмира Мурванъ-Кру. Броссе такими словами передаетъ грузинскія извѣстія объ эмирѣ преслѣдующемъ грузинскаго царя Мира и его брата Арчила, бѣжавшихъ въ Абхазію: „Il se lança sur leurs traces, ruina et depeupla toutes les villes, citadelles et fortresses de l'Egris, des mingreliens et des aphkas, demantela même la citadelle à trois remparts de Tzikhè-godj et franchit la muraille servant de borne ou *clisoura*, qui était dans ce temps-là la limite de la Grèce et de la Gèorgie. Il ruina *Tzkoum,* ville de l'Aphchwilet et assiegea celle d'Anacophi“.

Приведенный отрывокъ вводитъ насъ въ ту эпоху, когда побережіемъ этого края владѣли византійцы. Очень важно упоминаніе здѣсь о стѣнѣ, пограничной между владѣніями Греціи и Грузіи; стѣна эта безъ сомнѣнія сохранилась до сихъ поръ у р. Келасури. Самое названіе рѣки въ настоящей своей формѣ напоминаетъ только что приведенное

---

*) Акты, собранные Кавказской Археографическою Коммиссіей. Изд. Берже.

слово Clisoura, а характеръ этой мѣстности заставляетъ невольно вспоминать о „клисурахъ“ въ Болгаріи.

Пользуясь упоминаніемъ о знаменитой стѣнѣ, я позволю себѣ остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Дюбуа, упоминая объ этой стѣнѣ, указываетъ, что первыя извѣстія о ней встрѣчаются у Птоломея (216 по Р. Х.) Птоломей же опредѣляетъ ее въ небольшомъ разстояніи отъ р. Corax или Кодора, а Стефанъ Византійскій, упоминая о ней, называетъ ее — „le mur Koraxien“. (Voyage du Caucase).

Г. Чернявскій, считая эту стѣну за Трахею Прокопія, вмѣстѣ съ тѣмъ къ ней-же пріурочиваетъ стѣну, изображенную на картѣ Ламберти, а между тѣмъ, замѣчу кстати, что стѣна, изображенная на картѣ Ламберти, не доходитъ до мѣста впаденія р. Келасури, а идетъ далеко отъ моря и при томъ въ совершенно другомъ направленіи; Ламберти говоритъ о стѣнѣ, изображенной на своей картѣ, какъ о защитѣ Мингреліи отъ нападеній Абхазцевъ и при томъ снабженной деревянными башнями. Въ такомъ случаѣ построеніе келасурской стѣны нужно было бы отнести къ довольно позднему времени, а между тѣмъ приведенныя свидѣтельства грузинскихъ лѣтописей и писателей, цитируемыхъ Дюбуа, указываютъ на весьма почтенную древность этой стѣны. Самый массивный характеръ ея постройки, правильность и солидность башни у моря свидѣтельствуютъ, по моему мнѣнію, никакъ не о строительной техникѣ Мингрельцевъ. При томъ-же, судя по башнѣ близь моря, стѣна эта обращена фасомъ своимъ къ Мингреліи или Грузіи, что именно и указываетъ на пограничный, оборонительный характеръ этой стѣны для византійскихъ владѣній.

Припомнимъ кстати, что въ Тифлисѣ, во время засѣданія предварительнаго Комитета Тифлисскаго съѣзда—покойный археологъ Байернъ заявилъ, что въ 1849 году не далеко отъ Келасуръ, около казачьяго поста, былъ найденъ мраморный камень съ греческой надписью, но изображенной латинскими буквами.

Такимъ образомъ опираясь на произведенныя мною въ Сухумѣ раскопки и сопоставляя добытый ими археологическій матеріалъ съ извѣстіями историческими, мнѣ кажется возможнымъ въ заключеніе высказать слѣдующія предположенія:

1. Греко-римскій Діоскурій (позднѣе Севастополь) находился на сѣверномъ побережьи сухумской бухты, на разстояніи, приблизительно, отъ сохранившейся древней крѣпости (т. н. „Турецкой"), до Ольгинской улицы включительно, и, вѣроятно, еще далѣе къ Востоку. Судя по большому количеству найденныхъ фрагментовъ отъ греческихъ сосудовъ на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ, можно думать, что населеніе этого мѣста было значительное и давно поселившееся, при томъ чисто греческое, по крайней мѣрѣ, слѣдовъ варварскаго стиля въ этихъ фрагментахъ мною не замѣчено.

2. Въ средніе вѣка эта мѣсность находилась въ полномъ запустѣніи до самаго появленія здѣсь турокъ или абхазскихъ владѣтелей. Этимъ только запустѣніемъ и можно объяснить образованіе наноснаго толстаго слоя земли надъ слоемъ, хранящимъ слѣды античной жизни.

3. По всему вѣроятію, турки, прежде занятія древней сухумской крѣпости, утвердились гдѣ-нибудь сѣвернѣй Сухума и ближе къ устью рѣки Гумисты; быть можетъ, и въ Старомъ Сухумѣ.

4. Мѣстность „Гумо" у сліянія рѣки Гумо съ Гумистой, связана съ исторіей христіанства въ этихъ мѣстахъ; по крайней мѣрѣ, къ этой мѣстности ученый авторъ сочиненія „Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь", пріурочиваетъ городъ Команы (стр. 60).

5. Весьма вѣроятно, что отъ этой мѣстности „Гумо", происходитъ и самое названіе города Сухума въ той формѣ, въ которой это названіе встрѣчается у нѣкоторыхъ писателей, т. е. въ формѣ „Сагума". Принимая эту форму за грузинскую, нужно только вспомнить, что частица „*Са*" употребляется какъ притяжательная въ грузинскомъ языкѣ, какъ, напр., въ словахъ: „Са-атабаго", „Са-тамаша", т. е. владѣнія или область атабега, мѣстность гульбища или рынка. Такимъ образомъ Сагумо или Сагуми будетъ означать землю, принадлежащую къ Гумо—область Гумо. Если моя догадка справедлива, то тогда и самое образованіе слова „Сагуми" можно отнести къ эпохѣ вліянія и владѣнія Грузіи въ этихъ мѣстахъ.

6. Что же касается до мѣстности, лежащей на Югъ отъ Сухума, по другую, лѣвую, сторону Беслаты и близко ея устья, гдѣ произведены были мои раскопки у казармъ, то мѣстность эта, включая сюда и замокъ Баграта и ближнія, искусственно выравненныя террасы горъ, принадлежитъ средневѣковому христіанскому Сухуму, бывшему культурнымъ и административнымъ центромъ грузинскаго, а позднѣе мингрельскаго владычества въ этомъ краѣ; оно соотвѣтствуетъ Цхуму грузинскихъ лѣтописей и Акуа—Абхазцевъ.

Замѣчу кстати, что на картѣ Фердуче Анконскаго, изданной Дюбуа и относящейся къ 1497 году, мѣстность эта обозначена названіемъ „porto menogrello“; названіе это не можетъ относиться ни къ Искуріи (Скурча), ни къ Очемчирамъ, потому что назначено по правую сторону отъ рѣки Кодора, у лѣваго берега впадающей въ сухумскую бухту р. Беслаты; въ самомъ же устьѣ этой рѣки стоитъ—Sauastopoli.

Высказывая всѣ эти предположенія я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, будущихъ изслѣдователей этой мѣстности, которые дальнѣйшими раскопками добудутъ новый археологическій матеріалъ и, быть можетъ, подтвердятъ высказанныя мною теперь соображенія.

ОБЪЯСНЕНІЕ ФОТОТИПІИ.

Фототипія, № I.

Раскопки на Ольгинской улицѣ.

1. Часть донышка сосуда (отъ чаши или патеры) покрыта черной греческой поливой; украшена вдавленнымъ рубчатымъ бордюромъ и розеткой.

2. Фрагментъ отъ сосуда съ черной гладкой поливой; мѣстами полива уничтожена сырой глиной.

3. Фрагментъ края сосуда, также съ черной поливой.

4. Донышко отъ сосуда, вѣроятно, отъ лекифа, съ черной поливой.

5. Фрагментъ отъ сосуда съ частью ручки; мѣстами сохранилъ черную поливу.

6—7. Фрагменты тонкаго сосуда; украшены рельефными розетками, по краю—завитками; мѣстами сохранилась черная полива.

8. Фрагментъ тонкаго сосуда красной глины; поясокъ украшенъ бордюромъ изъ фигуръ, напоминающихъ фигуры пчелъ. Сильно потерпѣлъ отъ сырости.

9. Фрагментъ сосуда съ частью донышка красной глины.

10. Донышко изъ тонкой красной глины.

11. Фрагментъ сосуда тонкой красной глины.

12. Фрагментъ ручки красной глины была покрыта черной поливой (ручка отъ „патеры“).

13. Фрагментъ витой ручки отъ крупнаго сосуда, красной глины.

14. Фрагментъ тонкой и длинной ручки, вѣротно, отъ сосуда—„контавросъ“.

15. Фрагментъ ручки, въ видѣ двойнаго жгута.

16. Отвѣсъ изъ обожженой глины, въ видѣ усѣченной пирамидки съ сверлиной вверху.

17—18. Два мѣдныхъ прута; у одного утолщеніе на концѣ.

19—20 Двѣ свинцовыхъ пластинки и двойной свинцовый ободокъ, составлявшій, вѣроятно, края свинцоваго ящика.

Фототипія, № II.

Раскопки у казармъ.

1. Тарелка составлена изъ фрагментовъ (нѣкоторыхъ частей недостаетъ). Съ лицевой стороны рельефное изображеніе борьбы звѣря (барса или льва) съ поверженнымъ человѣкомъ, прикрывающимъ себя отъ пасти круглымъ щитомъ, а въ другой рукѣ держащимъ копье.

Всѣ возвышенныя части рельефа покрыты были свѣтло-желтой поливой, а углубленный фонъ темно-желтой поливой, близкой къ коричневому цвѣту.

Тарелка была прежде нахожденія частей разбита и связана, на это указываютъ сверлины на шеѣ звѣря и на щитѣ.

Донышко образовано выдающимся толстымъ бережкомъ,—а внутри вдавленъ кругъ.

Изломъ краснаго цвѣта и толстый.

Фототипія, № III.

1. Фрагментъ чаши, глина (фаянсъ) бѣловатая. На свѣтло-желтоватомъ фонѣ рисунокъ звѣря выполненъ темно-вишневымъ цвѣтомъ; чешуйки на груди и на задней части туловища сдѣланы зеленой краской. Той-же краской покрыта обратная сторона сосуда, но къ низу, къ донышку, краска не наложена

2. Фрагментъ сосуда. На свѣтломъ фонѣ съ нѣжно-фіалетовымъ оттѣнкомъ сохранилось изображеніе головки въ колпакѣ, сдѣланной остріемъ довольно тонко и смѣло: отъ лица сохранилась только верхняя часть. Кромѣ того влѣво можно замѣтить, вѣроятно, тоже верхнюю часть головы другой фигуры.

3. Два фрагмента отъ сосуда, въ видѣ плошки; на такомъ-же свѣтломъ фонѣ, какъ у предшествовавшихъ сосудовъ сдѣлано остріемъ изображеніе туловища звѣря—вѣроятно, льва; къ сожалѣнію, передней части фигуры недостаетъ. У переднихъ ногъ льва какой-то сердцевидный предметъ. Исподняя поверхность сосуда покрыта оливковаго цвѣта поливой; по этому фону разсѣяны сдѣланные густой поливой бѣлаго цвѣта кружки. Донышко тонкое.

4. Донышко отъ сосуда. Нижняя часть покрыта блестящей ярко-желтой поливой, украшенной черными чертами, въ видѣ круга и черныхъ полосокъ. Въ верхней части донышка полива не сохранилась.

Фототипія, № IV.

Раскопки г. Альбова.

1. Фрагменты сосуда покрыты поливой бѣловатаго цвѣта; узоръ восточнаго стиля произведенъ посредствомъ снятія поливы острымъ орудіемъ. Снятыя и углубленныя части остались непокрытыми поливой и сохранили натуральный цвѣтъ обожженой глины.

2. Подобный техники фрагментъ, но фонъ между бѣловатой поливой заполненъ поливой зеленоватаго цвѣта.

3. Часть сосуда съ донышкомъ; покрыта поливой зеленаго цвѣта. Узоръ чернаго цвѣта (слѣланъ остріемъ) въ видѣ росчерковъ.

4. Фрагментъ коричнево-золотистаго цвѣта.

5. Фрагментъ съ поливой золотисто-коричневаго и зеленаго цвѣтовъ.

6. Фрагментъ отъ сосуда изъ нѣжной бѣлой глины (фаянсъ) съ поливой на одной сторонѣ—ярко-бирюзоваго цвѣта, а на другой ярко-синяго. Техника чрезвычайно тонкая.

7. Край сосуда желтоватаго цвѣта съ темно-коричневыми чертами.

8. Фрагментъ съ поливой темно-желтаго цвѣта; украшенъ выпуклыми шариками и чертами.

9. Подобнаго типа фрагментъ, но коричнево-золотистаго цвѣта; выпуклый узоръ желтаго цвѣта.

10. Ручка отъ сосуда желтаго цвѣта съ коричневымъ узоромъ.

11. Фрагментъ съ поливой желто-золотистаго цвѣта; углубленный рисунокъ наполненъ поливой красновато-коричневаго цвѣта.

Фототипія, № V.

1. Средина сосуда съ донышкомъ; орнаментъ обозначенъ чертами широкими, наполненными темно-коричневой краской. Вся поверхность покрыта блестящей темно-желтой поливой; характеръ орнамента трудно объяснить; черты проведены бойко и грубо; нѣкоторые промежутки заполнены штрихами; въ одномъ мѣстѣ находится фигура въ видѣ квадрата, раздѣленнаго крестомъ на 4 части и въ каждой части по точкѣ.

2. Фрагментъ отъ сосуда съ частью донышка; внутренняя или лицевая сторона покрыта густой свѣтло-зеленой поливой, теплаго травянаго тона, орнаментъ цвѣточный, сдѣланный посредствомъ углубленія въ сырой глинѣ, наполненъ потомъ поливой густаго-чернаго цвѣта.

3. Фрагментъ покрытъ золотисто-коричневой поливой, контуры орнамента сдѣланы остріемъ по сырой глинѣ, а послѣ покрытія поливой обведены черной краской весьма искусно; часть поливы облупилась.

4. Черепокъ подобной поливы и техники.

5. Фрагментъ сосуда. На густомъ темномъ фонѣ два круга яркой зеленой краски, а въ кругахъ по пяти точекъ (въ фототипіи переданъ неясно). На другой сторонѣ также полива темная и зеленый кругъ, но безъ точекъ.

(Изображеніе этого фрагмента помѣщено въ текстѣ).

6. Фрагментъ сосуда, вѣроятно, имѣвшаго форму плосковатой чаши, склеенъ изъ частей; фрагментъ составляетъ часть внутренности сосуда съ половиной донышка. Сосудъ сдѣланъ былъ изъ плотной красной глины и внутри покрытъ поливой разныхъ цвѣтовъ: сохранился рисунокъ части узла или плетенья, напоминающаго грузинскій орнаментъ; узелъ обозначенъ прежде всего, глубоко врѣзанными чертами, заполненными темно коричневаго цвѣта поливой. Узелъ составленъ изъ двухъ широкихъ и продолговатыхъ колецъ, спле-

тенныхъ вмѣстѣ, причемъ одно кольцо зеленаго цвѣта, а другое желто-коричневаго; во внѣшнихъ углахъ, образуемыхъ пересѣченіемъ колецъ, находятся лепестки тѣхъ же двухъ цвѣтовъ. Слѣва сохранилась кайма широкая такого же свѣтло-коричневаго цвѣта и начало новаго узла. Фонъ этой лицевой стороны свѣтлый, желтоватый. По отношенію къ донышку сохранившійся узелъ не приходится на серединѣ.

7. Фрагментъ отъ совершенно подобнаго сосуда, узелъ большаго размѣра, а донышко, сохранившееся вполнѣ, гораздо меньше, чѣмъ у перваго. Узелъ приходится какъ разъ надъ донышкомъ. Цвѣта поливы тѣ же, что и въ предшествовавшемъ орнаментѣ.

8. Фрагментъ яркой свѣтло-красной глины; съ одной стороны покрытъ рельефно узорами изъ выпуклыхъ кружковъ и точекъ. Покрытъ поливой яркаго зеленаго цвѣта.

9. Черепокъ на темно-красномъ фонѣ, орнаментъ оранжеваго цвѣта.

10—16. Фрагменты, отъ тарелокъ. Орнаменты на свѣтломъ фонѣ сдѣланы темными контурами. Между контурами наложена желтая и мѣстами коричневая полива.

17. Черепокъ подобенъ № 3-му.

Фототипія, № VI.

1. Фрагментъ тарелки (склеенъ изъ частей) съ частью бордюра, на которомъ по свѣтло-желтому фону сдѣланы узоры красно-кирпичнаго цвѣта. Надъ завитками полива отличается темно-желтымъ цвѣтомъ.

2. Донышко отъ сосуда свѣтло-красной глины; внутренность покрыта поливой свѣтлаго тѣлеснаго цвѣта и украшена вдавленными концентрическими кругами, наполненными поливой свѣтло-кирпичнаго цвѣта.

3. Фрагментъ тарелки красной глины. Тарелка съ внутренней стороны покрыта густой поливой желтоватаго свѣтлаго тона; уцѣлѣвшая часть бордюра составлена изъ ромбиковъ, фонъ которыхъ углубленъ на сырой глинѣ и наполненныхъ поливой густаго оранжеваго цвѣта. Такимъ-же способомъ исполненъ сохранившійся отчасти край внутренняго рисунка. У края сверлина.

4. Фрагментъ тарелки съ высокимъ краемъ; красной глины. Внутри покрытъ блестящей поливой нѣжнаго зеленовато-желтаго цвѣта. Сохранилась кайма (бордюръ), украшенная двойной извилистой линіей коричневаго цвѣта.

5. Фрагментъ отъ сосуда красной глины. Съ обѣихъ сторонъ покрытъ бѣлой матовой поливой; съ лицевой стороны сверхъ бѣлой поливы наложена блестящая полива нѣжнаго свѣтло-фисташковаго тона. Узоръ каймы наполненъ поливой темно-оливковаго цвѣта.

6—8. Фрагменты сосудовъ изъ глины бѣловатаго цвѣта (фаянсъ), покрытые съ обѣихъ сторонъ глянцевитой поливой свѣтло-бирюзоваго цвѣта. Поверхности поливы въ мелкихъ едва замѣтныхъ трещинахъ. Цвѣтъ поливы бирюзовый напоминаетъ египетскую пасту.

9—10. Два горлышка отъ маленькихъ сосудовъ изъ стекла синевато-зеленаго или аквамариноваго тона. Сосудики, судя по горлышкамъ должны

были имѣть форму рѣпчатую или грушевидную. Стекло плохое, пузырчатое, работа довольно грубая; отверстіе у горлышка № 10 сдѣлано неправильно. У горлышка № 9 остался слѣдъ отломленной ручки, которая, судя по мѣсту слѣда, должна была быть короткой.

11—12. Двѣ ручки изъ зеленоватаго стекла, тонъ теплый и нѣжный— свѣтло-оливковый. Работа превосходная, напоминающая венеціанскую. Сверху ручки идетъ ребро, къ которому примыкаетъ стеклянная нить, завитая въ волнистую линію, образующую какъ-бы рядъ петелекъ; въ концѣ эта линія, утолщаясь, образуетъ спиральный загибъ.

13. Донышко отъ сосудика изъ тонкаго бѣловатаго стекла, съ нѣжнымъ золотистымъ отливомъ, на трехъ ножкахъ, имѣющихъ форму гладкихъ шиповъ.

14. Часть браслета, изъ стекла темно-фіалетоваго цвѣта, украшена мелкими витыми рубчиками по поверхности.

15—16. Части браслетъ изъ темнаго стекла, гладкаго

Фототипіи, № VII и VIII.

Представляютъ фрагменты отъ большихъ сосудовъ хорошо обожженой красной глины.

Фототипія № VIII представляетъ фрагменты въ натуральную величину. Фрагменты этой фототипіи изъ раскопокъ г. Альбова.

IV.

Отъ Новороссійска до Геленджика.

Долмены-цисты по дорогѣ въ Геленджикъ и въ станицѣ Натухайской. Могильники въ Геленджикѣ. Могильникъ въ с. Кабардинскомъ.

Въ первыхъ числахъ августа я уже торопился изъ Сухума моремъ переправиться въ Новороссійскъ, откуда я и надѣялся совершать свои экскурсіи для изслѣдованія окрестныхъ могильниковъ. На основаніи собранныхъ мною свѣдѣній я располагалъ произвести раскопки въ могильникахъ Геленджика, Мысхако (близь Новороссійска), и, наконецъ, въ могильникахъ Цемесской долины, а затѣмъ уже остатокъ времени употребить на раскопки кургановъ въ станицахъ Натухайской и Раевской и, такимъ образомъ, подвигаясь на сѣверъ, остановиться верстахъ въ 15 отъ Анапы.

Что же касается самаго Новороссійска, то въ настоящее время городъ этотъ представляетъ мало археологическаго интереса: прежде всего обращаютъ на себя вниманіе развалины турецкой крѣпости „Суджукъ-Кале"; развалины эти находятся къ западу отъ города, на сѣверномъ берегу бухты; вблизи крѣпости разбросано нѣсколько турецкихъ могильныхъ насыпей *). Построеніе этой крѣпости Тетбу де Мариньи относитъ къ 1720 году. Благодаря существованію теперь цементнаго завода на восточной оконечности бухты, ближайшіе берега усердно изрываются для добыванія камня и однако-же о находкахъ тамъ древностей мнѣ не удавалось слышать; впрочемъ, доходилъ до меня слухъ о давнишней находкѣ вблизи завода служившимъ тамъ техникомъ мраморнаго сосуда или вазы, но провѣрить этого слуха я не могъ, такъ какъ техникъ

*) Нѣкоторыя разрыты незадолго до нашего пріѣзда Е. Д. Фелицынымъ

давно переѣхалъ въ Астрахань, куда перевезъ и вазу, а на мои запросы въ Астрахань я не получалъ отвѣта.

Между тѣмъ въ 1840 году Тетбу де Мариньи засталъ еще слѣды какихъ-то древнихъ построекъ и много кургановъ къ юго-востоку отъ форта, хотя большею частью раскопанныхъ изъ любопытства или уничтоженныхъ новыми русскими постройками. Далѣе въ томъ-же сообщеніи онъ говоритъ: „живущій здѣсь г. Контръ-Адмиралъ Серебряковъ показывалъ мнѣ найденные въ нихъ (т. е. въ курганахъ) разные предметы: амфоры, урны, маленькую бутылку изъ бѣлаго стекла и нѣсколько домашней утвари изъ мѣди и желѣза. Видѣлъ я также клинки сабельные, сильно заржавѣвшіе и согнутые вдвое—чтобы можно было ихъ засунуть въ урны, остатки кольчуги совершенно изъѣденной ржею и пр.“ *).

Почти около того-же времени другой путешественникъ Дюбуа замѣтилъ здѣсь на берегу моря, противъ форта, слѣды большаго города, гдѣ, по его словамъ, находятъ много монетъ греческихъ и римскихъ. Этотъ-же путешественникъ передаетъ разсказы одного плѣнника о курганахъ, въ которыхъ черкесы находили мраморные саркофаги и въ нихъ много золотыхъ вещей. Какъ Дюбуа, такъ и Тетбу де Мариньи назначаютъ въ этомъ мѣстѣ Бату Страбона. На средневѣковыхъ картахъ бухта эта носила названіе — „Calo-Limena“. Къ этой же бухтѣ Тетбу де Мариньи пріурочиваетъ названіе — „Тенагосъ“. Дѣйствительно, эта прелестная бухта должна была и въ древности играть важную роль. Бухта врѣзывается въ берегъ съ запада въ сѣверо-восточномъ направленіи, образуя двухколѣнный изгибъ и суживаясь постепенно къ концу. Сѣверо-восточный берегъ образуется покатостью лѣсистой возвышенности, которая по другую сторону отдѣляется узкой долиной и рѣчкой отъ горы Мысхако, находящейся отъ Новороссійска верстахъ въ семи и образующей въ долинѣ небольшой заливъ. На сѣверо-восточной оконечности Новороссійской бухты въ море впадаетъ рѣчка Цемесса, протекающая по обширной и роскошной Цемесской долинѣ, обставленной съ одной стороны склонами приморскихъ возвышенностей, а съ другой хребтомъ, составляющимъ водораздѣлъ бассейна р. Кубани; хребетъ этотъ и его склоны возвышаются также надъ юго-западнымъ берегомъ бухты. Цемесская долина, разстилаясь въ длину болѣе, чѣмъ на десять верстъ, упирается въ скалистый сланцевый хребетъ, соединяющій приморскія возвышенности съ хребтомъ Варадахъ.

---

*) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ I, 1844 г., стр. 629.

Предполагая произвести раскопки въ Геленджикѣ, я рѣшился отправиться туда на лошадяхъ. Отъ Новороссійска до Геленджика считается верстъ сорокъ. Дорога все время идетъ по скалистому и высокому берегу бухты, до самаго селенія Кабардинскаго, лежащаго въ рѣчной, узкой долинѣ, которая отдѣляетъ сплошную береговую возвышенность отъ горы Дуобы, выдающейся далеко въ море и составляющей юго-западную оконечность Новороссійской бухты. Проѣханный мною путь далъ мнѣ возможность ближе ознакомиться съ характеромъ берега этой части бухты, гдѣ, по заявленію Тетбу де Мариньи, находились курганы, а Дюбуа замѣтилъ слѣды большаго города. Однако въ настоящее время весь берегъ до ущелья Кабардинскаго и горы Дуобы представляетъ мѣстность совершенно неудобную не только для поселенія, но и для простаго изслѣдованія: нельзя спуститься къ морю съ совершенно отвѣсныхъ обрывовъ и нельзя лодкѣ пристать къ такому скалистому берегу. Впрочемъ, скалы эти состоятъ изъ бѣлаго сланца и потому, вывѣтриваясь, быстро-осыпаются въ море и образуютъ такимъ образомъ отвѣсные обрывы, что замѣтно и по самому наружному виду этихъ обрывовъ — такъ издали они представляютъ бѣлые разрѣзы выдававшихся въ море береговыхъ частей. Въ подтвержденіе этого предположенія я могу сообщить еще слѣдующій фактъ: по пріѣздѣ въ селеніе Кабардинское, пока кормили лошадей, я отправился въ сопровожденіи учителя кабардинской сельской школы, г. Даринскаго, осмотрѣть окрестности селенія и ближайшую мѣстность у горы Дуобы. Г. Даринскій, по моей просьбѣ, повелъ меня къ большому кургану, находящемуся на берегу моря, недалеко отъ этой горы. Курганъ этотъ оказался правильной полушарообразной формы и, примѣрно, саженей болѣе двухъ высоты. Онъ стоялъ такъ близко къ обрыву берега, что такая правильная насыпка его была бы невозможна, если бы и тогда линія берега такъ близко его касалась — очевидно, берегъ въ этомъ мѣстѣ значительно осыпался. Мѣстность около Дуобы въ древности могла служить удобной бухтой и удобнымъ мѣстомъ поселенія у устья рѣки. Поэтому сообщенія о слѣдахъ древнихъ построекъ и о курганахъ, замѣченныхъ почти 50 лѣтъ назадъ упомянутыми выше путешественниками, скорѣе всего могутъ относиться именно къ этой мѣстности Вглядываясь въ величественный и вмѣстѣ суровый характеръ горы Дуобы, нельзя не привести слѣдующихъ словъ Тетбу де Мариньи: „Можно полагать, что въ этомъ мѣстѣ находился Гіеронъ или Іера Плинія и Арріана, можетъ быть у мыса Дуобы, который по замѣчательному положенію своему заслуживаетъ названія — „Священ-

наго". Вѣроятно, здѣсь нужно искать „Калолимену" или „хорошую гавань" *).

Г. Даринскій указалъ мнѣ еще на большой могильникъ, находящійся въ лѣсу, недалеко отъ селенія, а частію уже занятый вспаханной пашней. Среди маленькихъ кургановъ находился въ лѣсу и курганъ значительныхъ размѣровъ, о которомъ мой спутникъ сообщилъ мнѣ, что въ народѣ ходили уже слухи о давнишней находкѣ въ немъ оружія. Я условился съ г. Даринскимъ на возвратномъ пути изъ Геленджика произвести раскопки этого могильника, для чего и просилъ его заготовить мнѣ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей—грековъ, съ языкомъ которыхъ онъ успѣлъ хорошо ознакомиться.

Еще въ первое свое путешествіе вмѣстѣ съ Н. В. Никитинымъ изъ Новороссійска въ Геленджикъ я замѣтилъ, не доѣзжая верстъ семи до послѣдняго, у большой дороги въ полѣ едва замѣтное возвышеніе съ ребрами каменныхъ плитъ, выдающихся немного надъ поверхностью и образующихъ форму квадрата. Осмотръ этого мѣста тогда же убѣдилъ меня, что это долменъ-циста или ящикъ. Невдалекѣ отъ этого ящика я замѣтилъ другой, подобный, но нѣсколько меньшаго размѣра. Тогда же при первомъ удобномъ случаѣ я рѣшилъ изслѣдовать одинъ изъ этихъ долменовъ. Въ описываемую поѣздку я имѣлъ возможность приступить къ этой раскопкѣ, нанявъ рабочихъ въ Геленджикѣ.

Долменъ-циста или погребальный ящикъ, самый большой изъ двухъ, находился въ центрѣ землянаго возвышенія, напоминавшаго расплывшійся невысокій курганъ; земля, окружая высоко стѣнки плитъ, оставляла на виду только ихъ верхніе края,—въ высоту не болѣе четверти аршина. Плиты, образующія ящикъ, были неравной длины; двѣ болѣе длинныя плиты, лежащія параллельно, заключали въ себѣ какъ-бы перегородки—другія двѣ болѣе короткія плиты, образующія своими пересѣченіями почти правильный квадратъ.

Длина первыхъ, болѣе длинныхъ плитъ,—3 $^1/_2$ метра, а длина вторыхъ—1 м. 70 сентим.

Что касается размѣровъ самаго ящика, то самыя длинныя стѣнки его имѣютъ 2 метра длины и длиннѣе поперечныхъ на 30 сентиметр. Плиты изготовлены изъ слоистой породы мѣстнаго камня, обыкновенно называемаго жителями „трескуномъ" и принадлежащаго къ слоистымъ мергелевыхъ породамъ, оттого и края его неправильны—вывѣтрились

*) «Цемесская бухта» ст. Тетбу де Мариньи въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ III, 1853 г.

и зазубрились. Очень возможно, что плиты эти не подвергались обработкѣ, а поставлены въ ихъ природномъ видѣ, или, если и подвергались обработкѣ, то весьма мало; и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть указанія на древность памятника, такъ какъ всѣ видѣнные мною мегалитическіе памятники этого края сдѣланы изъ камня твердаго, песчаника, и весьма рѣдко изъ известняка. Своими длинными плитами ящикъ обращенъ отъ 30 къ NW (табл. III, рис. 2).

Уже при снятіи самаго верхняго слоя можно было замѣтить, что крыша ящика или верхняя плита, разломанная на части, провалилась внутрь гробницы; большіе и малые куски этой верхней плиты, смѣшавшись съ наплывшей внутрь землей, составили чрезвычайно плотный слой, значительно мѣшавшій правильности раскопки, а болѣе массивныя части крыши требовали большихъ усилій—чтобы извлечь ихъ изъ внутренности гробницы. По снятіи слоя земли и камней на одну четверть, въ углу, обращенномъ на востокъ, стали попадаться кости черепа, раздавленнаго, вѣроятно, паденіемъ крыши. Нѣсколько ниже черепа, по направленію къ NW, вдоль стѣнки, шли позвонки, а кости ногъ отъ послѣднихъ позвонковъ поворачивали подъ прямымъ угломъ къ SW. У сѣверо-восточной стѣнки, ближе къ сѣверному углу, оказались кости другаго черепа, также раздавленнаго, а позвонки, лежавшіе ниже уровня черепа, почти на четверть, шли вдоль стѣнки по направленію къ противуположному углу; кости ногъ, составляя прямой уголъ съ линіей расположенія позвонковъ, поворачивали къ югу, такъ что сходились близко съ оконечностями перваго скелета. Вообще по всему расположенію костей можно съ полной увѣренностью предположить, что оба покойника были погребены въ сидячемъ положеніи, прислоненные спинами къ стѣнкамъ цисты: въ самомъ дѣлѣ если бы оба покойника были погребены въ лежачемъ положеніи—какъ часто находятъ въ цистахъ—то въ такомъ случаѣ кости черепа и всего скелета находились бы на одной плоскости и притомъ кости ногъ были бы въ изогнутомъ положеніи, но ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не замѣчалось; напротивъ, кости черепа лежали выше остальныхъ костей скелета, на слоѣ земли, нанесенной водой, вѣроятно, еще до паденія крыши. Дно же цисты было также изъ плиты. Правда, щебень и мелкіе осколки крыши, слежавшіеся плотно съ землей, сильно затрудняли детальную очистку костей и въ особенности позвонковъ, но всетаки можно было легко замѣтить, что позвонки не лежали въ обычномъ порядкѣ и на одной плоскости.

У каждаго костяка находилось по небольшому сосудику изъ черной глины, но, къ сожалѣнію, оба сосудика были разбиты въ мелкіе черепки; можно сказать однако, судя по черепкамъ, что они имѣли форму кубышки и не имѣли рѣзко выраженнаго донышка, и каждый имѣлъ одну ручку (фот. IX, 3—10).

Что касается другихъ вещей, то онѣ нашлись исключительно у перваго скелета и представлены на приложенной фототипіи. Прежде всего была найдена каменная привѣска съ сверлиной; привѣска имѣетъ форму клина, сточеннаго въ лезвіе къ одному концу; на противоположномъ концѣ находится сверлина, образованная двумя конусообразными выемками, сходящимися своими вершинами. Лезвіе клина тупое и не имѣетъ характера рѣжущаго орудія; орудіе это слишкомъ мало по размѣрамъ, такъ что не могло служить мусатомъ или брускомъ, тѣмъ болѣе, что и форму клина для этой цѣли нельзя считать удобной (фот. IX, 12)

Размѣры орудія и сверлина указываютъ скорѣе на то, что орудіе носилось, какъ амулетъ или украшеніе. Подобнаго рода украшенія, представляющія въ малыхъ размѣрахъ какое-либо подобное орудіе, какъ извѣстно, встрѣчаются въ эпоху т. н. „каменнаго вѣка“. Орудіе сдѣлано изъ темнаго съ сѣро-зеленымъ оттѣнкомъ твердаго камня, вѣроятно, діорита и поверхность его отполирована.

Особенно характернымъ для извѣстной эпохи можно считать отрѣзокъ оленьяго рога съ прекрасно сохранившимся поперечнымъ отверстіемъ, хотя съ одной стороны часть отверстія отломана вмѣстѣ съ другимъ концомъ рога (фот. IX, фиг. 1).

Рис. 13.

Не смотря, однако, на эту недостающую часть, является все-таки полная возможность возстановить какъ полную форму, такъ и значеніе этого орудія, прибѣгая для этой цѣли къ помощи сравненій съ подобными находками въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ изданіи Мортилье — „Musée préhistorique“ (par Gabriel et Adrien de Mortillet, Paris, 1881) можно замѣтить совершенно подобное-же орудіе изъ оленьяго рога, относимое авторомъ преимущественно къ долменамъ неолитической эпохи (Planche XL VIII). Представляемый мною рисунокъ (рис. 13) взятъ изъ этого сочиненія, гдѣ подъ № 444 находится слѣдующее его описаніе: „Hache en pièrre polie, dans une gaîne à douille en corne

de serf; manche en bois". Другой рисунокъ взятъ изъ сочиненія Картальяка (рис. 14) *).

Такимъ образомъ, можно съ полной достовѣрностью утверждать, что поперечное отверстіе найденнаго рога служило для вставки деревянной палки или рукоятки, а на отломаномъ концѣ рога находилось отверстіе для вставки каменнаго топора или клина. Принадлежность этого орудія къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка подтверждается находкой упомянутой выше полированной привѣски изъ діорита.

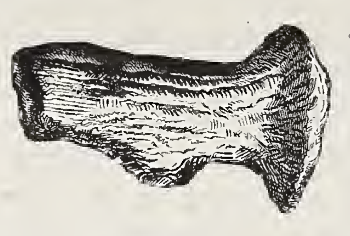

Рис. 14.

На той-же фототиніи (фиг. 2) представлено четырехгранное костяное шило съ небольшой сверлиной въ тыльѣ. Кабаній клыкъ (фиг. 11) и половина челюсти собаки или, быть можетъ, лисицы (фиг. 13) завершаютъ мои находки въ этомъ долменѣ.

Другой сосѣдній долменъ оставленъ мною неизслѣдованнымъ — за позднимъ временемъ.

Для удобства сравненія, желая въ своемъ отчетѣ сосредоточивать, по возможности, однородный матеріалъ я, въ настоящую минуту, сдѣлавъ уклоненіе въ сторону отъ моего путешествія въ Геленджикъ, перейду къ описанію моей раскопки другаго долмена-цисты въ другой мѣстности — въ Нотухайской станицѣ. Этимъ описаніемъ будетъ уже исчерпанъ весь матеріалъ этого рода памятниковъ.

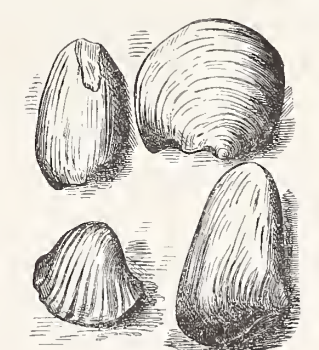
Натухайская станица находится верстахъ въ 28 на сѣверъ отъ Новороссійска. У самой станицы, къ сѣверу, на склонѣ горы находится долменъ-циста, совершенно вросшій въ землю; крышка или верхняя плита давно снята съ него казаками для устройства колодца. Плиты высѣчены изъ прекраснаго камня-дикаря и имѣютъ правильную форму; образуя почти правильный квадратъ, плиты аккуратно примыкаютъ одна къ другой. Стѣна на юго-восточной сторонѣ разломана на двѣ части, изъ которыхъ одна часть ввалилась внутрь ящика, а на другой части, стоящей на мѣстѣ, у отломаннаго края сохранилась половина круглаго отверстія, до 3-хъ вершковъ въ діаметрѣ. Передъ этой стѣной, на разстояніи полъ-аршина, поставленъ перпендикулярно къ землѣ камень, какъ-бы маскирующій это отверстіе; камень этотъ отличается отъ остальныхъ камней тѣмъ, что принадлежитъ къ породѣ мѣстнаго

*) Les ages préhistorique de l'Espagne et du Portugal, par E. Cartailhac. Paris, 1886, p. 202. На стр. 204 авторъ относитъ изображенныя орудія къ эпохѣ до появленія металловъ.

камня „трескуна“, а потому съ теченіемъ времени онъ принялъ неправильно слоистую форму. Къ этой-же юго-восточной стѣнѣ цисты съ внѣшней ея стороны, близко отъ угловъ, перпендикулярно къ стѣнѣ, приставлены двѣ плиты, болѣе толстыя и менѣе правильныя въ сравненіи съ плитами самой цисты. У одной изъ этихъ плитъ, слѣва, видны были слѣды въ родѣ возвышенія отъ лежавшаго здѣсь камня. Вѣроятно, къ этому камню примыкалъ подъ угломъ небольшой камень, подпертый сзади двумя камнями, поставленными на ребро. Расположеніе этихъ частей и самый видъ цисты можно видѣть на приложенномъ рисункѣ и планѣ (табл. III, рис. 1).

Эта система подпиранія камня меньшими камнями, поставленными на ребро, какъ будто указываетъ на то обстоятельство, что камень этотъ въ началѣ не предназначался для покрытія землей, а составлялъ вмѣстѣ съ исчезнувшимъ камнемъ и приставленной внѣшней плитой одну сторону „аллеи“, которая вела къ круглому отверстію гробницы, представляя съ другаго конца загибъ. Другая, приставленная къ стѣнѣ плита и нѣсколько сохранившихся камней представляли, по моему мнѣнію, другую стѣну аллеи. Стѣны цисты, юго-восточная и сѣверо-западная, въ длину имѣли 1 метръ 91 сантим., а другія двѣ боковыхъ стѣнъ — 1 метръ 88 сантим. Направленіе цисты по линіи, идущей вдоль аллеи, опредѣлялось ясно съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Земля наполняла внутренность цисты до самыхъ краевъ, т. е. около метра глубины, и состояла по краямъ изъ наноснаго чернозема, а средина представляла плотную глыбу слежавшихся камней, глины и небольшаго количества ракушекъ (рис. 15) *).

Рис. 15.

По снятіи верхняго слоя глины и камней менѣе чѣмъ на четверть стали попадаться уже кости и прежде всего нижняя челюсть и кости черепа. Другія кости верхней части скелета находились ниже, но порядокъ ихъ положенія трудно было услѣдить вслѣдствіе слежавшихся глины и камней, хотя можно было замѣтить, что лежали онѣ не на одной плоскости. Наконецъ, на самомъ каменномъ днѣ цисты находились кости ногъ; эти кости ногъ находились въ прямомъ положеніи

*) Нѣкоторые изъ раковинъ опредѣлены В. Д. Соколовымъ „*P. Tapes, Megerle*“ и „*P. Danax, Linné*“; онъ вообще относитъ ихъ къ періоду третичной формаціи.

и занимали пространство поперекъ цисты, такъ что скелетъ могъ умѣститься только въ сидячемъ положенiи, тѣмъ болѣе, что разстоянiе костей ногъ отъ черепа было около аршина въ высоту. Кости сильно истлѣли и лишены были поэтому оконечностей. Груда камней навалена была на ноги такимъ образомъ, что покойникъ могъ грудью опираться о нихъ, прислоненный спиной къ сѣверо-восточной стѣнѣ цисты. Вещей никакихъ не найдено. На таблицѣ № III, рис. 1, В, представленъ планъ цисты и схематическое положенiе скелета.

Не смотря на то, что вещей не было найдено въ этомъ долменѣ-цистѣ и потому опредѣленiе его древности, хотя-бы по отношенiю къ первому долмену (близь селенiя Кабардинскаго) является весьма затруднительнымъ, но, припоминая и сравнивая самое устройство обоихъ изслѣдованныхъ долменовъ, мнѣ кажется, нельзя не прiйти къ тому заключенiю, что первый долменъ древнѣе второго и что, слѣдовательно, оба относятся къ неолитическому перiоду каменнаго вѣка.

Въ послѣднемъ долменѣ, Натухайской станицы, замѣчается геометрически аккуратная отдѣлка камней и очень ловкое ихъ соединенiе. Самая порода этого камня песчаника не находится въ этой мѣстности, а должно-быть привозная не ближе, какъ за десять верстъ. Въ техническомъ отношенiи обтеска плитъ указываетъ на долговременный навыкъ.

Самое устройство долмена гораздо болѣе сложное, чѣмъ совершенно примитивное устройство перваго долмена, выступающаго далеко своими продольными плитами отъ поперечныхъ плитъ и устроеннаго при томъ изъ плохаго мѣстнаго камня „трескуна“, составляющаго обычный грунтовой слой въ обѣихъ мѣстностяхъ. Нужно было много времени, чтобы путемъ опыта узнать существенные недостатки этого камня т. е.: способность трескаться по слоямъ и крошиться на воздухѣ — прежде чѣмъ забраковать для могильныхъ сооруженiй этотъ камень и замѣнить его другимъ, привознымъ. Отсутствiе вещей при погребенiи не указываетъ, по моему мнѣнiю, непремѣнно на древность погребальнаго сооруженiя, а можетъ служить признакомъ другаго погребальнаго обряда, измѣненнаго или упрощеннаго временемъ или даже относящагося къ иному племени. Техническiй очевидный навыкъ въ обработкѣ камней, потребность придавать имъ гладкую поверхность, скорѣй всего позволяетъ отнести второй долменъ также къ неолитической эпохѣ.

Геленджикскую бухту Дюбуа принимаетъ за лиманъ „Торикосъ“ Скилакса, за рѣку (или лиманъ) Тарузу Плинiя и за бухту „Pagrai“ Арріана.

Геленджикская бухта не велика, но красива; расширяясь она врѣ-

зывается въ берегъ съ запада на востокъ. Берега бухты не высоки, покаты, а на южной сторонѣ представляютъ равнину, на которой и расположено самое селеніе; на площади, посреди самаго селенія, замѣчаются еще сохранившіяся курганныя насыпи. Сѣверный противоположный берегъ представляетъ весьма небольшое возвышеніе, покатое къ морю. На этомъ возвышеніи разсѣяно много кургановъ, образующихъ сплошной могильникъ, уходящій отъ моря въ густой лѣсъ, къ сѣверу и сѣверо-востоку.

Еще въ Новороссійскѣ отъ г. Тихомірова я получилъ свѣдѣнія о вещахъ, находимыхъ въ этихъ курганахъ, а также указанія на то, что къ западу отъ могильника, по направленію отъ возвышенности берега къ бухтѣ, находятся слѣды широкой древней дороги, выложенной по краямъ камнями. Прежде начатія раскопокъ въ могильникѣ я искалъ слѣдовъ этой дороги въ указанномъ направленіи, но послѣ внимательныхъ изслѣдованій пришелъ къ убѣжденію, что предполагаемая дорога представляетъ собою вертикально поставленныя наслоенія сланцевыхъ породъ, изъ которыхъ состоитъ вся прибрежная мѣстность; болѣе слабые слои выветрились и представляютъ дѣйствительно какъ бы дорогу, шириной въ три сажени, окаймленную съ обѣихъ сторонъ вертикально стоящими надъ поверхностью слоями болѣе твердыми, представляющими какъ бы ряды камней. Совершенно прозрачная, какъ хрусталь, Геленджикская бухта позволяла ясно прослѣдить, какъ эти наслоенія спускались въ воду, проходили по дну бухты и проявлялись вновь, въ томъ же порядкѣ, на противоположномъ берегу.

Переходя къ изслѣдованіямъ самаго могильника, прежде всего нужно замѣтить, что курганы встрѣчаются здѣсь двухъ типовъ: одни курганы болѣе высокіе, хотя высота ихъ не болѣе метра, имѣютъ полушарообразную форму; другіе, болѣе низкіе, не достигаютъ и полъ-метра высоты, представляя собою небольшую и расплывчатую насыпь, большею частью изъ щебня, вокругъ которой обыкновенно встрѣчаются въ обиліи мелкіе черепки красной глины отъ большаго сосуда; эти послѣдніе курганы, какъ оказалось, заключаютъ въ себѣ урны съ жжеными костями.

Изъ кургановъ перваго типа, т. е. съ обыкновеннымъ погребеніемъ, я ограничился раскопкою только одного кургана, имѣвшаго высоту немного менѣе метра. У края насыпи кой-гдѣ сохранились еще ряды камней, поставленныхъ на ребро. Въ срединѣ насыпи, на поверхности грунта, оказались сложенныя изъ хорошо обтесанныхъ и аккуратно прилаженныхъ каменныхъ плитъ двѣ смежныя гробницы, покрытыя сверху поперечными плитами. Одна изъ этихъ гробницъ длиной соотвѣт-

ствовала росту взрослаго человѣка и заключала въ себѣ одинъ скелетъ, а другая была почти въ половину меньше и въ ней находился скелетъ мальчика или дѣвочки.

Оба скелета лежали по направленію съ сѣвера на югъ, причемъ головы обоихъ скелетовъ лежали на сѣверъ, съ поворотомъ лица на востокъ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Кости и въ особенности оконечности плохо сохранились. Изъ вещей были найдены — у большаго скелета — брусокъ у лѣваго бока, желѣзный ножикъ и фрагментъ выпуклой и круглой желѣзной бляшки; въ ногахъ скелета находились два небольшихъ кувшинчика изъ красноватой глины, съ одной ручкой у каждаго. Кувшинчики были грубой работы и не сохранились цѣлыми.

Подобныхъ же два кувшинчика были найдены въ ногахъ и у маленькаго скелета, вмѣстѣ съ кусочками желѣза.

Кургановъ съ трупосожженіемъ было раскопано мною четыре.

Обыкновенно въ такихъ курганахъ жженыя кости, а также и вещи помѣщались въ большой глиняной урнѣ, вставленной въ особую неглубоко вырытую ямку; отверстіе урны закрывалось плоскимъ округленнымъ камнемъ и затѣмъ на поверхности земли засыпалось мелкимъ щебнемъ (таб. V, рис. 2, рис. 3, C).

Такъ какъ края урны выходили на поверхность земли, а насыпь щебня была не велика, то края урны обламывались въ мелкіе кусочки и эти кусочки кольцомъ окружали отверстіе урны. Обыкновенно урны имѣли форму яйцевиднаго сосуда изъ хорошо обожженой глины, причемъ дно сосуда оканчивалось стержнемъ съ расширеніемъ на концѣ — на манеръ греческихъ амфоръ. Изображеніе подобныхъ урнъ можно видѣть на таблицѣ V, рис. 3, A, B; діаметръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ доходитъ иногда до 50 сентиметровъ, а длина нѣсколько болѣе

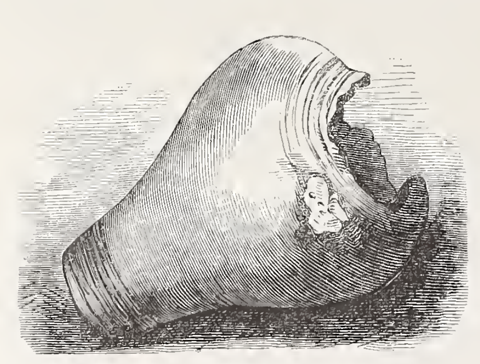

Рис. 16.

На рисункѣ 3, C той же таблицы представлено положеніе урны въ землѣ; ея наклонъ въ одну сторону указываетъ на то, что для урны выкапывали довольно просторную яму. Самая урна по формѣ своей не походитъ на другія встрѣченныя мною урны — она имѣетъ форму грушевидную, съ слѣдами двухъ ручекъ, и украшена поясками (рис. 16).

Слѣдовъ кострищъ вокругъ урны, а также угля, — мною не замѣ-

чено, а потому нужно предположить, что сожженіе трупа происходило гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ мѣста погребенія. Притомъ, обращая вниманіе на небольшое количество костей, занимавшихъ обыкновенно отъ $^1/_3$—$^1/_2$ высоты урны, можно предположить, что не всѣ кости попадали въ урну; кости въ урнѣ находились всегда безъ примѣси золы или угля и въ очень размельченномъ видѣ. Вещами погребальныя урны не были богаты: въ одной изъ нихъ, самой большой, мною найдены три дутыхъ мѣдныхъ пуговки въ формѣ шариковъ, большая оливковой формы пронизка изъ агата (съ халцедономъ), сѣраго цвѣта съ бѣлыми прожилками, очень красивая и прекрасно отполированная; тутъ же найдена пряслица изъ бѣлаго камня, выпуклая съ одной стороны, глиняный кружокъ, обдѣланный изъ черепка, со сверлиной посреди; желѣзныя ножницы, какія употребляются для стрижки овецъ, и части желѣзнаго ножика. Въ другой урнѣ нашлись слѣдующія вещи: половина глиняной пряслицы и обломокъ мѣднаго бубенчика или пуговки. Въ третьей урнѣ — пять дутыхъ мѣдныхъ пуговокъ грушевидной формы и три въ формѣ шариковъ; три куска натуральной формы коралла, вѣроятно, отъ дѣйствія огня получившихъ бѣлый цвѣтъ. Наконецъ, въ четвертой, грушевидной, урнѣ нашлись только—мѣдная пряжка и желѣзное огниво. Врядъ ли можно думать, что вещи, найденныя мною въ урнахъ, составляли полную обстановку покойника — по неполнотѣ тѣхъ вещей, у которыхъ не хватало частей, какъ, напр., у желѣзныхъ ножницъ и бубенчиковъ или пуговокъ, а также по отрывочности нѣкоторыхъ украшеній скорѣе возможно предположить, что вещи попали частями, такъ сказать, случайно, также какъ и жженыя кости. Раскопками одного кургана и четырехъ урнъ я и ограничилъ свои изслѣдованія этого могильника.

Въ одной верстѣ отъ бухты, въ восточномъ направленіи, находится могильникъ въ лѣсу, на довольно плоской мѣстности, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ кургановъ. Курганы были средней величины и всѣ имѣли полушарообразную форму. Въ этомъ могильникѣ мною было разрыто три кургана. Насыпь кургановъ состояла изъ глины и щебня.

Въ двухъ первыхъ курганахъ гробницы были сложены изъ грубо отесанныхъ каменныхъ плитъ — мѣстной породы камня-трескуна. Въ каждой гробницѣ находилось по одному скелету; направленіе гробницы, а также и скелета, было съ сѣвера на югъ, причемъ скелеты головой положены на сѣверъ. Руки вытянуты вдоль туловища.

Особенностью устройства этихъ кургановъ можно считать то обсто-

ятельство, что гробницы находились не въ центрѣ кургана, а въ полѣ насыпи западной стороны кургана. Размѣры гробницы соотвѣтствовали размѣрамъ скелета, а формой своей представляли обыкновенный прямоугольный ящикъ, покрытый сверху плитами; гробницы находились на уровнѣ грунта.

Въ первой гробницѣ у головы скелета противъ праваго виска найденъ былъ кувшинъ съ двумя ручками изъ красной глины, довольно грубой работы; у праваго бедра желѣзная сѣкира и желѣзная лопатка, родъ скребка; кромѣ того, у лѣваго бока найдены части кинжала или меча, но сильно перержавѣвшія, такъ что сохранить ихъ не было возможности, а можно было только замѣтить, что лезвіе было широкое и прямое, а длиной приблизительно около полъ-аршина. Одна мѣдная трубочка и двѣ костяныя служили, вѣроятно, рукоятками для какой-нибудь трости. Разогнутая мѣдная проволока и неопредѣленнаго типа желѣзное остріе дополняли погребальную обстановку этого скелета. Быть можетъ, эти острія и трубочки составляли части дротиковъ или какихъ-либо метательныхъ орудій, но и этого утверждать нельзя, такъ какъ вещи очень плохо сохранились, въ особенности желѣзо.

Въ другой гробницѣ, у головы скелета, противъ праваго виска, найдено до 8 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, сильно испорченныхъ ржавчиной; тутъ же найденъ маленькаго размѣра желѣзный серпъ,— служившій, быть можетъ, для очистки пути отъ густоты вѣтвей во время ходьбы по лѣсу, для чего онъ могъ быть насаженъ на длинную рукоятку. Такіе серповидные ножи до сихъ поръ употребляются, напр., въ Сочи и въ Закавказьѣ, гдѣ называется „цалдами“.

Внизу, между конечностями ногъ, лежалъ длинный наконечникъ желѣзнаго копья, обращенный остріемъ къ туловищу, что доказываетъ, что наконечникъ положенъ былъ безъ древка.

Третій курганъ представлялъ ту особенность, что скелетъ, найденный въ томъ же направленіи, положенъ былъ безъ гробницы; вещей не было никакихъ, кромѣ обычнаго типа трехъ кувшинчиковъ, лежащихъ на костяхъ колѣнъ. Скелетъ былъ зарытъ выше уровня грунта. По всему вѣроятію, всѣ три скелета можно считать мужскими.

Сравнивая характеръ погребенія въ этомъ могильникѣ и найденныя вещи съ изслѣдованнымъ курганомъ могильника на берегу Геленжикской бухты, нельзя не замѣтить большаго различія въ погребальныхъ обрядахъ этихъ двухъ могильниковъ. Въ могильникѣ у бухты—гробница находится въ центрѣ кургана и даже ихъ найдено было двѣ; гробницы сложены тщательно изъ твердаго камня—песчаника; сосуды

положены въ ногахъ. Въ могильникѣ же, находящемся въ лѣсу, гробницы находятся близко къ западному краю кургана; гробницы сложены грубо изъ мѣстнаго камня. Сосуды и стрѣлы у головы скелета и только у одного скелета сосуды на колѣнахъ и ближе къ туловищу. Въ этомъ же могильникѣ замѣчательно обиліе оружія, причемъ особенно интересной по формѣ является—*сѣкира*. Форма копья относится къ типамъ болѣе древнихъ копій.

При маломъ количествѣ данныхъ пока можно только указать на эти различія и особенности, которыя могутъ зависѣть какъ отъ разновременности могильниковъ, такъ и отъ этническаго различія обитателей этихъ мѣстностей. Впрочемъ, сравненіе найденныхъ вещей наводитъ на предположеніе, что могильникъ въ лѣсу *древнѣе* могильника у бухты, не принимая въ сравненіе при этомъ фактовъ трупосожженія. Считаю умѣстнымъ пака ограничиться этими замѣчаніями.

На обратномъ пути изъ Геленджика въ Новороссійскъ, я надѣялся при помощи учителя г. Даринскаго заняться раскопками осмотрѣннаго могильника, но, къ сожалѣнію, г. Даринскій былъ въ это время вызванъ по дѣламъ службы въ Новороссійскъ, а я, за невозможностью найти рабочихъ и дорожа временемъ, рѣшился продолжать свой путь. Впрочемъ, въ Новороссійскѣ, встрѣтивъ г. Даринскаго, я просилъ его произвести эти раскопки, для чего и снабдилъ его подробными инструкціями. Полученное впослѣдствіи письмо и вещи даютъ мнѣ возможность дополнить его трудами свой отчетъ.

Г. Даринскимъ въ могильникѣ с. Кабардинскаго было раскопано два кургана; высота ихъ была около трехъ аршинъ. Каждый курганъ заключалъ въ себѣ гробницу, находящуюся на уровнѣ материка или грунта и сложенную въ формѣ длиннаго ящика изъ каменныхъ плитъ, причемъ камень брался не изъ ближайшихъ мѣстныхъ породъ-трескуна, а принадлежалъ къ породѣ „дикаря". Длина одной гробницы доходила до трехъ аршинъ; другой—немного болѣе; ширина $^3/_4$ аршина; а ширина другой равнялась аршину; высота была 10—11 вершк. Такимъ образомъ гробницы эти представляли по своимъ размѣрамъ обычный типъ подобныхъ гробницъ на побережьяхъ Чернаго моря. Въ гробницѣ первой оказались два скелета; положеніе ихъ, такъ же, какъ и самой гробницы, было съ востока на западъ; головами покойники были положены къ западу, съ поворотомъ лица на югъ. У ногъ покойниковъ найдены три глиняныхъ кувшинчика обычнаго типа и стеклянный стаканъ, имѣющій форму мензурки. На днѣ гробницы найдена пряслица въ видѣ кружка съ сверлиной, сдѣланною изъ бѣлаго мягкаго камня.

Другая гробница по краю курганной насыпи сохранила рядъ камней; въ самой насыпи попадалось много улитокъ-раковинъ и морскихъ ракушекъ. Въ гробницѣ находились три скелета, въ томъ же направленіи положенные, какъ и скелеты первой гробницы, но кости скелета, находившагося на южной сторонѣ, лежали въ особенномъ безпорядкѣ; у ногъ этого скелета найдено пять глиняныхъ кувшиновъ, наполненныхъ землею; кувшинчики эти обычнаго типа. Подъ костями ступни средняго скелета лежали черепки глиняной съ зеленой поливой тарелки; на этихъ черепкахъ лежали—желѣзный ножъ, желѣзныя ножницы для стрижки овецъ и желѣзный серпъ; кромѣ того, здѣсь же найденъ былъ наконечникъ желѣзнаго трехграннаго копья.

Что касается до фрагментовъ тарелки, то они по характеру поливы, по орнаменту и вообще по техникѣ представляютъ совершенно близкое родство съ фрагментами посуды, найденными мною въ раскопкахъ близъ казармъ, въ Сухумѣ. Вѣроятно, изъ Сухума и проникали сюда, въ окрестности Новороссійска, этого рода издѣлія.

V.

Раскопка по дорогѣ къ могильнику въ Мысхако. Могильникъ въ Мысхако. Раскопки въ Цемесской долинѣ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Новороссійска, на западъ по дорогѣ въ Мысхако, находится могильникъ, состоящій изъ множества кургановъ. Могильникъ расположенъ на возвышенности покатой по направленію къ бухтѣ, т. е. на югъ; курганы здѣсь разсѣяны среди мелкаго лѣса. Почва этой покатости состоитъ изъ сплошной мергелевой породы и здѣсь во многихъ мѣстахъ жители Новороссійска добываютъ камень— „трескунъ“ для своихъ построекъ. Въ этомъ могильникѣ я выбралъ одинъ курганъ для изслѣдованія; на верху этого кургана ясно обозначалась продольная плита по направленію съ востока на западъ. Послѣ снятія щебня и земли очень скоро обозначилась самая гробница, составленная изъ двухъ длинныхъ плитъ близко сходившихся верхними краями, въ то время какъ нижніе края значительно отходили другъ отъ друга. Съ южной стороны одна продольная плита была подперта другой—широкой и длинной. Оконечности длинныхъ плитъ на западъ и востокъ опирались въ небольшія плитки, поставленныя къ нимъ подъ прямымъ угломъ.

Основаніе кургана—по сторонамъ длинныхъ плитъ было прикрыто плоскими камнями—какъ бы вымощено. Длинное отверстіе между двумя продольными плитами было до верха засыпано землей. Длина каждой изъ продольныхъ плитъ равнялась 2 метрамъ и 62 сантиметрамъ, а высота каждой плиты доходила до 64 сантиметровъ. Плиты сдѣланы изъ камня трескуна и потому, какъ видно на рисункѣ, состоятъ изъ нѣсколькихъ наслоеній. Разстояніе отъ средней продольной плиты до окружности кургана—равняется почти метру.

Послѣ снятія одной боковой плиты обнаруживается весь характеръ погребенія, представлявшійся въ продольномъ и вертикальномъ разрѣзѣ. Слой земли занималъ въ гробницѣ пространство, глубиной до 33 сантиметровъ, послѣ чего уже виднѣлись кости скелета, лежащаго съ востока на западъ; головой скелетъ положенъ на западную сторону, но лицомъ повернутъ на сѣверъ, руки вытянуты вдоль туловища, правая нога у колѣна немного изогнута, кости сохранились ясно. При очисткѣ скелета найдены возлѣ головы и грудныхъ костей пять бусъ, изъ которыхъ одна бирюзоваго цвѣта, изъ египетской пасты; кромѣ того, одна просверленая привѣска и маленькая металлическая плитка. У праваго бока найдена желѣзная игла, а подъ головой небольшой черепокъ красной глины.

На приложенныхъ рисункахъ таблицы IV, можно видѣть устройство гробницы, по снятіи курганной насыпи, и боковой разрѣзъ гробницы, очищенной отъ земли. Отсутствіе верхней плиты или крыши и наклонное положеніе боковыхъ плитъ гробницы мнѣ кажется случайнымъ явленіемъ, происшедшимъ отъ плохого качества камня—трескуна и неосторожной засыпки кургана: крыша, вѣроятно, раздробилась и растрескалась отъ насыпанія щебня и земли и части крыши сползли по сторонамъ, какъ и представлено на рисункѣ № 1, сдѣланномъ мною съ натуры; вслѣдствіе паденія крыши, боковыя плиты, принимая на себя удары набрасываемой земли, приняли взаимно наклонное положеніе. Можно предположить, что гробница долгое время стояла незасыпанной землею, а при такомъ условіи камень трескунъ непремѣнно даетъ трещины и крошится.

Такое предположеніе о незасыпанной долгое время гробницѣ само по себѣ имѣетъ нѣкоторое основаніе, на которое и будетъ указано ниже.

Самый рисунокъ представляетъ раскопанную площадь вокругъ гробницы въ тотъ моментъ, когда еще не были сняты куски плитъ, по моему предположенію—части крыши, и слой земли, подъ которыми и оказалось дно кургана, выложенное камнями неправильной формы. Точно также поперечныя пластинки, приставленныя съ концовъ къ боковымъ плитамъ, подъ прямымъ угломъ для подпоры—на рисункѣ не показаны, потому что еще закрыты землей.

Изъ найденныхъ вещей ясно, что скелетъ женскій: на это указываетъ—желѣзная игла и бусы.

Что касается до найденныхъ бусъ, то нельзя не замѣтить, что буса изъ египетской пасты, украшенная маленькими ребьями и съ ободоч-

ками у отверстій, носитъ характеръ древности, такъ же какъ и другая буса, также глиняная, свѣтло зеленоватаго цвѣта, съ чернымъ глазированнымъ орнаментомъ. Случайно встрѣченный мною, этотъ могильникъ не входилъ въ разсчеты моего времени, а потому я долженъ былъ ограничиться раскопкой только одного кургана и торопился заняться изслѣдованіями могильника г. Мысхако.

По тому-же направленію, верстахъ въ 4-хъ отъ послѣдняго могильника на сѣверо-западъ, находится гора Мысхако, напоминающая нѣсколько формой своей гору Аю-Дагъ, въ Крыму; Мысхако своей западной покатостью вдается въ море, образуя мысъ недалеко отъ входа въ Новороссійскую бухту. Всей южной стороной гора эта вмѣстѣ съ другой прибрежной возвышенностью образуетъ небольшое ущелье, составлявшее ложе рѣки Мысхако. Приближаясь къ морю, это ущелье расширяется и переходитъ въ плоскую покатость. На этой покатости разсѣяно много кургановъ или могильныхъ насыпей. Къ сѣверу отъ этой приморской покатости и ближе къ горѣ Мысхако прилегаетъ земля г. Пенчула, разбившаго здѣсь свои плантаціи виноградника. Прежде всего въ этомъ могильникѣ обращаютъ на себя вниманіе курганы полушарообразной формы, съ торчащими на вершинахъ верхушками двухъ камней, обыкновенно обозначающихъ концы гробницы. Иногда же въ курганахъ болѣе низкихъ близко края окружности замѣчаются также камни, составляющіе кругъ въ соотвѣтствіе съ окружностью самаго кургана. Съ другой стороны, между такими курганами попадались небольшія насыпи изъ щебня, едва замѣтныя съ перваго взгляда. Общій видъ могильника представленъ на приложенной таблицѣ №. V, рис. 1.

Желая ознакомиться съ этимъ могильникомъ, я выбралъ для раскопки большой курганъ, который хорошо сохранилъ свою первоначальную форму и надъ которымъ не было замѣтно выглядовавшихъ наружу камней. Раскопка была начата съ сѣвера широкой траншеей. Въ началѣ работы близко края оказалась небольшая кладка, въ формѣ прямого угла, сложеннаго изъ ряда камней. Далѣе все пространство кургана, начиная отъ стѣнки при началѣ траншеи, на уровнѣ земли было вымощено плоскими неправильной формы камнями. Дорога эта упиралась какъ разъ въ длинную сторону каменной гробницы, находившейся въ центрѣ кургана и сложенной весьма аккуратно изъ каменныхъ плитъ, такъ что она представляла собою длинный каменный ящикъ, причемъ впрочемъ плиты, образующія оконечности гробницы, значительно выступали вверхъ и одна изъ нихъ имѣла вверху неправильную форму. Гробница сверху была покрыта рядами плитъ, положенныхъ поперекъ

одна возлѣ другой. Въ покрытіи гробницы и въ обработкѣ этихъ покрывающихъ плитъ не было замѣтно той тщательности и правильности какая замѣчалась въ устройствѣ самой гробницы: плиты не приходились плотно другъ къ другу и были различныхъ размѣровъ, а одна плита была разбита, отчего въ образованныя такимъ образомъ щели земля насыпалась внутрь гробницы (таб. VI, рис. 1). По снятіи верхняго слоя земли, я нашелъ внутри гробницы два мужскихъ скелета, положенныхъ хотя и рядомъ, но такимъ образомъ, что одинъ скелетъ вслѣдствіе тѣсноты гробницы былъ нѣсколько выше другаго. Черепа отъ времени были сильно испорчены, а также и кости. Положеніе скелетовъ было съ востока на западъ и головой на востокъ, причемъ лицо было поднято кверху, руки вытянуты вдоль туловища; кости однако были такъ перемѣшаны съ вещами, что желая выбрать кости, нужно было тревожить и вещи и наоборотъ, а между тѣмъ вещи часто разсыпались отъ одного прикосновенія. Ближайшій къ траншеи, лежащій выше другаго скелетъ былъ, повидимому, втиснутъ въ гробницу возлѣ другаго скелета, оттого кости такъ сильно перепутались; на груди этого перваго скелета былъ найденъ цѣльнымъ деревянный гребень; съ праваго бока того-же скелета лежали какія-то вещи, характеръ которыхъ вначалѣ трудно было распознать, такъ перемѣшаны онѣ были съ костями. Оказалось потомъ, что это перегнившія части деревяннаго колчана, который былъ, вѣроятно, богато украшенъ найденными тутъ-же костяными узорными пластинками. Форма колчана, насколько ее можно было уловить изъ лежавшихъ фрагментовъ, была цилиндрическая, сплюснутая съ задней стороны; дерево было снаружи темнаго цвѣта. Внизу подъ колчаномъ найдены были обломки стрѣлъ съ желѣзными наконечниками; тутъ-же были найдены два гладкихъ мѣдныхъ кольца, вѣроятно, тоже отъ колчана; вблизи стрѣлъ былъ найденъ желѣзный ножикъ. Наконецъ, у пояса скелета были найдены два колечка, также мѣдныхъ и гладкихъ,—этимъ и закончились мои находки.

На прилагаемой фототипіи X представлены желѣзные наконечники стрѣлъ (21—28) и орнаментированныя костяныя пластинки отъ колчана (фиг. отъ 1—21).

Наконечники стрѣлокъ большею частію имѣютъ древнюю листвовидную форму. Что же касается до орнамента пластинокъ, то рисунокъ орнамента образованъ рѣзьбою вглубь, причемъ углубленныя мѣста заполнялись черной массой. Техника и рисунокъ очень характерны и заслуживаютъ особаго вниманія. Имѣя въ виду говорить о нихъ подробнѣе впослѣдствіи,—я теперь перейду къ описанію раскопки втораго кургана.

Раскопка кургана № 2, который находился не далеко отъ перваго, не привела къ особенно интереснымъ результатамъ. Самый курганъ былъ гораздо меньшаго размѣра; подобная же гробница той, которая была въ первомъ курганѣ, оказалась наполненной въ безпорядкѣ лежащими костями, такъ что опредѣлить положеніе скелетовъ не было никакой возможности. Среди костей былъ найденъ небольшой кувшинъ, красной глины, уже разбитый; отбитая часть нашлась въ курганѣ въ далекомъ разстояніи отъ костей: вѣроятно, кувшинъ былъ брошенъ въ могилу уже послѣ погребенія. Высота этого кургана была менѣе метра, тогда какъ высота перваго кургана была около 2-хъ метровъ, но вообще среднюю высоту кургановъ этого могильника нужно считать не болѣе одного метра.

Въ этомъ же могильникѣ изъ насыпей 2-го рода, т. е. представляющихъ небольшія кучки щебня, было изслѣдовано мною двѣ насыпи. Вокругъ первой было замѣтно много мелкихъ черепковъ красной глины; между прочимъ, среди этихъ осколковъ можно было отличить края или бережки отъ большаго сосуда или амфоры. При снятіи слоя земли и щебня на $^1/_4$ аршина глубины, обозначились отбитые края амфоры, врытой вертикально въ землю. Верхнія части амфоры провалились внутрь, а части бережка или края сосуда разсѣяны были на поверхности земли вокругъ кучки щебня; онѣ и привлекли мое вниманіе предъ началомъ раскопки. Сосудъ былъ покрытъ плоскимъ обтесаннымъ въ неправильный кругъ камнемъ. Послѣ удаленія земли и черепковъ изъ урны — нижняя половина ея оказалась наполненной жжеными человѣческими костями, получившими отъ огня специфическій синеватый оттѣнокъ.

При разборкѣ костей найдены были вещи: 1) металлическій перстенекъ и 2) кусочекъ желѣза, по формѣ напоминавшій лезвіе маленькаго ножа.

Амфора или урна была вся надтреснутой на куски, такъ что удалось извлечь только дно ея, сведенное въ стержень или цилиндрикъ, какъ у греческихъ амфоръ. Однако возможно было опредѣлить діаметръ урны—въ самомъ широкомъ мѣстѣ онъ равнялся 60 сантиметрамъ. Приблизительно, по соображенію, можно было опредѣлить и высоту сосуда, которая должна была приближаться къ одному метру. Принимая въ соображеніе эти размѣры, форму урны можно возстановить въ такомъ видѣ, въ какомъ она представлена на прилагаемомъ рисункѣ (таб. V; рис. 3, В).

Раскопка другой подобной насыпи изъ щебня привела къ слѣдующимъ результатамъ: возлѣ кучки щебня, такъ же какъ въ только-что опи-

санномъ случаѣ, лежали кусочки черепковъ красной глины; количество ихъ указывало на то, что они составляли небольшую только верхнюю часть погребальной урны. На глубинѣ такъ же $^1/_4$ аршина обозначились края урны такого же размѣра, какъ и первая. Верхнія части сосуда обвалились такъ же внутрь. Сосудъ былъ такъ же вертикально врытъ въ землю, но земля съ западной стороны сосуда была сильно смѣшана съ золой и съ черной гарью; въ этомъ жженомъ слоѣ, на уровнѣ края сосуда, нашлась часть желѣзнаго меча, тогда какъ другая часть, оконечная, оказалась въ самомъ сосудѣ. Мечъ былъ такимъ образомъ изогнутъ въ раскаленномъ видѣ и положенъ надъ урной, такъ что изогнутый конецъ его свѣшивался въ урну. Я называю это лезвіе мечемъ, потому что оно прямое, обоюдоострое, оканчивается остріемъ, посреди лезвія замѣтенъ желобокъ, клинокъ вообще массивный, но сильно попорченный отъ огня, такъ что онъ легко распался на части, а потому опредѣлить размѣры его довольно рискованно—за неимѣніемъ многихъ частей. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ болѣе обыкновеннаго черкесскаго кинжала, но не превышалъ длиною двухъ четвертей съ половиною. Онъ представлялъ совершенно другой типъ, чѣмъ находимыя обыкновенно въ могилахъ этой мѣстности длинныя, кривыя и узкія сабли.

Ближе ко дну сосуда было найдено два кусочка отъ кольчуги, тоже испорченной огнемъ, и желѣзное огниво; наконецъ, ближе къ отверстію урны нашлась стрѣлка желѣзная, листовидной формы. На днѣ урны оказалось небольшое количество жженыхъ костей.

Такъ окончились мои раскопки въ этомъ могильникѣ, гдѣ было встрѣчено мною два рода погребенія — обыкновенное и трупосожженіе, причемъ насыпи того и другаго рода не выдѣлялись въ особыя группы, а казались насыпанными безъ всякой системы на плоскости могильника. Владѣлецъ сосѣдняго хутора, г. Пенчулъ сообщилъ мнѣ, что рабочіе его, раскапывая землю подъ виноградникъ, иногда находили черкесское оружіе и монеты. Я просилъ его на будущее время высылать мнѣ подобныя находки. Дѣйствительно, зимой того-же года я получилъ отъ него коллекцію вещей, добытыхъ при разработкѣ его земли. Коллекція эта, пожертвованная имъ въ Историческій музей, не только дополняетъ мои раскопки, но и придаетъ особый археологическій интересъ этой мѣстности возлѣ горы Мысхако.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію этихъ вещей, нужно замѣтить, что вещи эти, по большей части, не принадлежатъ къ погребальной обстановкѣ, а находка ихъ объясняется скорѣе тѣмъ, что земля Пен-

чула занимаетъ культурный слой, образовавшійся отъ древняго, вѣроятно, значительнаго населенія.

Наиболѣе характерныя изъ коллекціи вещей, присланныхъ г. Пенчуломъ, изображены на таблицѣ VI (фиг. 2—4) и на фототипіи XI-й. Изъ самаго поверхностнаго обзора изображенныхъ вещей уже чувствуется, какую смѣсь эпохъ представляютъ эти вещи: здѣсь и стеклянный алавастръ, быть можетъ, финикійскаго издѣлія и бронзовое зеркальцо древняго типа—круглое изъ тонкой пластинки; фибула болѣе поздняго типа, ̶рпа, напоминающая греческія издѣлія этого рода, крестъ—тѣльникъ изъ металлическаго сплава, наконечникъ копья желѣзнаго—также древняго типа и, наконецъ, много вещей, здѣсь неизображенныхъ, относящихся къ тѣмъ вещамъ, которыя обыкновенны въ гробницахъ этой мѣстности. Разобраться въ этихъ вещахъ не легко, но разобраться очень важно, потому что эти разновременныя вещи представляютъ собою единственныя свидѣтельства культурной исторіи этой интересной мѣстности.

Но характеристику всѣхъ вещей, найденныхъ въ этой экспедиціи, я предпочитаю представить въ отдѣльной главѣ; такой порядокъ изложенія даетъ мнѣ болѣе свободы въ группировкѣ вещей и болѣе удобства при ихъ сравненіи, а съ другой стороны, не будетъ прерывать моего отчета о послѣдовательныхъ раскопкахъ.

Вотъ почему я и перехожу теперь къ моимъ раскопкамъ въ Цемесской долинѣ.

Цемесская долина тянется на 10 верстъ отъ Новороссійска на сѣверъ. Почти въ самомъ концѣ долины, между лѣвымъ берегомъ р. Цемесски и большой дорогой въ Анапу, находится довольно обширный могильникъ, разбросанный частію на полянѣ у дороги, частію въ лѣсу. Курганы могильника не превышаютъ сажени въ высоту. Сколько мнѣ удалось замѣтить, курганы эти не одинаковой конструкціи: одни изъ нихъ въ основаніи имѣютъ стѣнку въ формѣ квадрата, сложенную насухо изъ небольшихъ камней; стѣнка эта достигаетъ высоты трети кургана и служитъ какъ бы рамкой, на которой покоится земляная насыпь полушарообразной формы (таб. VII, рис. 2, С), каждая сторона стѣнки равняется 3-мъ саженямъ. Другіе курганы, вмѣсто квадратной стѣнки, имѣютъ основаніемъ круглую стѣнку, сложенную плохо изъ длинныхъ и тонкихъ кусковъ камня—трескуна (рис. 2, В). Наконецъ, у третьихъ кургановъ замѣчаются близко края земляной насыпи—рядъ отдѣльно торчащихъ камней, образующихъ большею частію квадратъ (рис. 2, А). Вверху кургана иногда замѣчались наружу выступавшіе два камня—

концы гробницы. Какъ эти торчащіе камни, такъ и стѣнки изъ камней большею частію плохо уже сохранились, потому что камни усердно уносились и уносятся для новыхъ построекъ. Въ этомъ могильникѣ мною были раскопаны два кургана. Окружность основанія перваго кургана равнялась приблизительно 25 метрамъ, а высота менѣе метра. Курганъ имѣлъ форму, нѣсколько расплывчатую, и по краямъ насыпи сохранилъ ряды торчащихъ камней въ формѣ квадрата. Раскопка была ведена посредствомъ колодца. Снятый сверху не болѣе какъ на четверть глубины слой чернозема обнажилъ гробницу изъ каменныхъ плитъ, имѣющую направленіе въ длину отъ NW къ SO. Очищенная отъ земли гробница представляла каменный ящикъ, длиною 1 метръ 86 сантим. По концамъ гробница заканчивалась высоко стоящими плитами, у одной верхушка обломилась. Высокія плиты подпирались съ каждой стороны двумя клинообразно поставленными камнями. Сверху гробница прикрывалась четырьмя положенными поперекъ плитами, изъ которыхъ у двухъ были давно отломаны выступавшіе бока и лежали эти куски, прислоняясь къ стѣнкамъ гробницы, въ видѣ контрофорсовъ. Ящикъ внутри былъ наполненъ землей и обломками камней отъ плитъ (таб. VII, рис. 3; рис. 1 представляетъ вертикальный разрѣзъ кургана).

Снятая послойно земля обнаружила кости пяти скелетовъ (судя по количеству череповъ), лежащихъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Одинъ черепъ найденъ въ концѣ гробницы; три черепа лежали вмѣстѣ по срединѣ гробницы и одинъ черепъ нѣсколько ближе къ концу гробницы. Такимъ образомъ, одно положеніе череповъ указывало на то, что только одинъ скелетъ могъ быть положенъ въ гробницу, но порядокъ другихъ костей и это предположеніе дѣлаетъ сомнительнымъ. Напротивъ, расположеніе костей и вещей, по моему мнѣнію, указываетъ ясно на тотъ фактъ, что въ этой гробницѣ не были погребены тѣла покойниковъ, а только всыпались въ гробницу кости и вещи. Пять покойниковъ никакъ не могли помѣститься въ этой гробницѣ, длина которой менѣе двухъ метровъ, а ширина и глубина равняются—40 сант. Земля попала въ гробницу случайно вслѣдствіе щелей между плитами крыши. Вещи главнымъ образомъ находились въ двухъ мѣстахъ—около отдѣльно лежащаго черепа въ сѣверо-западномъ концѣ гробницы и въ противоположномъ углу. У черепа найдены были слѣд. вещи: двѣ серебряныя серьги, каждая изъ нихъ состояла изъ кольца съ двумя дутыми серебряными конусами, соединенными своими основаніями; серебряныя шарообразныя пуговки; здѣсь же найдены украшенія, плетеныя изъ шелковыхъ снурковъ, обмотанныхъ серебряной канителью и напоминающихъ

петлицы или такъ наз. „бранденбурги". Въ другомъ мѣстѣ сгруппированы были желѣзныя вещи (фот. XII)—длинная, узкая желѣзная пила съ загнутыми въ разныя стороны концами (ф. 9)—другая пила, широкая и короткая съ слѣдами дерева и желѣзной петлей на одномъ концѣ (ф. 10); ножикъ съ зубцами по выпуклому лезвію; (ф. 11); обломанный инструментъ съ загнутымъ концомъ — для выстругиванія углубленій въ деревѣ, напр., ложекъ (ф. 12). Наконецъ, тутъ же найдены три обыкновенныхъ ножа и пять желѣзныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ ромбической формы (фф. 6—8 и отъ 1—5).

Другой курганъ, выбранный мною для изслѣдованія, имѣлъ въ высоту до 3-хъ аршинъ и принадлежалъ поэтому къ самымъ высокимъ курганамъ могильника. Насыпь кургана представлялась крутой, полушарообразной, безъ признаковъ торчащихъ камней на вершинѣ, а у края насыпи камней не было замѣтно, хотя эти камни могли быть унесены

Раскопка кургана ведена была широкимъ колодцемъ: въ насыпи слои щебня-рухляка чередовались съ слоями земли, но чѣмъ глубже шла раскопка, тѣмъ крупнѣе становился щебень, такъ что его приходилось уже разбирать руками. Почти до трехъ аршинъ доведена была раскопка, а никакихъ слѣдовъ присутствія гробницы не оказывалось: возлѣ груды крупныхъ камней уже у сѣверо-восточнаго края колодца обозначилась на днѣ материковая скала, отнимавшая, повидимому, всякую надежду на присутствіе гробницы, но, къ счастью, мною было замѣчено, что при разборкѣ большихъ камней земля скатывалась въ щель около скалы и исчезала—ясно, что внизу у самой скалы была пустота. Дѣйствительно, когда съ большимъ трудомъ выбрали камни со дна колодца, то оказалось, что въ материковой скалѣ съ сѣверо-восточной стороны высѣчена вглубь на полъ-аршина продолговатая яма, прикрытая сверху сводомъ изъ большихъ неправильной формы камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента. Но сводъ этотъ прикрывалъ отверстіе съ юго-западной стороны, гдѣ скала дѣлала небольшой уступъ и высѣченная яма углублялась также нѣсколько въ бокъ скалы въ сѣверо-восточномъ направленіи. Протяженіе этой высѣченной въ скалѣ гробницы было съ сѣверо-востока на юго-западъ. Найденный въ ямѣ скелетъ положенъ былъ головой на сѣверо-западъ. Кости были раздавлены давно нападавшими камнями; черепъ найденъ въ кускахъ. Сколько можно было замѣтить, ручныя кости скелета были вытянуты вдоль туловища. На груди скелета, ближе къ черепу, были найдены—костяная, полированная пронизка, металлическое зеркало изъ особаго сплава (патины) съ

ушкомъ посреди и украшенное съ той же стороны, гдѣ ушко, рельефными рубчиками, идущими отъ ушка, на подобіе радіусовъ; тутъ же найдены двѣ мѣдныя пуговки, плохой сохранности и миніатюрное желѣзное колечко. Кромѣ того, у черепа найдено два кольца изъ олова. Г. Гайдукомъ, сыномъ владѣльца сосѣдняго хутора, былъ раскопанъ еще одинъ курганъ, подходившій совершенно по устройству гробницы и по характеру вещей къ первому кургану моей раскопки. Изъ найденныхъ тамъ вещей можно упомянуть только о длинной желѣзной саблѣ, какія часто попадаются въ гробницахъ этой мѣстности.

Раскопки двухъ кургановъ заняли почти два дня, а затратить болѣе времени для раскопокъ въ этомъ могильникѣ я не могъ, потому что спѣшилъ перейти къ изслѣдованіямъ въ другихъ мѣстахъ.

VI.

Натухайская станица.

Могильникъ у хутора казака Карпенки.

Къ сѣверу отъ Цемесской долины мѣстность, быстро возвышаясь, образуетъ горный кряжъ, идущій въ направленіи съ запада на востокъ и составляющій перевалъ въ другую обширную долину, окаймленную со всѣхъ сторонъ холмистыми возвышенностями и горами. Въ центрѣ этой обширной долины раскинулась станица Натухайская. На западъ отъ Натухайской станицы, верстахъ въ восьми, по холмистой возвышенности, въ густой зелени деревьевъ, виднѣется станица Раевская. Близь Натухайской станицы протекаетъ небольшая болотистая рѣчка, скорѣе похожая на ручей.

Благодаря обилію археологическаго матеріала, изслѣдованія мои въ обѣихъ станицахъ затянулись на долгое время. Кромѣ описаннаго мною изслѣдованія долмена-цисты, занятія мои сосредоточились главнымъ образомъ на раскопкѣ большаго кургана, находящагося вблизи станицы, за околицей, и, кромѣ того, на раскопкахъ могильника, расположеннаго на землѣ казака Карпенко. Въ настоящей главѣ я ограничусь описаніемъ раскопокъ въ послѣднемъ могильникѣ, относя раскопку большаго кургана по совершенно иному характеру матеріала къ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Дорога на хуторъ казака Карпенки идетъ на западъ отъ станицы сначала по равнинѣ, а потомъ поднимается на лѣсистую возвышенность; по другую сторону возвышенности, въ равнинѣ или скорѣй котловинѣ, находится обширный могильникъ, состоящій, приблизительно,

изъ сотни кургановъ крутой полушарообразной формы, стоящихъ близко другъ отъ друга, такъ что края смежныхъ кургановъ соприкасаются. Насыпь кургановъ состояла изъ плотно слежавшагося чернозема. По краямъ кургановъ можно было замѣтить сплошные ряды камней, поставленныхъ на ребро съ уклономъ отъ центра кургана и образующихъ фигуру четырехъ-угольника, который служилъ какъ бы рамкой или основаніемъ насыпи. Камни, однако, большею частію такъ далеко уходили отъ края кургана, что присутствіе ихъ можно было обнаружить посредствомъ щупа. Высота кургановъ доходила отъ 1 до 3½ метровъ.

Выбранный мною большой курганъ (около 2½ метровъ высоты) доставилъ мнѣ много работы: раскопка кургана начата была шириной траншеей съ сѣвера на югъ. Траншея вначалѣ перерѣзала сплошной рядъ большихъ камней, поставленныхъ на ребро, и направлена была къ центру кургана; несмотря на ширину и на большую глубину траншеи гробницы все-таки не находилось. Такимъ образомъ, раскопка дошла до самаго грунта или материка безъ утѣшительныхъ результатовъ. Это загадочное отсутствіе гробницы не могло однако уничтожить моего убѣжденія въ погребальномъ характерѣ этого кургана, — и я рѣшился продолжать раскопку, съ цѣлью обстоятельно изслѣдовать насыпь кургана. Прежде всего я рѣшился обойти канавой ряды камней, образующихъ квадратъ. Работа пошла направо и налѣво отъ начала траншеи. Въ скоромъ времени справа и слѣва рабочіе наткнулись на каменныя гробницы. Гробницы эти находились параллельно ряду камней и отъ нихъ въ разстояніи на полъ-метра; разстояніе это было вымощено большими неправильной формы плитами. Такимъ образомъ, выяснилась теперь въ этомъ могильникѣ невстрѣченная мною прежде новая система погребенія: гробницы располагались по четыремъ сторонамъ, параллельно рядамъ камней, а средина кургана оставалась пустой. Въ одномъ курганѣ встрѣчалось до пяти гробницъ. Схематическій планъ такого расположенія гробницъ представленъ на прилагаемой таблицѣ (VIII, рис. 3, B), а также и вертикальный разрѣзъ кургана (рис. 3, A).

Что касается положенія кургана относительно сторонъ свѣта, то можно было замѣтить, что квадратное изъ камней основаніе кургана было оріентировано такимъ образомъ: одна сторона квадрата была обращена на NO, а противоположная — на SW.

Устройство самыхъ гробницъ, въ сравненіи съ гробницами прежде изслѣдованныхъ другихъ могильниковъ, отличалось нѣкоторыми особенностями: гробницы здѣсь сложены съ замѣтной аккуратностью и плиты гробницъ высѣчены весьма правильно изъ раковистаго известняка и

камня дикаря. Плиты концовъ гробницы не возвышаются надъ боковыми, продольными, но послѣднія нѣсколько выступаютъ впередъ въ длину передъ короткими, какъ видно на рис. 1, таб. VIII-й.

Гробницы покрыты или нѣсколькими поперечными или одной большой плитой, доходящей въ длину до двухъ метровъ. Толщина плитъ обыкновенно равнялась — 10 сентиметрамъ, а длина гробницъ была около двухъ метровъ. Высота гробницъ доходила до полъ-метра.

Въ гробницахъ обыкновенно кости находились въ совершенномъ безпорядкѣ, только въ рѣдкомъ случаѣ можно было замѣтить изъ нѣсколькихъ костяковъ у одного, вѣроятно, прежде положеннаго, что руки были вытянуты вдоль туловища. Обыкновенно въ одной гробницѣ встрѣчалось отъ трехъ до пяти костяковъ. Иногда черепа по три въ рядъ были такъ тѣсно прижаты другъ къ другу, что между ними рѣшительно не было свободнаго пространства. Одинъ этотъ фактъ уже указываетъ на то, что въ гробницу покойниковъ клали не вскорѣ послѣ смерти, а тогда, когда отъ тѣла оставались только кости. Но такой обычай погребенія указывалъ также и тотъ безпорядокъ, въ которомъ находятся кости въ гробницѣ: такъ, разбирая гробницу, часто приходилось замѣтить, что кости группируются обыкновенно около края гробницы въ одномъ углу, и производятъ впечатлѣніе *всыпанныхъ* костей отъ раздробленнаго скелета: на таблицѣ VIII, рис. 2 B представляетъ набросокъ съ натуры подобнаго расположенія костей въ концѣ одной изъ гробницъ. Вообще въ гробницахъ съ тремя только скелетами замѣчалось нѣсколько болѣе порядка—такъ на рисункѣ 2 C той же таблицы два скелета лежатъ рядомъ въ вытянутомъ положеніи, но въ противоположномъ углу находится еще черепъ съ бронзовымъ сосудомъ, грушевидной формы (рис. 2 A). Очевидно кости всыпались въ гробницу въ разное время. Мнѣ кажется очень есвественнымъ предположеніе, что каждый курганъ игралъ роль семейной или, быть можетъ, родовой усыпальницы, но слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что оружія въ этихъ курганахъ много не найдено. Въ десяти курганахъ, раскопанныхъ мною, открыто 15 гробницъ, изъ которыхъ четыре оказались пустыми, но не разграбленными. Вещи въ гробницахъ находились обыкновенно скученными, такъ что ихъ положеніе нисколько не объясняло назначенія вещей, за исключеніемъ немногихъ случаевъ.

Наиболѣе характерныя вещи представлены на двухъ прилагаемыхъ фототипіяхъ XIII—XIV. На первой фототипіи сгруппированы серебряныя вещи изъ трехъ гробницъ первыхъ двухъ кургановъ.

Ф. 1 представляетъ головной уборъ (найденъ возлѣ черепа) изъ

тонкой серебряной пластинки съ обронными украшеніями въ видѣ шариковъ и медаліонами съ изображеніемъ звѣрей (зайцевъ?); поле медаліоновъ сохранило слѣды позолоты. Ф. 2 представляетъ серебряную пластинку, въ формѣ лунницы, позолоченую и украшенную тонкими сканными веревочками (найдена внизу черепа, у шеи). Подобной тонкой техникой отличается и большая серебряная пронизка, дутая, въ формѣ оливки (ф. 3); она украшена лунницами; отломанная оконечность ея представлена отдѣльно (ф. 4). Эта сканная работа напоминаетъ вообще арабскія издѣлія, также какъ и пуговицы и серьги, начиная съ фигуры 12-й и до 20 включительно. Пуговица, напр., ф. 13, украшена двойной сканной веревочкой, а внизу пирамидкой изъ шариковъ. Серьга № 16 состоитъ изъ обвитаго серебряной нитью кольца и четырехъ филиграновыхъ шариковъ, расположенныхъ вокругъ бирюзы. Подобныя серьги встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи и по Днѣпру. Кольцо серьги № 17 сдѣлано изъ особаго металла, напоминающаго болѣе олово, чѣмъ серебро. Украшеніе въ видѣ ромбическаго медаліона (№ 6) съ тремя грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ, также какъ и № 7,— представляютъ болѣе грубую технику, чѣмъ, напр., лунница (ф. 2), и могутъ быть средне-азіатскаго происхожденія. Медаліонъ съ другой стороны состоитъ изъ бѣлаго стекла. Ф. 11 изображаетъ плетешокъ изъ шнурковъ, обмотанныхъ серебряной канителью.

На другой фатотипіи XIV отъ ф. 1 до 8 изображены бусы и привѣски изъ стекла (ф. 1), янтаря (ф. 7), гагата (ф. 3), кости (ф. 4), изъ особой глиняной массы съ глазированнымъ узоромъ (ф. 2). Ф. 5 представляетъ привѣску изъ морской раковины. Здѣсь же представлены два бронзовыхъ наперстка (13, 12); спиральный завитокъ изъ толстой металлической проволоки (14); металлъ завитка цвѣтомъ напоминаетъ серебро и покрытъ позолотой.

Фигуры 9, 10, 11 представляютъ бронзовую уховертку бронзовую иглу и бронзовое остріе—неизвѣстнаго назначенія, но всѣ вещи, вѣроятно, относятся къ женскому туалету. Къ вещамъ женскаго обихода можно отнести также желѣзныя ножницы и круглое патиновое зеркало (17—18). Огниво и два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ относятся уже къ погребальной обстановкѣ мужчины. Самый богатый вещами оказался тотъ курганъ, гдѣ было пять гробницъ—онъ былъ разрытъ первымъ. Чтобы дать понятіе о количествѣ вещей въ гробницѣ, я, для примѣра, представляю инвентарь вещамъ одной изъ гробницъ этого кургана:

1) Три фрагмента отъ серебряной пластинки (головной уборъ). 2) Двѣ большія многогранныя бусы изъ хрусталя. 3) Два металлическихъ зо-

лоченыхъ завитка или спирали. 4) Два гладкихъ кольца изъ олова. 5) Овальная пластинка изъ кости съ двумя отверстіями. 6) Глиняная буса съ инкрустаціей изъ чернаго стекла. 7) Привѣска изъ морской раковины. 8) Привѣска треугольной формы изъ гагата. 9) Два мѣдныхъ наперстка. 10) Двѣ сердоликовыхъ бусы. 11) Стеклянная привѣска въ видѣ пирамидки съ сверлиной. 12) Мѣдная пряжка квадратной формы. 13) Три бронзовыхъ тонкихъ палочки (уховертка, игла и остріе). 14) Мѣдная пуговка. 15) Мѣдное (золоченое) кольцо завиткомъ. 16) Плоская буса изъ янтаря. 17) Нѣсколько мелкихъ бусъ. 18) Мѣдная пластинка въ формѣ розетки съ отверстіемъ. 19) Желѣзныя ножницы. 20) Ножъ съ рукояткой изъ кости. 21) Желѣзное остріе. 22) Желѣзное кольцо. 23) Рогъ оленя или козы (въ обработкѣ). 24) 5 монетъ серебряныхъ. Но съ такимъ обиліемъ вещей въ этомъ могильникѣ нашлось не болѣе пяти гробницъ: остальныя были, по количеству вещей, гораздо бѣднѣе, но вещи отличались тѣмъ же характеромъ.

Весьма счастливымъ можно считать то обстоятельство, что мнѣ удалось найти въ двухъ гробницахъ нѣсколько монетъ, именно до восьми, одинаковыхъ по величинѣ и типу; нѣкоторыя изъ нихъ были до того неясны отъ окиси плохаго серебра, что невозможно было ихъ опредѣлить, но другія зато были удобны для опредѣленія: онѣ оказались золото-ордынскими монетами, относящимися къ ханамъ—Узбеку и Джанибеку *). Такъ какъ всѣ монеты не имѣли сверлинъ, а лежали въ гробницѣ въ качествѣ „денегъ", то на основаніи этихъ монетъ изслѣдованный могильникъ получаетъ точную дату.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть о раскопкѣ одного кургана въ этомъ же могильникѣ, такъ какъ этотъ курганъ по своему устройству и характеру погребенія отличается отъ остальныхъ только что описанныхъ кургановъ того-же могильника.

Курганъ этотъ находился по окраинѣ могильника, и хотя формой и высотой ($2\frac{1}{2}$ м.) онъ не отличался отъ другихъ, но основаніе его было обставлено кругомъ изъ камней, тогда какъ въ другихъ курганахъ камни образовали квадратъ и были дальше отъ края насыпи. При снятіи насыпи съ самаго начала работы попадалось много разныхъ черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ; притомъ черепки эти несомнѣнно относились къ древнему времени, напоминая собою греческую технику. Нужно замѣтить при томъ, что вообще черепки въ насыпяхъ кургановъ этого могильника, и другихъ подобныхъ, не попадаются.

---

*) Опредѣлены проф. Лазаревскаго Института г. Холмогоровымъ.

Въ черноземной насыпи не болѣе аршина глубины отъ вершины открылись кости скелета, но черепа при нихъ не оказалось. Такимъ образомъ гробницы не было, а у ногъ скелета стоялъ стоймя камень-плита. Кости хотя были не въ порядкѣ, вѣроятно, отъ сосѣдства норы какой-то землеройки, но положеніе скелета опредѣлить было можно: скелетъ былъ положенъ съ сѣвера на югъ (ногами на сѣверъ), притомъ замѣчательно, что скелетъ лежалъ на небольшомъ слоѣ угля, среди котораго попадались и жженыя косточки. Въ сторонѣ было найдено нѣсколько лошадиныхъ костей (челюсть, зубы, бабка).

Находка древнихъ черепковъ, слой угля, жженыя косточки, рыхлый черноземъ—все это какъ бы намекаетъ на то обстоятельство, что вначалѣ здѣсь была погребальная древняя урна съ жжеными костями и что урна была выброшена, а на ея мѣсто былъ положенъ покойникъ, но положенъ безъ головы и притомъ торопливо. Вещей при немъ не оказалось.

VII.

Раевская станица.

Могильникъ у хутора Ткачева. Могильникъ на землѣ Полонскаго. Камень Св. Георгія и сосѣдніе могильники.

На западъ отъ Натухайской станицы, по направленію къ морю, мѣстность возвышается и скоро принимаетъ характеръ лѣсистыхъ горныхъ возвышенностей; на одной изъ такихъ обширныхъ возвышенностей находится станица Раевская, отстоящая отъ Натухайской на 8 верстъ и пересѣкаемая большой дорогой изъ Новороссійска въ Анапу. Послѣ довольно продолжительныхъ раскопокъ въ Натухайской станицѣ, я переѣхалъ въ Раевскую въ надеждѣ найдти здѣсь археологическій матеріалъ для моихъ изслѣдованій.

Послѣ первыхъ разспросовъ въ станичномъ правленіи о древнихъ могилахъ и находкахъ древностей одинъ старикъ—казакъ заявилъ мнѣ, что дочка его недавно нашла на полѣ — „якогось миднаго биса" (какого-то мѣднаго чорта) и охотно вызвался тотчасъ принести мнѣ его. Чортъ оказался небольшой бронзовой статуэткой Меркурія, относящійся по стилю, вѣроятно, къ римской эпохѣ (фот. XX, ф. 1). Сообщая мнѣ кое-какія свѣдѣнія о древностяхъ въ окресностяхъ станицы, казаки совѣтовали, кромѣ того, обратиться за такими свѣдѣніями къ старику — черкесу Кадрикову, живущему въ станицѣ, который считается у нихъ мѣстнымъ старожиломъ. Знакомство съ Кадриковымъ впослѣдствіи оказалось для меня весьма полезнымъ.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній я прежде всего отправился осмотрѣть большой камень, поставленный стоймя на курганѣ одного могильника, находящагося верстахъ въ 5—6 отъ станицы къ сѣверо-западу,

близь хутора казака Ткачева. Могильникъ расположенъ на лѣсистой покатости горы и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ кургановъ, напоминающихъ своей величиной и формой курганы на хуторѣ Карпенки, близъ станицы Натухайской. Одинъ изъ кургановъ этого могильника съ перваго-же разу обращалъ на себя особое вниманіе: у края курганной насыпи, окруженной камнями, возвышался длинный четырехгранный камень, поставленный нѣсколько въ наклонномъ положеніи отъ вершины кургана. Камень этотъ производилъ впечатлѣніе „менгира", какъ можно замѣтить на приложенномъ рисункѣ, снятомъ мною съ натуры (табл. IX р. 1). Высота этого камня доходитъ до сажени, а ширина въ $^1/_2$ арш. На нѣкоторыхъ курганахъ этого же могильника замѣтны были подобные же камни, но значительно меньшаго размѣра. На рисункѣ справа отъ менгира виднѣется изъ насыпи плосковатый камень, подпертый двумя параллельно положенными камнями. Этотъ способъ подпорки камней встрѣчался уже при раскопкѣ долмена въ Натухайской станицѣ.

Хотя время мое было уже распредѣлено на другія работы, но я все-таки считалъ необходимымъ произвести раскопку этого кургана. Раскопка ведена траншеей отъ камня къ противоположному краю насыпи, т. е. отъ востока на западъ. Въ центрѣ кургана оказалась гробница, сложенная изъ массивныхъ плитъ твердой породы камня, притомъ неправильно обтесанныхъ. Крышки не было, и внутренность гробницы была наполнена землей: ни костей, ни вещей въ ней не найдено. Гробница стояла на нѣсколько возвышенной поверхности, покатой по направленію къ камню; поверхность эта, открытая снятіемъ земли была вымощена плотно неправильной формы плитами до самаго менгира. (Разрѣзъ вертикальный этого кургана представленъ на табл. IX, р. 2) Параллельно съ центральной гробницей съ южной стороны оказалась еще гробница, но, къ несчастью, изслѣдовать ее было невозможно, такъ какъ большой дубъ вросъ корнями въ гробницу. Чтобы какъ-нибудь выяснить характеръ этого могильника, мною было выбрано два сосѣднихъ кургана. Хотя въ этихъ курганахъ найдены были вещи и кости, но никакихъ особенныхъ фактовъ они не прибавили—можно только, опираясь на характеръ вещей и безпорядочное положеніе костяковъ утверждать, что эти гробницы относятся къ одной эпохѣ съ гробницами Натухайской станицы у хутора Карпенки.

Незадолго до моего пріѣзда въ Раевскую станицу казаки, нуждаясь въ обдѣланномъ камнѣ, стали добывать его изъ кургановъ большаго могильника, расположеннаго у анапской дороги, на землѣ г. По-

лонскаго, верстахъ въ 7 отъ станицы, по направленіи на сѣверъ. Разрушая гробницы, казаки наткнулись и на вещи, которыя мнѣ и удалось пріобрѣсти. Добытыя изъ гробницы вещи состояли изъ серебрянаго перстня съ орнаментомъ и изображеніемъ креста и латинской надписью на щиткѣ,—изъ металлическаго завитка обычнаго типа, изъ серебряной кольцеобразной серьги съ золоченой привѣской въ формѣ пуговки и изъ нѣсколькихъ мелкихъ бусъ. Кромѣ того казаки сообщили мнѣ, что въ курганахъ этого могильника попадаются плиты изъ керченскаго камня. Послѣднее обстоятельство меня очень заинтересовало, потому что указывало на пользованіе матеріаломъ греческихъ гробницъ; близость къ Анапѣ дѣлало такое предположеніе еще болѣе вѣроятнымъ.

Произведенныя мною раскопки шести кургановъ въ этомъ могильникѣ не оправдали моихъ ожиданій: по устройству гробницъ, по характеру вещей и по найденной серебряной монетѣ (Джанибека-хана) могилы эти можно отнести къ XIV ст. и къ той же категоріи, какъ и могильникъ у хутора Ткачева и у хутора Карпенки. Въ каждомъ курганѣ было по одной гробницѣ; въ каждой гробницѣ находилось нѣсколько череповъ и кости лежали въ большомъ безпорядкѣ; исключеніе составляетъ въ одномъ курганѣ небольшаго размѣра гробница съ однимъ скелетомъ: скелетъ, по всему вѣроятію, принадлежалъ дѣвочкѣ; такъ, возлѣ костей, сильно истлѣвшихъ, найдены были: маленькая дѣтская серьга изъ золотой проволоки, украшенная жемчужиной (фот. XV, 2), плоская сердоликовая буса и желѣзный ножикъ.

Изъ другихъ вещей, заслуживающихъ особаго вниманія и изображенныхъ на фототипіи (XV), слѣдуетъ упомянуть о серебряномъ наборѣ отъ пояса, съ красивымъ рѣзнымъ орнаментомъ, о завиткѣ въ видѣ спирали, сдѣланномъ изъ какого-то мягкаго металла въ родѣ серебра и покрытомъ золотой тонкой пластинкой; изъ головнаго убора, снятаго съ черепа — въ видѣ плохаго серебра пластинки, украшенной обронными шариками, расположенными крестообразно. Наконецъ, здѣсь былъ найденъ кабаній клыкъ, желѣзныя ножницы, бронзовые наперстки, металлическое круглое зеркало и три длинныхъ желѣзныхъ сабли. Изъ двухъ найденныхъ здѣсь стеклянныхъ сосудиковъ въ формѣ мензурокъ— одинъ былъ богато украшенъ цвѣтнымъ орнаментомъ съ позолотой, но орнаментъ, къ сожалѣнію, сильно пострадалъ отъ времени: сосудъ былъ украшенъ посреди широкимъ пояскомъ, гдѣ по красному фону золотомъ была наведена арабская надпись между круглыхъ медаліоновъ съ голубымъ фономъ. Отъ глинистой насыпи со щебнемъ сосудъ былъ найденъ разбитымъ на части (фот. XXVI. ф. 4).

Нѣкоторые изъ плитъ оказались дѣйствительно сдѣланными изъ керченскаго камня (раковистаго известняка), которыя, по всѣму вѣроятію, были добыты для устройства этихъ новыхъ гробницъ изъ древнихъ греческихъ.

Имѣя въ виду будущихъ изслѣдователей этого края, я считаю умѣстнымъ упомянуть въ отчетѣ и о тѣхъ могильникахъ, которые мнѣ удалось только осмотрѣть, но которые остались, къ сожалѣнію, неизслѣдованными.

По пріѣздѣ моемъ въ Раевскую станицу, казаки сообщили мнѣ, что недалеко отъ станицы, верстахъ въ 5—6 на югъ, находится у дороги

Рис. 17

большой камень, поставленный стоймя; камень этотъ сверху какъ бы разсѣченъ.

Первое свободное отъ раскопокъ время я употребилъ на путешествіе къ этому камню. Дорога пересѣкала то поляны, то лѣсистыя балки и оканчивалась небольшой покатостью внизъ; по покатости, близко дороги, попадались небольшіе курганы, подходившіе къ плетню баштана или огорода. За плетнемъ, на баштанѣ и находился этотъ камень, представленный на рисункѣ 17. Высота его была 1 аршинъ 6 вершковъ, а ширина 1 арш. 3½ вершка; толщина равнялась 6½ вершкамъ. Вверху, къ одной сторонѣ, была естественно образовавшаяся щель. По поводу образованія щели объ этомъ камнѣ у черкесовъ

существовало слѣдующее преданіе, переданное мнѣ черкесомъ Кадриковымъ.

Св. Георгій („Газыръ-тали") однажды проѣзжалъ въ этихъ мѣстахъ и своимъ мечемъ разсѣкъ этотъ камень, а потомъ расположился отдохнуть тутъ же у камня, а лошадь свою, стреноживъ, пустилъ пастись. Самъ онъ скоро заснулъ, закрывшись плащемъ. Одинъ проѣзжій, когда Св. Георгій спалъ, замѣтилъ пасущуюся лошадь, снялъ съ нея путы и увезъ ихъ съ собой. Утромъ рано нѣкоторые жители сосѣдняго аула замѣтивъ спящяго незнакомца, стали говорить своимъ сосѣдямъ, что какой-то проѣзжій гость спитъ въ ихъ сосѣдствѣ, а прекрасная сѣрая лошадь его пасется возлѣ. Жители аула стали тогда скорѣе готовить угощеніе для проѣзжаго странника—и вотъ скоро всѣ семьи изъ аула понесли круглыя столы съ приготовленнымъ кушаньемъ къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Св. Георгій; принесли ему также и рукомойникъ для омовенія рукъ. Проснувшись, Св. Георгій принялъ отъ жителей угощеніе, но при этомъ сказалъ: „вы всегда будете гостепріимны, но всегда будете воры—вотъ здѣсь у моей лошади украли путы!"

Такимъ разсказомъ о Св. Георгіи украшенъ былъ черкесами этотъ камень. Невдалекѣ отъ баштана въ низинѣ протекалъ ручей; по другую сторону ручья мѣстность значительно возвышалась и тамъ виднѣлся казачій хуторъ. Казакъ, хозяинъ этого хутора, замѣтивъ, что я очень интересовался камнемъ и всей мѣстностью, объявилъ мнѣ, что въ лѣсу, недалеко отъ его хутора, находятся подобные камни, поставленные на старинныхъ могилахъ, и самъ вызвался показать мнѣ это мѣсто. Дѣйствительно, въ лѣсу, не болѣе версты отъ того мѣста, гдѣ находился легендарный камень, я увидѣлъ могильникъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ—не кургановъ, а могильныхъ насыпей, овальной формы: небольшой высоты эта насыпь опиралась краями на овалъ, образованный изъ нѣсколькихъ рядовъ плоскаго и длиннаго щебня или лещади; по концамъ овала у каждой могилы возвышалось по высокому столпообразному камню, неравной высоты. Самые высокіе походили фигурой на камень, разсѣченный, по преданію, Св. Георгіемъ; высота одного, измѣреннаго мною, доходила до одного аршина, а ширина въ $2\frac{1}{2}$ четверти; разстояніе же между двумя конечными камнями или длина могилы равнялась 5 аршинамъ (рис. 18).

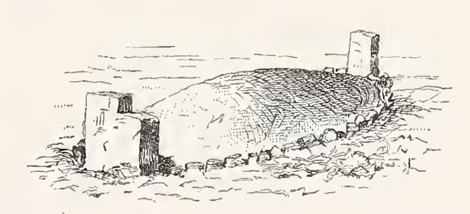

Рис. 18.

Нельзя было не замѣтить съ одной стороны родства этихъ могилъ съ почти современными черкесскими и вообще съ мусульманскими, но только первые гораздо болѣе своими размѣрами, а потому, носятъ печать бо̀льшей древности, сохранившей традиціи временъ архаическихъ. Съ другой стороны, нельзя было не предположить родства этихъ могильныхъ камней съ камнемъ Св. Георгія. Безъ сомнѣнія, только раскопкой можно было провѣрить это предположеніе, раскопка была начата возлѣ послѣдняго камня, но, къ сожалѣнію, далеко не была окончена, такъ какъ начавшійся проливной дождь неожиданно прекратилъ работу, и возобновить ее послѣ мнѣ уже не удалось. Однако прерванная раскопка, оставшаяся въ формѣ пробной квадратной ямы, шириной въ 2 аршина, а глубиной въ $1^1/_2$, указала на тотъ фактъ, что раскопка шла въ насыпной землѣ, такъ какъ тутъ попадались мелкіе черепки и мелкіе угольки. Я остался въ убѣжденіи, что камень стоялъ у края могильной насыпи, подобно тому, какъ стояли камни въ насыпяхъ сосѣдняго могильника. Сожалѣю, что не удалось мнѣ раскопкой окончательно выяснить этотъ фактъ.

Недалеко отъ этого мѣста, на юго-востокъ, у большой новороссійской дороги, находится большой могильникъ, гдѣ курганы у подошвы насыпи окружены обычными рядами камней, такъ что могильникъ этотъ по наружному характеру напоминаетъ изслѣдованные мною могильники на хуторахъ Карпенки и Ткачева.

Кромѣ того, верстахъ въ 5 отъ станицы, на поворотѣ дороги въ мѣстечко Сукко, къ морю, находится также большой могильникъ подобнаго же типа, и небольшой могильникъ замѣченъ еще мною верстахъ въ двухъ отъ станицы къ западу, у небольшаго ручья.

Упоминая объ этихъ могильникахъ, спѣшу перейти къ изслѣдованіямъ могильниковъ другаго рода, хотя и въ той же мѣстности.

VIII.

Раевская станица.

Раскопка въ могильникахъ вблизи станицы.

За околицей Раевской станицы, съ юго-восточной стороны, находится обширная поляна, на которой скрещиваются дороги изъ Баканской станицы и изъ Новороссійска. У перекрестка этихъ дорогъ находится небольшой могильникъ, состоящій лишь изъ нѣсколькихъ кургановъ, весьма небольшаго размѣра имѣющихъ расплывчатую форму. Не вдалекѣ отъ этой группы кургановъ возвышались два большихъ кургана полушарообразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ также нѣсколько расплывчатой формы. Никакихъ слѣдовъ обычныхъ камней не было замѣтно у краевъ курганныхъ насыпей или на вершинахъ. Сравнительно съ изслѣдованными мною могильниками, внѣшній видъ этихъ кургановъ отличался инымъ характеромъ, напоминающемъ скорѣе степныя насыпи.

Желая изслѣдовать этотъ могильникъ, я выбралъ для начальной раскопки одинъ изъ маленькихъ кургановъ, въ надеждѣ, что эта раскопка познакомитъ меня легко съ конструкціей кургановъ и съ обрядомъ погребенія и такимъ образомъ дастъ опредѣленный планъ для раскопки большаго кургана. Избранный курганъ имѣлъ не болѣе метра высоты. Насыпь состояла изъ довольно рыхлаго чернозема. Подъ слоемъ чернозема, на глубинѣ около метра, открылся небольшой слой извести, подъ которымъ и находился скелетъ, положенный въ срубѣ изъ толстыхъ бревенъ, образующихъ форму невысокаго ящика, но безъ крыши. Положеніе скелета было съ юго-запада на сѣверо-востокъ (головой— на юго-западъ); руки были вытянуты вдоль туловища; при скелетѣ ни-

какихъ вещей не было найдено, за исключеніемъ желѣзнаго костылька, вѣроятно, скрѣплявшаго гробъ. Срубъ или гробъ длиною былъ въ два метра и сорокъ сантим., а шириной въ 60 сантим.

Раскопка большаго кургана, доходившаго высотой до $2\frac{1}{2}$ метровъ, начата широкой траншеей съ западной стороны къ центру. На вершинѣ кургана щупъ уходилъ легко въ землю; въ глубину болѣе метра насыпь состояла изъ рыхлаго чернозема, лежащаго на слоѣ глины. Въ разрѣзѣ траншеи по сторонамъ между слоемъ глины и чернозема замѣтенъ былъ тонкій слой золы и угля, скоро однако прекратившійся. Подходя къ срединѣ, на слоѣ глины въ одинъ метръ высоты отъ подошвы кургана, оказалась настилка изъ ряда большихъ камней, занимавшихъ пространство въ два квадратныхъ аршина.

Слой камней былъ снятъ, также какъ и слой глины до самаго грунта, состоящаго изъ мергелеваго сланца, а скелета все еще не находилось. Желая хорошенько ознакомиться съ грунтомъ на всемъ протяженіи траншеи, я поручилъ двумъ рабочимъ выкопать до грунта пробную ямку при началѣ траншеи, у самаго края насыпи. Главная работа шла у средины кургана, гдѣ траншея подвигалась къ востоку, но я, по счастію, слѣдилъ за копаньемъ пробной ямки, а работа эта производилось киркой и съ большимъ трудомъ, такъ какъ слой глины оказался такимъ твердымъ, что только мелкія глыбы можно было отламывать острой киркой. На моихъ глазахъ отлетѣвшая глыба глины оказалась окрашенной окисью мѣди, а возлѣ лежала отпавшая отъ нея бронзовая стрѣлка, плоская, ромбической формы. Весьма понятно, что я былъ очень удивленъ этой неожиданной находкой, и тотчасъ тщательно старался обслѣдовать этотъ слой глины, откуда вылетѣла стрѣлка. Здѣсь оказались и черепки отъ сосуда и цѣлый скелетъ, погребальную обстановку котораго и составляла — стрѣлка и сосудъ. Къ несчастію я не могъ ничего добыть въ цѣломъ видѣ, такъ какъ твердая глина могла быть раскопана только киркой. Глина была такая затвердѣвшая, что съ большимъ трудомъ удалось мнѣ отдѣлить отъ скелета часть кости, которая вмѣстѣ съ фрагментами сосуда и стрѣлкой представлена на прилагаемой фототипіи (XVI) *). Скелетъ занималъ положеніе съ юга на сѣверъ (головой на югъ); руки были вытянуты вдоль туловища. Кости, какъ замѣтно на фототипіи, отличались по поверхности ноздреватостью.

Благодаря фрагментамъ сосуда (3—8) можно съ полнымъ вѣроятіемъ

*) Фототипія XVI: 1—кость ножная; 2—бронзовая стрѣлка; отъ 3—8 — фрагменты сосуда.

предположить его форму. Нижняя часть сосуда представляла рѣпчатую форму съ чрезвычайно слабо обозначеннымъ дномъ; верхняя же часть— расширенный къ краю вѣнчикъ; углы соединенія этихъ двухъ частей сосуда съ двухъпротивоположныхъ сторонъ заполнялись плоскими ушками, слегка закругленными по внѣшнему ребру и снабженными сверлинами для привѣшиванія сосуда (5, 7). Діаметръ широкаго отверстія равнялся 10 сент., а діаметръ узкаго — 6; высота вѣнчика равнялась 3-мъ сент. Высота же всего сосуда могла доходить до 7—8 сентиметровъ. Глина была свѣтло-краснаго цвѣта и хорошей обжиги. Какъ по формѣ, такъ и по техникѣ этотъ сосудъ рѣзко выдѣлялся отъ всѣхъ, найденныхъ мною въ прежнихъ раскопкахъ.

Слой глины былъ снятъ въ этомъ мѣстѣ до самаго грунта, т. е. до скалы, но болѣе ничего не было найдено. Находка эта на время отвлекла мое вниманіе отъ центра кургана къ окружности или къ краямъ насыпи: края или полы кургана были тщательно изслѣдованы и эти изслѣдованія показали, что слой глины шелъ только до половины окружности кургана, толщиной менѣе $^1/_2$ метра, но и въ этомъ слоѣ ничего не было найдено.

Между тѣмъ раскопка у центра кургана, на глубинѣ въ $1^1/_2$ метра, открыла пятна извести, подъ которыми находился сколоченный изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ гробъ, длиною 2 метра и 33 сант., а ширина его равнялась одному метру. Толщина дубовыхъ бревенъ доходила въ діаметрѣ до одной четверти аршина. Въ концахъ гроба короткія куски бревенъ стояли стоймя, образуя вверху выпуклую линію. Продольныя стѣнки гроба были невысоки, соотвѣтствуя высотѣ лежащаго тѣла и сложены были, какъ кажется, изъ короткихъ бревенъ, по крайней мѣрѣ, бревна легко отдѣлялись правильно обрѣзанными частями. Верхъ гроба прикрывался досками, отъ которыхъ остались только слѣды. Скелетъ, какъ и самый гробъ, лежалъ въ востока на западъ (головой на западъ, а лице было повернуто на сѣверъ). Руки были вытянуты вдоль туловища. Кости и черепъ были плохой сохранности. Выше колѣнъ, между костями ногъ, найденъ былъ сосудъ, въ формѣ кувшина изъ фаянса съ яркой окраской (фот. XVII, ф. 1); ручка сосуда была отломана. Въ ногахъ находились двѣ маленькихъ чашки изъ фарфора, по формѣ напоминающія восточныя чашки для кофе, какія до сихъ поръ можно еще встрѣтить въ Бакчисараѣ. У черепа сохранились части ермолки изъ шелковой ткани, коричневаго цвѣта, раздѣленной на шесть клиньевъ или частей узенькимъ пузументомъ, плетенымъ изъ серебряныхъ нитей. По небольшимъ остаткамъ ткани можно

предположить, что ермолка имѣла околышъ изъ той-же матеріи. У лѣваго бока былъ найденъ маленькій ножикъ въ ножнахъ изъ шелковой матеріи, украшенной серебрянымъ вышитымъ узоромъ; ножны заканчивались двумя сердцевидными лопастями изъ той-же матеріи, также вышитымъ серебромъ; возлѣ ножа былъ найденъ квадратный кусокъ атласа, отъ времени темнаго цвѣта, вышитый также узорами изъ серебряныхъ нитей. Кусокъ мѣднаго рубчатаго набора отъ пояса былъ найденъ въ кувшинѣ.

Этимъ и ограничились мои находки въ этомъ большомъ курганѣ.

Въ то-же время былъ разрытъ и сосѣдній курганъ, нѣсколько меньшаго размѣра. Способъ погребенія оказался въ немъ совершенно сходнымъ съ тѣмъ, какой я нашелъ въ только-что описанномъ курганѣ: такого-же устройства гробъ, въ томъ-же положеніи скелетъ; только изъ вещей здѣсь найденъ ножикъ съ грубой серебряной оковкой на деревянной рукояткѣ; кромѣ того здѣсь найдено нѣсколько сохранившихся лоскутковъ отъ парчевой одежды и глиняная поливная чашка грубой работы, раздавленная землей; чашка эта находилась въ ногахъ покойника.

Возвращаясь къ фактамъ, добытымъ раскопкой перваго большаго кургана нельзя не замѣтить, что, по всему вѣроятію, погребеніе въ деревянномъ гробу было совершено въ сравнительно позднее время и притомъ было вставное въ болѣе древній погребальный курганъ, отчего и земля надъ срубомъ отличалась особенной рыхлостью, которая была замѣчена еще предъ началомъ раскопокъ. Древнее глинистое курганное возвышеніе послужило, повидимому, основаніемъ для погребенія этого сравнительно новаго покойника; вѣроятно при этомъ новомъ погребеніи было потревожено внутреннее центральное устройство древняго погребенія—отъ него осталось только нѣсколько рядовъ большихъ камней на слоѣ глины, да на томъ же слоѣ, по боковымъ разрѣзамъ траншеи былъ замѣтенъ тонкій слой земли и угля. Хотя предположеніе о центральномъ древнемъ погребеніи остается только предположеніемъ и не исключаетъ возможности другаго рода объясненій по поводу отсутствія древняго скелета въ центральной части кургана, но другія предположенія будутъ высказаны ниже. Несомнѣннымъ фактомъ древняго погребенія въ этомъ курганѣ представляется намъ находка у края насыпи, въ древнемъ слоѣ глины, — бронзовой стрѣлки и сосуда, лежавшихъ у правой стороны скелета. Древность этого погребенія опредѣляется безъ сомнѣнія этими найденными вещами, т. е. стрѣлкой и сосудомъ.

По моему мнѣнію, стрѣлку нѣтъ основанія не отнести къ т. н. бронзовому вѣку, но относя стрѣлку къ этой эпохѣ, нельзя не замѣтить, что она очень явственно сохраняетъ форму кремневыхъ стрѣлокъ, а слѣд. можетъ относиться къ той эпохѣ, когда еще не выработалось специфическихъ формъ, болѣе совершенныхъ, для бронзовыхъ орудій и потому старыя „каменныя“ формы еще удерживались. Правда это удерживаніе старыхъ формъ могло продолжаться долго и очень долго, но съ другой стороны нужно обратить вниманіе на самую технику стрѣлки: она не отливная, а кованная съ помощью молотка. Такого рода техника болѣе примитивна, а потому можетъ относиться къ началу обработки металловъ. По крайней мѣрѣ Eugène Fontenay въ своемъ сочиненіи — „Les bijoux anciens et modernes“ склоняется къ такого рода гипотезѣ *). Придать этой стрѣлкѣ иное, болѣе новое происхожденіе мнѣ кажется невѣроятнымъ уже и потому, что сосѣдство съ богатой бронзовой культурой Осетіи, а также со странами, гдѣ господствовали отливныя стрѣлки скиѳовъ, не говоря уже о греческихъ колоніяхъ, не даютъ почвы для такого предположенія. Высказывая свое мнѣніе о древности этой стрѣлки по ея формѣ и техникѣ, я имѣю при этомъ въ виду не обобщеніе ея хронологической даты, а только указаніе на принадлежность ея къ извѣстной стадіи металлическаго производства въ этой мѣстности.

Съ другой стороны форма сосуда и его техника нисколько не противорѣчатъ высказаннымъ мною предположеніямъ: эта форма настолько характерна для конца каменнаго и для ранняго бронзоваго вѣка, что не нуждается въ дальнѣйшихъ иллюстраціяхъ. Замѣчу только, что сосудъ этотъ, судя по ушкамъ съ сверлинами, предназначался для привѣшиванія.

Рис. 19.

Для сравненія прилагаю рисунокъ мѣдной стрѣлки начала бронзоваго вѣка изъ сочиненія Картальяка, на которое я имѣлъ уже случай ссылаться *). Составъ металла можно твердо установить только химическимъ анализомъ, но не могу не замѣтить, что цвѣтъ металла найденной стрѣлки, оставившей потипу на глинѣ, — заставляетъ предположить ее *мѣдной*.

Если бы подобное предположеніе оправдалось химическимъ анализомъ, то оно должно бы послужить въ пользу моего мнѣнія, если принять, что обработка мѣди древнѣе бронзы.

Отъ Раевской станицы верстахъ въ пяти на сѣверъ, не далеко отъ

*) Les ages prèhistoriques de l'Espagne et du Portugal, p. 221.

анапской дороги, находится расположенное на крутомъ берегу рѣчки Масхаги, обширное городище, которое мнѣ впослѣдствіи пришлось изслѣдовать; шагахъ во ста отъ этого городища, на томъ же крутомъ берегу, среди дубовой заросли находится могильникъ, состоящій всего изъ шести кургановъ. Близость этихъ кургановъ къ городищу придавала особый интересъ ихъ изслѣдованію. Курганы эти были не велики— всего отъ 1 до $1^1/_2$ метра высоты—и имѣли расплывчатую, не совсѣмъ правильную форму, притомъ на вершинѣ и при опушкѣ насыпи не заключали торчащихъ камней. Такимъ образомъ самый наружный видъ этихъ кургановъ отличалъ ихъ отъ того обычнаго типа, который чаще всего попадался въ моихъ изслѣдованіяхъ.

Въ первомъ раскопанномъ курганѣ не было ничего найдено. Раскопка другаго, имѣвшаго болѣе удлиненную форму, дала болѣе интересные результаты. По линіи длины кургана, на разстояніи 6 саженей въ грунтѣ, подъ насыпью было открыто двѣ могилы; обѣ могилы представляли длинныя ямы, въ которыхъ были опущены гробы, выдолбленные изъ дубоваго ствола на подобіе корыта. Собственно средина кургана представляла промежуточную стѣнку между могилами и имѣла въ ширину до одной сажени. Направленіе обѣихъ могилъ и скелетовъ было одинаково, а именно съ востока къ западу—по линіи длины кургана; головой скелеты были обращены на западъ. Въ первомъ гробу скелетъ лежалъ на спинѣ, лицемъ кверху; руки были вытянуты такимъ образомъ, что кисти рукъ приходились ниже таза. Между лѣвыми ребрами и костями лѣвой руки лежала длинная сабля въ ножнахъ, хотя ножны и не сохранились, но мѣдный наконечникъ отъ ноженъ нашелся у лѣваго плеча скелета; такимъ образомъ сабля была обращена рукояткой къ ногамъ; возлѣ костей ногъ желѣзная полоса сабли оканчивалась желѣзнымъ стержнемъ, такъ какъ рукоятка была, вѣроятно, изъ дерева, а потому и не сохранилась Длина сабли была 1 арш. 13 вершк. У пояса, подъ саблей, былъ найденъ желѣзный ножикъ. На лѣвой сторонѣ груди найдены двѣ маленькихъ бронзовыхъ пуговки а съ боку лежалъ костяной кружокъ съ сверлиной. Въ ногахъ скелета, въ концѣ гроба, была сложена кольчуга, представлявшая тяжелую, совершенно слежавшуюся массу, которая уже такъ перержавѣла, что легко ломалась на части. Гробъ прикрытъ былъ деревянными досками, совершенно истлѣвшими.

На одномъ уровнѣ съ верхушкой гроба, на аршинъ отъ лѣваго плеча скелета, по направленіи къ сѣверу, лежалъ черепъ лошади съ желѣзными удилами въ зубахъ, и далѣе весь остальной скелетъ распола-

гался такимъ образомъ, что лошадь, положенная на бокъ, спиной своей была обращена къ покойнику (рис. 20).

Въ разрѣзѣ насыпи, состоявшей вообще изъ мелкаго щебня и глины, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ оканчивался скелетъ лошади, на четверть аршина глубины отъ поверхности кургана былъ замѣченъ рядъ каменныхъ плитокъ, подъ которымъ оказался скелетъ, но безъ вещей, притомъ придавленный сильно камнями; головой онъ лежалъ на юго-востокъ; руки вытянуты.

Другая могила въ томъ же курганѣ, по другую сторону центральной стѣнки или насыпи, заключала въ себѣ также деревянный гробъ—ко-

Рис. 20.

Рис. 21.

лоду, такихъ же размѣровъ, какъ и первый, и скелетъ лежалъ въ томъ же положеніи и направленіи. Самый гробъ былъ опущенъ въ материкъ на $^1/_4$ арш. ниже, чѣмъ первый. На томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ бы былъ находиться черепъ скелета, стоялъ желѣзный шлемъ, полушарообразной формы; на немъ были замѣтны швы четырехъ составныхъ частей, укрѣпленныхъ на широкомъ пластинчатомъ вѣнцѣ, соединявшемъ пластинки съ внутренней стороны шлема (рис. 21). Влѣво отъ шлема лежали части черепа; кости ногъ были перемѣшаны; кости рукъ сходились у таза. Вообще можно было замѣтить по положенію костей, что покойникъ былъ положенъ умершимъ не отъ естественной смерти, а вѣроятно убитымъ въ бою. Между правыми ребрами скелета и костями правой руки была положена также длинная сабля, совершенно подобная саблѣ

перваго скелета, но рукоятка ея на этотъ разъ находилась у праваго плеча, а наконечникъ отъ ноженъ у костей правой ноги. У шеи и на груди нашлись двѣ цилиндрическія костяныя пронизки; по сравненіи съ мѣстомъ находки мѣдныхъ пуговицъ у перваго скелета—эти пронизки могли служить пуговицами. У пояса лежало нѣсколько желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Слѣва отъ скелета, на одномъ уровнѣ съ гробомъ, найдены также кости лошади и при нихъ стремена. Рядомъ съ этимъ курганомъ былъ изслѣдованъ другой подобныхъ же размѣровъ, но болѣе сохранившій полушарообразную форму. Онъ заключалъ въ себѣ только одну деревянную колоду, вставленную въ материкъ на аршинъ глубины. Положеніе скелета здѣсь было обратное относительно первыхъ двухъ—головой скелетъ лежалъ на востокъ, а не на западъ. Возлѣ черепа былъ найденъ желѣзный шлемъ, по формѣ и размѣрамъ, подобный уже найденному, но лежавшій въ кускахъ. У костей лѣвой руки находилась сабля, но короче нервыхъ двухъ. У костей лѣвой ноги, возлѣ сабли, былъ найденъ стеклянный сосудъ, раздавленный, впрочемъ, землею такъ, что можно было взять только горлышко съ ручкой и донышко. Сосудъ имѣлъ шарообразную форму и длинное горлышко, отъ котораго къ туловищу сосуда шла ручка, украшенная сверху городками (фот. XXVI, ф. 5), подобно стекляннымъ ручкамъ найденнымъ въ Сухумѣ.

Этими раскопками я и ограничился при изслѣдованіи этого могильника и торопился перенести работы въ другую противоположную сторону, на западъ отъ Анапской дороги, ближе къ морю, гдѣ находился на высокой возвышенности большой могильникъ; разстояніе между обоими могильниками можно считать до пяти верстъ.

О существованіи этого могильника я узналъ совершенно случайно и незадолго уже до своего отъѣзда: казакъ Кобза принесъ мнѣ большой глиняный сосудъ, который онъ выпахалъ на полѣ у своего хутора; въ сосудѣ этомъ, по его словамъ находились жженыя кости, среди которыхъ онъ нашелъ мѣдный бубенчикъ и пять мѣдныхъ гладкихъ колецъ изъ проволоки; сосудъ былъ хорошо обожженъ изъ красной глины и выдѣланъ на кругѣ: слѣды отъ вращательнаго движенія при обработкѣ замѣчались на поверхности въ видѣ параллельныхъ поясковъ; вышиной онъ былъ 9 верш.; горлышко было въ видѣ стоячаго ободка; широкое туловище суживалось книзу и оканчивалось плоскимъ дномъ. Его нельзя было причислить къ греческимъ издѣліямъ—онъ, очевидно, принадлежалъ къ мѣстнымъ издѣліямъ (рис. 22). Вещи, найденныя въ немъ, не представляли ничего характернаго, но самый фактъ трупо-

сожиганія уже заставилъ меня хотя наскоро ознакомиться съ этимъ могильникомъ *). Могильникъ состоялъ изъ многихъ кургановъ, разсѣянныхъ по лѣсу и отчасти по нивѣ казака. Курганы по нивѣ были очень низки и расплывчаты, быть можетъ и оттого, что они уже распахивались. Я выбралъ одинъ курганъ для раскопки, но въ курганѣ ничего не оказалось.

Опасаясь напасть на курганъ, изъ котораго погребальная урна могла быть давно выпахана—я перенесъ работу въ лѣсъ, гдѣ курганы сохраняли свою форму. Форма эта однако отличалась той особенностью, что съ восточной стороны курганъ казался особенно отлогимъ и рас-

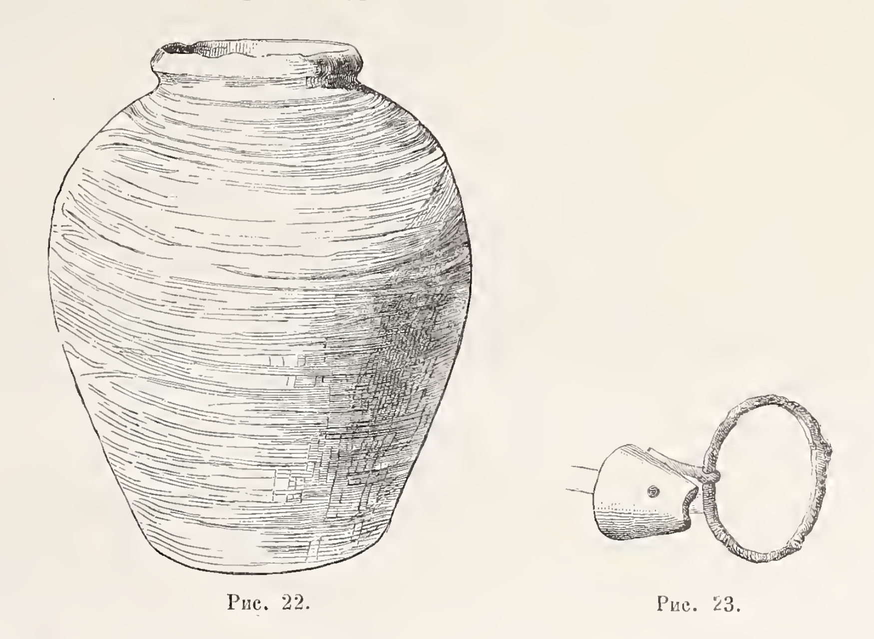

Рис. 22. Рис. 23.

тянутымъ. Выбранный для раскопки курганъ, какъ и большинство кургановъ этого могильника, имѣлъ около 1 ½ метра высоты. Насыпь состояла изъ чернозема, въ которомъ попадались уголья и зола, но, кромѣ этихъ признаковъ, въ насыпи ничего не находилось. Послѣ долгой работы почти на полъ-метра въ глубинѣ грунта, въ восточной сторонѣ кургана, найденъ былъ скелетъ, лежащій головой на сѣверъ. Кости очень плохой сохранности, а вещей при немъ не было; на одномъ уровнѣ съ этимъ скелетомъ, къ западной сторонѣ, найденъ былъ скелетъ лошади, лежавшей на правомъ боку. Возлѣ костей лошади найдены были желѣзныя стремена, а въ зубахъ черепа желѣзныя удила съ большими желѣзными кольцами; съ правой стороны черепа лошади, у

*) Вещи эти изображены на фототипіи XX, фф. 2, 3, 4.

такого желѣзнаго кольца, найдена была прикрѣпленная къ уздѣчкѣ мѣднымъ штифтикомъ выгнутая пластинка изъ фаянса съ бѣлой поливой—неизвѣстнаго назначенія (рис. 23).

Не имѣя возможности продолжать далѣе своихъ изслѣдованій въ этомъ интересовавшемъ меня могильникѣ, я все таки выносилъ внечатлѣніе, основанное на фактѣ удаленія погребенія отъ центра, на расположеніи слоевъ насыпи и на удлиненной въ одну сторону формѣ кургана, что найденный мною скелетъ похороненъ въ чужомъ, болѣе древнемъ курганѣ.

Чтобы покончить съ курганами Раевской станицы, мнѣ остается упомянуть еще о раскопкѣ большаго кургана въ самой станицѣ, въ огородѣ одного казака. Высота кургана доходила до $2^1/_2$ метровъ. Верхній слой насыпи состоялъ изъ чернозема, а глубже насыпь состояла изъ мелкаго щебня и глины. Въ срединѣ кургана, на полъ-метра въ глубину отъ поверхности, оказалась каменная кладка, имѣвшая форму овала, длиною около двухъ метровъ; камни неправильной формы лежали безъ цемента, но были аккуратно прилажены другъ къ другу. По снятіи перваго слоя камней можно было думать, что изъ камней сложенъ сводъ, но скоро пришлось убѣдиться, что камни сложены были плотной массой, около метра высоты. Подъ нижнимъ ровнымъ слоемъ камней оказался скелетъ, придавленный этими камнями, такъ что съ трудомъ можно было разобрать его положеніе: онъ лежалъ съ востока на западъ (приблизительно). Когда насыпь снята была до площади грунта или материка, то здѣсь на глинистой поверхности обозначилось черное пятно прямоугольной формы, указавшее впускную въ грунтъ могилу. Могила была глубиной неболѣе $^1/_2$ аршина и заключала въ себѣ скелетъ безъ всякихъ вещей. Положеніе этого скелета было параллельно верхнему, но самая могила находилась не въ центрѣ, а въ сѣверной сторонѣ кургана.

Мнѣ остается описать близъ Раевской станицы еще раскопку городища, но съ цѣлью не прерывать однороднаго матеріала—я предпочитаю перейти теперь къ описанію раскопки большаго кургана въ станицѣ Натухайской. Этимъ описаніемъ будетъ исчерпанъ весь матеріалъ, относящійся къ раскопкамъ кургановъ.

IX.

Натухайская станица.

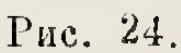
Раскопка большого кургана.

Еще при первомъ моемъ посѣщеніи Новороссійска, докторъ Тихомировъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, когда только что устраивалось заселеніе теперешней Натухайской станицы, онъ видѣлъ недалеко отъ мѣста поселенія массивныя мраморныя плиты, украшенныя роскошнымъ орнаментомъ. Это сообщеніе почтеннаго старожилы этого края очень заинтересовало меня, и я съ тѣхъ поръ искалъ возможности побывать въ Натухайской станицѣ. Однако удалось мнѣ пріѣхать въ эту станицу только 11-го августа. Прежде всего я спѣшилъ въ казачьемъ станичномъ правленіи навести справки о мраморныхъ плитахъ; тамъ, дѣйствительно, мнѣ указали хату казака, возлѣ которой лежала большая мраморная плита, игравшая роль завалинки, а другая, по словамъ казаковъ, совершенно подобная плита, не очень давно была увезена однимъ казачьимъ полковникомъ къ себѣ на хуторъ, находящійся недалеко отъ Анапы

Осмотръ плиты привелъ меня къ убѣжденію, что по стилю она скорѣй всего можетъ относиться къ греко-римской эпохѣ: своимъ лиственнымъ орнаментомъ она даже напоминаетъ нѣсколько орнаментъ фриза надъ дверью храма въ Геліополѣ.

Лицевая сторона этой плиты представлена на приложеной фототипіи (XVIII). Длина плиты равняется 3-мъ арш. $9\frac{1}{2}$ вершкамъ; высота—13 вершкамъ, а толщина—8 вершкамъ. Вѣсу въ ней около 80 пудовъ.

Обратная сторона обдѣлана гладко и имѣетъ выпуклый поясокъ. На верхней гладкой грани этой плиты высѣчены вглубь двѣ греческія буквы—„бета“ и „ламбда“, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи (рис. 24—25) *). На верху, у лѣваго края, какъ замѣтно и на фототипіи, находится правильная сверлина въ формѣ кубика, а отъ сверлины идетъ ложбинка нѣсколько наискось къ заднему углу. Эта сверлина съ ложбинкой служили безъ сомнѣнія мѣстомъ для желѣзнаго крюка или загнутаго болта, которымъ эта плита скрѣплялась съ ближайшей частью зданія. Такъ какъ первоначально этихъ плитъ было двѣ, то, быть мо-

Рис. 24.

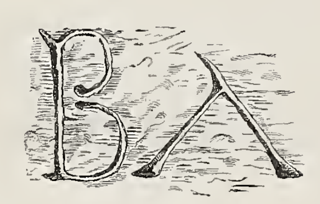

Рис. 25.

жетъ, онѣ служили карнизомъ или архитравомъ для какого-нибудь зданія, имѣвшаго священный характеръ.

Во всякомъ случаѣ, обдѣлка задней стороны плиты указываетъ на то, что эта плита не предназначалась быть вдѣланной наглухо въ стѣну, а, напротивъ, могла быть видима съ обѣихъ сторонъ, хотя задняя сторона обращена была ко внутренности зданія. Такимъ образомъ, плита эта могла вѣнчать выступающую впередъ колоннаду или лежать на двухъ колоннахъ, между „антами“. Принимая въ соображеніе размѣры этихъ двухъ плитъ, можно предположить, что онѣ во всякомъ случаѣ принадлежали зданію, имѣвшему весьма скромные размѣры. Очень возможно, что зданіе это имѣло характеръ небольшаго святилища—родъ нашей часовни.

Двѣ загадочныя буквы, разставленныя далеко одна отъ другой, не могутъ, по моему мнѣнію, относиться къ имени мастера, а должны представлять иниціалы болѣе важнаго и оффиціознаго характера **).

Нельзя не сожалѣть въ интересахъ науки, что другая плита исчезла въ какомъ-то хуторѣ, а на ней, вѣроятно, также были буквы ***).

*) Прилагаемый рисунокъ представляетъ эти буквы.

**) Не относятся ли эти буквы къ имени царя Левкона II, носившаго титулъ „Царя Синдовъ“ и бывшаго жрецомъ Аполлона-Врача?

***) Съ дозволенія начальника Кубанской области, плита, оставшаяся въ Натухайской станицѣ, отправлена мною въ Импер. Московское Археологическое Общество, а Общество уже передало эту плиту въ Историческій Музей, гдѣ она и хранится во дворѣ зданія.

Окончивъ осмотръ мраморной плиты, я просилъ указать мнѣ мѣсто, гдѣ она была найдена. Мѣсто это находится за восточной околицей станицы и представляетъ обширное и ровное поле, на которомъ возвышаются три кургана. Курганы имѣютъ форму расплывчатую, невысокую; на одномъ изъ нихъ построена мельница. Относительно самаго большого изъ этихъ трехъ кургановъ, станичный атаманъ сообщилъ мнѣ, что этотъ курганъ внутри насыпи имѣетъ стѣну, сложенную изъ большихъ камней, имѣющую форму квадрата, и что онъ давно уже выбиралъ камни изъ этой стѣнки для постройки себѣ дома, но

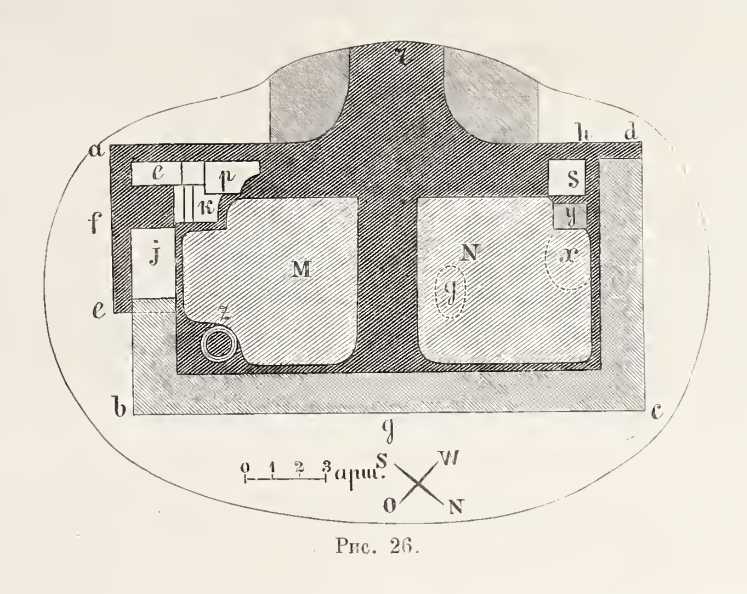

Рис. 26.

всей стѣнки еще не выбралъ, а выбралъ только половину. По словамъ казаковъ, плиты мраморныя были найдены между большимъ и меньшимъ курганомъ, отстоящимъ шагахъ въ двухстахъ отъ перваго. Я рѣшился изслѣдовать оба кургана и прежде всего спѣшилъ начать раскопки большаго кургана, изъ котораго казаки брали камень. Осмотръ кургана показалъ, что казаки выбрали камни, составлявшіе стѣнку, начиная отъ юго-западной стороны, потомъ на сѣверо-восточной сторонѣ и частью на юго-восточной, на приложенномъ схематическомъ планѣ (рис. 26) эта раскопка обозначена буквами *e, b, c, d*, т. е. вся стѣнка зарисованая наклонными штрихами. Далѣе указанной стѣнки раскопка казаковъ не шла, и вся остальная часть кургана осталась цѣльной и нетронутой. Стѣнка, судя по ширинѣ рва или ямы, откуда выбраны были камни, была шириной не болѣе двухъ аршинъ. Діаметръ кургана былъ около 15 саженъ, а высота около $4^1/_2$ арш. Предполагая этотъ курганъ погребальнымъ сооруженіемъ, я долженъ былъ искать входа въ

протяженіи всей нетронутой казаками части стѣнки. По распросамъ казаковъ и по личному осмотру казачьихъ раскопокъ, я былъ убѣжденъ, что входа казаки въ своихъ работахъ не встрѣчали, а потому я рѣшился начать раскопку у юго-восточной стороны кургана, принимая за точку отправленія конецъ казацкой раскопки у *e* (на прилож. планѣ) и идти траншеей по внѣшней сторонѣ стѣнки. Работы въ этомъ направленіи скоро открыли нетронутую стѣнку, составленную изъ большихъ плитъ камня—дикаря, чаще обдѣланныхъ въ правильныя формы, (*h*, *l*, *k*), иногда же сохранявшими натуральную форму (*p*); положены были плиты безъ цемента, иногда на простой глинѣ, но сложены плотно. Характеръ кладки представленъ на приложенной таблицѣ X-й, гдѣ фигура A показываетъ кладку *i* и *k* со стороны *f*, а фиг. B, представляетъ кладку—*l*, *p*—со стороны *a*.

Ширина, какъ стѣнки такъ и плитъ, достигала до 1 ар. 12 вер. Съ небольшими измѣненіями, стѣнка кладена въ одинъ рядъ плитъ, но плиты выбирались очень широкія. Высота стѣнки доходила до 2-хъ аршинъ, а мѣстами до 1 арш. 6 в.; высота у *p* доходила только до 14 вершковъ. Обойдя траншеей стѣну отъ *c* до *p*, я замѣтилъ, что въ послѣднемъ мѣстѣ стѣнка окончилась и зямѣнилась неправильно положенными на ребро плитами камней; когда снята была земля до *r*, то оказалось, что и по ту сторону линіи стѣны также находились большія, поставленныя, въ безпорядкѣ на ребро плиты и вообще тамъ было много камней, придававшихъ выпуклую форму этой части курганной насыпи. Изслѣдуя это мѣсто вплоть до *h* и *d*, т. е. до начала казачьей раскопки можно было ясно убѣдиться, что пространство отъ *b* до *h* представляло слѣды разобранной давно стѣнки, чѣмъ и объясняется обиліе плитъ и камней, набросанныхъ до *r* и измѣнившихъ даже форму насыпи.

Выбирая землю (черноземъ) между *p* и *h*, можно было замѣтить посредствомъ щупа засыпанную яму, прилегавшую къ линіи бывшей стѣнки, но съ внутренней стороны; возлѣ этого мѣста найденъ былъ сгнившій отъ времени деревянный, длинный колъ или жердь. Всѣ эти признаки указывали ясно на работу грабителей, разобравшихъ съ этой стороны стѣнку и проникшихъ въ глубь кургана посредствомъ ямы. Работа эта, по моему мнѣнію, принадлежитъ черкесамъ, которые обыкновенно посредствомъ вертикальной ямы и жерди проникаютъ въ глубину кургана; зная, что подобнаго рода работа рѣдко даетъ добычу, — я не особенно смущался этими признаками хищничества и продолжалъ свои изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что возлѣ ямы никакихъ погребальныхъ признаковъ не было замѣчено, а приближаясь работами къ *h*, стѣнка

опять возстановлялась — здѣсь опять попадались большія плиты, составлявшія кладку.

Послѣ неудачныхъ поисковъ отъ *p* до *h* предполагаемаго входа, приходилось заняться изслѣдованіемъ внутренней насыпи кургана, ограниченной стѣнками. Насыпь состояла изъ крупныхъ и мелкихъ камней или щебня, перемѣшанныхъ съ небольшимъ количествомъ земли; только по направленію отъ *r* до *g* черноземъ лежалъ значительнымъ слоемъ; снятіе чернозема обнаружило внизу присутствіе большихъ камней и и плитъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ. Во время снятія чернозема въ откосахъ траншеи со стороны *M* и со стороны *N*, попадались черепки изъ прекрасно обожженой красной глины; черепки эти были отъ большихъ сосудовъ и лежали въ всемъ слоѣ, но ближе къ концу траншеи — *g*, притомъ они лежали такъ, какъ обыкновенно лежатъ черепки въ культурныхъ слояхъ городища.

Обходя канавой внутреннюю линію стѣнки возлѣ плитъ—*o*, *j*, *k*, *f*, *v*, въ насыпи щебня на уровнѣ стѣнки, были замѣчены слои угля, сажи и черепковъ, причемъ эти слои особенно сосредоточились между камнями *j* и *k*; здѣсь при снятіи слоевъ были найдены двѣ бусы синяго стекла, глиняная пирамидка съ сверлиной и немного ближе въ срединѣ кургана найдено круглое металлическое зеркало древняго типа, который встрѣчается часто въ керченскихъ курганахъ; здѣсь же кромѣ того найдена глиняная пряслица. Большая часть этой насыпи *M* была снята до грунта. Недалеко отъ южнаго угла стѣнки, на уровнѣ грунта былъ замѣченъ выпуклый кругъ, сложенный изъ камней; по снятіи этихъ камней, по дъними оказалось отверстіе колодца, заваленное камнями. Отверстіе въ діаметрѣ имѣло не болѣе метра, такъ что одинъ человѣкъ могъ свободно стоять въ колодцѣ. Яма колодца была внутри выложена камнями. На два аршина была изслѣдована глубина, а далѣе работать было невозможно, такъ какъ вода сильно просачивалась и била ключемъ.

Что касается до той части насыпи, которая обозначена на приложенномъ планѣ буквою *N*, то большая часть ея была снята до грунта, причемъ въ насыпи, на два аршина надъ грунтомъ обнаружилась груда большихъ камней, подъ которыми, на грунтовомъ слоѣ находился точёкъ изъ извести и глины, а на немъ тонкій слой жженыхъ косточекъ.

Далѣе отъ этого мѣста и ближе къ канавѣ *dc*. на полъ-аршина глубины отъ поверхности открылся, слой земли, смѣшанный съ большимъ количествомъ черепковъ; слой этотъ лежалъ точно въ ямѣ. Черепки были мелкіе желтоватаго и красноватаго цвѣта отъ посуды небольшихъ

размѣровъ; многіе черепки имѣли лакированную поверхность и вѣроятно относились къ издѣліямъ греко-римской эпохи. (Фрагменты отъ сосудовъ представлены на фототипіи XIX, ф. 5—9); тутъ же были найдены два фрагмента отъ терракоттовыхъ статуэтокъ (1—2); на одномъ изъ нихъ уцѣлѣло изображеніе ножки и, судя по этой уцѣлѣвшѣй ножкѣ, можно утверждать, что статуэтка была очень изящнаго стиля. Изъ другихъ находокъ нужно упомянуть о находкѣ глиняной пластинки, обточенной изъ черепка (13) и о браслетѣ изъ толстой бронзовой проволоки, связанной узломъ—древняго типа (3). Браслетъ найденъ на срединѣ кургана. Кромѣ того, найдено нѣсколько глиняныхъ пряслицъ. Въ заключеніе, я долженъ сказать, что грунтъ, занятый насыпью, былъ тщательно изслѣдованъ въ разныхъ направленіяхъ, но никакихъ признаковъ какихъ либо грунтовыхъ ямъ не оказалось.

Въ то-же время, какъ происходила раскопка этого большаго кургана, я счелъ важнымъ для сравненія раскопать одинъ изъ двухъ маленькихъ кургановъ—ближайшій къ большому (и не занятый мельницей).

Въ окружности этотъ курганъ имѣлъ 130 аршинъ, а высота доходила до 4-хъ арш., насыпь состояла изъ плотно слежавшагося мелкаго щебня съ глиной, такъ что работа, главнымъ образомъ, производилась киркой, и раскопка была ведена съ западной стороны широкой траншей къ центру кургана. Въ центрѣ, на слоѣ глины, прикрывавшей грунтовую скалу, найдено тонкое колечко изъ бронзовой проволоки (14) *). Въ сторону отъ центра, къ востоку, на томъ же слоѣ найдены два сосуда, черной и красной глины, совершенно раздавленные землей; но черепки ихъ занимали пространство длиною въ метръ, а потому нужно предполагать, что сосуды были большаго размѣра; судя по техникѣ этихъ черепковъ, можно преположить сосуды древними. Возлѣ черепковъ находились кости, но не въ большомъ количествѣ. Дальнѣйшихъ изслѣдованій я производить уже не имѣлъ возможности, такъ какъ раскопка этихъ двухъ кургановъ задержала меня на двѣ недѣли въ Натухайской станицѣ—съ 12 по 26 августа.

Раскопка послѣдняго кургана дала мнѣ увѣренность, что курганъ этотъ оставался цѣлымъ, что имѣлъ онъ погребальное значеніе, что никакой каменной кладки внутри его не было и не могло быть на поверхности.

Такимъ образомъ, найденныя мраморныя плиты должны были принадлежать большому кургану.

*) Всѣ вещи изъ раскопокъ этихъ двухъ кургановъ изображены на фототип. XIX.

Возвращаюсь къ большому кургану. На приложенномъ планѣ ясно, что стѣнки образуютъ фигуру прямоугольника, длинныя стороны котораго равняются 20 арш., а поперечныя, короткія, — 10 аршинамъ, такъ что вся фигура его далеко удаляется отъ квадрата, а по аналогіи съ другими могильными сооруженіями этого края, можно думать, что форма квадрата или круга болѣе всего подходили бы къ погребальному кургану.

Выступъ камня k, а также и другихъ камней, замѣченныхъ на противоположной сторонѣ, еще болѣе удаляетъ мысль о погребальномъ значеніи этого кургана, такъ какъ подобная кладка указываетъ, что лицевая сторона стѣнки обращена не во внутрь кургана.

Щебень и камни, замѣтные на таблицѣ X, B,—лежатъ въ такомъ безпорядкѣ, что никакъ не могутъ относиться къ болѣе или менѣе правильной курганной насыпкѣ. Нельзя не обратить вниманія также и на то обстоятельство, что колодезь находится внутри стѣнки, а стало быть при погребальномъ значеніи кургана, не могъ имѣть практическаго значенія, а символическимъ или обрядовымъ значеніемъ врядъ ли можно объяснить такое сооруженіе. Вещи, найденныя при раскопкахъ скорѣе указываютъ на жилье, чѣмъ на могилу *). Но скученные черепки отъ различной мелкой посуды, найденные по близости отъ стѣнки c d, скорѣе указываютъ на храмъ. Быть можетъ, терракоттовыя статуэтки должны были имѣть въ такомъ случаѣ вотивное значеніе.

Припоминая весь ходъ раскопокъ и во всѣхъ деталяхъ, невольно приходится высказать единственное предположеніе, а именно, что стѣнка эта была забучена щебнемъ и камнями и составляла возвышеніе или постаментъ для какого-либо святилища небольшихъ размѣровъ—родъ нашей часовни. Имѣя свѣдѣнія только о двухъ мраморныхъ плитахъ, я потому считаю возможнымъ предположить, что эти плиты составляли какое-нибудь архитектурное украшеніе предполагаемаго здѣсь зданія. Замѣчу также, что плиты эти очень массивны и случайно попасть сюда не могли.

Что бы покончить съ Натухайской станицей, я долженъ еще сообщить, что верстахъ въ трехъ на сѣверъ отъ станицы находится обширный курганъ, откуда казаки добывали съ давнихъ поръ камень. Высота насыпи немного болѣе аршина. Курганъ такъ разоренъ, что изслѣдовать его уже не было цѣли, а можно было ограничиться только

*) Замѣчательно сходство этихъ вещей изъ кургана съ вещами, добытыми изъ городища, что замѣтно и на приложенныхъ фототипіяхъ.

пробными раскопками и осмотромъ. Онъ имѣлъ также внутри стѣнку, но имѣвшую, какъ кажется, форму круга; земли въ немъ было еще меньше, чѣмъ въ изслѣдованномъ большомъ курганѣ, но и тамъ и здѣсь земля не имѣла значенія насыпи.

Въ Натухайской станицѣ казаки передавали мнѣ, что черкесы, когда уходили изъ этой мѣстности, то говорили казакамъ, что въ большомъ курганѣ (раскопанномъ мною) много золота. Эти слова, мнѣ кажется, можно объяснить такъ: черкесы, воображая, что въ курганѣ есть золото, тамъ и искали его, но не нашли, а потому безкорыстно передали это наслѣдство казакамъ.

X.

Станица Раевская.

Раскопки въ городищѣ «Ногай-Кале».

Населеніе станицъ Натухайской и Раевской относится уже къ позднему времени, а именно—къ началу 60-хъ годовъ, а потому весьма естественно, что эти новые поселенцы—казаки—не связаны съ окружающей мѣстностью никакими поэтическими узами или историческими преданіями: для нихъ эта мѣстность имѣетъ исключительно только практическій интересъ. Они вообще обращаютъ вниманіе на памятники древности только тогда, когда эти памятники можно эксплоатировать для какихъ-либо хозяйственныхъ потребностей, поэтому собираніе свѣдѣній въ такой средѣ новаго населенія представляетъ иногда трудную задачу и всегда требуетъ много времени.

Вотъ почему я очень былъ доволенъ своимъ знакомствомъ съ почтеннымъ старикомъ черкесомъ Кадриковымъ, жителемъ Раевской станицы. Онъ принадлежитъ къ племени натухайцевъ, старинныхъ обитателей этой мѣстности, но служилъ долго переводчикомъ при русскомъ отрядѣ въ Анапѣ и теперь, принявши христіанство и женившись на казачкѣ, спокойно доживаетъ свой вѣкъ въ станицѣ.

Кадриковъ мнѣ и сообщилъ, что къ Сѣверу отъ станицы, проѣхавши версты 4 по большой дорогѣ въ Анапу, нужно свернуть вправо и въ этомъ направленіи проѣхать лѣсомъ съ четверть версты, до хутора казака Зимы, а возлѣ этого хутора можно легко замѣтить старинную крѣпость, сохранившую валы. Кадриковъ помнилъ эту крѣпость еще съ того времени, когда сообщеніе Анапы съ Новороссійскомъ совер-

шалось посредствомъ цѣлыхъ отрядовъ войска,—тогда черкесы, залегая за валы этой крѣпости, стрѣляли въ русскую цѣпь. Крѣпость эту, по словамъ Кадрикова, черкесы называли—„Ногай-Кале“ т. е. „Ногайская-крѣпость“.

При первомъ удобномъ времени, я спѣшилъ осмотрѣть эту крѣпость. Валы ея очень замѣтно возвышаются надъ окрестностью. Пріѣхавши съ западной стороны, я остановился какъ разъ около воротъ или въѣзда, представлявшаго довольно большой промежутокъ между валами, высота которыхъ была отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ. Вправо валы эти окаймляли высокій и крутой обрывъ, поросшій густымъ лѣсомъ, а влѣво, къ Анапѣ, возвышались надъ ровной мѣстностью.

Вошедши въ самую крѣпость или городище я очутился на обширномъ и ровномъ пространствѣ, ограниченномъ валами или заплывшими остатками каменныхъ стѣнъ, образующими форму неправильнаго многоугольника съ круглыми башнями по угламъ. Башни, впрочемъ, не выдѣлялись своей высотой отъ стѣнъ. Ровная площадь городищъ мѣстами поросла дубками; въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись массивные, кубической формы камни. Къ сѣверо-восточному углу, площадь городища замѣтно поднималась. Съ этого-же угла открывался превосходный видъ на окрестность: на право виднѣлась станица Раевская, стоящая на обрывистой возвышенности, за ней возвышалась т. н. „Гудзова гора“, столообразной формы, далѣе виднѣлась станція „Перевальная“. Городище своимъ главнымъ фасомъ обращено въ сторону этой Перевальной станціи. Далѣе къ сѣверо-востоку, предъ городищемъ, открывается волнистая поверхность, за которой скрывается станица Натухайская. Къ сѣверу, къ Анапѣ, мѣстность представляется болѣе низменной. Вообще городище стоя на высокомъ и крутомъ обрывѣ, надъ рѣчкой Масхагой, впадающей вмѣстѣ съ другой рѣчкой въ анапскій лиманъ, — царитъ надъ этой окрестностью. Главный входъ въ городище и другой, меньшій,— обращены въ сторону Анапы; къ той же сторонѣ примыкаетъ колодезь, находящійся уже за стѣнами, внѣ крѣпости. Поверхность городища состоитъ изъ такой рыхлой земли, что щупъ легко уходилъ въ землю. Попадалось на поверхности много черепковъ. Разсматривая собранные черепки, я пришелъ къ убѣжденію, что техника нѣкоторыхъ античная—поздне-греческая или римская. Обширность городища, видимая связь его съ Анапой, древній характеръ черепковъ—все это давало мнѣ право надѣяться на научный интересъ изслѣдованій этой мѣстности, и я рѣшился все свободное время употребить на раскопки

этого мѣста, хотя времени въ моемъ распоряженіи оставалось уже не много: въ моемъ дневникѣ посѣщеніе городища помѣчено 22-го сентября *).

Принимая въ соображеніе замѣтный подъемъ поверхности къ сѣверо-восточному углу и самое господствующее положеніе этого угла, вѣнчающаго валомъ высокій и не приступный обрывъ надъ рѣчкой и долиною— я рѣшился начать раскопку въ этомъ мѣстѣ канавой, перпендикулярной къ восточной стѣнѣ, образующей этотъ уголъ съ другой стѣной. Въ этой канавѣ или траншеѣ, по снятіи земли на аршинъ глубины, уже оказалась кладка изъ камней, образующая стѣну, идущую, какъ и канава, перепендикулярно къ восточной стѣнѣ или валу. Такимъ образомъ, работа пошла по наружной сторонѣ стѣнки и вполнѣ обнаружила характеръ ея кладки. Лицевая сторона стѣнки обращена къ западу; сложена она па сухо изъ большихъ и средней величины плитъ, обтесанныхъ въ болѣе или болѣе правильныя формы и прилаженныхъ плотно другъ къ другу. Траншея въ глубину дошла слишкомъ до 2-хъ аршинъ, но высота стѣнки не превышала одного аршина, а мѣстами была и менѣе аршина. Передняя или лицевая сторона стѣнки была очищена раскопкой на 11 аршинъ въ длину и къ западному концу представляла полукруглый выступъ, сложенный изъ большихъ камней и имѣющій въ діаметрѣ 5 аршинъ.

Внизу этой выступающей полукругомъ стѣнки найдена была грубо высѣченная изъ мягкаго известковаго камня фигура въ формѣ гермы съ плоскимъ лицемъ, на которомъ, повидимому, не окончена примитивная высѣчка носа и глазъ (рис. 27). Кромѣ этого идола, найдено здѣсь же много оконечностей урнъ, черепковъ отъ сосудовъ, глиняныхъ пряслицъ, найдена хрустальная круглая буса, мѣдныя колечки, маленькій глиняный сосудикъ. Въ то же время были перенесены работы по другую сторону стѣнки что бы изслѣдовать внутреннюю часть этого зданія, гдѣ можно было предположить особую цитадель, казарму или домъ начальника крѣпости, однимъ словомъ какое нибудь оффиціальнаго характера зданіе. Снимая насыпь съ верхней толстой стѣнки, можно было ознакомиться съ ея кладкой: съ внутренней стороны она предстявляла такую-же кладку, какъ и съ западной стороны; кладка эта составляла облицовку стѣны, причемъ промежуточное внутреннее пространство было забучено болѣе мелкими и болѣе неправильными камнями. Въ ширину стѣнка имѣла болѣе двухъ аршинъ. Какъ мнѣ пришлось позднѣе убѣдиться, и стѣны

*) На фототипіи XXV представлены два плана этой мѣстности съ обозначеніемъ городищъ.

самой крѣпости сложены такимъ же способомъ, но камни тамъ и самая кладка болѣе крупныхъ размѣровъ *).

Работы по другую сторону стѣнки открыли примыкающія къ ней двѣ комнаты, обозначенныя на планѣ буквами *M* и *N* (табл. XIII, B) комнаты эти были сплошь завалены камнями, щебнемъ, причемъ весь этотъ плотно слежавшійся слой оканчивался внизу слоемъ золы, угля и мѣстами покраснѣвшей глины. Въ этомъ-то нижнемъ слоѣ находилось болѣе всего разныхъ мелкихъ вещей; такъ, здѣсь между прочимъ, найдены:

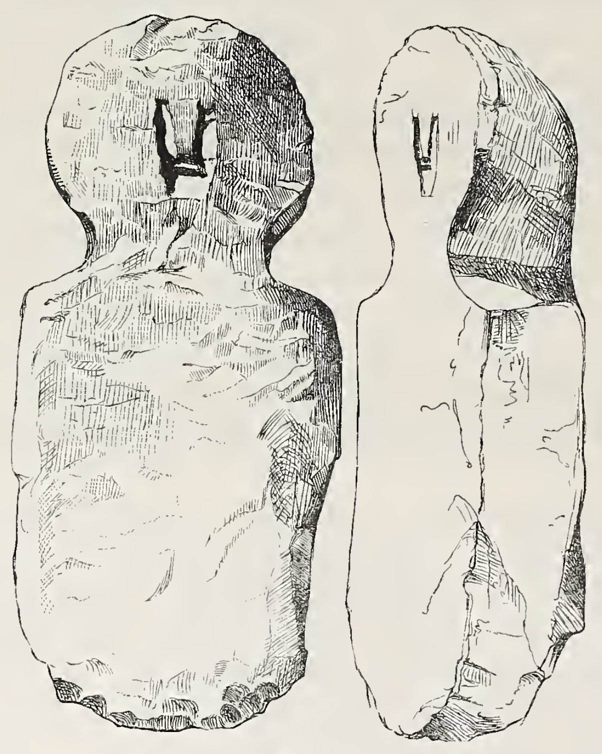

Рис. 27.

желѣзные наконечники копій, желѣзные двусторонніе топоры, бусы, бронзовое зеркало, бронзовая маленькая чаша, бронзовый перстень и большое количество глиняныхъ пряслицъ. Тутъ же найденъ обломокъ прекрасно полированнаго топора изъ красиваго свѣтло-зеленаго камня, вѣроятно, серпентина. Кладка стѣнъ, раздѣляющихъ эти комнаты, состояла изъ подтесанныхъ каменныхъ плитъ, большихъ и малыхъ, большею частью, имѣвшихъ форму призмъ и сложенныхъ рядами на простой глинѣ или иловатой землѣ. Кладка эта представлепа на таблицѣ XI; она замѣтна

*) Устройство стѣнки можно видѣть на приложенной таблицѣ XI.

и на другихъ таблицахъ, относящихся къ раскопкамъ городища (табл. XII, В и таблица XIII, А—боковыя части рисунка). Внутри эти стѣнки были также забучены камнями и щебнемъ, какъ и правая стѣнка. Высота стѣнокъ этого зданія доходила до 2-хъ аршинъ. Къ сожалѣнію въ самомъ разгарѣ работъ начались проливные дожди и холода, притомъ и срокъ моего пребыванія на Кавказѣ оканчивался, поэтому я долженъ былъ прекратить работы. На таблицѣ XI, рисунокъ, снятый съ натуры, представляетъ видъ почти всей моей раскопки. Тонкій квадратный камень, прислоненный къ стѣнѣ, принадлежалъ вѣроятно къ облицовкѣ, ибо украшенъ сплошнымъ рубчатымъ узоромъ; подобныхъ камней найдено нѣсколько. Я покидалъ работу съ сожалѣніемъ и съ надеждой возвратиться опять сюда для продолженія. Только лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось опять работать въ этомъ городищѣ, но и на этотъ разъ я могъ посвятить работамъ не болѣе трехъ недѣль.

Во второй пріѣздъ, продолжая раскопки въ прежнемъ направленіи, я раскопалъ третью комнату (R на планѣ, табл. XIII). Эта комната точно также завалена была сплошь камнями; посредствомъ двери она имѣла сообщеніе съ предыдущей комнатой N. Въ новой комнатѣ, при очисткѣ ее отъ камней и щебня, находилось очень большое количество черепковъ и ручекъ отъ амфоръ, но только одна ручка попалась съ греческимъ клеймомъ *).

Когда была очищена отъ камней почти половина комнаты *R*, то въ оставшемся обрѣзѣ этой массы, близко уровня земли и на самомъ уровнѣ стали обозначаться стоявшія и лежавшія въ рядъ большія глиняныя, остроконечныя амфоры, раздавленныя массой камней и мусора, но сохранившія свои формы и отчасти свое первоначальное положеніе. На таблицѣ XIII рис. А представлена эта часть раскопки; здѣсь можно видѣть и формы амфоръ и характеръ самой насыпи **). Снятіе насыпи у стѣнки $x\ h$ открыло опять цѣлый рядъ сосудовъ, какъ бы врытыхъ въ землю, и между прочимъ здѣсь же между большими сосудами нашлись мальнькіе изъ темно-сѣрой глины, съ двумя ручками, по формѣ подходящіе къ типу „кантавровъ“. Сосудики эти были скучены между большими сосудами и достались почти всѣ цѣлыми. На планѣ *B* (табл. XIII) представлено схематически расположеніе сосудовъ въ этой ком-

*) Нужно замѣтить, что на приложенномъ планѣ всѣ мѣста, обозначенныя темными штрихами, означаютъ очищенныя мною пространства отъ мусора и камней, а болѣе легкими точками означены пространства, оставленныя не очищенными, а потому и не извѣстныя по своему содержанію.

**) На фототипіи XXV, представляющей планъ мѣстности, по сторонамъ изображены двѣ амфоры, срисованныя также съ натуры.

натѣ. При раскопкѣ насыпи около противоположной стѣны, отъ *y* до *g*, кромѣ черепковъ, былъ найденъ желѣзный клинокъ меча, прижатый камнями къ самой стѣнѣ и лежавшій въ наклонномъ положеніи. Къ сожалѣнію, какъ я ни старался осторожно его вынуть, но конца стержня отъ рукоятки не сохранилось. Тутъ же недалеко найденъ мной маленькій клинъ или топоръ изъ того же свѣтло-зеленоватаго камня, очень хорошо полированный. Раскопки мои въ этой части зданія закончились опредѣленіемъ стѣны *h g*, которая примыкала къ стѣнѣ городища и заканчивала собою изслѣдованное мною зданіе. Какъ замѣтно и на планѣ, уголъ *h* представляетъ закругленіе; оно образовано съ внѣшней стороны стѣны рядомъ большихъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ стоймя и служащихъ основаніемъ этой закругленной стѣны. Эта часть кладки представлена на рисункѣ А, табл. XII. Кромѣ того, еще прежде произведенная пробная раскопка у южной стѣнки городища, обнаружила короткую и низкую стѣнку *p*, а также вымощенное неправильной формы плитками пространство отъ *p* до *h*.

Оканчивая описаніе раскопокъ городища и вспоминая всѣ подробности этихъ раскопокъ, я не могу не высказать слѣдующихъ предположеній: открытыя мною три помѣщенія или комнаты составляли нижній этажъ какого-то жилаго зданія; весьма вѣроятно, что этотъ нижній этажъ заканчивался наверху коробовыми сводами: на это, во-первыхъ намекаетъ уголъ комнаты *M* у стѣны *t a*, изображенный на рисункѣ В, табл. XII; здѣсь можно замѣтить, какъ рядъ камней выступаетъ впередъ, вверху стѣну, и мнѣ кежется, что этотъ рядъ камней могъ служить началомъ коробоваго свода. Короткая стѣнка *p* и сосѣдняя съ ней отличаются тѣмъ, что подымаясь кверху, обѣ замѣтно расширяются по встрѣчнымъ одна къ другой направленіямъ такимъ образомъ эта кладка выступающими рядами камней указываетъ вообще на существованіе въ городищѣ коробовыхъ сводовъ.

Направленіе слоевъ щебня и камней въ трехъ изслѣдованныхъ помѣщеніяхъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ существованію сводовъ, такъ какъ при разрушеніи и паденіи только однѣхъ стѣнъ, средина каждой комнаты оставалась бы болѣе свободной отъ щебней и камня. Разрушеніе сводовъ мнѣ кажется могло скорѣй повлечь за собой и разрушеніе стѣнъ. Нижніе слои камня находятся въ слояхъ угля, золы, сажи и сами камни носятъ слѣды огня; это даетъ право предположить на участіе огня въ разрушеніи.

Комната подъ буквою *R* на планѣ служила подваломъ для храненія вина и, быть можетъ, масла, на это назначеніе указываетъ большое

количество амфоръ и другихъ сосудовъ, стоявшихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Отсутствіе оконъ и дверей въ этихъ помѣщеніяхъ еще болѣе указываетъ на подвальное назначеніе этихъ комнатъ. Очень возможно, что двери или, точнѣе, входъ былъ устроенъ съ верхняго этажа посредствомъ можетъ быть деревянной лѣстницы.

Назначеніе полукруглой выступающей постройки (подъ буквой *q*) остается для меня совершенно загадочнымъ: она сохранила три полувѣнца камней, а внутри была наполнена землей. Возлѣ нея, снаружи, и была найдена грубая статуя или идолъ.

Размѣры зданій видны на планѣ, гдѣ приложенъ масштабъ *). Что же касается самаго городища, то, по моимъ измѣреніямъ, его многоугольный периметръ равняется почти 400-мъ саженямъ. Кромѣ того, внѣ стѣнъ городища, шагахъ въ двухстахъ на сѣверъ, въ лѣсу, замѣчены мною ряды большихъ камней, составлявшихъ также какую-то кладку.

Время, къ которому можно отнести это городище, можетъ опредѣлиться характеромъ найденныхъ вещей, къ описанію которыхъ я теперь и перейду.

---

*) Приложенный планъ окрестностей станицы Раевской представляетъ фототипическій снимокъ съ плана, сдѣланнаго въ Чертежной Межеваго Управленія Кубанской Области спеціально для настоящаго отчета; оригиналомъ этому плану послужилъ еще неизданный атласъ Межеваго Управленія той же Области.

Пользуюсь случаемъ принести свою благодарность упомянутому мною учрежденію, а также и старшему топографу г. Махмету, снабдившему меня другимъ планомъ той же мѣстности, съ обозначеніемъ моихъ раскопокъ (№ 2, фотот. XXV).

XI.

Обзоръ археологическаго матеріала изъ раскопокъ въ Раевскомъ городищѣ.

Описавъ въ главныхъ чертахъ ходъ раскопокъ въ Раевскомъ городищѣ—я считаю теперь удобнымъ остановиться нѣсколько для обзора найденнаго здѣсь археологическаго матеріала; научное значеніе этого матеріала, быть можетъ, опредѣлится путемъ сравненій, а такого рода обзоръ поможетъ опредѣлить значеніе и самаго городища.

При этомъ однако я долженъ замѣтить, что, прибѣгая къ сравненіямъ найденныхъ въ городищѣ вещей съ подобными вещами какихъ-либо другихъ мѣстностей, я пе имѣю въ виду этими сопоставленіями и сравненіями сближать отдаленныя мѣстности и иногда совершенно различныя народности: сходство отдѣльныхъ вещей часто указываетъ только на извѣстную стадію культурной жизни, когда та или другая форма вещи бытовала у разныхъ народовъ; причемъ эти стадіи могутъ вовсе не совпадать во времени и не представлять иногда въ сходствѣ самыхъ вещей результатовъ непосредственныхъ заимствованій.

При обзорѣ и сравненіи археологическаго матеріала, добытаго на Кавказѣ, въ особенности приходится замѣчать бытованье архаическихъ формъ въ сравнительно новое время, такъ что здѣсь въ особенности пріурочиванье вещей къ извѣстному времени или постановка хронологической даты требуетъ осторожности и болѣе подробнаго обзора вещей, а вопросъ о вліяніи и заимствованіи, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ самой народности, находится въ зависимости отъ другаго рода фактовъ, какъ напр.—отъ историческихъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ, обозрѣніе вещей въ отдѣльности можетъ дать уже опредѣленную физіономію изслѣдованной мѣстности и подготовить матеріалъ для выводовъ, согласныхъ и съ историческими данными.

Предметы, найденные въ городищѣ, по техникѣ и характеру формъ весьма ясно распредѣляются въ двѣ группы: вещи чисто варварскаго или вообще примитивнаго стиля и вещи, принадлежащія по стилю къ греко-римскимъ издѣліямъ. Весьма естественно, что между этими двумя группами найдутся вещи, составляющія, такъ сказать, переходъ отъ одной группы къ другой, т. е. отмѣченныя только вліяніемъ древне-греческаго, или позднѣйшаго—греко-римскаго стиля. Начиная свой обзоръ съ первой группы, я прежде всего обращу вниманіе на фототипическое изображеніе каменныхъ орудій (фототипія XX, фиг. 11—12). Фрагментъ каменнаго топора и другой, небольшаго размѣра топоръ или клинъ безъ сомнѣнія представляютъ характерныя орудія каменнаго вѣка, причемъ можно думать, что фрагментъ топора представляетъ лезвіе т. п. „кельта". Оба орудія сохранили слѣды прекрасной полировки, а потому могутъ быть отнесены къ такъ наз. „неолитическому періоду" каменнаго вѣка; они сдѣланы изъ красиваго свѣтло-зеленаго камня — вѣроятно, серпентина. Нахожденіе ихъ въ городищѣ можетъ быть объяснено только ихъ особеннымъ священнымъ значеніемъ; такъ, извѣстно, что во времена классической древности каменнымъ орудіямъ этого типа („hache de l'époque de la pierre polie") придавали значеніе талисмана, обладаніе которымъ, по понятіямъ древнимъ, обезпечивало побѣду на сушѣ и на морѣ. Такой каменный топоръ или клинъ въ качествѣ талисмана назывался—„betulus" *). Кромѣ того, въ Римѣ при церемоніяхъ феціаловъ убивали жертвы *каменнымъ* топоромъ. Какъ извѣстно, въ Египтѣ для приготовленія муміи трупъ разрѣзали *кремневымъ* ножомъ. Факты находокъ кремневыхъ орудій въ курганахъ центральной Россіи болѣе поздняго періода можно считать общеизвѣстными. Точно также извѣстно, что въ нашихъ деревняхъ сохраняются кремневыя стрѣлки („громовыя", „перуновы") бабами-шептухами въ качествѣ талисмановъ отъ дѣтскихъ болѣзней.

Что же касается настоящаго употребленія этихъ, найденныхъ мною, каменныхъ топоровъ, то, не останавливаясь долго на этомъ вопросѣ, я напомню только о находкѣ въ долменѣ просверленнаго оленьяго рога, служившаго влагалищемъ или державой для подобнаго рода топора.

Чтобы покончить съ издѣліями изъ камня, найденными въ городищѣ,—я долженъ остановить вниманіе на грубомъ изваяніи, изображенномъ на приложенномъ рисункѣ (р. 23). Изваяніе это сдѣлано изъ мягкаго известняка и представляетъ родъ гермы, плоской съ лицевой

---

*) Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Daremberg et Saglio. Paris, 1887.

стороны и только сзади имѣющей поверхность выпуклую. Голова отдѣлена отъ остальной части выемками, образующими шею и плечи; части тѣла не отдѣлены, и не обозначены, а камень просто суживается книзу. На плоскомъ и кругломъ лицѣ проведены вглубь черты, обозначающія носъ. Нужно замѣтить, что вообще работа этой фигуры весьма грубая. Фигуру эту можно было бы считать неоконченной, если бы Шлиманнъ не открылъ въ своихъ раскопкахъ предполагаемой Трои нѣсколько подобныхъ изваяній, выдѣланныхъ впрочемъ изъ мрамора и меньшаго размѣра. Представляя рисунокъ одной изъ найденныхъ имъ подобныхъ фигуръ, я долженъ замѣтить, что при общемъ сходствѣ существуютъ и различія (рис. 28): въ фигурахъ Шлиманна носъ сводится въ остріе, почему физіономія фигуры получаетъ выраженіе птицы, напр., филина или совы; вѣроятно не оконченное лице фигуры, найденной въ городищѣ, при всей примитивной грубости работы, приближается болѣе къ человѣческому, въ особенности въ обозначеніи носа. Различіе это можно приписать какъ различію двухъ народностей, такъ и различію во времени: фигуры Шлиманна, какъ мнѣ кажется, могутъ быть отнесены къ болѣе древней стадіи развитія извѣстной культуры. Во всякомъ случаѣ, найденному мною изваянію можно также придать значеніе *идола*. При такомъ значеніи этой формы и самая поражающая грубость стиля можетъ быть отнесена къ архаизму, имѣющему гіератическое значеніе. Что же касается до примитивной техники, то она является характерной для варварской культуры жителей этого городища.

Рис. 28.

Не останавливаясь па характеристикѣ костяного острія (ф. 7) не представляющаго собою ничего типичнаго, такъ какъ такого рода издѣлія встрѣчаются въ разныя времена и у разныхъ народовъ—я перехожу къ обзору болѣе богатаго отдѣла глиняныхъ издѣлій, въ которыхъ болѣе чувствуется не греческій, а варварскій стиль.

Въ городищѣ найдено до 80 такъ наз. *пряслицъ*, болѣе характерныя формы которыхъ представлены на фототипіяхъ XXII (ф. 6) и XXI (ф. 7—14). Вообще при раскопкахъ различныхъ городищъ ихъ находятъ обыкновенно въ изобиліи. Изъ нихъ съ болѣе широкимъ отверстіемъ и болѣе плоской формы могли служить для образованія веретена посредствомъ вдѣванія въ это отверстіе палки—такова, напр., пряслица съ надписью изъ кіевскаго клада, опредѣленная проф. Праховымъ—она сдѣлана изъ

краснаго шиффера; таковы пряслицы, находимыя въ русскихъ курганахъ. Но пряслицы, найденныя мною въ городищѣ, большею частью не относятся къ этому типу—при всемъ разнообразіи ихъ формъ и размѣровъ онѣ имѣютъ малыя сверлины, удобныя только для продѣванія толстой нити. Онѣ скорѣй всего могутъ относиться къ ткацкому станку, разумѣется, примитивнаго типа, какой напр. изображенъ Іоганномъ Ранке, въ его сочиненіи „Der Mensch" *). Ранке даетъ имъ названіе—„Spinnwirtel". Въ этомъ же сочиненіи изображены пряслицы, добытыя въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи; нѣкоторыя изъ нихъ весьма сходны съ найденными мною въ городищѣ. Но болѣе сходства послѣднія, по моему

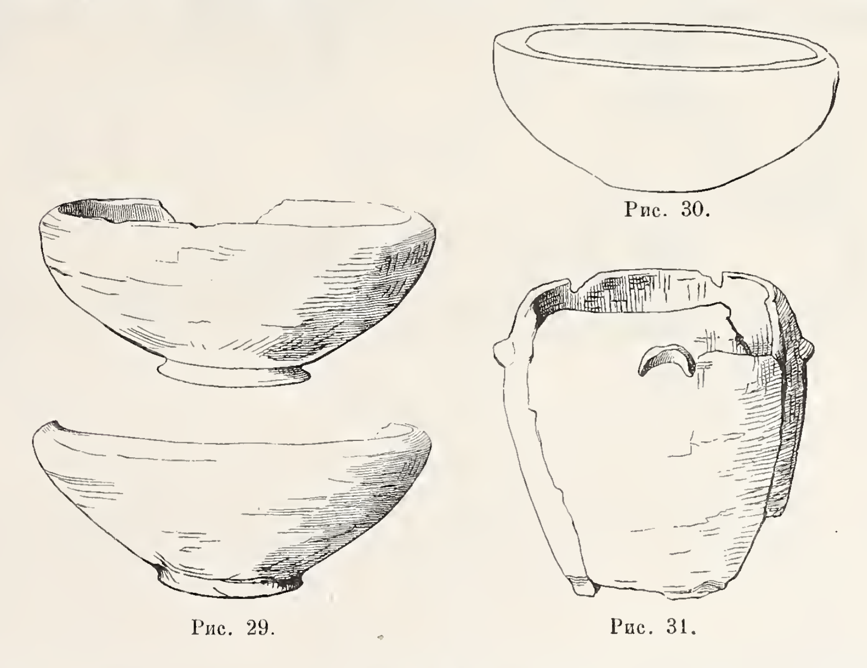

Рис. 30.

Рис. 29.

Рис. 31.

мнѣнію, представляютъ съ пряслицами изъ раскопокъ Трои, хранящимися въ Берлинскомъ музеѣ.

Большая часть сосудовъ варварскаго стиля, найденныхъ въ городищѣ, выдѣланы изъ темно сѣрой глины; они имѣютъ весьма слабый глянецъ и работаны на гончарномъ кругѣ. Изъ нихъ чаши съ загнутыми внутрь краями (рис. 29) очень сходны съ подобными чашами изъ раскопокъ Шлиманна въ Троѣ рис. 30 (см. „Ilios", Leipzig, 1881, 455). Сосудъ (рис. 31) грубой работы, съ двумя шишечками на туловищѣ и двумя глухими ручками, можетъ быть отнесенъ къ сосудамъ древняго типа: по крайней мѣрѣ, такого рода сосуды встрѣчаются и въ раскопкахъ Шлиманна и въ Цюрихскомъ музеѣ древностей (изъ свайныхъ

*) Изображеніе взято авторомъ изъ сочиненія Монтеліуса.

построекъ), въ Берлинскомъ музеѣ древностей (изъ провинціи Бранденбургъ); наконецъ изображенія сосудовъ съ шишечками и глухими ручками помѣщены въ сочиненіи Унзета—„Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa". (Табл. VII, фиг. 1 и 5.).

До восьми одинаковой формы и почти одинаковаго размѣра сосудовъ были найдены, какъ я уже описывалъ, въ одномъ мѣстѣ, возлѣ ряда большихъ амфоръ. Форма сосудовъ напоминала стаканъ съ двумя большими ручками; цвѣтъ глины темно-сѣрый (рис. 32). Съ перваго

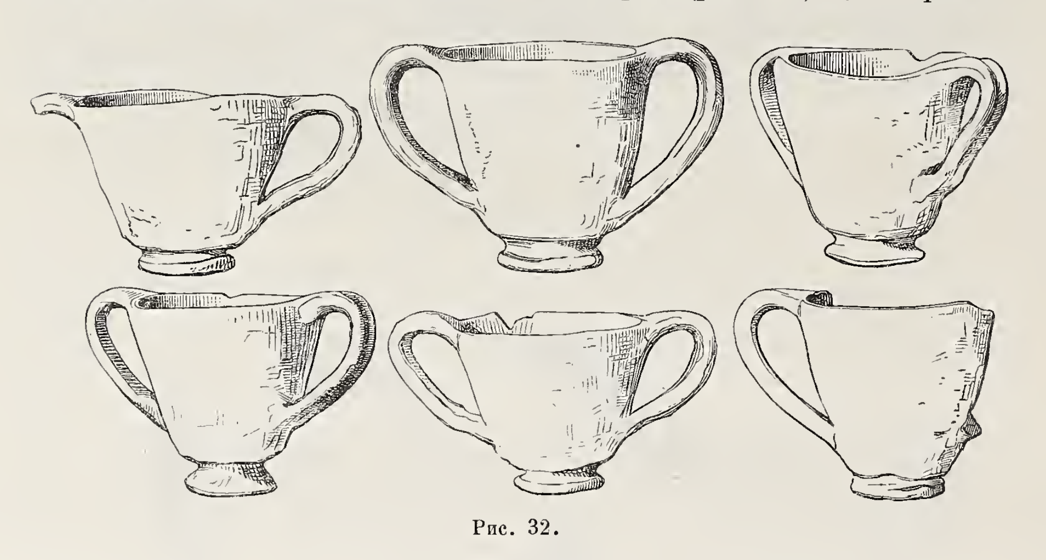

Рис. 32.

взгляда они напоминаютъ греческіе сосуды съ двумя ручками и перехватомъ у донышка, употреблявшіеся для возліяній и застольнаго питія вина; ихъ изображенія встрѣчаются часто на памятникахъ. Но найденные сосуды отъ греческихъ „кантавровъ" значительно отличаются тѣмъ, что перехватъ у нихъ едва замѣтный; отсутствіе чистоты линій въ контурахъ, неровная обжига—все это указываетъ, по моему мнѣнію, на варварскую руку гончара. По всему своему виду, по характеру техники сосуды эти скорѣй сближаются съ найденными въ раскопкахъ Трои. Такъ, на стр. 417 подъ № 324 представленъ у Шлиманна подобный сосудъ, съ котораго рисунокъ помѣщается въ моемъ текстѣ для сравненія (рис. 33). Въ данномъ случаѣ—нужно замѣтить—важно не только частное сходство одной формы, но вообще сходство многихъ сосудовъ по формѣ и техникѣ. Подобное сходство указываетъ на то, что извѣстныя формы давно уже существовали на восточ-

Рис. 33.

номъ побережьи Средиземнаго моря и встрѣченныя мною на побережьи Чернаго моря эти формы, несмотря на всю ихъ архаичность, уже могутъ относиться къ болѣе новому времени. Еще бо́льшимъ вліяніемъ греческаго вкуса отмѣчены сосудики, изображенные на рр. 34 и 35, законченность шарообразной формы сосудовъ и красивые контуры другаго

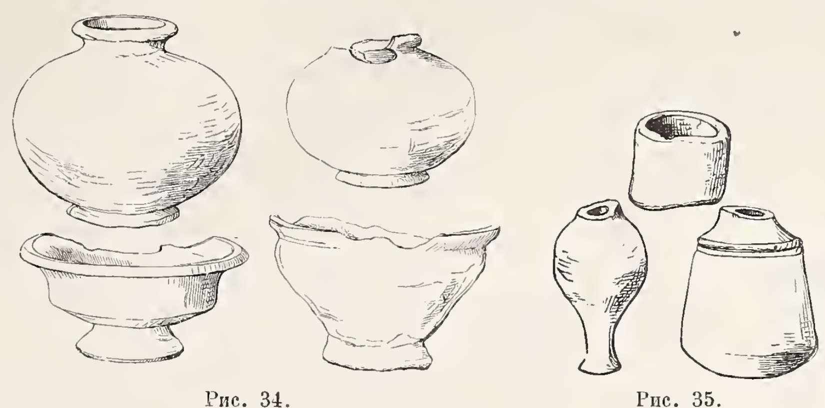

Рис. 34. Рис. 35.

указываютъ на то, что передъ глазами туземнаго мастера часто находились греческіе сосуды. Сосудикъ, изображенный на рисункѣ въ видѣ маленькой амфоры, совершенно подходитъ къ сосудику изъ раскопокъ Трои, находящемуся въ Берлинскомъ музеѣ. Отдѣльно изображенный въ натуральную величину лекифъ (рис. 36) въ особенности обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ греческой формы, своимъ сѣтчатымъ узоромъ, изображеннымъ черной краской на свѣтломъ желтовато-кирпичномъ фонѣ. Несмотря однако на эти чисто греческіе признаки керамическаго издѣлія — его, по моему мнѣнію, можно признать только подражаніемъ туземнаго мастера греческому образцу: на это указываетъ, между прочимъ, мутность черной поливной краски и система клѣтокъ самаго узора. Притомъ нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что въ городищѣ, среди массы черепковъ, ни одного фрагмента отъ керамическихъ издѣлій чисто греческаго стиля и техники не найдено *).

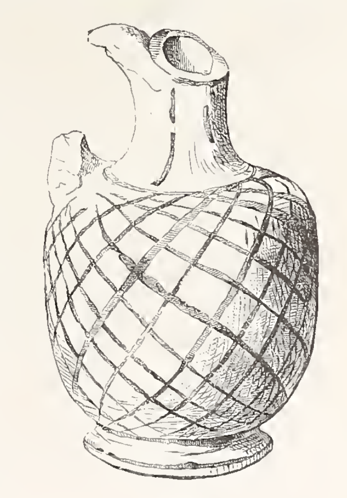

Рис. 36.

Упомянутые выше сосуды съ ручками найдены вблизи амфоръ,

---

*) Лекифъ изображенъ въ натуральную величину, но другіе рисунки въ текстѣ изображаютъ предметы въ $^1/_4$ натур. величины.

хотя и раздавленныхъ землею, но сохранившихъ свою форму. Кромѣ того, въ городищѣ найдено очень большое количество днищъ и ручекъ отъ амфоръ и вообще отъ большаго размѣра сосудовъ. Всѣ найденныя амфоры и ихъ части, въ разной степени, сближаясь съ греческими этого рода сосудами, въ то же время сохраняютъ и свой мѣстный специфическій характеръ, выраженный иногда очень рѣзко: такъ, напр., на рисункахъ, изображающихъ найденныя амфоры и днищи (рис. 37, таб. XIII, А, фот. XXV, 3—4) *), можно замѣтить, что онѣ имѣли оливковую форму съ очень утонченнымъ въ стержень днищемъ. Наконецъ у многихъ амфоръ оконечности днищъ или стержни отличаются оригинальной формой *жолудя* (р. 33. Глина амфоръ встрѣчается краснаго и желтаго цвѣтовъ. Безъ сомнѣнія многія изъ амфоръ могутъ считаться привозными, греческими; къ числу такихъ можно отнести амфору, изображенную на таблицѣ № XIII, А справа, внизу, лежащей на землѣ и имѣющей двойную ручку (другая ручка на рисункѣ не видна). Наконецъ самый фактъ нахожденія ручки съ греческимъ клеймомъ, къ сожалѣнію, испорченнымъ, подтверждаетъ мое предположеніе **). Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются фрагменты, изображенныя на фототипіи XXI (1 — 4) три рубчатыхъ ручки и черепокъ отъ сосуда красной глины съ полированной поверхностью, которая, какъ и основаніе одной ручки, украшена характернымъ орнаментомъ, составленнымъ изъ кружочковъ, соединенныхъ между собою дугообразно выгнутыми рубчатыми поясками. Орнаментъ этотъ вообще относится къ эпохѣ „бронзоваго вѣка“ и въ частности является весьма характернымъ для культуры „свайныхъ построекъ“ въ Швейцаріи: такъ, въ музеѣ Цюриха находится большая глиняная чаша, имѣющая форму плошки, украшенная сплошь такимъ же *очковымъ* орнаментомъ, но только тамъ соединяющіе дугообразные пояски болѣе выпрямлены. Кромѣ того, такимъ же орнаментомъ украшены разнаго рода бронзовыя издѣлія, напр., булавка, браслеты. Въ этомъ случаѣ ссы-

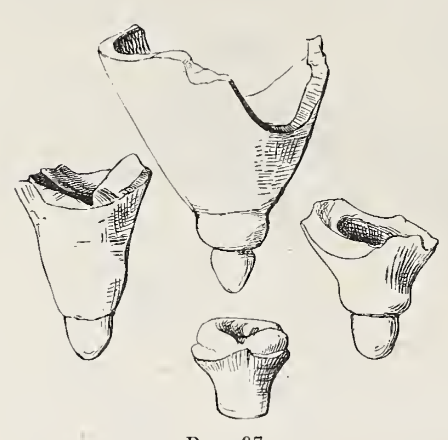
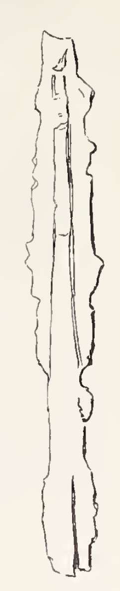

Рис. 37.

*) На фототипіи XXII изображены различныя ручки отъ амфоръ и другихъ сосудовъ; а также на фототипіи XXI, фф. 5 –6.

**) Ручка изображена на фототипіи XXII, ф. 1.

лаюсь на рисунки, помѣщенные въ изданіи Дезора и Фавра *). Переходя затѣмъ къ обзору желѣзныхъ издѣлій, я обращу прежде всего вниманіе на желѣзные наконечники копій, найденные въ городищѣ и представленные на фототипіи № XXIV. Длина большаго наконечника копья равняется 11-ти вершкамъ; форма его удлиненно-ромбическая, съ продольнымъ стержнемъ, такъ что вообще этотъ стержень и боковые углы придаютъ наконечнику характеръ листовидный; какъ по размѣрамъ, такъ и по формѣ копье отличается несомнѣннымъ архаическимъ характеромъ: его листовидная форма съ срединнымъ ребромъ отзывается эпохой *бронзоваго вѣка,* когда подобнаго рода формы отливались изъ металла, а не выковывались. Въ VII-й залѣ С. Жерменскаго музея, представляющей переходную ступень отъ бронзы къ желѣзу, находятся копья, весьма сходныя по типу съ найденнымъ мною въ городищѣ. Въ Британскомъ музеѣ находится совершенно подобное копье изъ Англо-Саксонскаго могильника вмѣстѣ съ фибулами, относящимися къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. (отъ III до IV ст.). Другія копья, малаго размѣра, хотя и плохо сохранялись, но все-таки можно замѣтить, что онѣ относятся къ тому-же типу. Рисунокъ (38) представляетъ подобное копье изъ раскопокъ Мазараки, въ Полтавской губ. Мечъ желѣзный, найденный мною въ подвалѣ съ амфорами и упавшій туда сверху, носитъ на себѣ печать древности и можетъ быть отнесенъ по типу къ эпохѣ, по крайней мѣрѣ,—т. н. „La Téne“. Длина его $11^3/_4$ вершка (со стержнемъ рукоятки); у рукоятки углы клинка срѣзаны, а это указываетъ на то, что рукоятка своими загибами обхватывала углы клинка (ф. 1 той же фототипіи).

Рис. 38.

Двустороннія желѣзныя сѣкиры, представленныя на рис. 39, по всей вѣроятности, имѣютъ своимъ прототипомъ подобную сѣкиру изъ бронзы, найденную Шлиманномъ при раскопкахъ Трои и изображенную въ упомянутомъ мною изданіи (Ilios) ф. 676. Въ Историческомъ музеѣ находится большой сосудъ черной глины, принадлежащій къ коллекціи П. О. Бурачкова по словамъ бывшаго владѣльца коллекціи, вытащенный рыбаками изъ р. Конки; на этомъ сосудѣ съ одной стороны вырѣзано изображеніе подобной сѣкиры (рис. 40); въ той же коллекціи находится миньятюрное отлитое изъ свинца изображеніе такой же двусторонней сѣкиры. Изображенія подобной сѣкиры встрѣчаются и на

---

*) „Le bel age du bronze lacustre en Suisse. Paris. 1874.

медали временъ 2-го тріумвирата. Всѣ эти факты указываютъ на существованіе весьма продолжительное этой формы въ древности. Но при всемъ томъ я не могу считать эту сѣкиру боевымъ орудіемъ—она слишкомъ массивна для этой цѣли: длиною она $5^1/_2$ вершковъ и въ рединѣ имѣетъ большое утолщеніе. Такого рода сѣкира могла служить

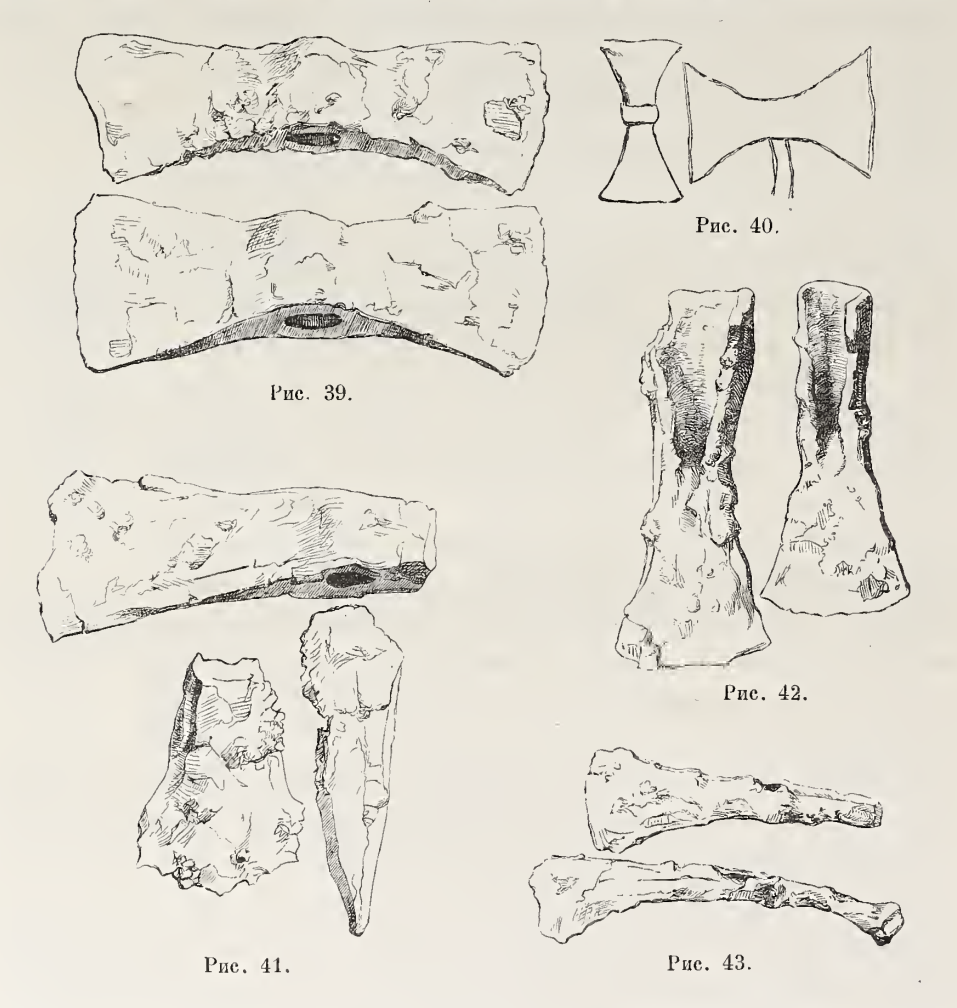

Рис. 39. Рис. 40. Рис. 41. Рис. 42. Рис. 43.

удобно для обтесыванія камней. Другаго рода найденная сѣкира представляетъ съ одной стороны массивное тылье, родъ короткаго молота (рис. 40 вверху). Въ словарѣ Дарамбера и Саліо въ 2-й части I-й томъ, стр. 484 подобная сѣкира изображена, какъ орудіе кузнеца. Другія изображенныя на рисункѣ желѣзныя орудія отличаются такимъ же характеромъ древности (рис. 41—фрагменты сѣкиръ и рис. 42—скребки).

Сѣкиры, изображенныя на рисункѣ 43, въ противоположность только что описаннымъ, имѣютъ скромные размѣры и болѣе деликатныя формы—онѣ скорѣе могутъ быть сближены съ *чеканами;* сѣкиры эти

находятся въ близкомъ родствѣ съ такими же сѣкирами, находящимися въ упомянутой уже коллекціи древностей изъ раскопокъ Г. Мазараки, въ Полтавской губерніи *)—(рис 44).

Изъ числа бронзовыхъ вещей, открытыхъ въ городищѣ, можно обратить вниманіе на прекрасно отлитую чашечку, украшенную снаружи выпуклыми поясками (фот. XX, 6). Хорошей техникой отличается также большое бронзовое кольцо, которое могло служить втулкой для какого-нибудь отверстія. Круглыя металлическія зеркала, какія встрѣчаются въ Керченскихъ гробницахъ, относятся къ древнему типу этого рода предметовъ. Всѣ эти бронзовые предметы скорѣе всего можно отнести къ издѣ-

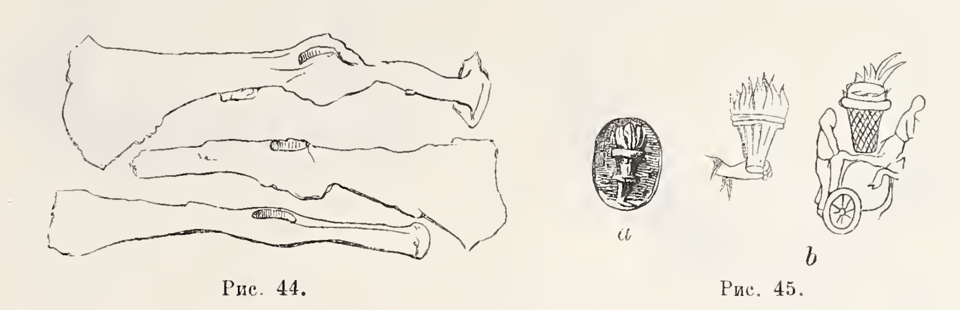

Рис. 44. Рис. 45.

ліямъ греческимъ (фот. XX, 5, 6, 8, 9). Если къ этимъ предметамъ ручку съ клеймомъ отъ амфоры, отвѣсъ глиняный въ формѣ пирамидки, прибавить еще упомянутую мноючерепицы (фот. XXIII, ф. 1—2) нѣсколько бусъ и нѣсколько сосудовъ—то это и будетъ составлять инвентарь предметовъ, которые, съ наибольшимъ вѣроятіемъ, могутъ быть отнесены къ греческимъ издѣліямъ. Впрочемъ, къ къ числу бронзовыхъ находокъ нужно отнести также и бронзовый перстень, на овальномъ щиткѣ котораго вырѣзано вглубь изображеніе кокого-то предмета: это изображеніе, какъ мнѣ кажется, напоминаетъ „calathos“ Диметры или сосудъ для куреній, который у Дарамбера и Саліо называется — „vase à parfums“ **). Несмотря па сходство съ этими изображеніями, представляющими, быть можетъ, жреческіе символы, — перстень этотъ по его виду и техникѣ трудно принять за характерное чисто-греческое издѣліе. (рис. 45).

Изображенные на рис. 46 и 47 кувшинъ красной глины и фрагментъ съ ручкой отъ большаго сосуда могутъ быть отнесены къ предметамъ греческаго колоніальнаго производства — въ особенности кув-

*) Коллекція эта передана въ Историческій Музей Имп. Археологической Коммиссіи.

**) Рисунокъ 45 *a* представляетъ изображеніе на щиткѣ перстня, а рис. 45 *b* взятъ изъ сочиненія Дарамбера и Саліо и представляетъ сосудъ для куреній и «калатосъ» Диметры.

шинъ, отличающійся прекрасной обжигой и тонкостью стѣнокъ напоминающій подобныя сосуды въ Херсонисѣ.

Окончивъ обзоръ болѣе характерныхъ вещей, мнѣ остается, для дополненія, сказать еще нѣсколько словъ по поводу стѣнъ городища.

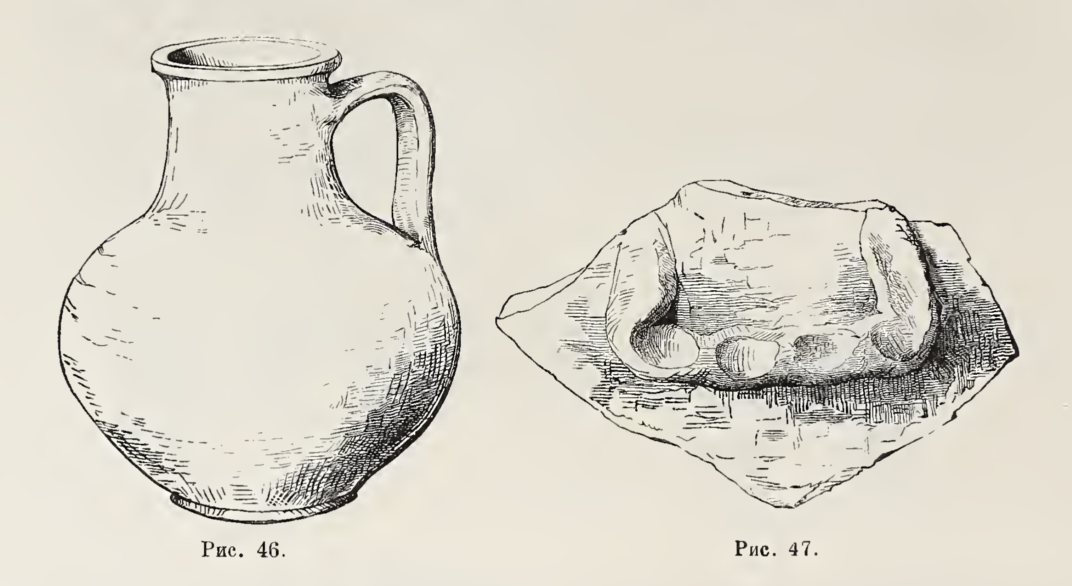

Рис. 46. Рис. 47.

На таблицѣ XI, изображающей наружную стѣну открытаго мною зданія, можно замѣтить тонкую квадратную плиту, прислоненную къ углу поперечной стѣны; на фотот. XXIII, ф. 3 изображенъ фрагментъ отъ подобной же плиты и наконецъ приложенный къ тексту рисунокъ 48 изображаетъ подобную же плиту, найденную мною при раскопкѣ и имѣющую въ srединѣ продолговатое, въ видѣ щели, отверстіе; камень этотъ сзади имѣлъ поперечную углубленную полосу, проходящую чрезъ отверстіе. Рисунокъ этого камня сдѣланъ съ фотографіи. Подобныхъ плитъ, но безъ отверстій, найдено было нѣсколько; плиты эти составляли, вѣроятно, облицовку стѣнъ, хотя и не сплошную, а вѣроятно, только мѣстатами—такъ какъ количество ихъ не велико. Размѣры камней разнообразны: длиной они попадались и болѣе и менѣе аршина, а толщина встрѣчалась отъ 1 вершка до 2-хъ. Всѣ эти плиты сдѣланы изъ одного матеріала—крѣпкаго камня дикаря, имѣющаго бѣлый цвѣтъ съ синеватымъ отливомъ. При большой трудности въ обработкѣ

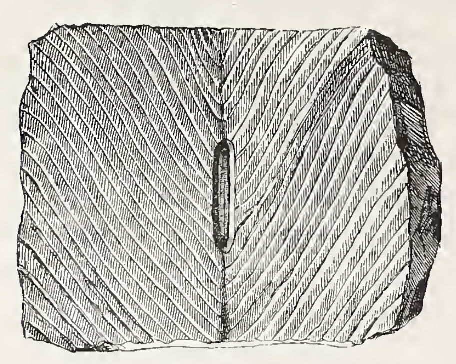

Рис. 48.

этого камня, тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе оригинальный и странный орнаментъ, украшающій лицевую сторону каждой плиты: орнаментъ состоитъ изъ параллельныхъ линій, раздѣленныхъ высѣчками или врѣзанными въ глубь чертами; черты эти углубляются весьма немного, такъ что образуютъ довольно слабый рельефъ. Замѣчательно, что эти параллельныя линіи не представляютъ прямыхъ линій, обычныхъ при такомъ рубчатомъ узорѣ, а, напротивъ, онѣ представляются изогнутыми слегка, кривыии, какъ на приложенномъ рисункѣ, или же представляютъ овально концентрическія кривыя, какъ на фотот. XXIII.

Однообразіе и твердость техники въ производствѣ орнамента и его оригинальный характеръ указываетъ на то, что орнаментъ этотъ служитъ характернымъ признакомъ извѣстной культурной эпохи. Его можно отнести къ эпохѣ мегалитической или къ эпохѣ долменовъ: въ С.-Жерменскомъ музеѣ есть много образцовъ поразительно сходныхъ съ орнаментомъ плитъ, найденныхъ въ городищѣ. Изображенія этого орнамента встрѣчаются также въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію этой эпохи.

Относительно происхожденія этого орнамента А. Бертрамъ помѣстилъ интересную статью Abel Maitre'а въ „Revue Archéoloojique" за 1885 г., въ этой статьѣ авторъ весьма остроумно, но смѣло объясняетъ этотъ орнаментъ подражаніемъ рисунку, какой замѣчается на эпидермѣ человѣческой ладони и пальцахъ руки.

Каково-бы ни было происхожденіе этого рисунка, но для цѣли отчета важно, что орнаментъ этотъ несомнѣнно характеризуетъ вкусъ извѣстной эпохи.

На планѣ раскопокъ городища (табл. XIII В) противъ угла *h* внѣшняя стѣнка закругляется и это закругленіе изображено на табл. XII, А. Какъ видно на послѣднемъ рисункѣ закругленіе образовано изъ поставленныхъ стоймя большихъ и длинныхъ камней, образующихъ какъ-бы основаніе стѣнки. Такого рода строительные пріемы свойственны также той-же мегалитической эпохѣ, хотя и болѣе поздняго періода. Въ сочиненіи Фергюссона—„Rude Stone monuments" въ мегалитическихъ памятникахъ Мальты (стр. 417) встрѣчается подобнаго рода конструкціи закругленной стѣны, служившей основаніемъ такъ наз. „башни гигантовъ". Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ я и заканчиваю обзоръ археологическаго матеріала, добытаго въ городищѣ.

Изъ представленнаго обзора можно замѣтить, что большую часть вещей нужно было отнести къ примитивной или варварской культурѣ, причемъ для сравненія пришлось искать матеріалъ въ раскопкахъ Трои,

но еще болѣе сходства оказалось вообще съ культурой свайныхъ построекъ и эпохой долменовъ. Однако этимъ сходствомъ нисколько не обозпечивается большая древность городища: общій характеръ находокъ заставляетъ принять другую мѣрку для нихъ чѣмъ та, какая употребительна для подобныхъ памятниковъ запада. Говоря вообще о древности эпохи свайныхъ построекъ, нужно вспомнить, что эта культура дожила до временъ Римской Имперіи, напр., въ кантонѣ Нёвшателѣ *). Въ долменахъ же Кубанской области была найдена золотая монета Босфорскаго царя **). Послѣдняя находка имѣетъ особенную важность и для опредѣленія древности городища — она обозначаетъ точную и позднюю дату существованія мегалитическихъ памятпиковъ въ этой части Кавказа.

Сравнивая, напр., археологическій матеріалъ, добытый раскопкою долмена-цисты близъ Геленджика, съ вещами городища нельзя не видѣть, что эти вещи очень далеко ушли впередъ отъ эпохи каменнаго вѣка. Здѣсь не можетъ быть также рѣчи о бронзовомъ вѣкѣ, а, напротивъ, замѣчается полное преобладаніе желѣза, хотя въ желѣзныхъ вещахъ, какъ я уже замѣчалъ, удерживаются формы бронзовыхъ вещей. Но этотъ архаизмъ формъ составляетъ отличительную черту Кавказа и проявляется гораздо позднѣе, чѣмъ на западѣ.

Сходство съ вещами изъ раскопокъ Трои указываетъ только на то, что въ древности извѣстныя формы были общими для побережій Чернаго и Средиземнаго морей, и здѣсь онѣ удержались болѣе продолжительное время.

Разнообразіе въ формахъ сосудовъ само по себѣ говоритъ не въ пользу особенной древности городища. Но среди этого разнообразія чувствуется весьма слабо вліяніе греческой культуры; многія формы скорѣе можно отнести къ позднему римскому вліянію — такъ мало въ нихъ художественной фантазіи, хотя чувствуется правильность линій и техническій навыкъ. Вообще можно предположить по находкамъ нѣкоторыхъ вещей (напр. ручки отъ амфоры съ греческимъ клеймомъ), что городище находилось въ сношеніяхъ съ греческими колоніями, но сношенія эти были весьма слабыя: замѣчательно, что ни одного фрагмента отъ черной поливной греческой посуды не найдено, точно также не найдено

---

*) Carte archéologique du canton *de Berne* — 1876 г. Age de fer anté-romaine (p. VIII) par le Baron Bonstetten: «*Habitation*. On ne connait que les habitations lacustre de Marin (canton de Neuchâtel), qui subsistait encore dans le premier siècle de notre ère puisqu'on y a trouvé des monnaies romaines dont une de *Claude*».

**) Е. Д. Фелицинымъ.

ни одного куска мрамора. Отсутствіе изображеній графическихъ, отсутствіе письма и монетъ составляютъ отличительныя черты городища.

Можно смѣло утверждать, что городище никакого торговаго значенія не имѣло, чѣмъ и объясняется отсутствіе греческихъ издѣлій, монетъ и т. п.

На основаніи общаго впечатлѣнія отъ этихъ раскопокъ и высказанныхъ мною соображеній древность городища можно опредѣлить, хотя и предположительно, временемъ Рождества Христова и скорѣй можно отнести его къ послѣдующимъ двумъ, тремъ столѣтіямъ, чѣмъ къ предыдущему.

Всѣ эти предположенія, впрочемъ, основываются на раскопкахъ, пространство которыхъ ничтожно въ сравненіи съ пространствомъ городища, оставшимся не изслѣдованнымъ. Оставаясь пока въ убѣжденіи, что городище это не имѣло торговаго значенія, — я тѣмъ болѣе придаю ему значеніе военное, стратетическое. Важность этого значенія основывается не только на его обширности, солидности стѣнъ, накопецъ, на характерѣ занимаемой имъ мѣстности — но также и на видимой связи его съ Анапой: оба входа и внѣшній колодезь его обращены къ сторонѣ Анапы; рѣчка Маскага, впадающая въ анапскій лиманъ могла служить связью крѣпости съ этимъ городомъ; малый входъ изъ городища обращенъ именно въ сторону болѣе покатаго берега (на сѣверѣ), гдѣ и могла быть пристань. Если Анапу принять за Горгиппію, то по связи съ Анапой, городище будетъ также принадлежать *синдамъ*. Въ такомъ случаѣ его значеніе опредѣляется какъ значеніе сторожевого сильнаго поста противъ вторженій варваровъ съ юга и съ юго-востока

Прежде чѣмъ закончить эту часть отчета, нужно еще замѣтить, что никакихъ слѣдовъ новыхъ чуждыхъ наслоеній въ городищѣ не замѣтно—оно отличается вполнѣ цѣльнымъ характеромъ, что и придаетъ ему, по моему мнѣнію, особый археологическій интересъ. Притомъ культурный слой указываетъ относительную кратковременность существованія этого городища—сколько мнѣ удалось замѣтить, культурный слой не болѣе аршина глубиной, и по характеру земли и по вещамъ не представляетъ разновременныхъ наслоеній; притомъ, основанія изслѣдованныхъ зданій лежатъ всѣ на чистомъ глинистомъ грунтѣ.

Что касается до предположенія о древнемъ названіи этого городища, то опредѣленіе этого названія представляетъ особую задачу для спеціалистовъ по древней географіи этого края. Я же съ своей стороны, ограничусь только замѣчаніемъ, что Птоломей упоминаетъ о

„*Синдской крѣпости*“ послѣ Синскаго порта, а Страбонъ за Горгиппіей и дворцомъ приморскимъ называетъ еще поселеніе „Абoрака“.

Приложены въ концѣ отчета два плана мѣстности вокругъ Раевской станицы знакомятъ съ топографическимъ характеромъ этого края.

Наконецъ сравненіе вещей изъ городища съ вещами изъ большаго кургана, изображенными на фототипіи XIX указываетъ, по моему мнѣнію, на близкое сродство этихъ двухъ сооруженій; то же сродство чувствуется и въ кладкахъ стѣнъ (ср. таблицы XI, XII съ табл. X).

XII.

Обзоръ археологическаго матеріала изъ курганныхъ раскопокъ.

При описаніи раскопокъ кургановъ въ различныхъ могильникахъ изслѣдованнаго побережья — я ограничивался лишь простымъ перечнемъ найденныхъ въ гробницахъ вещей, не останавливаясь на археологическомъ значеніи добытаго раскопками матеріала и на взаимномъ соотношеніи изслѣдованныхъ могильниковъ. Предполагая восполнить этотъ недостатокъ въ настоящей главѣ, я тѣмъ не менѣе, въ виду большаго количества матеріала, долженъ ограничиться обозрѣніемъ только тѣхъ наиболѣе выдающихся вещей, въ которыхъ выражается или оригинальный мѣстный вкусъ, или онѣ указываютъ на иноземныя сношенія, либо, наконецъ, эти вещи представляютъ данныя для хронологическихъ предположеній. Съ другой стороны, въ настоящемъ обзорѣ, самая группировка вещей будетъ зависѣть не отъ случайнаго сосѣдства могильниковъ, а археологическій матеріалъ долженъ распредѣлиться въ отдѣльныя группы — по сходству вещей и способовъ погребенія, по предполагаемой, наконецъ, хронологической связи вещей и могильниковъ.

При большомъ количествѣ археологическихъ фактовъ, относящихся вообще къ изслѣдованной мною мѣстности, но при маломъ количествѣ ихъ для каждаго могильника въ отдѣльности, — группировка могильниковъ въ хронологической послѣдовательности при этихъ условіяхъ можетъ выражаться только въ извѣстной степени вѣроятія. Во всякомъ случаѣ, главной точкой опоры для такой классификаціи долженъ слу-

жить могильникъ, имѣющій несомнѣнную хронологическую дату: съ матеріаломъ этого могильника легче уже сравнивать и распредѣлять въ группы остальной археологическій матеріалъ.

Въ настоящемъ случаѣ такою хронологической опредѣленностью отличаются два могильника, описанные мною прежде,—могильникъ на хуторѣ Карпенки (Натухайская стан.) и могильникъ на землѣ Полонскаго (Раевская стан.): въ первомъ найдены монеты золотоордынскія, хановъ Узбека и Джанибека, а во второмъ—Джанибека, а слѣд., могильники эти можно отнести къ XIV или XV ст. Но, прежде чѣмъ заняться обзоромъ этого могильника, я предпочитаю остановиться прежде всего на томъ могильникѣ, который относится къ болѣе новому времени и притомъ по своему характеру выдѣляется рѣзко отъ остальныхъ. Я подразумѣваю здѣсь тотъ могильникъ, который находится у самой Раевской станицы, на пересѣченіи двухъ дорогъ—Новороссійской и Баканской. Остановлю вниманіе только на раскопкѣ большаго, самаго характернаго кургана.

Особеннымъ образомъ устроенный срубъ или гробъ изъ толстыхъ бревенъ, заливка известью поверхности надъ гробомъ—все это указываетъ на какое-то чуждое другимъ могильникамъ погребеніе. Въ данномъ случаѣ занятіе чужой могилы или насыпи является несомнѣннымъ: оно подтверждается существованіемъ въ краю кургана другаго погребенія, относящагося къ бронзовому вѣку, а также нахожденіемъ въ центрѣ кургана, въ другомъ слоѣ, каменной кладки, не имѣющей никакой связи съ деревяннымъ гробомъ; наконецъ, на это же указываютъ наблюденія надъ рыхлостью слоевъ земли, лежащими надъ гробами. Время этого погребенія прекрасно опредѣляютъ сосуды, найденные при покойникѣ и изображенные на фот. XVII.

Двѣ маленькія чашки отличаются формой обычныхъ на Востокѣ *кофейныхъ* чашекъ; одна изъ нихъ, изображенная слѣва, по рисунку и краскамъ принадлежитъ несомнѣнно къ издѣліямъ Персіи (ф. 2); другая расписана одноцвѣтной голубой краской въ китайскомъ вкусѣ и даже имѣетъ на донышкѣ китайское клеймо (ф. 3); но, несмотря на это клеймо, ее смѣло можно отнести также къ персидскимъ издѣліямъ, такъ какъ ея форма и техника скорѣе подходятъ къ издѣліямъ этой страны, причемъ нужно принять во вниманіе также и нахожденіе ея вмѣстѣ съ другой, несомнѣнно персидской чашкой. Ея китайскій вкусъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Персіи, при шахѣ Аббасѣ, въ эпоху особеннаго процвѣтанія керамическаго производства мѣстныя издѣлія въ большомъ количествѣ подражали китайскимъ издѣліямъ или поддѣлывались

совершенно на манеръ китайскій *). Такимъ образомъ, обѣ чашки, по моему мнѣнію, относятся къ XVII ст. Что же касается до кувшина, изображеннаго посреди чашекъ, то онъ, хотя и отличается персидскимъ стилемъ, но скорѣе можетъ быть отнесенъ къ типу родосскихъ сосудовъ: прекрасный синій цвѣтъ, сильная обрисовка чернымъ цвѣтомъ контуровъ, такъ же какъ и самая форма очень роднятъ его съ сосудами Родоса, находящимися въ коллекціяхъ музея Клюни и въ музеѣ Кенсингтонскомъ. Такимъ образомъ, если отнести этотъ сосудъ къ родосскимъ издѣліямъ, представляющимъ особый варіантъ персидскаго стиля, то время его можно также опредѣлить XVII столѣтіемъ, причемъ нужно замѣтить, что степень сохранности и характеръ другихъ предметовъ этой раскопки подходятъ сильно къ этой датѣ.

Нельзя не замѣтить, какъ въ вещахъ, такъ и въ самой конструкціи могилы, совершенно особеннаго характера, не встрѣченнаго въ другихъ могильникахъ, а это обстоятельство даетъ право отнести какъ большой курганъ, такъ и весь могильникъ къ какому-то пришлому народу, появившемуся здѣсь, такъ сказать, эпизодически, случайно.

Уже тотъ фактъ, что черкесы называли изслѣдованное мною городище „Ногайской крѣпостью" (Ногай-кале) доказываетъ самъ по себѣ, что Ногайцы появлялись и, быть можетъ, пытались утвердиться въ этихъ мѣстахъ. Въ сочиненіи, которое Чертковъ приписываетъ Пейссонелю, „Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Cazpienne" — на стр. 23 **), авторъ, перечисляя племена Ногайцевъ говоритъ, что эти племена занимаютъ всю долину отъ Лабы до Чернаго моря, вдоль по теченію Кубани. Далѣе авторъ прибавляетъ: „Ces Nogays se retirèrent dans ce pays lors de la conquête d'Astrakhan".

Цитированный уже мною Жанъ де Люкъ (1625), упоминая о томъ, что татары ежегодно, ради рабовъ, дѣлаютъ нападеніе на черкесовъ, добавляетъ также: „И ногайцы часто съ тою же цѣлью производятъ сюда набѣги. Постоянное безпокойство, которое причиняютъ имъ (черкесамъ) татары и ногайцы пріучило ихъ къ войнѣ и сдѣлало изъ нихъ лучшихъ наѣздниковъ во всѣхъ этихъ странахъ".

Приведенныя мною мѣста этихъ двухъ писателей о Кавказѣ уже достаточно объясняетъ возможность появленія Ногайцевъ въ этомъ краѣ. Кромѣ того, если обратить вниманіе на пирамидальную, высокую на-

*) «Voyages de Monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient», Amsterdam, 1711, стр. 80—81. «Persian art» by Mayor R. Murdoch Smith. Стр. 6—31.

**) Paris, 1797.

сыпку большаго кургана, на расплывчатыя формы малыхъ, на отсутствіе камня въ устройствѣ насыпи изъ чернозема,—то нельзя не предположить въ этихъ курганахъ могильныхъ сооруженій степнаго характера, но такого, гдѣ чувствуется привычка пользоваться и лѣсомъ.

Что же касается предположеній о родосскомъ происхожденіи кувшина, то возможность такого факта является неудивительной, если вспомнить связь сѣвернаго Предкавказья съ Крымомъ, а сношенія Крыма съ Родосомъ подтверждаются уже историческими данными: Родосъ между прочимъ былъ мѣстомъ ссылки крымскихъ хановъ, которыми были недовольны турецкіе султаны *).

Связь Ногайцевъ съ Астраханью дѣлаетъ, съ другой стороны, вполнѣ возможнымъ появленіе здѣсь сосудовъ временъ шаха-Аббаса.

Не останавливаясь далѣе на этомъ могильникѣ, по всему вѣроятію, начала XVII вѣка, я перехожу къ обзору вещей могильниковъ, датированныхъ XIV или началомъ XV вѣка.

Изъ числа вещей этихъ двухъ могильниковъ (на землѣ Карпенки и на землѣ Полонскаго) прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на головныя украшенія изъ серебряныхъ пластинокъ. Первое изъ нихъ представлено въ трехъ фрагментахъ, въ натуральную величину (фот. XIII, ф. 1). Рельефъ украшеній выбитъ съ исподней стороны (repoussé); сохранилось 3 крупныхъ медаліона съ рельефнымъ изображеніемъ (не очень яснымъ)—фигуры, какъ мнѣ кажется, зайца съ другимъ какимъ-то звѣремъ. Фонъ изображенія сохранилъ слѣды позолоты. Эти слитныя изображенія животныхъ, обыкновенно въ борьбѣ, встрѣчаются въ скиѳскихъ могилахъ, въ Сибири, въ Средней Азіи, въ искусствѣ Сассанидовъ и Арабовъ. Медаліоны эти отдѣляются другъ отъ друга четырьмя полушариками, расположенными крестообразно.

Сравненіе этой діадимы съ другой, найденной въ могильникѣ Полонскаго (фот. XV, фиг. 1), можетъ указать и на общее ихъ сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыя отличія: первая діадима сдѣлана изъ хорошаго серебра, сохранившаго слѣды позолоты, по звѣринымъ изображеніямъ сохраняетъ черты архаичности и отличается вообще прекрасной техникой. Вторая діадима, напротивъ, довольно грубой техники и сдѣлана изъ плохаго серебра. Общее ихъ сходство выражается, главнымъ образомъ, въ выпуклыхъ полушарикахъ, расположенныхъ крестообразно и въ бордюрѣ по краямъ, образованномъ изъ ряда мел-

*) «Въ 1088 г. (гедржы) Селимъ - Гирей - Ханъ былъ низложенъ за приписанную ему неудачу Чигиринской экспедиціи и въ слѣдующемъ году посланъ на житье въ Родосъ». (Извлеченіе изъ турецкой рукописи, записки Одесск. Общ. Ист. древн., томъ I, 1844 г.).

кихъ полушариковъ. Такого рода выпуклый орнаментъ относится къ весьма примитивной техникѣ обработки металловъ и является въ эпоху господства бронзоваго вѣка и въ слѣдующія за нимъ эпохи; такъ между прочимъ въ Историческомъ музеѣ хранится коллекція Н. И. Булычева изъ раскопокъ городища въ Калужской губ., Мосальскаго уѣзда; среди вещей этой коллекціи, украшенныхъ эмалью, такъ наз. „меровингскаго стиля", обращаютъ на себя вниманіе діадимы изъ бронзовыхъ пластинокъ, украшенныя орнаментомъ изъ выбитыхъ полушариковъ. Этотъ орнаментъ весьма сходенъ, какъ и самыя бронзовыя пластинчатыя діадимы, съ найденными мною подобными украшеніями. Въ данномъ случаѣ архаичность орнамента указываетъ на древность употребленія подобнаго рода головныхъ украшеній, найденныхъ притомъ въ двухъ могильникахъ.

Что же касается различія техники, то это различіе замѣчается вообще въ разнаго рода найденныхъ серебряныхъ украшеніяхъ: такъ напр. на фот. XIII, фиг. 2, представленъ фрагментъ украшенія въ формѣ лунницы изъ серебряной пластинки, обведенной по краямъ сканной веревочкой и въ срединѣ образующей трилистникъ.

Работа этой лунницы очень тонкая; поле листочковъ сохранило ясные слѣды позолоты. Близко подходитъ къ этой работѣ и большая дутая пронизка или, скорѣе, пуговица изъ серебра, формой напоминающая оливу (фиг. 3); она украшена на поверхности лунницами изъ сканной веревочки, а посрединѣ пояскомъ изъ скани съ рядомъ отверстій. Одна верхушка ея отломана и представлена отдѣльно (фиг. 4). Всѣ эти вещи можно отнести къ хорошимъ арабскимъ издѣліямъ. Другимъ характеромъ техники отличается талисманъ ромбической формы съ тремя серебряными грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ (фиг. 6). Съ другой стороны ромба вставлены двѣ стеклянныя ромбическія пластинки, между которыми сохранился еще какой-то бурый порошекъ. Скань, которою украшены привѣски, отличается болѣе грубой работой, сравнительно со сканью прежде упомянутыхъ вещей. Такой же сравнительно грубой техникой отличается и колечко съ тремя привѣсками (фиг. 7). Привѣски эти, а также и серебряныя пуговицы, представленныя на фототипіи очень напоминаютъ такого же рода предметы, открытые проф. Самоквасовымъ въ курганахъ близъ Пятигорска (Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ). Вообще эти вещи скорѣе можно отнести къ издѣліямъ среднеазіатскимъ чѣмъ арабскимъ.

Разсказъ Ибнбатуты о Маджарахъ, о Сараѣ, объ Астрахани указываетъ на возможность вліянія среднеазіатскихъ вкусовъ на жителей

сѣвернаго Кавказа, въ эпоху могущества Золотой Орды. Притомъ же въ самихъ Маджарахъ живутъ факиры изъ Аравіи, Евреи изъ Андалузіи, а изъ Бухары являются даже проповѣдники *).

Серьга № 16 напоминаетъ нѣсколько серьги, находимыя въ курганахъ центральной Россіи, но техника ея гораздо грубѣе, а вставленная бирюза указываетъ скорѣй всего на привозъ ея также изъ Средней Азіи. Формы серегъ (№ 17 и № 20), отличаясь также грубостью техники, представляютъ собою весьма древнія восточныя формы, ведущія свое начало отъ временъ финикійскихъ **). Вторая серьга, украшенная серебрянымъ конусомъ (другой половинки не сохранилось) представляется характерной для этой мѣстности — форма эта встрѣчается часто въ курганахъ Цемесской долины. Вообще многія формы серегъ, изображенныхъ на обоихъ фототипіяхъ, отличаются архаическимъ вкусомъ передней Азіи.

Дѣтская маленькая серьга изъ золотой проволоки съ жемчужиной по простотѣ своей техники и узелку можетъ быть отнесена также къ древнимъ типамъ — она встрѣчается также въ византійскихъ могилахъ VIII—IX в. приблизительно ***). Спиральное кольцо, изображаемое на той же фототипіи (фиг. 22 и 23), а также на фототипіи XIV (фиг. 14), относясь къ наиболѣе характернымъ предметамъ могильниковъ этой мѣстности, сохраняетъ архаическую форму, принадлежащую первымъ временамъ обработки металловъ; но, сохраняя свою древнюю форму, кольцо въ техническомъ отношеніи отличается новыми пріемами: она состоитъ изъ серебра съ небольшой примѣсью олова и покрыто позолотой или цѣлой тонкой пластинкой золота; концы обрублены, но размѣръ колецъ одинаковъ.

Вѣроятно первоначально эти кольцы дѣлались изъ толстой золотой проволоки: такъ въ сочиненіи Монтеліуса — „La Suède prehistorique“ на стр. 112 помѣщено изображеніе подобнаго же совершенно кольца, но сдѣланнаго изъ золота; кольцо это отнесено къ эпохѣ „Le moyen âge du fer“ и на основаніи обрубленныхъ концовъ авторъ объясняетъ его назначеніе тѣмъ, что оно могло служить вмѣсто денегъ для расплаты посредствомъ отрубанія частей. Между тѣмъ Шлиманнъ, нашедшій въ своихъ раскопкахъ подобнаго типа золотыя кольца, считаетъ, что они

*) Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, томъ I, стр. 287. Бар. В. Г. Тизенгаузена. 1884 г. С.-Петербургъ.

**) «Les bijoux»—Fontenay.

***) Коллекція Историческаго Музея—изъ раскопокъ въ Оріандѣ, Великаго Князя Сергія Александровича.

употреблялись для поддерживанія локоновъ волосъ и для подтвержденія своего мнѣнія приводитъ стихъ изъ Иліады (Ilios, стр. 553). Въ Босфорскихъ древностяхъ подобной формы кольца являются украшенными пирамидками изъ шариковъ по концамъ. Въ Кобанскомъ могильникѣ спираль съ завитками на концахъ и болѣе плосковатой формы, если и отличается совершенно инымъ характеромъ стиля, но какъ спираль могла имѣть служебное назначеніе, подобно нашимъ кольцамъ.

Во всякомъ случаѣ объясненіе Монтеліуса нельзя считать вѣроятнымъ, уже и потому, что самая спиральная форма вовсе неудобна для отрубанія частей. Всѣ эти различія въ техникѣ, не затрогивающія формы, указываютъ, по моему мнѣнію, съ одной стороны, на различіе въ средствахъ собственниковъ этихъ колецъ, а съ другой — на распространенность этой архаической формы украшенія. Нужно также замѣтить, что, по раскопкамъ, эти кольца можно причислить къ женскому наряду, причемъ они могли служить аграфомъ, въ который продѣвались концы легкой ткани покрывала или фаты или какой-либо подобной одежды. Колецъ этихъ въ трехъ могильникахъ (Карпенки, Ткачева и Полонскаго) найдено до 8 экземляровъ.

Наборъ серебряный отъ пояса, изображенный на той же таблицѣ (№№ отъ 27—33), судя по формамъ бляхъ, выражаетъ восточный вкусъ; что же касается орнамента, то подобные мотивы завитковъ встрѣчаются и въ византійскомъ искусствѣ, напр., у Лабарта *).

Серебряный перстень, найденный козакомъ въ томъ же могильникѣ, изображенъ подъ № 35, а сдѣланный оттискъ на гипсовой пластинкѣ со щитка изображенъ подъ № 36; № 37—представляетъ гипсовый оттискъ съ боковаго украшенія перстня. Изображенный на щиткѣ крестъ съ двумя звѣздочками, а внизу латинская надпись, но готическими буквами „In nomine Dei"—указываетъ такъ же какъ и орнаментъ но генуэзское или вообще италіанское происхожденіе этой вещи, а по времени можетъ относиться къ XIV и не позже XV вѣка. Нельзя не вспомнить при этомъ, что невдалекѣ отъ мѣстности этого могильника находится небольшая бухта Сукко (Golfo di Zucco), которая, вѣроятно, была въ средніе вѣка генуэзской факторіей. Нахожденіе этого кольца въ языческомъ могильникѣ представляется фактомъ случайнымъ и нисколько не указываетъ на погребеніе тамъ христіанина—по крайней мѣрѣ, ни вещи, найденныя съ кольцомъ, ни другіе признаки погребенія нисколько не указываютъ на христіанство.

*) Ср. Couverture d'un manuscrit grec de la bibliothèque de Sienne («Histoire des arts industriels au moyen âge».

Наконецъ, изъ вещей, помѣщенныхъ на фот. XV, мнѣ остается упомянуть о бронзовомъ наперсткѣ.

Кромѣ могильника г. Полонскаго подобные наперстки найдены еще въ могильникѣ Карпенки — всего до шести экземпляровъ. Совершенно сходные наперстки мнѣ пришлось встрѣтить въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ *).

Такъ же часто, какъ и наперстки, въ могильникахъ этого рода встрѣчаются желѣзныя ножницы. Кромѣ могильника Карпенки и Полонскаго ножницы найдены мною въ могильникѣ близь селенія Береговаго. Проф. Самоквасовымъ подобныя ножницы были найдены, при его раскопкахъ, въ курганахъ Пятигорскаго округа **). Вообще ножницы очень часто встрѣчаются въ курганахъ Кавказа.

Какъ наперстки, такъ и ножницы должны быть отнесены къ предметамъ женскаго рукодѣлія. Къ такого же рода предметамъ относятся и кабаньи клыки, встрѣчающіеся также часто въ подобнаго рода могилахъ; эти клыки служили, по всему вѣроятію, для разглаживанія позументовъ и тому подобныхъ украшеній, вообще замѣняли до нѣкоторой степени нашъ утюгъ: подобная служебная роль клыковъ сохранялась до послѣдняго времени у черкесовъ. Изображенія этихъ наперстковъ находятся на фототипіяхъ XIV (№ 12 и 13) и XV (№ 34). Изображенія ножницъ находятся на фот. XIV (17). Къ женскому туалету должно отнести и тѣ пять зеркалъ, которыя мною найдены въ двухъ вышеупомянутыхъ могильникахъ. Зеркала эти очень однообразны: отлитыя изъ особеннаго металлическаго сплава, имѣютъ форму диска, полированнаго съ одной стороны и безъ всякихъ орнаментовъ съ другой. Вообще, они весьма характерны для XIV — XV столѣтій и, вѣроятно, относятся къ привознымъ вещамъ изъ средней Азіи (фот. XIV, 18).

Что касается до бусъ, найденныхъ мною въ упомянутыхъ могильникахъ, я остановлю вниманіе на многогранной бусѣ изъ бѣлаго стекла (фот. XIV, 1). Подобныя стеклянныя бусы встрѣчаются въ коллекціяхъ вещей изъ раскопокъ г. Ивановскаго (С.-Петербургской губ.), но тамъ онѣ гораздо меньшаго размѣра. Буса подъ № 2 на той же фот. представляетъ глиняную массу, формы оливки, украшенную по поверхности поливнымъ узоромъ. Какъ техника у этой бусы, такъ и цвѣта поливы—свѣтло-желтый, черный и коричневый — позволяютъ сбли-

---

*) Salle de comparaison (vitrine 56); objets en bronze de la forêt de Compiègne.

**) Труды 5-го Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

зить эту бусу съ поливными фрагментами, найденными мною близь Сухума.

По сходству вещей и по характреру погребенія къ описаннымъ двумъ могильникамъ ближе всего подходятъ: могильникъ близь хутора Ткачева (стан. Раевская), могильникъ въ Цемесской долинѣ и могильникъ въ селеніи Кабардинскомъ. Сходство всѣхъ этихъ могильниковъ выражается, главнымъ образомъ, не только въ устройствѣ гробницъ и нѣкоторыхъ общихъ чертахъ погребенія, но и въ совершенномъ подобіи нѣкоторыхъ характерныхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, типъ серебряной серьги (фот. XIII, 20) встрѣчается нерѣдко въ гробницахъ Цемесской долины, точно также, какъ и типъ другой серьги, (фот. XV, 14). Украшенія на платья въ формѣ плетеныхъ жгутиковъ, найденныя мною въ могильникѣ Карпенки (фот. XIII, 11), попадаются и въ могильникѣ Цемесской долины. Кромѣ того, въ Цемесской же долинѣ, одна раскопанная мною могила, кромѣ другихъ вещей, дала еще слѣдующія желѣзныя вещи (фот. XII): нѣсколько стрѣлъ, нѣсколько ножей и три пилы. Одна изъ нихъ представляетъ узкую длинную пластинку, зубчатую съ одной стороны и съ загнутыми въ разныя стороны концами (фиг. 9). Другая—съ широкимъ и короткимъ лезвіемъ, закругленнымъ съ одной стороны, съ другой сохранила желѣзную петлю и слѣды дерева отъ рукоятки *) (фиг. 10). Фиг. 11 той-же фототипіи представляетъ кривой ножикъ съ зубчатымъ лезвіемъ.

Къ столярнымъ же инструментамъ можно отнести и фрагментъ ножа съ выгнутымъ на концѣ лезвіемъ (фиг. 12). Такого рода инструментъ могъ служить для выстругиванія дерева вглубь, наприм., при обработкѣ ложки.

Курганъ того же могильника, описанный мной на стр. 78—79, считаю болѣе правдоподобнымъ отнести къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ предшествовавшіе курганы: могила, высѣченная въ скалѣ, примитивное устройство склепа и безпорядочная засыпка щебнемъ—все это признаки, представляющіе въ большей свѣжести архаическія черты погребенія, и дающіе право выдѣлить эту могилу среди другихъ, описанныхъ выше.

Нѣсколько большею древностью также отличается, по моему мнѣнію, и гробница Мысхако, въ которой найдено мною два скелета. Эти скелеты лежали въ порядкѣ, сравнительно съ скелетами, напримѣръ,

---

*) Подобная пила встрѣчается въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, см. въ сочиненіи Дезора.

могильника Карпенки: оба лежали въ извѣстномъ направленіи, головами въ одну сторону. Что же касается найденныхъ тутъ же вещей, то изъ нихъ я считаю наиболѣе интересными фрагменты костяныхъ пластинокъ, покрытыхъ рѣзьбой и служившихъ украшеніемъ деревяннаго колчана. Фрагменты эти изображены на фот. X. Одни фрагменты повторяютъ на рубчатомъ фонѣ, сдѣланное контуромъ вглубь, изображеніе козла или, быть можетъ, другаго подобнаго звѣря. Изображеніе это очень стильно, потому что характерныя формы звѣря передаются прямыми линіями (1—5). № 12 и 13 представляютъ фрагменты съ орнаментомъ изъ смѣлыхъ завитковъ, доказывающихъ, что рука художника была опытна въ изгибахъ кривыхъ линій, когда эти линіи касались орнамента, но тотъ же художникъ боязливо избѣгалъ кривыхъ линій въ изображеніяхъ животныхъ. Потому-то эти костяныя пластинки прежде всего можно отнести къ издѣліямъ мусульманскимъ.

Отечество художника, по моему мнѣнію, выясняется слѣдующими фактами: въ 1887 году г. Нефедовъ производилъ раскопки по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Тургайской области, гдѣ, между прочимъ, въ одномъ изъ кургановъ нашелъ подобныя же пластинки отъ колчана. Рѣзныя украшенія этихъ пластинокъ поразительно сходны съ найденнымъ мною въ гробницѣ Мысхако: тотъ же зубчатый поясокъ, того же стиля завитки и также черной массой заполнены углубленія контуровъ. Можно думать, что рука одного и того-же художника украшала эти колчаны, найденные въ двухъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга могилахъ. Настоящимъ лѣтомъ А. Н. Харузинъ, производившій раскопки въ степяхъ Букеевской Орды, также нашелъ украшенія, вѣроятно, отъ колчана, хотя и сдѣланныя изъ бересты, но сходныя по стилю съ только что описанными *).

На той-же фототипіи подъ № 11 изображенъ орнаментъ, состоящій изъ зубчатыхъ заостренныхъ завитковъ, обращенныхъ въ противоположныя стороны. Подобный мотивъ орнамента встрѣчается въ извѣстномъ изданіи Симакова „Искусство Средней Азіи“. Прилагаемый здѣсь для сравненія рисунокъ взятъ изъ этого изданія (рис. 49). Кромѣ того, въ томъ же изданіи помѣщены рисунки тканей, украшенныхъ изображеніями верблюдовъ; контуры этихъ животныхъ обозначены также прямыми линіями. И въ этомъ отношеніи, эта манера

Рис. 49.

*) Коллекція г. Харузина передана въ Историческій Музей.

изображенія животныхъ совершенно сходствуетъ съ рисунками животныхъ на найденныхъ мною пластинкахъ. Въ изображеніи верблюдовъ подобнаго рода прямолинейность контуровъ могла зависѣть отъ требованій ткацкой техники *).

Такимъ образомъ, выяснивъ родство найденныхъ мною вещей съ издѣліями Средней Азіи, я считаю возможнымъ предположить, что найденный мною колчанъ относится не къ мѣстному издѣлію, а къ предметамъ привознымъ. Время привоза можно, съ вѣроятіемъ, отнести ко времени процвѣтанія Золотой Орды, при посредствѣ которой сношенія средне-азіатскихъ степей съ Кавказомъ отличались особымъ оживленіемъ.

Что же касается до наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ вмѣстѣ съ остатками колчана, то они, отличаясь листовидной формой и снабженныя стержнемъ, а не трубочкой, относятся по типу къ такъ называемымъ „площикамъ" **). Фиг. 21 изображаетъ наконечникъ стрѣлы съ расширеннымъ концомъ, который могъ употребляться для охоты и который можетъ быть отнесенъ къ разряду стрѣлъ „срѣзней".

Предполагаемая мною бо̀льшая древность этой могилы не можетъ имѣть большой разницы въ датахъ сравнительно съ вышеописанными, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ древность предметовъ связывается съ эпохой Золотой Орды.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить того факта, что наконечники стрѣлъ, подобные описаннымъ мною, только и встрѣтились еще разъ въ могильникѣ Карпенки, и то въ количествѣ двухъ экземляровъ (фот. XIV, 19—20). Въ могилахъ же Цемесской долины и въ лѣсномъ могильникѣ близъ Геленджика найденныя мною стрѣлы отличаются отчетливой ромбической формой и также снабжены стержнями.

Къ той-же категоріи описанныхъ мною могильниковъ мнѣ кажется возможнымъ отнести и могильникъ на сѣверномъ берегу Гелинджикской бухты. Что-же касается до могильника, лежащаго на востокъ отъ бухты въ лѣсу, то его можно выдѣлить въ особую группу по формамъ погребенія и по особенному характеру найденныхъ въ немъ вещей. Изъ послѣднихъ особое вниманіе на себя обращаютъ сравнительно большое количество предметовъ, относящихся къ оружію: такъ, въ двухъ могилахъ найдено восемь наконечниковъ ромбическихъ желѣзныхъ стрѣлъ,

---

*) Въ Историческомъ Музеѣ находятся бронзовыя грушевидныя привѣски къ серьгамъ, украшенныя такимъ же орнаментомъ—онѣ происходятъ изъ Афросіабы.

**) См. статью Анучина: Въ Трудахъ Одесскаго съѣзда — «О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ».

длинный наконечникъ копья, лезвіе широкаго кинжала или меча, особой формы сѣкира съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ лезвія (рис 50). Это послѣднее оружіе можно считать особенно рѣдкимъ, такъ какъ всего одинъ разъ и встрѣтилось въ моихъ раскопкахъ; по своей формѣ оно врядъ-ли можетъ относиться къ предметамъ туземнаго вооруженія.

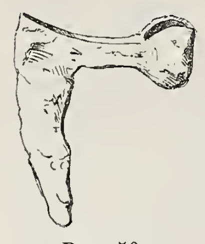

Рис. 50.

Къ сожалѣнію, въ этомъ могильникѣ мнѣ не удалось напасть на женское погребеніе, которое, по всему вѣроятію, доставило-бы больше фактовъ для характеристики этого интереснаго могильника.

Раскопанная мною женская могила въ большомъ могильникѣ, близь Новороссійска, по дорогѣ въ Мысхако, можетъ быть, по всему вѣроятію, отнесена приблизительно къ XII вѣку, какъ какъ въ числѣ найденныхъ мною нѣсколькихъ бусъ находятся двѣ бусы изъ египетской пасты бирюзоваго цвѣта. Подобныя бусы въ значительномъ количествѣ встрѣчаются въ раскопкахъ г. Ивановскаго (С.-Петербургской губ.), гдѣ онѣ безъ сомнѣнія представляютъ предметъ привозный съ востока и могутъ быть съ достовѣрностью отнесены, по крайней мѣрѣ, къ XII вѣку.

Кстати здѣсь же мнѣ слѣдуетъ упомянуть о вещахъ, найденныхъ въ Мысхако, на хуторѣ г. Пенчула, изображенныхъ на таблицѣ № 6 и на фототипіи № 11. По характеру своему эти вещи относятся къ совершенно различнымъ эпохамъ, иногда раздѣленнымъ между собою большими промежутками времени. Къ предметамъ болѣе древнимъ можно отнести слѣдующіе: алавастръ (рис. 13), выдѣланный изъ стекляннаго сплава разныхъ цвѣтовъ — темнаго, бѣлаго и желтаго. Какъ по технике, такъ и по формѣ сосудикъ этотъ относится ко временамъ античной древности, представляя собою издѣліе либо финикійской фабрики, либо предметъ греко-римской эпохи. Замѣчу, впрочемъ, что производство финикійскихъ стеклянныхъ издѣлій продолжалось и въ средніе вѣка, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Бенжаменъ Тудельскій *).

Большимъ характеромъ древности, по моему мнѣнію, отличается и нитка бусъ (фиг. 4), составленная изъ маленькихъ каменныхъ цилиндриковъ и круглыхъ сердоликовыхъ бусъ. Онѣ напоминаютъ бусы изъ раскопокъ г. Цилоссани въ Дилижанскомъ ущельѣ (Рѣдкинъ лагерь). Сюда же относится круглое тонкое зеркало изъ бронзы, также древ-

---

*) Бенжаменъ Тудельскій говоритъ, что число евреевъ въ Тирѣ доходитъ до 500. Многіе имѣютъ корабли для торговли; d'autres y font le beau *verre de Tyr* — le plus curieux et le plus estimé du monde.

няго типа (фиг. 12). Подобныя зеркала найдены мною въ большомъ курганѣ, въ станицѣ Натухайской и въ городищѣ „Ногай-Кале", близь станицы Раевской. Къ тому же времени приблизительно можно отнести и глиняную урну и наконечникъ желѣзнаго копья (таб. 6, фиг. 3—4). Глиняная урна представляетъ собою обычную античную форму этихъ сосудовъ, а листовидная форма копья съ стержнемъ вдоль лезвія напоминаетъ технику бронзовыхъ орудій этого рода.

Къ болѣе позднему времени можно отнести бронзовую фибулу (фот. XI, 11), по формѣ своей относящуюся къ началу среднихъ вѣковъ, приблизительно IV — V вѣкъ. Подобная фибула находится въ Британскомъ музеѣ, въ числѣ керченскихъ находокъ. Въ болѣе украшенномъ и осложненномъ видѣ фибула эта встрѣчается въ южной Россіи и въ западной Европѣ.

Безспорно къ X вѣку относится серебряный арабскій диргемъ *). Крестикъ-тѣльникъ изъ спруда (14) можетъ быть отнесенъ къ XI—XII вѣку, такъ какъ подобнаго типа крестики встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи и изображены въ изданіи Прохорова—„Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ".

На фототипіи XXVI представлены четыре стеклянныхъ сосуда въ формѣ мензурокъ, встрѣчающихся довольно часто въ могильникахъ кавказскаго побережья. Изъ нихъ фиг. 3 изображаетъ сосудъ, найденный въ Мысхако. На немъ болѣе ясно сохранился орнаментъ, въ сравненіи съ сосудами фиг. 1 и 2. Орнаментъ этотъ представляется весьма характернымъ, а потому можетъ удобно служить къ опредѣленію стиля и времени этого сосуда. Сосудъ на внѣшней поверхности своей украшенъ двумя поясками. Пояски эти состоятъ изъ сплошнаго узора, сдѣланнаго отъ руки, тонкими линіями краснаго цвѣта, напоминающими совершенно арабскія надписи. Ниже этихъ двухъ поясковъ сосудъ былъ украшенъ рядомъ птицъ, бойко нарисованныхъ тѣмъ же краснымъ контуромъ. Сосудъ фиг. 4 украшенъ широкимъ пояскомъ, на которомъ, вслѣдствіе плохой сохранности стекла, съ трудомъ можно отличить крупную арабскую надпись на золотомъ фонѣ. Поясокъ, кромѣ того, украшенъ круглыми медаліонами съ голубымъ фономъ. Въ Британскомъ музеѣ (Glas und mayolica room) сохраняется богатая коллекція стеклянныхъ арабскихъ сосудовъ, относимыхъ къ XIII столѣтію. Въ числѣ этой коллекціи находится сосудъ, совершенно подобный найденному въ Мысхако. На немъ также узорные пояски, сдѣланы крас-

*) Диргемъ г. Трутовскій относитъ къ X вѣку.

нымъ контуромъ и напоминаютъ арабскую надпись. Но вмѣсто птицъ тамъ изображены рыбы. Стиль этихъ изображеній такъ сходенъ со стилемъ изображеній птицъ, что можно было бы оба рисунка приписать одной и той же смѣлой и опытной рукѣ. Въ той же коллекціи находится древняя стеклянная, богато украшенная орнаментомъ, лампада, изображеніе которой можно найти въ описательномъ каталогѣ Кенсингтонскаго музея *).

Роскошные орнаменты этой лампады представляютъ полное сходство по краскамъ, по техникѣ и по стилю съ нашимъ сосудомъ № 4. Это сходство даетъ полное право предположить, что найденные мною стеклянные сосуды относятся къ XIII — XIV стол. и представляютъ собою предметы арабской индустріи. Припоминая мѣста находокъ стеклянныхъ издѣлій, районъ которыхъ заключается отъ Сухума до Анапы, можно смѣло высказать мнѣніе, что все это побережье, въ упомянутую мною эпоху, находилось въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами Египта. На это, между прочимъ, можно найти указаніе въ „Сборникѣ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды“ (изд. бар. Тизенгаузена) и въ сочиненіи „Geschichte des Levantenhandels im Mittelalter“ von Heyd.

Другія же вещи изъ числа найденныхъ въ Мысхако, какъ-то: стремена, копья, сабли относятся, по всему вѣроятію, къ болѣе позднему времени.

Вообще уже одно хронологическое различіе упомянутыхъ мною вещей можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, что вокругъ небольшой бухточки Мысхако, у подножія выдающейся въ море горы, со временъ античной древности жило значительное населеніе, и мѣстность эта была оживлена разнообразными торговыми сношеніями. До послѣдняго времени у черкесовъ сохранялась память о томъ, что мѣстность эта служила нейтральнымъ пунктомъ для торговыхъ иноземныхъ судовъ; указаніемъ этой мѣстности съ моря служили отдѣльно стоящія на высокомъ берегу деревья особой формы **).

По моему мнѣнію, на древность населенія въ Мысхако указываютъ, изслѣдованныя мною въ той же мѣстности, могилы съ сожженіемъ. Такого рода погребеніе относится, безъ всякаго сомнѣнія, къ болѣе древ-

*) A descriptive catalogue of the glass vessels—of Nesbitt.

Лабартъ въ своемъ сочиненіи «Les Arts industriels» представляетъ рисунокъ, весьма сходнаго по орнаментамъ и техникѣ съ лампадой, сосуда съ узкимъ горлышкомъ и относитъ этотъ сосудъ къ издѣліямъ византійскимъ. Нельзя не замѣтить поразительнаго сходства этого сосуда съ упомянутой лампадой, которая безспорно относится къ издѣліямъ Каира.

**) Разсказъ Пенчула, владѣльца этой мѣстности.

нимъ временамъ, чѣмъ погребеніе въ описанныхъ мною гробницахъ въ той же мѣстности. Изъ вещей, найденныхъ мной въ двухъ погребальныхъ урнахъ, я напомню о прямомъ массивномъ клинкѣ меча, типъ котораго въ другихъ позднѣйшихъ могилахъ не встрѣчается; о короткой листовидной стрѣлкѣ, несходной съ типами другихъ стрѣлокъ, хотя и листовидныхъ. Найденные тутъ же куски кольчуги также выдѣляютъ это погребеніе отъ другихъ могилъ этого края. Хотя, съ другой стороны, фактъ нахожденія фрагментовъ кольчуги удаляетъ это погребеніе отъ античной древности и скорѣе даетъ поводъ его отнести ближе къ 10 вѣку.

Изъ вещей, найденныхъ въ подобномъ же могильникѣ съ сожженіемъ у Геленджикской бухты я напомню о двухъ глиняныхъ черепкахъ, округленной формы, со сверлиной посреди, о кускахъ обожженнаго огнемъ коралла *), о пронизкѣ изъ халцедона. Подобные предметы въ другихъ могильникахъ не встрѣчались, точно такъ же, какъ и найденная здѣсь глиняная пряслица.

Что касается формы самихъ погребальныхъ урнъ, то въ большинствѣ случаевъ эти формы имитируютъ греческую остроконечную амфору, хотя на стр. 66 моего отчета, на рис. 16, изображенная погребальная урна отличается совершенно другой, грушевидной формой. Подобной формы сосудъ найденъ мною въ раскопкахъ городища близь Цымлянской станицы, на Дону. Оба сосуда указываютъ на восточный вкусъ **).

Вообще, сравнивая глиняныя издѣлія, добытыя въ могилахъ съ сожженіемъ, и не только урны, но и черепки съ сверлиной, съ сосудами, найденными мною во многихъ могилахъ съ каменными гробницами, нельзя не замѣтить въ техникѣ большой разницы: послѣдніе сосуды отличаются большимъ однообразіемъ формъ, плохой обжигою, иногда сдѣланной безъ гончарнаго круга (сел. Береговая), толстыми грубыми стѣнками, тогда какъ глиняныя издѣлія изъ жженыхъ гробницъ сохраняютъ въ большей или меньшей степени, какъ по формѣ, такъ и по техникѣ, традиціи временъ античныхъ. На эти же традиціи, по моему мнѣнію, указываетъ и самый способъ погребенія — сожженіе, которое безъ сомнѣнія на этихъ берегахъ Кавказа ведетъ свое начало отъ временъ греко-римскихъ и о которомъ у современныхъ черкесовъ не сохранилось никакихъ преданій.

---

*) Соломонъ Рейнахъ считаетъ украшенія изъ коралловъ характерными для галло-римской эпохи (каталогъ С. Жерменскаго музея).

**) На стр. 101 отчета, рис. 22 изображаетъ также урну; найденную съ жжеными костями, которую, мнѣ кажется, можно отнести къ римской эпохѣ.

Наконецъ, мнѣ остается перейти къ могильникамъ, которые выдѣляются отъ всѣхъ прочихъ своимъ особымъ характеромъ погребенія. Могильники эти, уже описанные мною, находятся близь городища Ногай-Кале и на хуторѣ казака Кобзы. Прежде всего напомню о томъ, что въ этихъ могильникахъ погребеніе совершалось въ деревянной колодѣ, и рядомъ съ покойникомъ погребалась его осѣдланная лошадь. Изъ характерныхъ вещей этихъ могильниковъ можно указать прежде всего на желѣзные шлемы, полушарообразной формы, сплоченные изъ четырехъ частей. По формѣ своей они отличаются отъ шлемовъ восточныхъ и скорѣе напоминаютъ тѣ шлемы, которые встрѣчаются, напр., на изображеніи воина на стѣнахъ керченской катакомбы Антесѳерія. Кромѣ того, изъ числа 22-хъ каменныхъ бабъ, находящихся въ Историческомъ музеѣ, привезенныхъ изъ Екатеринославской губ. и Земли Войска Донскаго,—одна доставлена съ Кавказа. Эта послѣдняя не отличается большимъ размѣромъ, сравнительно съ другими. Это каменное изваяніе, безъ всякаго сомнѣнія, изображаетъ воина, съ весьма слабо обозначенными руками, въ гладкомъ панцырѣ, вѣроятно кожаномъ, съ двойной шейной гривной, впрочемъ, весьма легко обозначенной; такъ что эта гривна можетъ относиться къ верхней оторочкѣ самого панцыря или, вообще, одежды. На спинѣ ясно обозначены обычныя двѣ косы.

Если въ одеждѣ нельзя найти опредѣленныхъ очертаній, то форма шапки, напротивъ, передана чрезвычайно ясно: она совершенно напоминаетъ найденные мною шлемы полушарообразной формы и точно также раздѣляется на четыре равныя части, причемъ нѣсколько возвышенныя ребра, раздѣляющія эти части, указываютъ своими возвышеніями на замѣченную мною въ желѣзныхъ шлемахъ технику соединенія желѣзныхъ частей. Обозначеніе этихъ соединеній на каменной бабѣ чрезвычайно рѣзко отличается отъ тѣхъ врѣзанныхъ чертъ, которыми обозначаются швы на ермолкахъ, обычныхъ на другихъ изваяніяхъ этого рода.

Длинныя сабли, неизмѣнно вложенныя въ руки покойниковъ, своею длиною и изгибомъ напоминаютъ саблю, изображенную у главнаго всадника на той же катакомбѣ Антесѳерія. Сабли эти встрѣчаются, впрочемъ, какъ извѣстно, въ большомъ изобиліи въ могильникахъ этой части Кавказа *), причемъ обыкновенно онѣ въ длинѣ уступаютъ только что упомянутымъ и имѣютъ, большею частью, поперечный крыжъ у

---

*) Абинъ. Раскопки бар. Тисенгаузена (коллекція въ Историческомъ музеѣ).

рукоятки. Безъ этого крыжа онѣ служатъ какъ бы прототипомъ общераспространенной черкесской шашки. Найденная тутъ же кольчуга представляетъ рѣдкую находку въ могилахъ Кавказа. Какъ извѣстно, и кольчуги и сабли этой формы сохранились въ употребленіи у черкесовъ до послѣдняго времени. По разсказамъ черкеса Кадрикова, кольчуга считалась у натухайцевъ почетнымъ и священнымъ вооруженіемъ. Притомъ, вмѣстѣ съ кольчугой непремѣнно надѣвалась и сабля; и эти двѣ вещи бытовали всегда въ неразрывной связи.

Въ томъ же могильникѣ, въ третьемъ разрытомъ мною курганѣ, положеніе покойника было обратное, сравнительно съ двумя предшествовавшими, и найденная при немъ сабля была короче первыхъ двухъ. Лежавшій у ногъ стеклянный сосудъ (фот. XXVI, фиг. 5) относится, безъ сомнѣнія, къ арабскимъ издѣліямъ, приблизительно XIII вѣка. Такимъ образомъ, если считать, на основаніи указанныхъ отличій, эту могилу болѣе новой сравнительно съ двумя первыми, предполагая, напр., что болѣе длинная сабля можетъ быть отнесена къ болѣе древнему времени, такъ какъ въ могилахъ XIV вѣка встрѣчаются обыкновенно болѣе короткія сабли, то первыя два погребенія могутъ быть отнесены приблизительно къ предшествовавшему столѣтію. Во всякомъ случаѣ, по обряду погребенія, могильникъ этотъ рѣзко отличается отъ прежде изслѣдованныхъ мною обычныхъ погребеній въ каменныхъ гробницахъ, и это отличіе можетъ зависѣть не столько отъ хронологической даты, сколько отъ обычаевъ другой народности. Къ той же народности можно приписать и другой могильникъ, отстоящій отъ перваго верстахъ въ четырехъ. Въ одномъ изслѣдованномъ мною курганѣ того могильника скелетъ оказался лежащимъ хотя и не въ деревянной колодѣ, но рядомъ со скелетомъ лошади *). Желѣзныя кольца удилъ по своимъ размѣрамъ и формѣ удержали архаическій характеръ удилъ, встрѣчающихся въ періодѣ такъ называемомъ „La-tène“. Очень загадочнымъ предметомъ является въ этой могилѣ выгнутая фаянсовая пластинка, прикрѣпленная мѣднымъ штифтикомъ къ правой сторонѣ уздечки (Отчетъ, стр. 101, рис. 23). По формѣ своей она напоминаетъ ближе всего, по моему мнѣнію, тѣ предохранительныя дощечки, которыя употреблялись и употребляются до сихъ поръ нѣкоторыми народами при стрѣльбѣ изъ лука **). Но если придать вѣроятіе этому предположенію, то придется высказать еще и другое, вытекающее какъ слѣдствіе изъ

*) У хутора казака Кобзы.

**) Анучинъ. «Лукъ и Стрѣлы».

перваго—что пластинка эта могла служить для защиты морды лошади отъ тетивы при стрѣльбѣ изъ лука, и въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что лукъ всадника опирался въ правую щеку лошади. Но подтвердить эту догадку могутъ только новые болѣе ясные факты, тѣмъ болѣе, что изготовленіе такихъ фаянсовыхъ пластинокъ, очевидно, съ спеціальнымъ служебнымъ назначеніемъ, не могло производиться въ этой мѣстности.

Сходство этихъ двухъ могильниковъ, кромѣ указанныхъ мною сходныхъ чертъ въ обстановкѣ погребенія, главнымъ образомъ, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ фактѣ, что всѣ изслѣдованныя мною могилы были устроены въ чужихъ курганахъ. А это обстоятельство указываетъ уже само по себѣ на пришлый характеръ тѣхъ людей, которые воспользовались уже готовыми курганами болѣе древняго туземнаго населенія.

Такимъ образомъ, изслѣдованныя могилы на основаніи добытыхъ мною вещей можно распредѣлить по времени отъ XVII до IX столѣтія приблизительно, причемъ къ болѣе древнему времени должно причислить могилы съ трупосожженіемъ *). Что же касается до сравненія устройства гробницъ и обрядовъ погребенія, то группировку археологическихъ данныхъ по этимъ вопросамъ я оставляю до слѣдующей главы.

---

*) Послѣднія могутъ относиться и къ болѣе древнему времени.

XIII.

Общія черты погребенія въ курганахъ и характеръ устройства гробницъ.

Желая высказать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно устройства гробницъ и характера погребенія во встрѣченныхъ мною могильныхъ насыпяхъ кавказскаго побережья, я прежде всего обращу вниманіе на положеніе скелетовъ, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ устройствѣ гробницъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ объ оріентированіи скелетовъ относительно странъ свѣта можетъ имѣть важное этническое значеніе, если онъ выражается только въ ясной формѣ закона. При маломъ количествѣ фактовъ выводить подобнаго рода законы бываетъ весьма затруднительно и рискованно. Но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ сгруппировать однородные факты и тѣмъ дать возможность, при накопленіи новыхъ фактовъ, произвести впослѣдствіи провѣрку хотя и обобщеніямъ, но нока высказаннымъ лишь въ формѣ предположеній. Можно сказать, на основаніи матеріала, уже изложеннаго въ отчетѣ, что въ мѣстности отъ Геленджика до Цемесской долины включительно оріентированіе скелета преимущественно встрѣчается отъ сѣвера къ югу, но иногда съ уклоненіями до 45°, приблизительно, въ ту или другую сторону отъ этой линіи. Такъ, начиная обзоръ съ юга— у Береговой (раскопанъ одинъ курганъ) положеніе скелета было отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ Геленджикѣ, въ могильникѣ у бухты, не считая кургановъ съ сожженіемъ, былъ раскопанъ также одинъ курганъ съ двумя скелетами, въ которомъ положеніе скелетовъ было отъ сѣвера къ югу. У того же поселенія, въ могильникѣ въ лѣсу поло-

женіе скелетовъ въ трехъ раскопанныхъ курганахъ было также отъ сѣвера къ югу. Въ Мысхако положеніе скелета было отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ Цемесской долинѣ въ одномъ курганѣ положеніе гробницы опредѣлялось отъ сѣверо-запада къ югу-востоку (кости же нѣсколькихъ скелетовъ въ этой гробницѣ находились въ безпорядкѣ). Въ другомъ же, гдѣ могила была высѣчена въ скалѣ, положеніе скелета различалось отъ предшествовавшаго положенія гробницы тѣмъ, что скелетъ лежалъ почти съ сѣвера на югъ.

Переходя къ Натухайской станицѣ опредѣленное положеніе скелета можно найти только въ одномъ курганѣ, гдѣ сбоку нашлась всего одна могила, въ которой кости хотя и находились въ безпорядкѣ, но самое положеніе гробницы съ сѣвера на югъ опредѣляетъ возможное положеніе скелетовъ. Въ остальныхъ курганахъ этого могильника никакого опредѣленнаго положенія скелетовъ или гробницъ замѣтить нельзя, такъ какъ каждый курганъ заключалъ въ себѣ нѣсколько гробницъ въ разныхъ направленіяхъ, причемъ, очевидно, то или другое направленіе гробницы зависѣло единственно отъ свободной стороны кургана *). Наконецъ, въ могильникѣ на хуторѣ Кобзы, гдѣ погребеніе отличалось своеобразнымъ характеромъ (всадникъ съ лошадью) положеніе скелета было съ сѣвера на югъ. Въ Раевской станицѣ скелетъ, погребеніе котораго я отношу къ бронзовому вѣку и который найденъ былъ въ глинистомъ краѣ большаго кургана, лежалъ также съ сѣвера на югъ.

Но въ томъ же самомъ курганѣ скелетъ, положенный въ деревянномъ срубѣ, лежалъ перпендикулярно къ этому направленію, т. е. съ востока на западъ.

Вообще же положеніе скелетовъ съ востока на западъ пришлось наблюдать въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, а именно, кромѣ вышеупомянутаго случая, въ селеніи Кабардинскомъ въ двухъ разрытыхъ курганахъ оба скелета лежали съ востока на западъ. По дорогѣ въ Мысхако, близь Новороссійска, въ единственномъ разрытомъ курганѣ положеніе скелета опредѣлялось тѣмъ же направленіемъ. У трехъ скелетовъ небольшаго могильника близь Ногай-Кале положеніе было также съ востока на западъ. Но въ одномъ курганѣ, какъ я уже упоминалъ въ отчетѣ, кромѣ двухъ скелетовъ, похороненныхъ въ двухъ деревянныхъ колодахъ, находился въ сторонѣ третій скелетъ, погребенный подъ рядомъ камней. Его положеніе опредѣлялось съ сѣверо-запада на юго-

*) Квадратъ изъ камней въ такихъ курганахъ со многими гробницами представлялъ своими внутренними сторонами тѣ линіи, по которымъ гробницы оріентировались. Діагонали квадрата совпадали съ линіями съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ.

востокъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи онъ сближался съ вышеописанными скелетами того же направленія.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, считаю возможнымъ высказать предположеніе, что обычное положеніе скелетовъ въ этой мѣстности было съ сѣвера на югъ, и что это положеніе, кромѣ того, можно считать традиціоннымъ погребальнымъ обрядомъ изслѣдованнаго края. Такъ, на древность этого обряда указываютъ, между прочимъ, уже упомянутый мною не разъ фактъ погребенія бронзоваго вѣка и только что упомянутое погребеніе подъ камнями въ одномъ изъ кургановъ у городища Ногай-Кале. Этотъ обрядъ связываетъ нѣкоторыя изъ могилъ, которыя можно съ вѣроятностью отнести къ XIV-му столѣтію, съ вышеупомянутыми фактами древняго погребенія въ этомъ краѣ.

Съ другой стороны, положеніе скелета съ востока на западъ преимущественно встрѣчено мною въ тѣхъ могилахъ, которыя смѣло можно отнести къ какому-то пришлому населенію (какъ на исключеніе можно указать только на могильникъ сел. Кабардинскаго). Въ данномъ случаѣ различіе положенія скелета совершенно совпадаетъ съ различіемъ вообще всей погребальной обстановки. Кромѣ того, можно замѣтить, что районъ той мѣстности, гдѣ обозначилось традиціонное для этого края погребеніе (положеніе скелета съ сѣвера на югъ) занимаетъ бо̀льшую часть изслѣдованнаго мной пространства, и только на сѣверъ, близъ станицы Раевской, ближе къ Анапѣ, встрѣчаются факты другаго положенія скелетовъ.

Чтобы этотъ признакъ погребальнаго обряда привести въ связь съ другими характерными чертами погребенія, для этого нужно перейти къ описанію устройства гробницъ и самыхъ обрядовъ погребенія.

Каменная гробница представляется самымъ характернымъ способомъ погребенія въ изслѣдованной мною мѣстности Кавказа. Обыкновенно гробница здѣсь имѣетъ форму ящика, длиной, приблизительно, въ ростъ человѣка, и дѣлается или изъ камня-дикаря, получающаго посредствомъ обработки форму правильной плиты, причемъ каждая сторона гробницы состоитъ изъ такой отдѣльной плиты, а крышка представляетъ собою рядъ поперечно положенныхъ плитъ, а иногда одну цѣльную, которая и покрываетъ собою всю гробницу; или же встрѣчаются гробницы изъ мѣстнаго камня—трескуна, и въ такомъ случаѣ, ужъ по свойству самаго камня, плиты не отличаются правильностью формъ. Очень часто плиты на двухъ концахъ гробницы возвышаются надъ уровнемъ боковыхъ плитъ и при этомъ верхушки ихъ обыкновенно имѣютъ неправильную форму. Эти верхушки почти всегда и виднѣются надъ по-

верхностью вершины кургана, указывая ясно направленіе самой гробницы *). Иногда же вмѣсто двухъ верхушекъ виднѣется тодько одна, стало быть, болѣе высокая, чѣмъ противуположная. Приложенный къ тексту рисунокъ (рис. 51) взятъ изъ изданія Варинга и изображаетъ могильникъ въ Индіи съ оградой изъ камней и съ торчащимъ наверху камнемъ. По внѣшнему виду могильникъ этотъ представляетъ поразительное сходство съ кавказскими.

Рис. 51.

Подобнаго рода гробницы помѣщаются всегда на поверхности земли, причемъ эта поверхность, какъ-бы помостомъ, выкладывается камнемъ неправильной формы. По краю этого помоста, и, стало быть, по краю курганной насыпи, идетъ рядъ поставленныхъ стоймя камней, съ уклономъ ко внѣшней сторонѣ. Камни эти находятся либо на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, либо представляютъ сплошную стѣнку.

Кромѣ того, иногда изъ этого ряда окружныхъ камней одинъ или два выдѣляются особенно своей высотой до такой степени, что совершенно напоминаютъ менгиры. Такъ, наприм., изображенный на табл. IX, рис. 1, столбообразной формы камень указываетъ направленіе гробницы и издали обращаетъ на себя вниманіе. Въ другомъ случаѣ, подобные большіе камни возвышаются съ двухъ сторонъ насыпи, соотвѣтственно концамъ гробницы (отчетъ, стр. 91, рис. 18).

Уже представленный мною въ общихъ чертахъ характеръ каменной гробницы даетъ чувствовать въ устройствѣ ея традиціи эпохи мегалитической **).

---

*) Бываютъ случаи, когда продольныя стѣнки гробницы также виднѣются надъ поверхностью кургана, если эти стѣнки поставлены другъ къ другу въ наклонномъ положеніи (гробница по дорогѣ въ Мысхако).

**) Шантръ въ своемъ сочиненіи о Кавказѣ уже указываетъ на это сходство, замѣченное также и граф. Уваровой во время ея путешествія по Кавказу.

Въ самомъ дѣлѣ черты этого сходства проявляются во многихъ случаяхъ:

a) Самая гробница представляетъ собою удлиненный дольменъ-цисту, иногда даже состоящій изъ пяти обычныхъ плитъ и даже, въ иныхъ случаяхъ, плиты конечныя, а иногда и продольныя, возвышаются надъ уровнемъ земли. Подобнаго рода дольменъ-циста представленъ у Варинга (табл. 64, фиг. 6. Индія *).

b) Круги камней, расположенные по краю кургановъ, напоминаютъ „кромлехи" и вообще служатъ характернымъ указаніемъ мегалитической эпохи и мегалитическихъ гробницъ. Такъ, напр., въ Нортумберландѣ подобныя ограды окружаютъ могильную насыпь, заключающую въ себѣ урну съ костями (Варингъ, табл. 62, фиг. 3 и 4).

c) Камни въ формѣ менгировъ указываютъ также на привычку къ мегалитическимъ сооруженіямъ. Для примѣра можно указать на изданіе того-же автора (табл. 49, фиг. 7 и 8).

d) Мощеніе поверхности вокругъ гробницы неправильной формы плитками связываетъ самую гробницу съ каменной оградой и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы намекаетъ на то, что насыпка земли не имѣетъ органической связи съ устройствомъ гробницы.

e) Особенно характернымъ признакомъ древности можно считать часто замѣченный мною способъ утвержденія большихъ камней въ вертикальномъ положеніи. Такіе камни, обыкновенно, подпираются съ одной стороны двумя параллельными, поставленными на ребра, плитками, большею частью треугольной формы — формы клина. Но совершенно тотъ-же способъ утвержденія камней встрѣчается въ изслѣдованныхъ мною дольменахъ-цистахъ. При многочисленныхъ и ясно выраженныхъ случаяхъ этихъ укрѣпленій камней, нельзя не видѣть въ нихъ уже обычнаго пріема, бытующаго здѣсь съ глубокой древности и представляющаго традиціонную связь дольмена-цисты съ новой гробницей.

f) Насыпка земли является разнообразной въ смыслѣ высоты кургана, и эта измѣнчивость высоты представляется характернымъ явленіемъ для упомянутыхъ кургановъ. Она указываетъ на тотъ фактъ, что насыпка земли надъ курганомъ не была исконнымъ и опредѣлившимся надолго обычаемъ; такъ насыпка земли на дольменъ-цисту встрѣчается, напр., въ Швеціи, и указываетъ на болѣе позднюю эпоху этихъ сооруженій; въ статьѣ графа Уварова — „Мегалитическіе памятники въ Россіи"

*) Подобныя ограды встрѣчаются въ такъ называемыхъ «чудскихъ» могилахъ въ Сибири. Въ данномъ случаѣ весьма интересна недавно привезенная коллекція рисунковъ подобныхъ могилъ г. Ядринцевымъ.

(Древн., т. VII, вып. 3), говорится съ ссылкой на Монтеліуса, послѣ описанія долменовъ, не покрытыхъ землей: „Между тѣмъ, когда даже простые долмены, затѣмъ долмены съ галлереями и, наконецъ, каменные ящики бываютъ покрыты насыпью изъ земли или щебня, тогда могилы эти въ Швеціи содержатъ всегда металлическіе предметы".

Вообще, во всемъ погребальномъ устройствѣ и въ системѣ насыпки земли замѣтно стремленіе не скрывать гробницу, а только прикрыть ее землей. Такая система была практически удобной, если въ гробницу клали кости покойниковъ, умершихъ въ разное время. Въ такомъ случаѣ необходимо было вновь открывать гробницу и всыпать туда кости.

Доступъ къ костямъ нельзя предположить особенно затруднительнымъ, такъ какъ на мѣстонахожденіе гробницы указывали и камни-менгиры, и вершины конечныхъ плитъ гробницы, и мощеная дорога отъ самого края кургана (въ курганѣ Мысхако). Самыя высокія кур-

Рис. 52.

ганныя насыпи встрѣтились въ томъ могильникѣ, гдѣ гробницы располагались у края кургана, а потому, въ данномъ случаѣ, надъ гробницами приходилась небольшой высоты насыпь. Самой низкой насыпью можно считать насыпи въ могилахъ съ двумя менгирами (отчетъ, стр. 91, рис. 18).

g) Кромѣ того, въ могильникѣ Цемесской долины приходилось встрѣчать земляныя насыпи кургановъ, утвержденныя на постаментѣ, сложенномъ изъ каменныхъ, довольно неправильныхъ, плитокъ или изъ длинныхъ осколковъ камня трескуна. Въ общемъ курганы эти довольно сходны по внѣшнему виду съ древними могилами въ Этруріи. Для сравненія прилагаю рисунокъ (рис. 52), изъ издан. Варинга, представляющій некрополь въ Церахъ.

h) Говоря о болѣе обычномъ погребеніи въ каменныхъ гробницахъ въ изслѣдованномъ краѣ, нельзя не упомянуть также и объ исключеніяхъ, т. е. о такихъ фактахъ погребенія, когда скелетъ помѣщался не въ гробницѣ, а просто въ земляной насыпи: въ такомъ случаѣ

онъ лежалъ какъ-бы на помостѣ изъ неправильныхъ плитокъ и сверху прикрывался такими же плитками: какъ я уже упоминалъ, такого рода погребеніе встрѣтилось въ курганѣ близь сел. Береговой (XIII—XIV в.). Къ болѣе древнимъ типамъ этого-же обряда можно причислить скелетъ, погребенный подъ рядами камней въ боку кургана, въ которомъ были найдены ниже и въ срединѣ скелеты воиновъ съ лошадьми (м. у Ногай-Кале). Но особенно яркій фактъ этого рода погребенія мнѣ пришлось встрѣтить въ курганѣ въ самой станицы Раевской: тамъ, въ большомъ курганѣ, въ самомъ центрѣ его, непосредственно надъ скелетомъ, было возведено сооруженіе изъ камней, очень старательно сложенныхъ и представлявшихъ форму выпуклаго кверху овала. Слѣды подобнаго сооруженія изъ рядовъ камней были замѣчены мною и въ центрѣ кургана, занятаго впослѣдствіи (въ XVII в.) другимъ покойникомъ (ст. Раевская). Такого рода погребеніе носитъ, безъ сомнѣнія, слѣды глубокаго архаизма и представляетъ не менѣе древній погребальный обрядъ, но только другаго типа. По моимъ наблюденіямъ, онъ относится къ древнему погребенію въ сѣверной части изслѣдованной мною области.

Такимъ образомъ, всѣ представленные мною частные случаи сходства сравнительно позднихъ погребальныхъ сооруженій изслѣдованной мѣстности съ памятниками мегалитической эпохи приводятъ къ убѣжденію, что вообще позднія погребальныя сооруженія устраивались здѣсь подъ вліяніеніемъ древнихъ традицій; но живучесть этихъ традицій объясняется только преемственностью вообще древнихъ обычаевъ среди одной и той же народности, занимавшей испоконъ вѣка одну мѣстность.

Въ данномъ случаѣ архаичность въ устройствѣ гробницъ и вообще обрядовъ погребенія, не доказывая древности этихъ сооруженій,—тѣмъ не менѣе связываетъ родствомъ болѣе новыхъ обитателей съ древними, заселявшими этотъ край въ эпоху господства здѣсь мегалитической культуры.

Въ изслѣдованныхъ могильникахъ мнѣ приходилось встрѣчать, какъ было уже описано, курганы съ сложнымъ погребеніемъ, т. е.—въ курганѣ находилась гробница иногда съ пятью скелетами, или же встрѣчались курганы, въ которыхъ было нѣсколько гробницъ и въ каждой нѣсколько скелетовъ. Можно ясно было замѣтить, что кости клались сюда безъ мясныхъ частей и въ разное время. Такого рода фактъ объясняется существовавшимъ въ этихъ мѣстахъ обычаемъ—трупы умершихъ людей привѣшивать на деревья, откуда ужъ черезъ нѣсколько лѣтъ

кости высыпались въ родственныя могилы. Обрядъ этотъ, о которомъ, между прочимъ, упоминаютъ и древніе писатели *), сохранился до поздняго времени: такъ, атаманъ Раевской станицы былъ свидѣтелемъ въ 60-хъ годахъ, какъ натухайцы похоронили такимъ способомъ своего собрата, убитаго громомъ. Черкесъ Кадриковъ точно также утверждалъ, что черкесы вѣшали на деревья трупы убитыхъ громомъ. Такой обычай нельзя не считать уцѣлѣвшимъ древнимъ погребальнымъ обрядомъ, который не потонулъ въ мусульманскихъ вѣрованіяхъ, и въ которомъ еще чувствуются слѣды почитанія бога-громовника.

Съ другой стороны, не смотря на свидѣтельства древнихъ авторовъ, случаи подобнаго погребенія встрѣчались въ моихъ изслѣдованіяхъ исключительно въ могилахъ довольно поздняго типа, такъ отъ XV до XVII в. Напротивъ, въ могилахъ, въ которыхъ только можно было предположить древнее погребеніе, гробницы заключали отъ 2 до 1 скелета, положенныхъ въ совершенномъ порядкѣ. Такого рода несогласіе съ древними писателями можетъ навести на соображеніе, что древніе авторы этихъ извѣстій не имѣли въ виду изслѣдованной мною мѣстности, а писали о другихъ племенахъ Кавказа, обобщая чрезмѣрно встрѣченные ими факты. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что XIII и XIV вв. для сѣвернаго Кавказа были эпохой большихъ передвиженій мѣстныхъ племенъ вслѣдствіе появленія монголовъ въ сосѣднихъ степяхъ.

Почитаніе какого-то божества-громовника черкесами этой мѣстности подтверждается и Беллемъ, который въ своемъ дневникѣ (стр. 77, т. II), разсказываетъ довольно подробно о праздникѣ въ честь „Чиблé" („Tchiblé")—божества грома. Въ другомъ мѣстѣ своего дневника тотъ же авторъ разсказываетъ (стр. 63, т. II), о религіозной церемоніи, происходившей по случаю убитой громомъ козы. „...Мы скоро подъѣхали къ высокой жерди, утвержденной крѣпко въ землю; на верхушкѣ этой жерди была укрѣплена голова *козы,* а кожа ея, растянутая на перекладинѣ, колыхалась отъ вѣтра какъ хоругвь. Вблизи находилось что-то въ родѣ плоскаго навѣса, плотно сплетеннаго изъ вѣтокъ и листьевъ, подпертаго четырьмя кольями и окруженнаго крѣпкимъ плетнемъ. Это было священное мѣсто, на которомъ коза, пораженная молніей, удостоилась благодатной смерти. Ея останки, за исключеніемъ вышеупомянутой головы и кожи, были положены подъ навѣсъ. На большомъ разстояніи вокругъ этихъ трофеевъ, помятая и вытоптанная трава указывала на

*) Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ—Ганъ.

мѣсто, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней плясали окрестные жители, мужчины и женщины, въ память той чести, которую оказалъ этой долинѣ Чибле́, божество грома.

Такимъ образомъ можно считать положительнымъ фактомъ, что почитаніе бога-громовника сохранялось у Черкесовъ до послѣдняго времени, какъ остатокъ ихъ древнихъ вѣрованій. Ни предполагаемое вліяніе христіанства, ни позднѣйшая мусульманская религія не могли вырвать изъ жизни этого почитанія страшной силы громовника. Проявленіе силы этого божества въ особенности чувствовалось въ томъ случаѣ, когда громовникъ (Чибле́) поражалъ на смерть человѣка или животное, такая смерть почиталась благодатной, и человѣка или животное *погребали съ особыми обрядами,* не имѣющими ничего общаго съ господствующимъ мусульманствомъ. Если въ почитаніи Чибле́ можно видѣть остатокъ древнихъ вѣрованій, то и обрядамъ, связаннымъ съ этими вѣрованіями, нельзя не придавать такой-же древности, хотя, быть можетъ, эти обряды и не сохранились въ первоначальной чистотѣ. Но въ данномъ случаѣ я не имѣю въ виду обращать вниманіе на подробности обрядовъ, предполагая, что съ теченіемъ времени эти подробности могли легко измѣниться, подъ вліяніемъ ли новыхъ вѣроученій, подъ вліяніемъ ли времени. Во всякомъ случаѣ, обряды должны были сохранить въ существѣ своемъ основу какихъ-то древнихъ религіозныхъ вѣрованій. Оставляя въ сторонѣ частности обряда, о которыхъ и нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній, можно однако смѣло предположить, что въ древности языческой такой способъ погребенія былъ *обычнымъ*. Такъ какъ въ открытыхъ мною гробницахъ XIV—XV столѣтія съ нахожденіемъ многихъ скелетовъ въ одной гробницѣ — невозможно предположить никакой связи съ мусульманствомъ или христіанствомъ, то невольно является мысль о связи погребальнаго обряда въ вышеупомянутыхъ гробницахъ съ обрядомъ выставленія тѣла на деревѣ — обряда, сохранившагося до позднягo времени въ исключительныхъ случаяхъ бытующаго какого-то языческаго культа. Ключомъ для пониманія этой связи можетъ служить, по моему мнѣнію, статья гр. Уварова „О курганахъ съ расчлененіемъ“, помѣщенная въ „Трудахъ Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда“. Въ этой статьѣ, какъ извѣстно, покойный графъ старался объяснить фактъ погребенія скелетовъ, раздѣленныхъ на части — вѣрованіемъ маздаизма. Для подтвержденія своей идеи онъ и приводитъ цитаты изъ Вендидада, въ которой и нашлись данныя для объясненія правилъ погребенія почитателей Заратхустры. Пользуясь этой статьей, я и напомню слѣдующія основы погребенія по правиламъ Вендидада.

Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ, что для почитателей ученія Зоратхустры „*погребеніе труповъ* считалось гнуснымъ преступленіемъ и оскверненіемъ земли. Для избѣжанія этого оскверненія не допускали соприкосновенія труповъ съ священной для нихъ землей, и для этой цѣли строили особыя *башни* „дакхма“, въ которыхъ трупы выставлялись на *съѣденіе птицамъ*. При этомъ клали покойника, по замѣчанію шестаго фаргарда на такую высоту, до которой не могли доставать ни собаки, ни барсы, ни волки“. (стр. 65).

Далѣе на слѣдующей страницѣ тотъ же авторъ говоритъ: „Возвращаясь къ самому обряду похоронному, надо замѣтить, что когда всѣ мягкія и другія части трупа были съѣдены птицами и, сверхъ того, когда кости окончательно очищены дождевой *водой*, которою ихъ омывалъ Ахура-Мазда, тогда только *очищенныя кости* могли быть погребены въ землю въ нарочно заготовленныхъ могилахъ, называемыхъ „каты“.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ „дакхму“ или башню прекрасно замѣняетъ высокое дерево, на вершины котораго могутъ свободно прилетать плотоядныя птицы, но нѣтъ доступа звѣрямъ.

Годъ спустя послѣ *выставленія* тѣла на деревѣ, когда Ахура-Мазда омоетъ кости обильными дождями—ихъ складываютъ въ особую гробницу, сложенную плотно изъ каменныхъ плитъ, а широкая плита или нѣсколько поперечныхъ закрываютъ гробницу сверху. Такимъ образомъ, изслѣдованныя мною гробницы въ двухъ—трехъ могильникахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ „катамъ“ — кости въ эти гробницы, безъ всякаго сомнѣнія, всыпались *расчлененными* — это можно замѣтить и на рисункѣ, зарисованномъ мною съ натуры. Если предположить, какъ предполагалъ и гр. Уваровъ, что для погребенія членовъ одной семьи заготовлялись заранѣе гробницы или „каты“, то будетъ понятно, почему въ одной гробницѣ складывались кости нѣсколькихъ скелетовъ, а такъ же и устройство въ одномъ курганѣ многихъ гробницъ, съ костями нѣсколькихъ скелетовъ въ каждой. Такимъ предположеніемъ объясняется и тотъ фактъ, что въ курганахъ съ нѣсколькими гробницами нѣкоторыя изъ гробницъ оказывались пустыми, но никакъ не разграбленными, такъ какъ ни малѣйшихъ слѣдовъ костей или какихъ-либо вещей въ нихъ не оказалось: очевидно, эти гробницы были *заготовлены* для умершихъ членовъ семьи, но по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ кости въ нихъ не положены. Со времени смерти непосредственно скоро могли изготовить „кату“ или гробницу, но въ теченіе года могло произойти много перемѣнъ въ судьбѣ цѣлаго племени въ тѣ воинственныя времена.

На это обстоятельство, между прочимъ, намекаетъ и тотъ фактъ, что подобныхъ каменныхъ гробницъ позднѣе XIV и начала XV вѣка уже не встрѣчается; такъ что на этихъ датахъ описанныя мною погребальныя формы какъ бы замираютъ. Слѣдовательно, позднѣйшей датой для кургановъ съ каменными гробницами можно считать для этой мѣстности—XV вѣкъ; и потому время, приблизительно, съ конца XV до конца XVI или начала XVII вѣка можно считать или временемъ передвиженій какихъ-то, обитавшихъ здѣсь, племенъ или перемѣны вообще въ погребальныхъ обрядахъ подъ вліяніемъ какихъ-либо новыхъ вѣрованій.

Такъ какъ мною было выше высказано убѣжденіе, что могильники на хуторѣ Карпенки, на хуторѣ Ткачева, на землѣ Полонскаго, въ Цемесской долинѣ, сохранили въ своемъ погребальномъ устройствѣ ясные слѣды *маздаизма,* то я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ утверждать, на основаніи пока добытыхъ только мною фактовъ, что этими могильниками и обозначается граница господства иранскихъ погребальныхъ обрядовъ; т. е., другими словами — мѣстность эта отъ Цемесской долины идетъ на сѣверъ и верстъ 15 не доходитъ до Анапы.

При констатированіи этого факта, невольно приходится ставить вопросъ: погребеніе по обрядамъ маздаизма было ли исконнымъ обычаемъ жителей этой мѣстности?

На этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, можно отвѣчать только отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, могильники съ признаками иранскаго погребенія имѣютъ опредѣленную дату, благодаря найденнымъ въ нихъ золото-ордынскимъ монетамъ, а могильникъ въ Цемесской долинѣ, въ тѣхъ гробницахъ, которыя сходны по вещамъ и устройству своему съ датированными, связывается по обрядамъ погребенія съ почитаніемъ Ахура-Мазды. Въ томъ же могильникѣ могила, высѣченная въ скалѣ и закрытая крупнымъ и мелкимъ щебнемъ, по вещамъ возбуждая подозрѣніе въ бо̀льшей сравнительно древности, заключаетъ въ себѣ одинъ скелетъ правильно положенный и не представляетъ никакихъ слѣдовъ иранскаго погребенія. Не буду перечислять другихъ примѣровъ — они находятся въ моемъ отчетѣ, но вообще замѣчу, что, на основаніи моихъ изслѣдованій, древнѣе XIV вѣка, въ опредѣленной уже мною мѣстности, слѣдовъ вліянія маздаизма не замѣчается. Это обстоятельство уже даетъ право предположить, что маздаизмъ былъ заноснымъ вѣрованіемъ въ этомъ краю и *заносъ* его относится къ сравнительно короткому и опредѣленному времени — немного ранѣе и немного позднѣе царствованія хановъ Узбека и Джанибека. Притомъ онъ занесенъ ка-

кимъ-нибудь пришлымъ племенемъ. Въ этомъ убѣждаетъ связь могильниковъ съ монетами золото-ордынскихъ хановъ, притомъ, и что весьма важно — сплошные и большіе могильники съ одинаковымъ погребеніемъ у хутора Карпенки и на землѣ Полонскаго.

Если заносъ маздаизма возможно приписать какому-нибудь пришлому черкесскому племени, то приходъ этого племени могъ совершиться никакъ не съ юга, такъ какъ Цемесская долина, или точнѣе Новороссійская бухта, представляетъ южную границу этого рода погребенія, и далѣе, на югъ, до самой бухты Береговой (или устья рѣки Пшадъ) слѣдовъ иранскаго погребенія мнѣ не удалось замѣтить.

Скорѣе всего можно предположить передвиженіе племени съ иранскимъ погребеніемъ съ сѣверо-востока, черезъ Баканскую станицу, откуда уже это племя могло спуститься въ долину между Натухайской и Раевской станицами и изъ этой долины черезъ поперечный хребетъ (прорѣзанный теперь туннелемъ желѣзной дороги) перейти въ долину Цемесскую.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ перейти въ эти мѣста, племя это, по всему вѣроятію, должно было обитать гдѣ-нибудь на сѣверномъ Предкавказьѣ, ближе къ Каспійскому морю, откуда движеніе монголовъ въ XIII столѣтіи могло быть причиной его дальнѣйшихъ передвиженій въ западномъ направленіи.

Можно предположить, что на сѣверномѣ Кавказѣ вліяніе маздаизма, гдѣ оно только замѣчалось, скорѣе всего началомъ своимъ обязано эпохѣ сассанидовъ *). Что̀ же касается южнаго побережья Чернаго моря, то, кромѣ древнихъ писателей, которые говорятъ о погребеніи на деревьяхъ **), — о томъ же самомъ обрядѣ упоминаютъ и новѣйшіе писатели.

Такъ относительно Абхазіи монахъ Жанъ де Люкъ (1625 г.) говоритъ слѣдующее:

„Покойниковъ кладутъ въ выдолбленные пни деревъ, служащіе для нихъ гробомъ, и потомъ, привязавъ ихъ (отъ шакаловъ) къ четыремъ столбамъ, держатъ ихъ какъ-бы висящими на воздухѣ“.

О погребальныхъ обычаяхъ въ той же странѣ говоритъ и патеръ Ламберти (въ томъ же столѣтіи):

„Между прочими обычаями этого народа замѣчательно то, что они

*) На вліяніе этой эпохи намекаетъ, между прочимъ, головной уборъ, украшенный золочеными выпуклыми изображеніями (фототипія XIII, рис. 1).

**) Эліанъ: «Колхи кладутъ мертвыхъ въ кожи, зашиваютъ ихъ и вѣшаютъ на деревьяхъ». (Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ.—Ганъ, стр. 162).

ни погребаютъ, ни жгутъ тѣло покойника, а кладутъ трупъ въ выдолбленный стволъ дерева, который служитъ гробомъ. Послѣдній съ молитвой привязываютъ виноградной лозой къ высочайшей вѣтви какого-нибудь большаго дерева. Они привѣшиваютъ также оружіе и одежду усопшаго и, чтобы послать на тотъ свѣтъ коня, гоняютъ его во всю прыть отъ этого дерева до тѣхъ поръ, пока тотъ не околѣетъ"... „Я ничего не скажу, добавляетъ авторъ, объ Аланахъ и Зихахъ по той причинѣ, что по образу жизни они похожи отчасти на Сванетовъ и Абхазцевъ".

Наконецъ царевичъ Вахушта въ своей „Географіи" говоритъ о томъ же абхазскомъ народѣ: „...au lieu d'enterrer leurs morts, ils les revètent de leurs habits et de leurs armes, les enferment dans des boites et les exposent sur les arbres".

Эти указанія древнихъ и новыхъ писателей даютъ полное право предполагать, что вліяніе иранской религіи въ этой части Кавказа съ глубокой древности оставило сильные слѣды. Что же касается до той части кавказскаго побережья, въ которой мною были изслѣдованы могильники, то, какъ я уже упоминалъ, замѣченные мною слѣды маздаизма относятся къ сравнительно поздней эпохѣ и захватываютъ только опредѣленную часть пространства.

Прослѣдить же по сѣверному Кавказу слѣды этого маздаизма въ погребальныхъ обрядахъ той мѣстности и связать ихъ со встрѣченными мною фактами—я считаю въ данномъ случаѣ задачей настолько сложной, что одно собираніе фактовъ вывело бы меня изъ рамокъ моего отчета, а потому въ настоящемъ случаѣ я ограничусь пока только высказанными предположеніями.

Но мнѣ предстоитъ еще на основаніи моихъ археологическихъ изслѣдованій въ этой мѣстности опредѣлить связь описанныхъ мною могильниковъ съ тѣмъ населеніемъ черкесовъ, которое недавно только переселилось въ Турцію, при чемъ мои замѣчанія будутъ касаться только натухайцевъ, такъ какъ собранныя мною этнографическія свѣдѣнія касаются только этого племени. Свѣдѣнія эти получены мною отъ упомянутаго уже натухайца Кадрикова и провѣрены въ станицѣ Суворовской, у живущихъ тамъ черкесовъ. Какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, но все-таки онѣ, быть можетъ, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на рѣшеніе поставленнаго мною вопроса и во всякомъ случаѣ интересны въ томъ отношеніи, что, относясь къ изслѣдованной мною мѣстности, служатъ дополненіемъ самаго отчета.

Однѣ изъ этихъ преданій относятся къ извѣстнымъ мѣстамъ и уро-

чищамъ; другія разсказываютъ о нартахъ или богатыряхъ, связывая ихъ память съ какой-либо мѣстностью.

Мѣстность Раевской и Натухайской станицъ, заселенная прежде натухайскимъ племенемъ, отдѣляется хребтомъ горъ—продолженіемъ Варадахскаго хребта — отъ бассейна рѣки Кубани. Тамъ, гдѣ находится Баканская станица и гдѣ теперь станція Перевальная, существуетъ естественный перевалъ въ область Кубани *). Далѣе, на сѣверъ, гдѣ хребетъ понижается, приближаясь къ самой р. Кубани, открывается другой проходъ въ область этой рѣки. Отъ станицы Натухайской, въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ, по направленію къ станицѣ Гостагаевской, на высокомъ холмѣ, находятся развалины древней крѣпости или замка. Мнѣ не удалось доѣхать до этого замка: сильный ливень заставилъ меня вернуться назадъ, а въ другой разъ, къ большому сожалѣнію, не удалось выбрать времени для новой поѣздки. Замокъ этотъ, по словамъ Кадрикова, назывался у Черкесовъ — „Гуденъ-Кале", причемъ Кадриковъ пояснилъ мнѣ, что слово „Гуденъ" означаетъ очень древній народъ, который построилъ этотъ замокъ (Готы?) и жилъ въ этомъ краю до Черкесовъ, притомъ народъ этотъ не черкесскій. Тѣмъ не менѣе, у Черкесовъ съ этимъ замкомъ связано слѣдующее преданіе *о нартахъ:* въ крѣпости Гуденъ-Кале (или Гуда-Кале), разсказывалъ Кадриковъ, жили нарты и они владѣли чудесной *плетью* и *башлыкомъ-скороходомъ*: стоило только ударить плетью о землю, и тотчасъ явится все, чего не пожелаешь, а башлыкъ скороходъ быстро переносилъ человѣка въ далекое мѣсто **). Другимъ нартамъ, жившимъ внѣ крѣпости, захотѣлось завладѣть этими двумя чудесными вещами, и они подъ начальствомъ своего царя осадили эту крѣпость. Осада длилась долго, но проникнуть въ крѣпость осаждающимъ не удавалось; тогда одинъ *слабый* нартъ, но *хитрецъ* обѣщалъ царю достать чудесныя вещи изъ крѣпости, если только царь, посредствомъ выстрѣла изъ пушки, перебросить его въ крѣпость. Царь согласился, и хитреца-нарта посредствомъ выстрѣла изъ пушки перебросили въ крѣпость. Нартъ-хитрецъ, очутившись въ крѣпости, дѣйствительно захватилъ обѣ чудесныя вещи, но однако царю ихъ не отдалъ, а съ этими вещами и самъ скрылся.

Такимъ образомъ, въ фантазіи Натухайцевъ, крѣпость Гуденъ-Кале имѣетъ свою маленькую исторію: основаніе крѣпости приписывается очень древнему иноплеменному народу (Готамъ—по объясненію Кадри-

---

*) Настоящая желѣзная дорога и проведена именно этимъ путемъ.

**) Нашъ коверъ-самолётъ.

кова), въ ней живутъ нарты, обладающіе чудесными предметами и, когда они утрачиваютъ эти чудесныя вещи вслѣдствіе хитрости слабаго нарта, народная фантазія забываетъ о дальнѣйшей судьбѣ этой крѣпости, и забываетъ, послѣ того, когда физически слабый, но хитроумный нартъ беретъ перевѣсъ надъ нартами-богатырями. Но съ этими *хитроумными,* новой породы, нартами мы встрѣтимся еще въ преданіяхъ натухайцевъ.

Какъ-бы ни казалось новымъ это преданіе по своимъ подробностямъ, въ основѣ его все-таки слышится столкновеніе двухъ культурныхъ слоевъ и сознательное отношеніе къ превосходству умственной силы надъ физической. Какія-то *древнія* столкновенія съ чужой культурой должны были поколебать обычную вѣру грубаго народа въ физическую силу.

Совсѣмъ другимъ характеромъ, чуждымъ всякаго эпическаго творчества, отличаются отношеніе Натухайцевъ къ другой крѣпости—„Ногай-Кале". Никакихъ преданій объ этой крѣпости не существуетъ, а построеніе ея приписывается—*ногайцамъ.* Въ этой кличкѣ слышится только реальный историческій фактъ—господство Ногайцевъ въ этихъ мѣстахъ, оставившее по себѣ твердую память въ сосѣднихъ черкесскихъ племенахъ. О господствѣ Ногайцевъ говорятъ и путешественники, а время этого господства можно отнести къ XVI—XVII вѣкамъ. Не ранѣе этого періода у Черкесовъ должно было сложиться представленіе объ этой древней крѣпости, какъ о крѣпости *ногайской.* Произведенныя мною раскопки этой крѣпости показали, что никакихъ слѣдовъ *ногайства* въ ней не существовало, а стало-быть названіе *ногайской,* быть можетъ, дано послѣ ухода Ногайцевъ изъ этихъ мѣстъ и послѣ занятія означенной мѣстности Натухайцами. Въ данномъ случаѣ неизвѣстное для народа древнее сооруженіе пріурочено къ послѣдней исторической борьбѣ, оставившей въ памяти народной еще свѣжіе слѣды. Такъ часто бываетъ съ археологическими памятниками и въ другихъ мѣстахъ и у другихъ народовъ: „Мамаево поле", „Мамаевъ курганъ" очень часто встрѣчаются на Дону; въ Смоленской губерніи древніе курганы, по убѣжденію крестьянъ, насыпаны французами въ 1812 году.

Но возвращаюсь къ преданіямъ Натухайцевъ.

Перевальная гора, на которой расположены двѣ станицы Старо-Баканская и Ново-Баканская, называется — „Чугуледжъ" (бѣлая лошадь). По словамъ Кадрикова у Натухайцевъ сохранились преданія объ уходѣ народа съ этой горы. На дорогѣ, пересѣкающей эту гору, находится, по словамъ Кадрикова, большой курганъ, который прозванъ черкесами—„Забвеніемъ", и прозвали его такъ по слѣдующему поводу:

одинъ черкесъ долженъ былъ ради кровавой мести убить другаго; съ этой цѣлью онъ поѣхалъ по Баканской дорогѣ, зная, что недругъ его поѣдетъ по той-же дорогѣ на встрѣчу; но встрѣтилились они у самаго кургана и другъ друга не замѣтили, потому что одинъ объѣзжалъ курганъ съ одной стороны, а другой съ противоположной. Такъ курганъ загородилъ соперниковъ, и они разъѣхались, и мести не было.

Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, преданіе подчеркиваетъ значеніе этой Баканской дороги, соединяющей двѣ важныхъ мѣстности—бассейнъ Кубани съ страной приморской: Баканская дорога, такимъ образомъ, служитъ связующимъ звеномъ между сѣтями дорогъ въ каждой изъ этихъ мѣстностей—на ней можно встрѣтиться, но, разъѣхавшись, трудно уже ожидать встрѣчи. Что-же касается до названія „Чугуледжъ“, то врядъ-ли его нельзя пріурочить къ тому-же кургану, такъ какъ у Черкесовъ „бѣлая лошадь“ появляется иногда надъ курганомъ.

Какъ преданіе о Гуденъ-Кале, такъ и преданіе о Баканской дорогѣ относятся къ путямъ передвиженія изъ области Кубани въ приморскую.

Собственно къ приморской или Натухайской области относится одно, уже разсказанное мною выше, преданіе о св. Георгіи (Газыръ-Тали), разсѣкшемъ камень, находящійся недалеко отъ Раевской станицы. Вспоминая это преданіе и сравнивая его, напр., съ преданіемъ о Гуденъ-Кале, можно замѣтить въ основѣ полное отсутствіе родства между ними. Такъ, преданіе о Гуденъ-Кале выставляетъ на видъ хитроумность и плутоватость героя преданія. Св. Георгій, въ другомъ преданіи, проклинаетъ за воровство—„Вы всегда будете *воры*“. Здѣсь уже слышится христіанская мораль, связанная съ именемъ того святаго, котораго искони почитали на черноморскихъ берегахъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ могли говорить пророки, а въ новыя времена—проповѣдники-моралисты. Мнѣ кажется, что вообще такого рода преданіе не могло образоваться въ средѣ Натухайскаго народа — оно относится къ чужой народности, потому что только чужакъ могъ заклясть ихъ на вѣчное воровство.

Въ Имеретіи приходилось слышать о мингрельцахъ, что они украли калабаны (башмаки) даже у Апостола Андрея Первозваннаго. Невозможно думать, чтобы сами мингрельцы были авторами этого обиднаго для нихъ измышленія. Но, чтобы ближе познакомиться съ характеромъ натухайскихъ преданій, мнѣ остается передать разсказы о нартахъ, непріуроченные уже къ извѣстной мѣстности.

Жили были четыре брата—нарта; узнали они, что по близости отъ нихъ живетъ *сильный нартъ* и рѣшились тогда погубить своего сильнаго сосѣда, для чего и пригласили его къ себѣ на пиръ. Когда пріѣ-

халъ сильный нартъ къ четыремъ братьямъ въ гости, то на столъ подали большой сосудъ, наполненный *брагой,* но въ сосудѣ была также и змѣя. Тогда старшій изъ братьевъ сказалъ, что пить брагу прежде всѣхъ долженъ гость молодой, который въ первый разъ пріѣхалъ въ гости (хозяинъ не зналъ, что пріѣхавшій былъ его сынъ). Гость дѣйствительно сталъ пить брагу и зубами раздавилъ змѣю. Выпивши всю брагу, онъ пустой сосудъ съ раздавленной змѣей показалъ хозяевамъ и этимъ обличилъ ихъ коварство. Потомъ въ гнѣвѣ онъ выгналъ всѣхъ хозяевъ за дверь. Испуганные братья рѣшились разойтись въ разныя стороны, подальше отъ такого опаснаго сосѣда.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что въ этомъ разсказѣ слышится основной мотивъ разселенія племенъ.

Слѣдующее преданіе о другомъ молодомъ нартѣ не только разсказывается, но и поется въ пѣснѣ.

Жили два нарта; одинъ изъ нихъ убилъ другаго. У убитаго остался маленькій сынъ, незнавшій ничего о судьбѣ своего отца. Играя часто съ „*простыми*“ дѣтьми, онъ сталъ обижать ихъ, потому что былъ сильнѣе всѣхъ. Однажды одинъ изъ старшихъ по возрасту мальчиковъ сказалъ маленькому нарту: „Что ты все насъ обижаешь! лучше бы ты отомстилъ за смерть своего отца“. Тогда только мальчикъ-нартъ узналъ, что его отецъ кѣмъ-то убитъ, и мальчикъ отъ этой новости очень огорчился. Онъ пришелъ домой и просилъ у матери дать ему поѣсть; мать подала ему горячій кисель на сковородѣ, сдѣланный изъ овсяной муки. Мальчикъ схватилъ руку матери и хотѣлъ опустить эту руку въ горячій кисель... „Что ты дѣлаешь? закричала мать, вѣдь ты обожжешь мнѣ руку!“—Да, я обожгу ее, если ты мнѣ не скажешь, кто убилъ моего отца—я хочу отомстить!“ Мать тогда открыла сыну, что убійца его отца—старый и сильный нартъ. Сынъ взялъ тогда вооруженіе отца и поѣхалъ отыскивать этого стараго нарта. И вотъ въ то же время старый одноглазый нартъ сталъ во снѣ вздрагивать и пугаться. „Чего ты пугаешься?“ спрашивала стараго нарта его жена.—Я убилъ одного нарта—своего врага—отвѣчалъ тотъ,—у него остался маленькій сынъ и однако я чувствую что онъ вѣрно и идетъ на меня!“

Оба нарта, старый и молодой, сошлись въ степи и три дня пускали другъ въ друга стрѣлы—тогда ружей не было.

У стараго нарта былъ чудесный *камень*, которымъ онъ натиралъ свои раны—и раны тотчасъ заживали. У маленькаго нарта такого камня не было, оттого онъ отъ полученныхъ ранъ на третій день изнемогъ. Тогда старый нартъ привязалъ его къ хвосту своей лошади

и такимъ образомъ приволокъ его домой, гдѣ и бросилъ его въ своемъ дворѣ съ тѣмъ, чтобы плѣнника растерзали собаки. Когда старый нартъ вошелъ въ свою саклю, то жена спросила у него, кого онъ привезъ. — „Собаку, и отдалъ собакамъ!“ отвѣчалъ тотъ. Когда мужъ заснулъ, жена тайкомъ отправилась во дворъ и увидала тамъ израненнаго молодаго нарта.— „Знать онъ сильный нартъ, если мой мужъ бился съ нимъ“ подумала она. Ей стало жалко молодаго нарта, и она тайно принесла ему тотъ чудесный камень, которымъ мужъ исцѣлялъ свои раны. Благодаря тому камню, мальчикъ скоро выздоровѣлъ, а она тайкомъ держала его въ ясляхъ. Между тѣмъ мужъ опять сталъ во снѣ просыпаться и вскрикивать. „Что ты вскрикиваешь?“, успокоивала его жена, „вѣдь молодаго нарта съѣли собаки“. „Я чувствую, что на меня идетъ врагъ“, говорилъ мужъ. Когда старый нартъ заснулъ, молодой нартъ вошелъ въ спальню, схватилъ мечъ и стрѣлы хозяина и убилъ его.

Чудесный камень, который имѣетъ свойство исцѣлять раны, относится къ характернымъ преданіямъ востока, гдѣ съ глубокой древности замѣчается вѣра въ силу разныхъ чудесныхъ камней.

Въ преданіяхъ натухайцевъ, кромѣ нартовъ-богатырей, представителей физической силы, существовали хитрецы—Савъ-Сераки. Къ такимъ типамъ хитроумныхъ Савъ-Сераковъ относится и хитрый герой разсказаннаго уже мною преданія о крѣпости Гуденъ-Кале. Но между Савъ-Сераками въ особенности славился хитроумный Асереджъ. Про него преданіе разсказываетъ слѣдующее.

Жили вмѣстѣ три—четыре Савъ-Серака, и вотъ узнали они, что противъ нихъ идетъ сильный нартъ, съ которымъ имъ, пожалуй, и не справиться. Тогда они обратились къ хитроумному Асереджу, прося избавить ихъ отъ предстоящей бѣды. Асереджъ обѣщался исполнить ихъ просьбу и самъ отправился на встрѣчу къ враждебному богатырю—нарту. Встрѣтивъ на дорогѣ этого нарта, Асереджъ сталъ его увѣрять, что безумно идти ему противъ Савъ-Сераковъ, а лучше прежде испробовать свою силу.— „Какъ же испробовать?“ спросилъ довѣрчивый богатырь Асереджа. „Наноси соломы въ рѣку столько,“ продолжалъ Асереджъ, „чтобы этой соломы хватило до верху воды, а самъ стань тогда въ воду по шею и напусти туда такого холода, чтобы вся вода замерзла. Если тогда сможешь вылѣзти изъ рѣки, то, значитъ, ты можешь смѣло совладать съ Савъ-Сераками.“ Богатырь - нартъ исполнилъ все, что́ совѣтовалъ Асереджъ, но когда напустилъ холода, то самъ примерзъ въ этой водѣ по шею. Тогда Асереджъ сказалъ братьямъ о положеніи нарта, и тѣ тотчасъ прибѣжали и отрубили нарту голову.

Какъ въ первомъ преданіи, такъ и въ этомъ слышится сочувствіе не къ физической силѣ нарта, а къ хитроумію вѣщаго Асереджа. Вообще, сознаніе превосходства умственной силы надъ физической выражается въ обоихъ преданіяхъ.

Нужно замѣтить при этомъ, что Асереджъ пользуется до сихъ поръ особой любовью черкесовъ. Когда въ станицѣ Суворовской, желая провѣрить разсказы Кадрикова, я спросилъ собравшихся черкесовъ объ Асереджѣ, то они наперерывъ и съ восторгомъ торопились разсказать мнѣ о его подвигахъ.

Предоставляя спеціалистамъ сдѣлать подробную оцѣнку собраннаго мною матеріала о нартахъ, я считаю умѣстнымъ въ заключеніе отчета упомянуть еще о нѣкоторыхъ памятникахъ, которыхъ мнѣ хотя и не удалось изслѣдовать, но съ которыми все-таки пришлось познакомиться.

Возлѣ Натухайской ст., по направленію къ юговостоку, въ болотистой равнинѣ, поросшей густымъ кустарникомъ, замѣчено мною сооруженіе, напоминающее основаніе конуса, составленное изъ весьма большихъ призматической формы камней, положенныхъ уступами и имѣвшихъ форму лѣстницы.

Памятникъ этотъ потерпѣлъ большое разрушеніе.

Подобнаго рода сооруженіе, по болѣе значительной высоты, я встрѣтилъ также на горной верховой дорогѣ, ведущей изъ Натухайской ст. въ область р. Кубани. Этотъ уступчатый курганъ находился па краю обрыва; многіе камни не находились на своихъ мѣстахъ. Курганъ сильно поросъ лѣсомъ, такъ что его невозможно было измѣрить. Я могъ сдѣлать только наскоро схематическій рисунокъ этого сооруженія въ свою записную книжку.

Рис. 53.

Этотъ рисунокъ (фиг. 53), прилагаемый здѣсь къ тексту, можетъ познакомить только съ формой кургана и системой укладки камней.

Недалеко отъ Раевской станицы, къ западу, у прекраснаго источника находятся также остатки подобнаго сооруженія на возвышенной мѣстности.

Въ другую сторону отъ Раевской станицы, по направленію къ Анапѣ, верстахъ въ 7 отъ станицы, на крутомъ косогорѣ, находится такой же памятникъ. У подошвы его сохранился колодецъ съ хорошей водой.

Наконецъ, основаніе подобнаго сооруженія сохранилось верстахъ въ трехъ отъ Раевской стяницы по направленію къ югу. Эта также уступчатая каменная постройка, отъ которой, впрочемъ, сохранились только нижніе ряды камней, находится на краю равнины, надъ ключемъ превосходной воды. По другую сторону равнины холмистая мѣстность осѣняется густой рощей. По разсказамъ Кадрикова, въ этой рощѣ черкесы хоронили умершихъ отъ оспы. Что касается ключа, Кадриковъ мнѣ сообщалъ, что черкесы находили здѣсь вымываемые откуда-то ключемъ золотыя вещи, какъ напр. кольца.

У самаго ключа мнѣ пришлось замѣтить хорошо-отесанную известковую плиту съ выдающимся карнизикомъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, самая равнина, на которой находится упомянутая постройка изъ камней, покрыта глубокимъ культурнымъ слоемъ чернозема, среди котораго попадается много черепковъ и большіе камни-известняки довольно правильной формы. Вообще мѣстность эта представляется мнѣ интересной для археологическихъ изслѣдованій, но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности посвятить на это свое время.

Характернымъ признакомъ всѣхъ этихъ сооруженій можно считать то обстоятельство, что около нихъ находится всегда либо ключъ, либо колодецъ, и обыкновенно эти постройки помѣщаются на видныхъ мѣстахъ. Мнѣ кажется возможнымъ признать ихъ за сооруженія, относящіяся къ металитической эпохѣ. Въ сочиненіяхъ Фергюссона и Варинга находятся изображенія подобныхъ построекъ. По всему вѣроятію, постройки эти одновременны съ болѣе поздними долменами и съ городищемъ Ногай-Кале. Рисунки упомянутыхъ авторовъ представляютъ эти сооруженія, увѣнчанныя долменами, состоящими, впрочемъ, только изъ трехъ плитъ. Изъ числа видѣнныхъ мною этого рода построекъ, верхушки не сохранились въ цѣлости. Въ остальномъ же онѣ представляютъ такое сходство съ рисунками двухъ названныхъ авторовъ, что, пользуясь этимъ сходствомъ, для ознакомленія съ формой этихъ памятниковъ я помѣщаю (для сравненія) рисунки изъ названныхъ изданій.

Рис. 54.

Такъ рисунокъ 54 изображаетъ подобное сооруженіе въ Алжирѣ (Фергюссонъ, стр. 400, фиг. 169). Кромѣ того авторъ даетъ еще рисунки подобныхъ же сооруженій во Франціи (Sauclières, Dolmen de Bousquet à Aveyron). Прилагаемый мною къ тексту рисунокъ втораго памятника (рис. 55) (Aveyron) взятъ изъ изданія Варинга

(Stone monuments tumuli and ornament of remote ages—Waring, Лондонъ, 1870 г.).

Фергюссонъ не рѣшается эти сооруженія признать за погребальныя. Не входя въ подробное обсужденіе этого вопроса, требующаго для рѣшенія обстоятельныхъ изслѣдованій, я скажу только, что замѣченное мною сосѣдство источника или колодца возлѣ такихъ сооруженій служитъ фактомъ, говорящимъ никакъ не въ пользу ихъ погребальнаго значенія.

Наконецъ, подобнаго рода памятникъ встрѣтился мнѣ по дорогѣ изъ Раевской станицы въ бухту Сукко, отстоящую отъ станицы въ 18 верстахъ. Дорога идетъ сначала на сѣверъ, по направленію къ Анапѣ, и послѣ нѣсколькихъ верстъ круто поворачиваетъ на западъ, къ морю. При самомъ поворотѣ въ обширномъ полѣ замѣчается большой могильникъ, состоящій изъ множества невысокихъ кургановъ. Далѣе дорога идетъ по ущелью, вдоль по теченію рѣчки Сукко. На крутомъ берегу этой рѣчки находится большой курганъ, также составленный изъ камней, уложенныхъ уступами. По слухамъ, бывшій управляющій сосѣдняго имѣнія сдѣлалъ раскопку этого кургана и будто-бы нашелъ въ немъ какое-то оружіе. При осмотрѣ мною этого почти сплошнаго каменнаго сооруженія трудно было дать себѣ ясный отчетъ о его внутреннемъ устройствѣ, до такой степени раскопанныя части были завалены грудой камней. Въ одномъ только мѣстѣ мнѣ удалось замѣтить слой красноватой обожженной глины, происхожденіе которой можетъ возбуждать сомнѣніе относительно ея древности. Провѣрить слухи было невозможно, такъ какъ управляющій давно переѣхалъ куда-то изъ этихъ мѣстъ. Вообще, осмотръ раскопки не даетъ мнѣ основанія высказать какое-либо опредѣленное положеніе.

Рис. 55.

Рѣчка Сукко, впадая въ море изъ ущелья, образуетъ при устьѣ небольшую долину, на которой расположены постройки владѣльца этой

мѣстности (покойнаго гр. Лорисъ-Меликова). Задачей моей было обойти берегъ этой едва замѣтной бухты, чтобы посмотрѣть нѣтъ-ли какихъ-либо признаковъ древняго поселенія въ этой долинѣ. Осмотръ мѣстности, къ моему удивленію, убѣдилъ меня въ отсутствіи какихъ-бы то ни было слѣдовъ древнихъ поселеній. Въ долинѣ, между тѣмъ, копали ямы для фундамента какого-то зданія. Изъ осмотра этихъ ямъ я убѣдился, что вся поверхность этой долины представляетъ новое наслоеніе, образованное изъ постоянно заносимыхъ сюда рѣкой круглыхъ валуновъ. Наслоеніе это, какъ замѣтно въ разрѣзѣ ямъ, имѣетъ въ глубину около сажени. Прибрежныя скалы, состоя изъ обожженныхъ сланцевыхъ породъ, поверхность которыхъ не связана растительностью, весьма часто осыпаются и измѣняютъ тѣмъ контуры прежнихъ береговыхъ линій.

По словамъ управляющаго еще недавно, въ послѣднюю зиму, живущіе здѣсь были напуганы обваломъ огромной прибрежной скалы. Такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, съ одной стороны рѣка, приносящая періодически массу валуновъ, а съ другой — постоянная осыпка горъ настойчиво скрываютъ отъ вниманія археолога слѣды древней жизни. Уже вечеромъ, возвращаясь обратно, проѣхавши около двухъ верстъ отъ устья, я узналъ отъ рабочихъ, что въ полѣ, возлѣ рѣчки, лежитъ каменный крестъ. Еще до наступленія темноты я успѣлъ осмотрѣть и срисовать его: онъ небольшихъ размѣровъ *), высѣченъ изъ желтоватаго мягкаго известняка и отъ времени мѣстами вывѣтрился и, такимъ образомъ, утратилъ правильность очертаній. Нижняя часть креста расширяется къ основанію. Повидимому, крестъ еще недавно стоялъ стоймя, обложенный рядами камней (рис. 56).

Рис. 56.

Другой крестъ большаго размѣра, по разсказамъ рабочихъ, находился по другую сторону рѣки, въ лѣсу. Но солнце уже зашло, и быстро наступившая темнота помѣшала мнѣ осмотрѣть другой крестъ.

Помимо возможности существованія христіанскаго населенія въ этихъ мѣстахъ, крестъ пользовался почитаніемъ до позднѣйшаго времени у самихъ черкесовъ, какъ не разъ разсказываетъ объ этомъ и Белль,

*) Длина креста 5 четв., толщина 1 четв., а ширина или длина перекрестія 3 четверти.

но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно трудно утверждать, что этотъ крестъ относится къ памятникамъ христіанства. Въ изд. Фергюссона и Варинга находятся изображенія подобныхъ же крестовъ, относящихся къ разряду мегалитическихъ памятниковъ. Во всякомъ случаѣ я не берусь рѣшать этого вопроса,

Оканчивая свой отчетъ объ изслѣдованіи кавказскаго побережья Чернаго моря, я долженъ замѣтить, что добытый мною археологическій матеріалъ не даетъ мнѣ никакого основанія предположить какую-либо тѣсную культурную связь изслѣдованной мною мѣстности съ областями Кубанской и Терской. Если и можно замѣтить какое-либо сходство въ вещахъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ погребенія, то это сходство относится сравнительно къ поздней эпохѣ, опредѣляемой монетами хановъ Джанибека и Абдаллы (Раскопки г. Беренштама, а также г. Антоновича—Труды предварительн. Комитетовъ Тифлисскаго археологическаго Съѣзда). Напротивъ того, болѣе древняя эпоха могильника Кобани въ Осетіи, чрезвычайно оригинальная своимъ бронзовымъ производствомъ, является совершенно какъ-бы изолированной отъ изслѣдованной мною мѣстности; найденный мною наконечникъ бронзовой стрѣлки относится все-таки къ болѣе примитивному періоду бронзовой культуры, чѣмъ вещи изъ могильника Кобани *). Вообще, можно замѣтить, что характерныя формы бронзовой культуры Осетіи *кобанскаго типа* не проникали въ приморскую область. Въ эпоху могильника Комунты и другихъ подобныхъ въ вещахъ иногда можно замѣтить нѣкоторое сходство, какъ, напр., въ серьгахъ, но вообще и это сходство выражается въ слабой степени.

Эти факты могутъ привести къ заключенію, что приморская область, изслѣдованная мною, жила въ древности своей особенной жизнью, отдѣленная горами отъ сѣверо-восточныхъ областей Кавказа и, находясь близко моря, подчинялась вліянію другихъ народностей.

---

*) Во время печатанія отчета былъ сдѣланъ химическій анализъ этой стрѣлки г. лаборантомъ Московскаго Университета кн. Волконскимъ, и этотъ анализъ показалъ, согласно моему предположенію, что стрѣлка сдѣлана изъ чистой мѣди и никакой примѣси другаго металла въ ней не оказалось.

ОБЪЯСНЕНІЕ ФОТОТИПІЙ *).

Фототипія IX.

Вещи изъ долмена-цисты, близь Геленжика.

1. Молотъ изъ оленьяго рога съ частью отверстія для насадки на палку
2. Костяное четырехгранное остріе.
3, 5, 7. Фрагменты отъ ручекъ сосудовъ изъ черной глины.
4, 6, 8, 9, 10. Фрагменты отъ сосудовъ.
11. Кабаній клыкъ.
12. Полированный клинъ или привѣска изъ темнаго камня.
13. Челюсть собаки.

Фототипія X.

Вещи изъ гробницы въ Мысхако.

1—5. Фрагменты костяныхъ пластинокъ отъ колчана, съ изображеніемъ звѣрей.

6, 7, 8, 9, 10, 15, 16, 17, 18, 19. Фрагменты отъ того-же колчана, украшенныя коемками.

11, 12, 13, 14, 20. Фрагменты, украшенные орнаментами съ того-же колчана.

21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28. Желѣзные наконечники стрѣлъ.

Фототипія XI.

Вещи, найденныя въ Мысхако (хуторъ Пенчула).

1. Привѣска изъ лаписъ-лазури.
2. Пронизка изъ сѣроватаго халцедона.
3. Привѣска изъ янтаря.
4. Низка бусъ сердоликовыхъ и бѣлыхъ, цилиндрическихъ.

---

*) Объясненіе первыхъ восьми фототипій помѣщено въ концѣ III-й главы.

5. Пуговица бронзовая, въ формѣ бубенчика.
6. Половинка подобной пуговицы.
7. Пуговица бронзовая, дутая.
8. Подобная.
9. Бляшка бронзовая отъ пояса.
10. Колечко бронзовое.
11. Фибула бронзовая (часть отломана).
12. Бронзовое тонкое зеркало.
13. Флаконъ (алавастръ) изъ разноцвѣтнаго стекла.
14. Крестъ-тѣльникъ изъ бѣловатаго металлическаго сплава (нижній конецъ отломанъ).

Фототипія XII.

Вещи изъ гробницы въ Цемесской долинѣ.

1—5. Желѣзные наконечники стрѣлъ
6—8. Желѣзные ножи.
9—11. Пилы желѣзныя разныхъ формъ.
12. Ножъ столярный (съ загибомъ).

Фототипія XIII.

Вещи изъ могильника на хуторѣ Карпенки (Натухайская станица).

1. Серебряная пластинка отъ головнаго убора съ обронными украшеніями.
2. Серебряное украшеніе, въ формѣ лунницы, украшенной листиками изъ сканныхъ веревочекъ.
3. Серебряная дутая привѣска, украшенная сканнымъ узоромъ.
4. Серебряная розетка отъ верхней части привѣски.
5 Серебряный ажурный наконечникъ отъ нижней части привѣски.
6. Серебряной ромбической формы медаліонъ съ тремя серебр. грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ.
7. Колечко серебр. съ тремя грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ.
8, 9, 10. Серебряные пуговки, разныхъ размѣровъ.
12. 13, 14. Серебряные дутыя пуговицы, украшенныя пирамидками изъ шариковъ и сканной веревочкой.
11. Плетешекъ изъ снурка—украшеніе отъ одежды.
15. Серебряная дутая привѣска отъ серьги.
16. Серебряная серьга, украшенная серебр. ажурными шариками и бирюзой.
17. Серьга изъ металл. колечка съ пирамидкой изъ серебр. шариковъ.
18. Серьга изъ тонкой серебр. проволоки съ утолщеннымъ къ низу стержнемъ.
19. Серьга, въ видѣ колечка, изъ серебр. проволоки.
20. Серьга изъ серебр. колечка съ половинкой сер. пластинчатой привѣски.

Фототипія XIV.

Вещи изъ того же могильника.

1. Стеклянная прозрачная буса, многогранная.
2. Буса изъ глиняной массы съ поливнымъ узоромъ.
3. Привѣска изъ гагата или гешира.
4. Пронизка костяная.
5. Раковина, служившая привѣской.
6. Тройная стеклянная буса желтоватаго цвѣта.
7. Пронизка изъ сердолика.
8. Пронизка изъ кости.

9, 10, 11. Уховертка и два острія изъ бронзы (были соединены на одномъ колечкѣ).

12, 13. Бронзовые наперстки.

14. Кольцо спиральное изъ серебра.
15. Фрагментъ отъ бронзоваго перстня.
16. Желѣзное огниво.
17. Желѣзныя ножницы.
18. Литое изъ металлическаго сплава зеркало.

19, 20. Желѣзные наконечники стрѣлъ.

Фототипія XV.

Вещи изъ могильника на землѣ Полонскаго (станція Раевская).

1. Головной уборъ изъ серебр. пластинки съ обронными украшеніями.
2. Дѣтская серьга изъ золотой проволоки съ жемчужиной.
3. Фрагментъ отъ привѣски изъ ляпись-лазури.
4. Прозрачная стеклянная буса.

5, 6, 7, 8, 9, 11. Бусы изъ каменной массы и стекла.

10. Фрагментъ отъ привѣски.
12. Привѣска въ видѣ пирамидки.
13. Фрагментъ.
14. Серьга изъ серебр. проволоки съ привѣснымъ серебр. золоченымъ шарикомъ.
15. Подобная привѣска отъ серьги.

16, 17, 18, 19, 20, 21. Колечки и фрагменты отъ колечекъ—изъ серебр. проволоки.

22, 23. Серебр. спиральныя кольца, покрытыя золотой пластинкой.

24. Фрагментъ отъ серебр. колечка.
25. Фрагментъ отъ бронзовой цѣпочки.
26. Бронзовое кольцо съ узелкомъ изъ ремня.

27, 28, 29, 30, 31, 32, 33. Серебряный наборъ отъ пояса (со слѣдами позолоты).

34. Бронзовый наперстокъ.

35, 36, 37. Серебряный перстень и два гипсовыхъ слѣпка съ изображеній на немъ.

Фототипія XVI.

Вещи изъ края большаго кургана, близь станицы Раевской.

1. Фрагментъ берцовой кости.
2. Мѣдный наконечникъ стрѣлки.
3, 4, 5, 6, 7, 8. Фрагменты сосуда изъ глины свѣтло-краснаго цвѣта.

Фототипія XVII.

Вещи изъ центральной могилы того же большаго кургана.

1. Фаянсовый кувшинъ; окраска фона ярко-синяя; цвѣты красные и зеленые.
2. Чашка фаянсовая—по бѣлому фону, цвѣты зеленые, фіолетовые.
3. Подобная чашка—по бѣлому фону, цвѣты голубые.

Фототипія XVIII.

Изображеніе мраморной плиты изъ станицы Натухайской.

Фототипія XIX.

Вещи изъ большаго кургана близъ станицы Натухайской.

1. Фрагментъ отъ терракоттовой статуэтки, съ сохранившейся ступней ножки.
2. Фрагментъ отъ терракоттовой статуэтки.
3. Браслетъ бронзовый.
4. Двѣ бусы изъ стеклянной массы.
5. Фрагментъ отъ сосуда съ ручкой (поверхность красная, глянцевитая).
6. Фрагментъ отъ сосуда подобной глины.
7, 8, 9. Фрагменты отъ сосудовъ сѣроватой глины.
10. Отвѣсъ или гиря изъ красной глины.
11. Бронзовое тонкое зеркало.
12. Остріе изъ кости.
13. Обточенный черепокъ изъ красной глины.
14. Фрагментъ съ бронзоваго колечка.
15, 16, 17, 18, 19. Пряслицы изъ сѣрой и красной глины.

Фототипія XX.

Вещи изъ городища „Ногай-Кале“ и окрестностей станицы Раевской.

1. Бронзовая статуэтка Меркурія. Найдена въ полѣ близь ст. Раевской.
2. Бубеньчикъ бронзовый.
3. Бронзовый крученый стержень.
4. Бронзовыя кольца.

(2–4) Найдены въ урнѣ вмѣстѣ съ жжеными костями (хуторъ казака Кобзы).

5. Кольцо или втулка изъ бронзы. 6. Чашечка литая изъ бронзы, съ рубчатой поверхностью. 7. Остріе изъ кости. 8, 9. Тонкія бронзовыя зеркала. 10. Обточенный фрагментъ отъ сосуда красной глины. 11, 12. Клинья или топоры изъ свѣтло-зеленаго камня. 13. Бусы изъ стекла и каменной массы съ черными глазками.	Вещи изъ городища „Ногай-Кале".

Фототипія XXI.

Вещи изъ городища „Ногай-Кале" (ст. Раевская).

1. Фрагментъ отъ большаго сосуда съ красной глянцевитой поверхностью и *очковымъ* орнаментомъ.

2—6. Ручки отъ большихъ сосудовъ красноватой и сѣроватой глины.

7—10. Пряслицы или пронизки изъ глины красноватой и сѣроватой.

Фототипія XXII.

Вещи изъ того же городища.

1. Ручка отъ амфоры съ греческимъ клеймомъ.
2. Двойная ручка отъ большой амфоры.
3. Фрагментъ ручки отъ большаго сосуда.
4, 5, 7, 8, 10. Ручки отъ сосудовъ, небольшихъ размѣровъ.
6. Пряслица изъ глины.
9, 16. Два маленькихъ сосудика сѣроватой глины.

Фототипія XXIII.

Вещи изъ того же городища.

1. Фрагментъ черепицы красной глины.
2. Фрагментъ черепицы подобной глины.
3. Фрагментъ каменной плиты съ рубчатымъ орнаментомъ.

Фототипія XXIV.

Вещи изъ того же городища.

1. Желѣзный мечъ.
2, 3, 4. Желѣзные наконечники копій.
6, 8. Фрагменты желѣзныхъ наконечниковъ отъ копій.
5. Желѣзное остріе въ формѣ долота.
7. Желѣзное остріе.
9. Желѣзный крючокъ.

Фототипія XXV.

1. Планъ окрестностей ст. Раевской и гор. Ногай-Кале (копія съ плана въ Кубанской межевой канцеляріи).

2. Планъ городища Ногай-Кале и окрестностей (копія съ плана ст. топографа Махмета).

3, 4. Большія амфоры изъ городища Ногай-Кале.

Фототипія XXVI.

Вещи изъ разныхъ кургановъ.

1. Стеклянный сосудъ.

2—3. Подобной формы стеклянные сосуды съ слѣдами контурныхъ орнаментовъ краснаго цвѣта.

4. Подобный сосудъ украшенъ пояскомъ изъ арабской золоченой надписи и круглыхъ медаліоновъ голубаго цвѣта.

5. Фрагментъ отъ сосуда зеленоваго стекла.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К⁰ въ Москвѣ

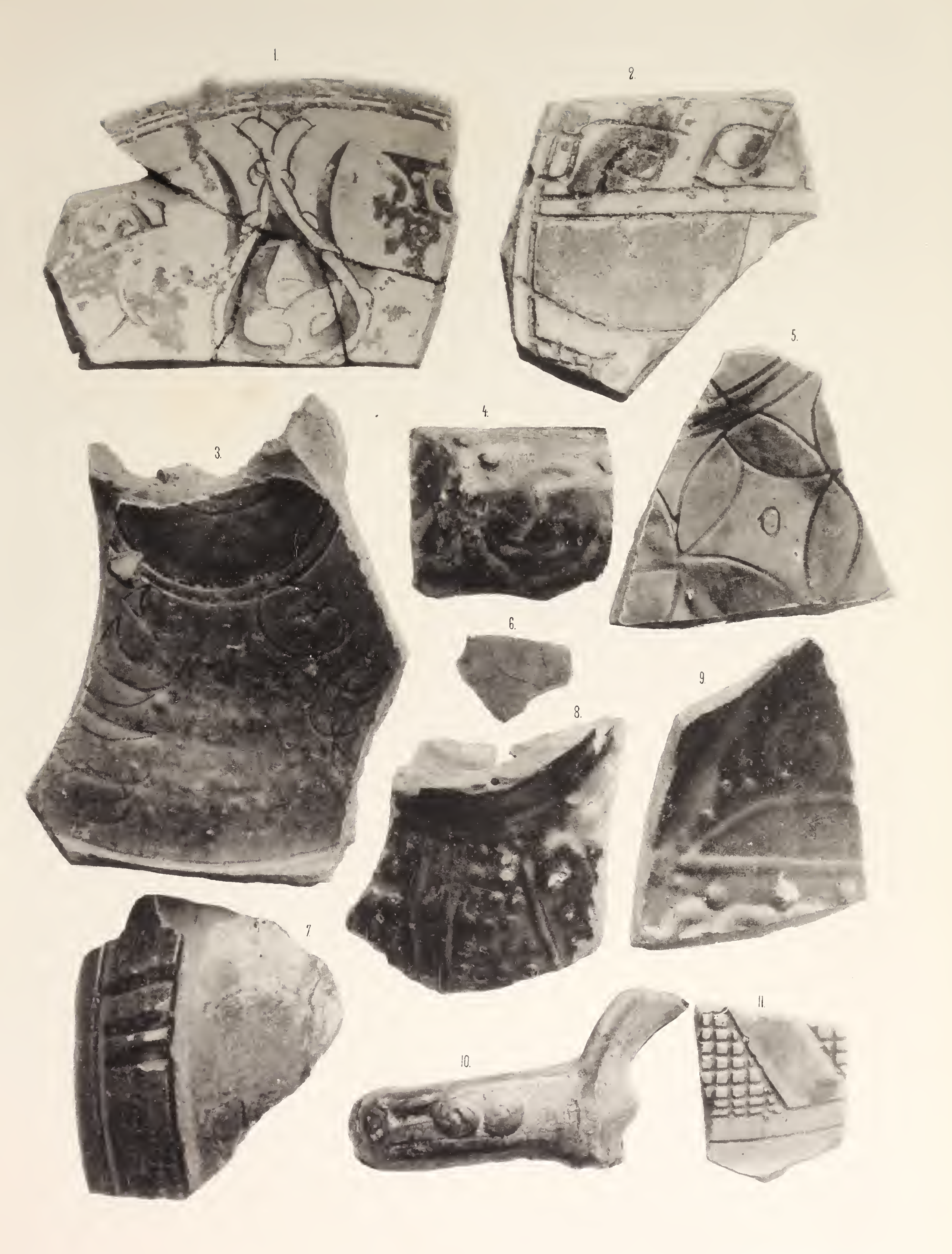

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

[illegible] a été d'abord [illegible] a reconnu [illegible] un produit de l'industrie locale, [illegible] alors que la Crimée avait des relations commerciales avec [illegible] et l'Égypte

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К°. Москва

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº въ Москвѣ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. въ Москвѣ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шereръ, Набгольцъ и Ко. въ Москвѣ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Фототипия Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

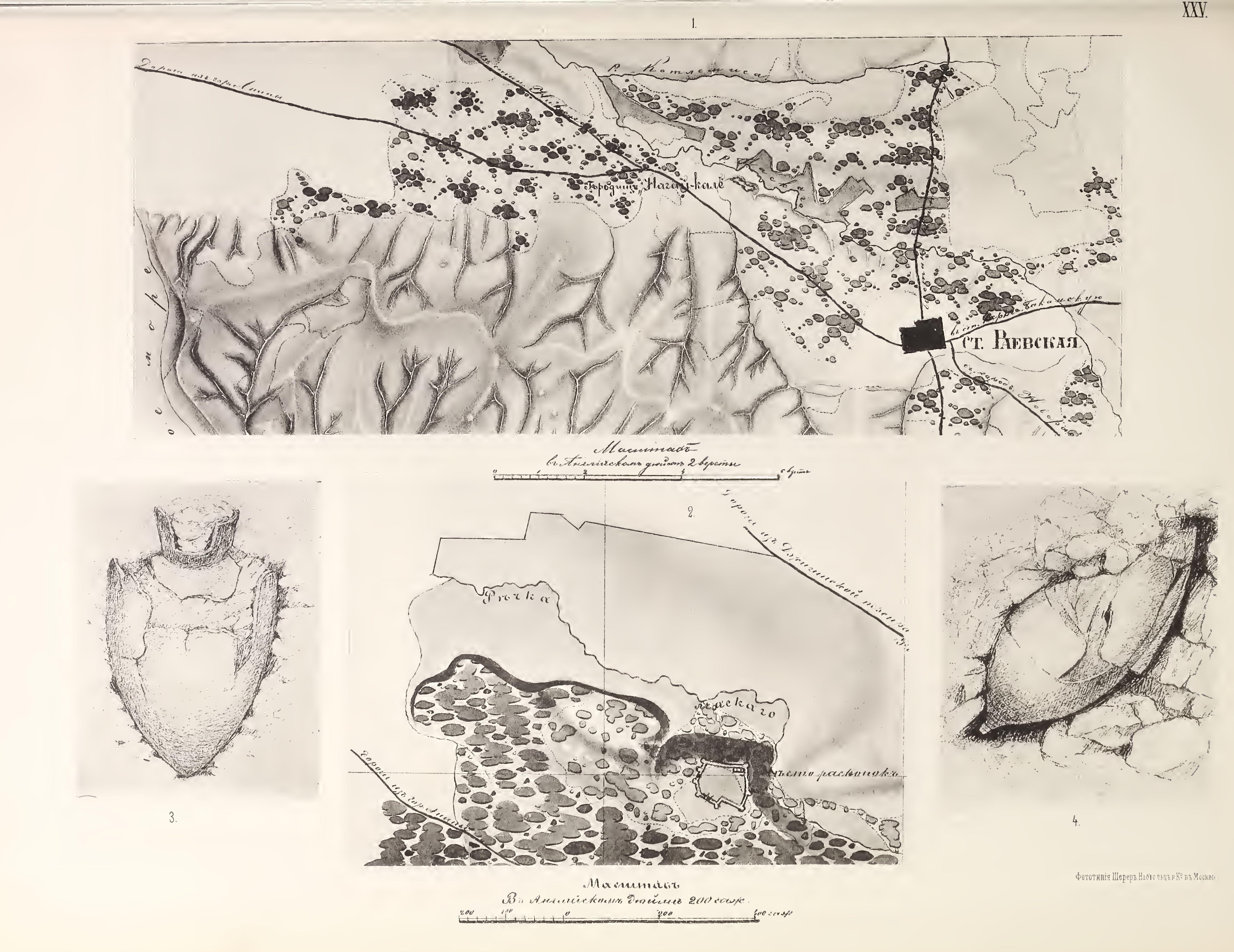
Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипия Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и Кº въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЛИТОГРАФИРОВАННЫХЪ ТАБЛИЦЪ.

Таблица I.

Рис. 1, А. Боковой видъ долмена въ с. Джубѣ.
В. Планъ того-же долмена.
Рис. 2. Развалины Стараго Сухума.

Таблица II.

Рис. 1, А. Планъ крѣпости „Мамай-Кале“ близь Сочи.
В. Кладка стѣны у входа въ башню той-же крѣпости.
В. Часть стѣны съ нишей въ той-же крѣпости.
Рис. 2. Планъ г. Сухума (А—раскопки на Ольгинской улицѣ; В—у казармъ; С—замокъ Баграта.
Рис. 3, А. Лицевая сторона медаліона изъ олова.
В. Оборотная сторона того-же медаліона.
Рис. 4, А. Изображеніе съ лицевой стороны бронзовой фигуры.
Б. Обратная сторона той-же фигуры.
С. Профиль той-же фигуры.

Таблица III.

Рис. 1, А. Видъ долмена близь ст. Натухайской.
В. Планъ раскопки того-же долмена.
Рис. 2, А. Видъ долмена близь Геленджика.
Б. Планъ того же долмена.

Таблица IV.

Рис. 1. Видъ гробницы близь Новороссійска по дорогѣ въ Мысхако
Рис. 2. Разрѣзъ той-же гробницы.

Таблица V.

Рис. 1. Видъ могильника у м. Мысхако.
Рис. 2. Разрѣзъ курганчика съ урной, прикрытой камнями
Рис. 3, А. Нижняя часть погребальной урны.
В. Реставрированная форма урны.
С. Положеніе урны въ курганчикѣ.

Таблица VI.

Рис. 1. Гробница изъ каменныхъ плитъ въ курганѣ м. Мысхако.
Рис. 2. Два желѣзныхъ наконечника копій (хут. г. Пенчула въ Мысхако).
Рис. 3. Фрагменты желѣзнаго свѣтца (изъ той-же мѣстности).
Рис. 4. Небольшая амфора красной глины (изъ той-же мѣстности).

Таблица VII.

Рис. 1. Вертикальный разрѣзъ кургана (Цемесская долина).
Рис. 2, А, В, С—наружныя формы кургановъ той-же мѣстности.
Рис. 3. Гробница изъ каменныхъ плитъ, очищенная отъ земляной насыпи—той-же мѣстности.

Таблица VIII.

Рис. 1. Гробница изъ каменныхъ плитъ въ краю кургана (хуторъ Карпенки, близь ст. Натухайской).
Рис. 2, А. Положеніе сосуда и черепа въ углу гробницы того-же могильника.
В. Положеніе костей въ одной изъ гробницъ того-же могильника.
С. Положеніе костей въ другой гробницѣ того-же могильника.
Рис. 3, А. Вертикальный разрѣзъ кургана того-же могильника.
В. Планъ кургана съ пятью гробницами—того-же могильника.

Таблица IX.

Рис. 1. Видъ могильника съ менгиромъ у края кургана (хут. Ткачева, бвизь кт. Раевской).
Рис. 2. Вертикальный разрѣзъ кургана съ менгиромъ.

Таблица X.

А, В. Кладка изъ камня внутри насыпей большаго кургана у ст. Натухайской.

Таблица XI.

Видъ раскопки городища „Ногай-Кале", близь ст. Раевской.

Таблица XII.

А, В. Кладка стѣнъ въ городищѣ „Ногай-Кале".

Таблица XIII.

А. Внутренность комнаты съ амфорами, засыпанной камнями и щебнемъ (Ногай-Кале).
В. Планъ всей раскопки въ томъ-же городищѣ.

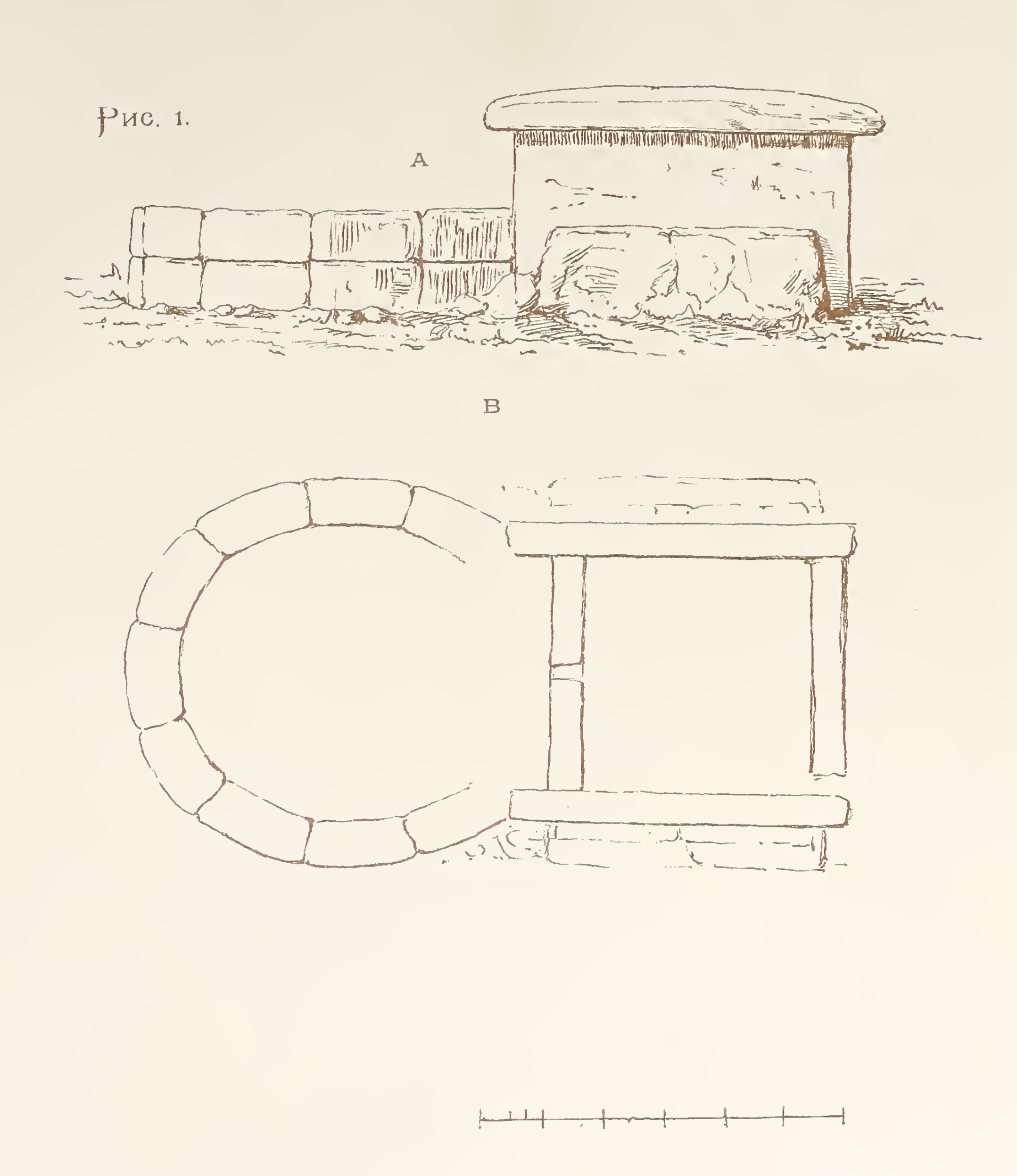

Рис. 2.

Рисунокъ 1. А. Долменъ въ с. Джубѣ. в Планъ долмена. Рис. 2. Развалины стараго Сухума.

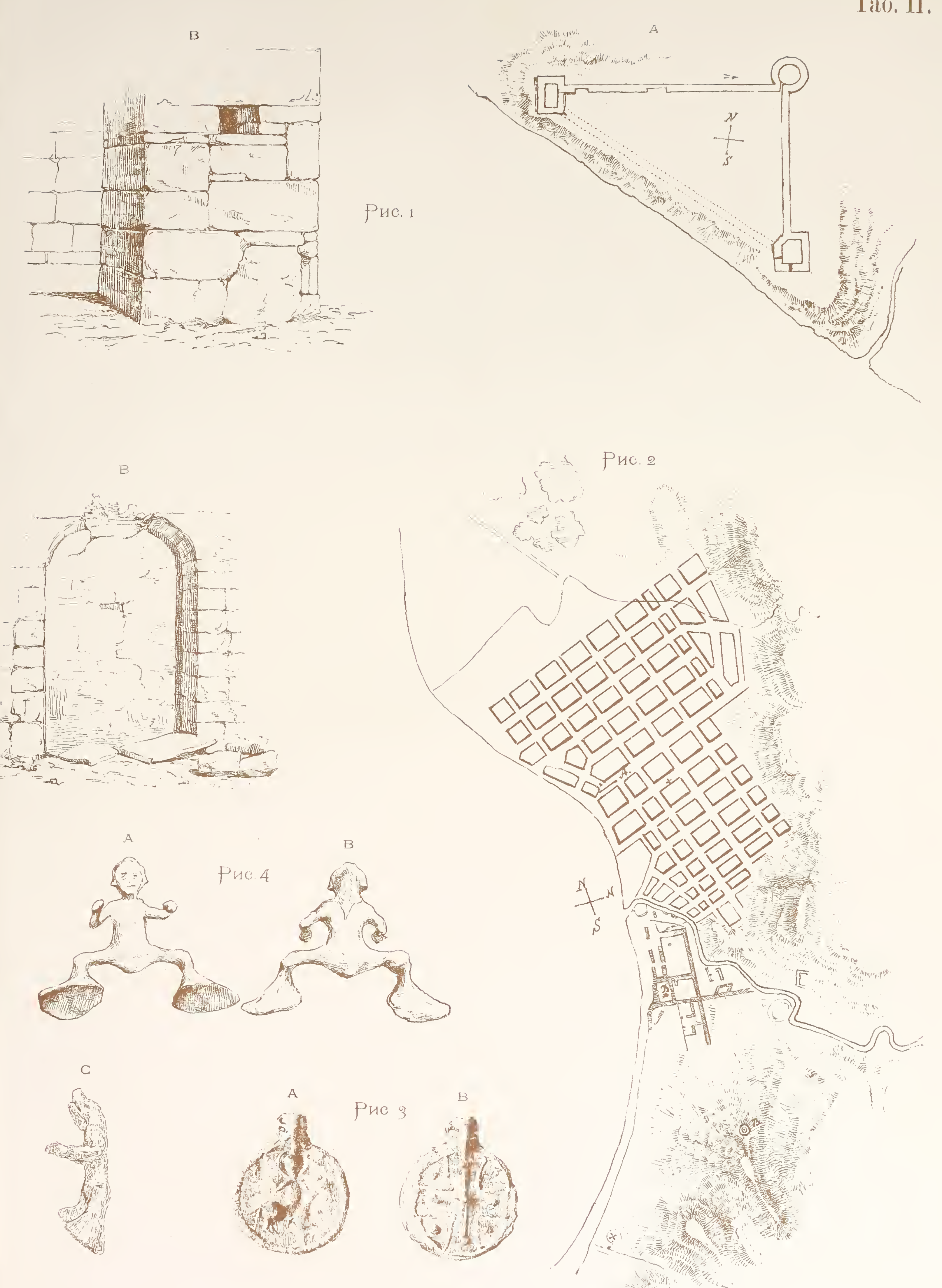

Рис 1 а Планъ крѣпости Мамай-Кале в в Кладки стѣнъ въ кр. Мамай-Кале.
Рис. 2 Планъ Сухума. А Раскопки на Ольгинской улицѣ, в Раскопки у казармъ, с Замокъ Баграта
Рис. 3 А в Медаліонъ изъ олова. Рис. 4 А в с Бронзовая ручка.

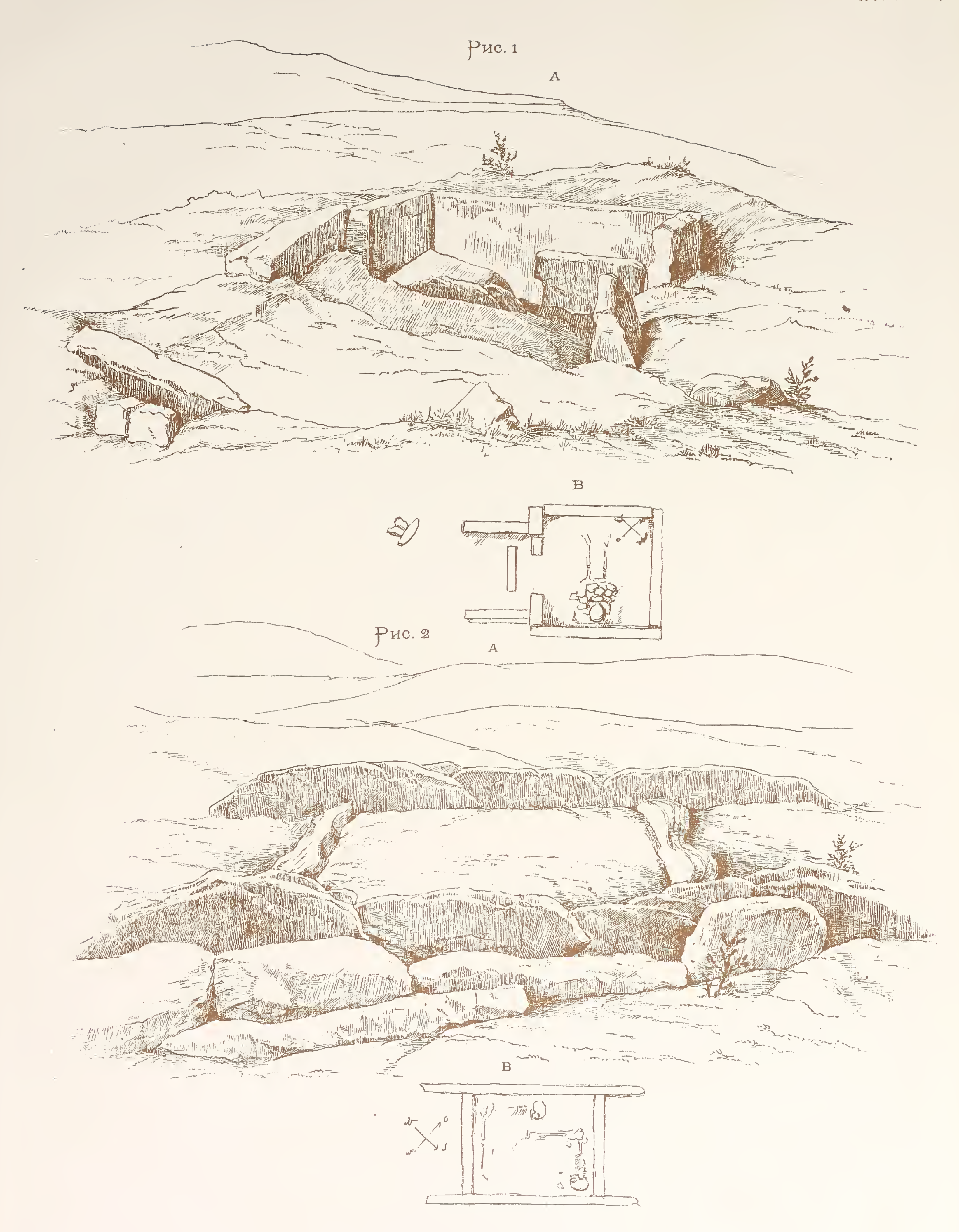

Рис. 1 А Гробница-циста. (Ст. Натух.) В Планъ цисты.

Рис. 2 А Гробница-циста. Геленджикъ. В Планъ цисты.

Рис. 1

Рис. 2

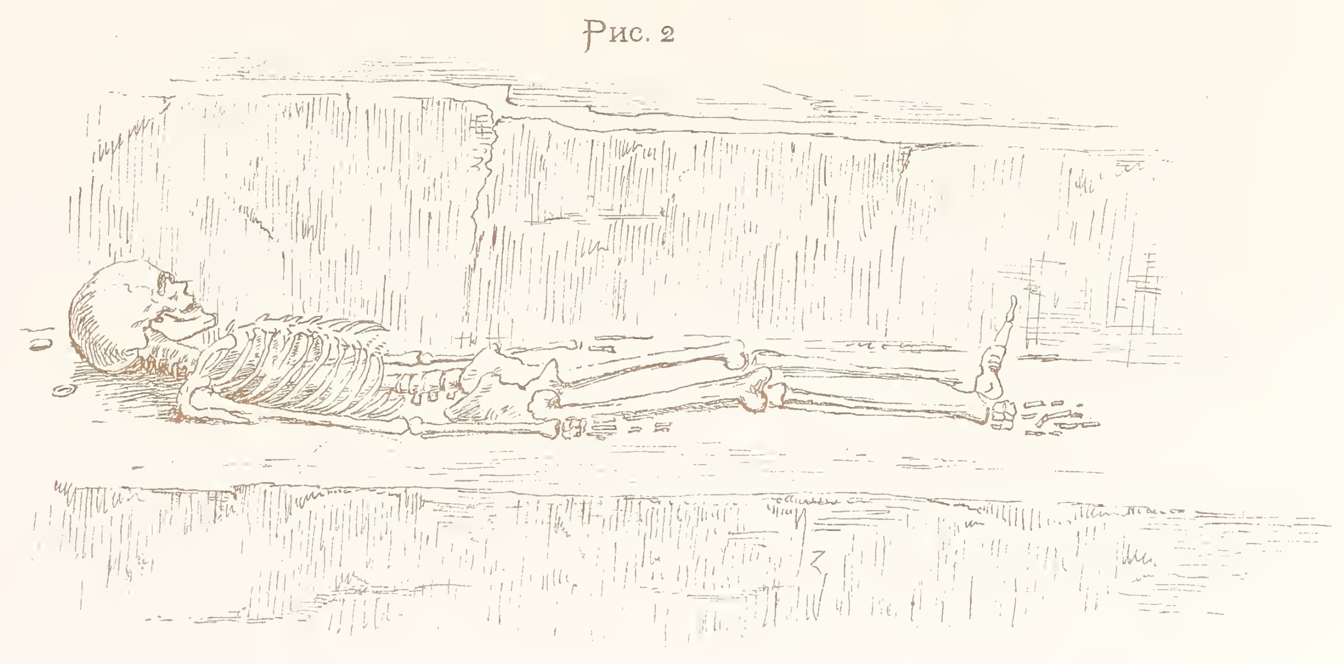

Рис. 1 Гробница. Рис. 2 Положеніе скелета.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

A

B

C

Рис. 1 Могильникъ въ Мысхако. Рис. 2 Курганчикъ съ урной.

Рис. 3 A B C Урны погребальныя.

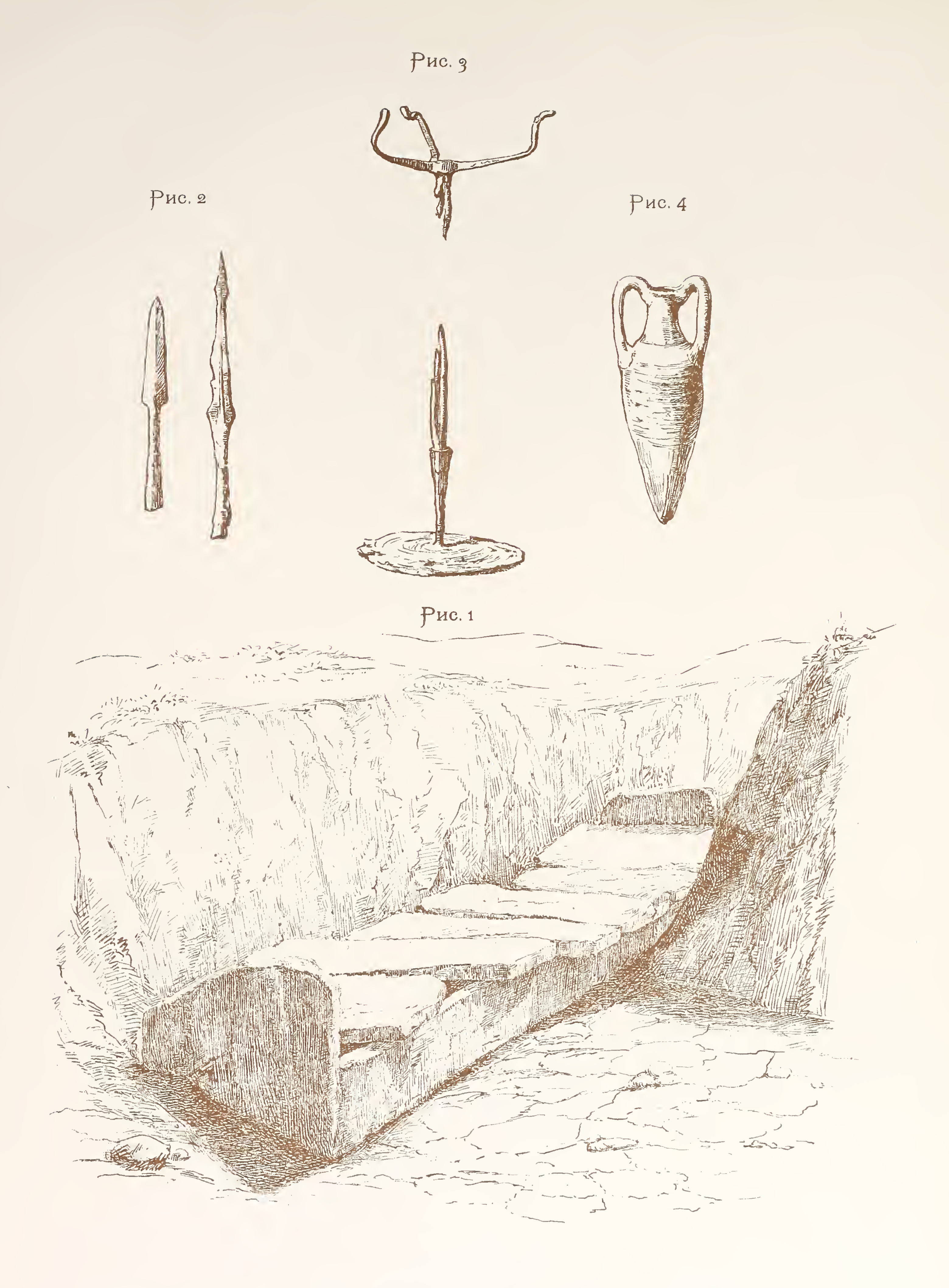
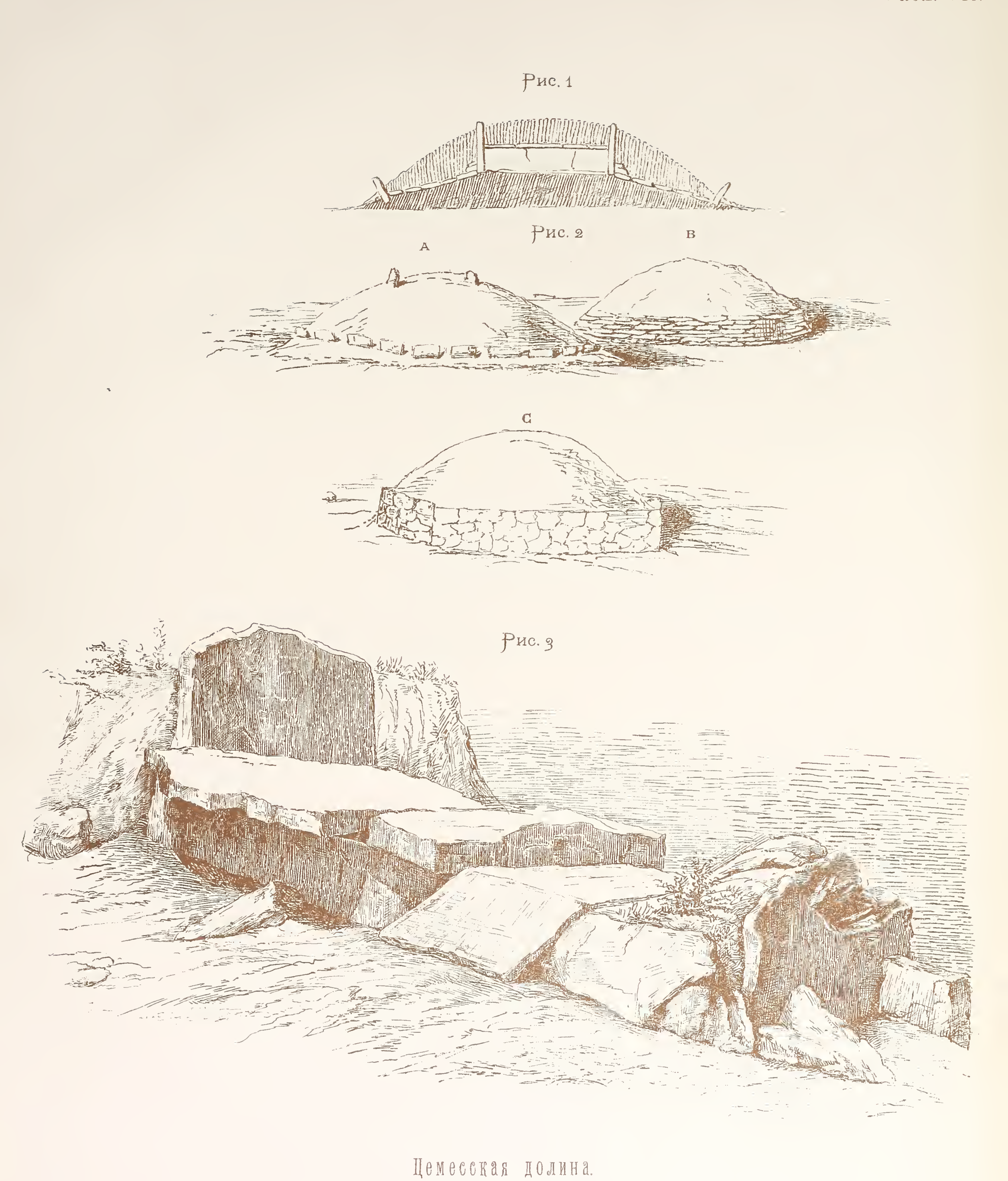

Рис. 1 Гробница. Рис. 2 Копья. Рис. 3 Свѣтецъ. Рис. 4 Урна.

Цемесская долина.

Рис. 1 Разрѣзъ кургана. Рис. 2 A B C Курганы.

Рис. 3 Гробница въ курганѣ.

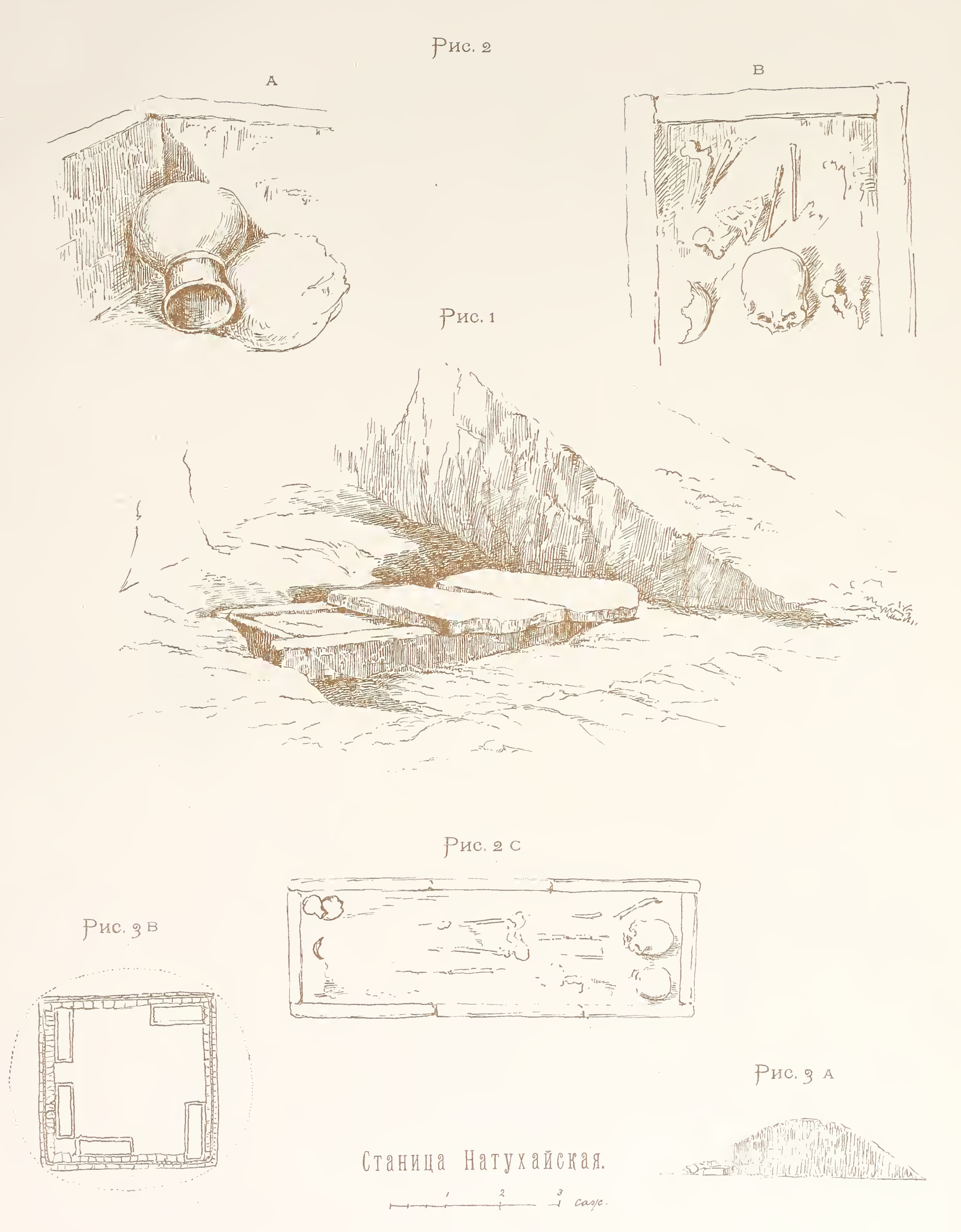

Рис. 1 Гробница. Рис. 2 A B C Внутренность гробницы.

Рис. 3 A Разрѣзъ кургана. B Планъ.

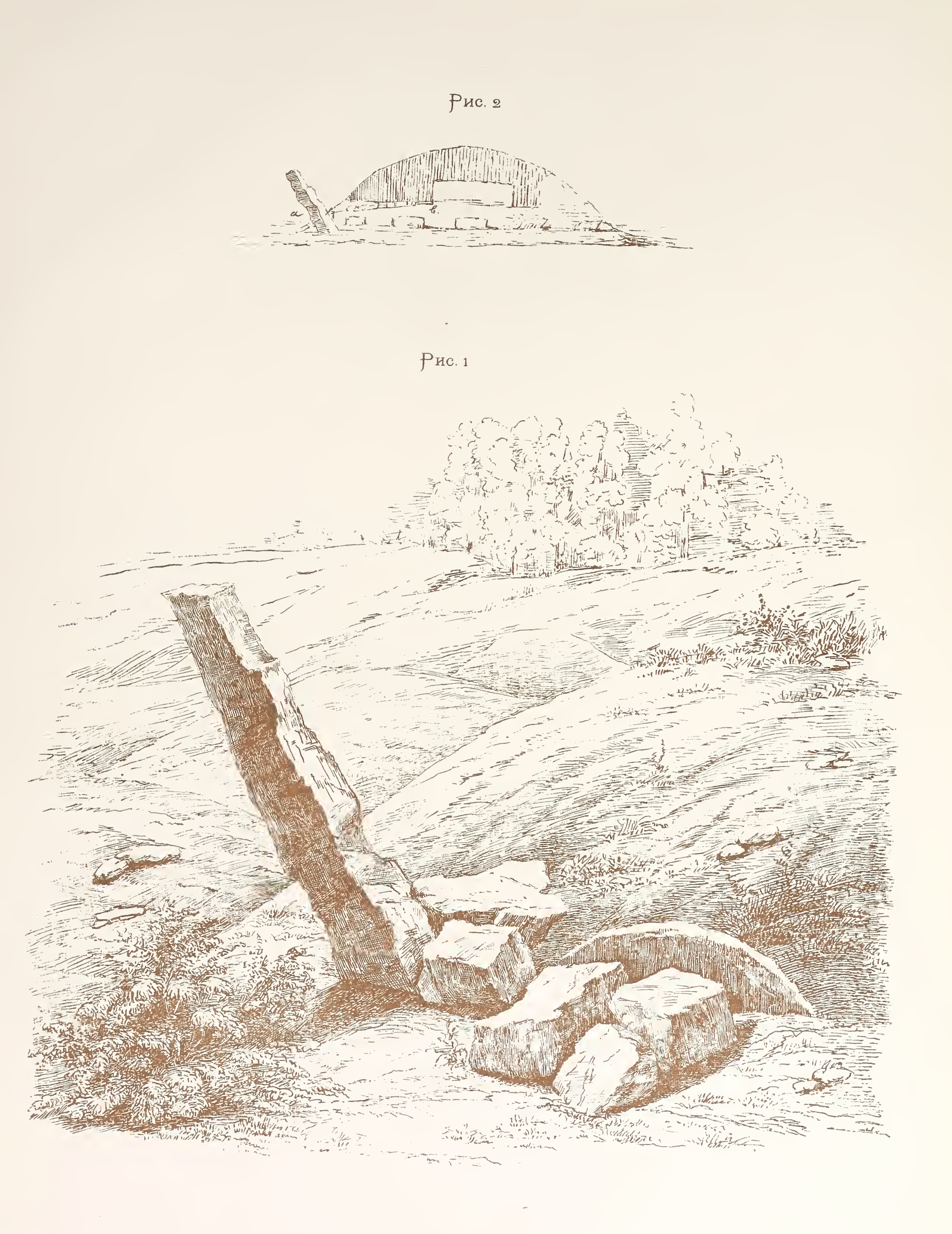

Рис. 1 Курганъ съ менгиромъ. Рис. 2 Разрѣзъ кургана.

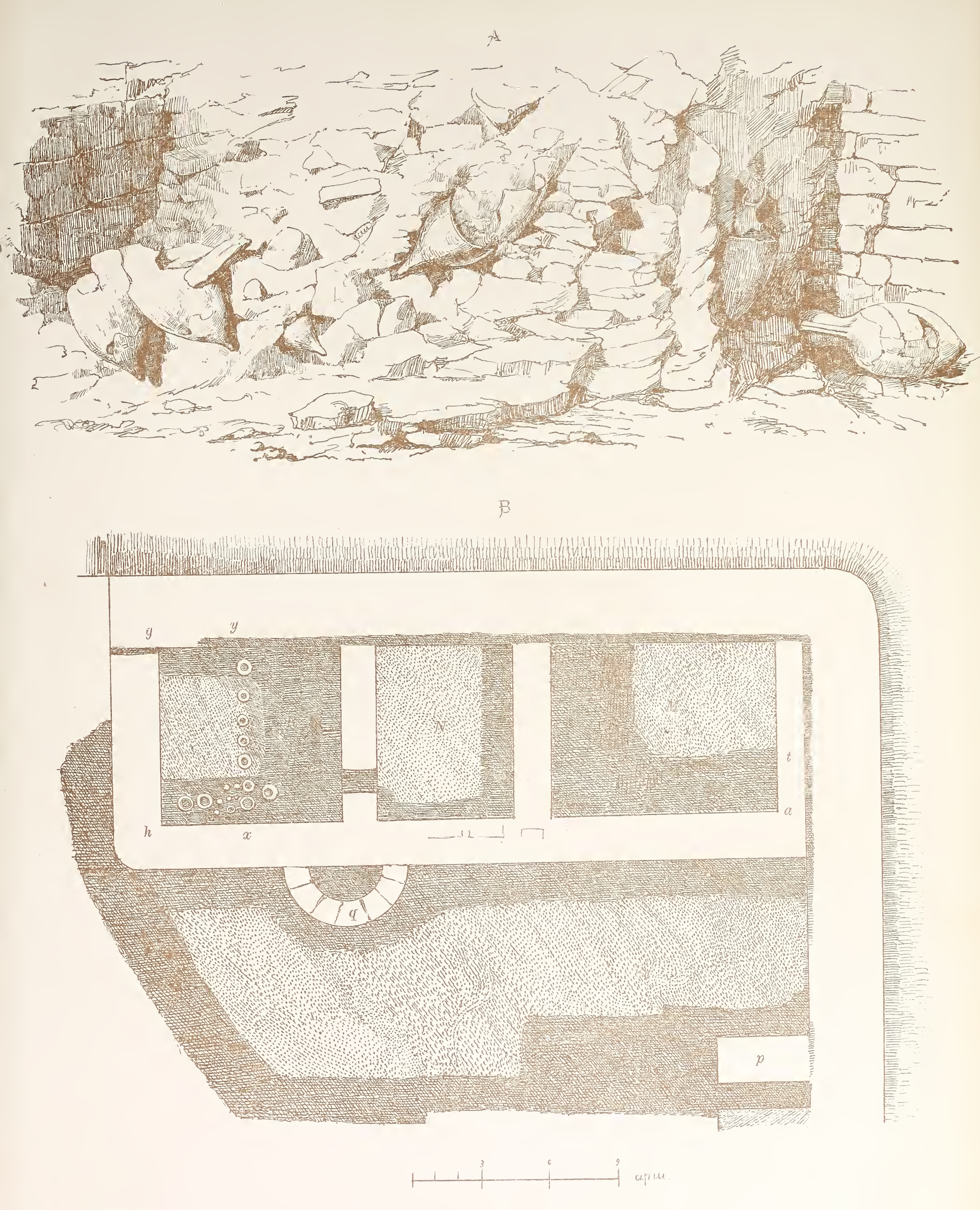
Раскопки большаго кургана близь Натухайской станицы. A. B.

Раскопки городища близъ станицы Раевской.

Раскопки городища близь станицы Раевской.

Раскопки городища близъ станицы Раевской А. B.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

